

—АРТЁМ ЗИМИН—

ПУТЬ
НЕКРОМАНТА

Книга первая. Выбор

Артём Зимин

Путь некроманта: Выбор

«Автор»

2026

Зимин А.

Путь некроманта: Выбор / А. Зимин — «Автор», 2026

Кай вернулся домой слишком поздно. Мать исчезла после набега орков. Деревня живёт в страхе. Церковь охотится на тех, кто владеет запретной магией. А сам Кай — некромант, ученик архимага, человек, за которого уже назначили бы награду, узнай кто-нибудь правду. Чтобы найти мать, ему придётся идти туда, куда не решаются даже опытные охотники. Поднимать мёртвых. Заключать опасные союзы. И снова выбирать: остаться человеком — или стать тем чудовищем, которого в нём давно видят другие.

© Зимин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Родная гавань	5
Глава 2. Бегство из империи	28
Глава 3. В плену воспоминаний	43
Глава 4. Цена спасения	68
Глава 5. Злость, скорбь и новая работа	98
Глава 6 Подготовка к битве	126
Глава 7. Битва	161
Глава 8. Загнанный зверь.	192
Глава 9. Осколки Гримфорда	222

Артём Зимин

Путь некроманта: Выбор

Глава 1. Родная гавань

Дом — не там, где ты родился.

Дом — там, где твоё сердце

перестает дрожать.

Из записей Кая

Кай был в пути уже больше недели.

Усталость не слишком его тревожила. Молодое тело легко переносило долгие часы в седле, холодные ночёвки и скудную еду. Куда хуже было с мыслями. Они возвращались снова и снова — к матери, к её лицу, которое за пятнадцать лет могло измениться до неузнаваемости, и к последним словам наставника.

Аврелий велел ему не приближаться к родной деревне.

Не советовал. Не просил быть осторожным. Именно велел.

Кай повторял это про себя всю дорогу и всю дорогу находил оправдания. Разве сам наставник не говорил, что маг вправе выбирать свой путь? Что слепое послушание хорошо для солдата, но не для того, кто владеет искусством? Может быть, запрет и был последней проверкой. Может быть, Аврелий хотел, чтобы ученик сам понял: иногда приказ нужно нарушить, если совесть требует иного.

К вечеру дорога поднялась на пологий холм, и Кай остановил лошадь.

Внизу лежала деревня.

Та же самая — и всё-таки чужая.

Дома по-прежнему жались друг к другу у края леса, над крышами тянулся дым, за околицей темнела старая мельница. Но вокруг деревни теперь стоял частокол из свежих брёвен, ещё светлых, не успевших потемнеть от дождей. Над воротами поднялись две деревянные башенки для стрелков.

Кай нахмурился.

Когда он уходил, здесь была только покосившаяся ограда, больше от скота, чем от врагов.

Он спешил у ворот и взял лошадь под узцы. — Эй! Чужак! Голос раздался сверху. Кай поднял голову. Между брёвнами башенки показалось рыжее лицо стражника. — Стой, где стоишь. Кто таков и по какому делу? Кай вдруг понял, что не знает, как ответить. «Я вернулся домой» звучало странно. Домом это место было для ребёнка, которого давно уже нет. — Меня зовут Кай, — сказал он. — Я приехал навестить мать. Стражник прищурился. — Мать? Имя? — Велена. Жена охотника Гарта. За воротами кто-то негромко выругался. Потом послышался шёпот, скрип доски, тяжёлый шаг. Кай не разобрал слов, но тревога в груди стала плотнее. Засов отодвинули не сразу. Когда ворота открылись, рыжий стражник уже стоял внизу. Рядом с ним переминался с ноги на ногу совсем молодой парень с копьём. Он старался не смотреть Каю в глаза. Рыжий снял ладонь с рукояти меча и неловко почесал затылок. — Тут такое дело, парень... Даже не знаю, как сказать. Кай почувствовал, как пальцы сами сжали повод. — Что с ней? — Гарта нет уже лет восемь. Зимой погиб, на охоте. А Велена... — стражник запнулся. — Велена пропала год назад, когда орки пришли. Кай услышал каждое слово. И всё равно несколько мгновений не понимал смысла. Лошадь шагнула в сторону, повод выскользнул из его пальцев. Молодой стражник быстро подхватил его, но Кай почти не заметил. Ворота, башня, рыжая борода стражника — всё вдруг стало далёким, будто он смотрел на деревню сквозь мут-

ную воду. — Нет, — сказал он. Рыжий стражник поморщился. Не от раздражения — от беспомощности. — Я не слишком хорошо знал твоих родителей. Сходи к Даен, нашей травнице. Она с Веленой дружила. Если кто и расскажет больше, то она. Кай заставил себя вдохнуть. Воздух вошёл в грудь тяжело, с болью. Он хотел спросить сразу всё: где тело, кто видел, почему никто не спас, почему не сообщили, почему мир вообще продолжал стоять на месте, если матери больше нет. Но из горла вышло только: — Где её дом? — Иди прямо до таверны. От таверны налево и до самого края деревни. Дом с резной дверью. Не ошибёшься. Кай кивнул, хотя не был уверен, что понял. Он забрал повод у молодого стражника и пошёл вперёд. Деревня встречала его дымом из труб, запахом навоза, мокрой земли и чужими взглядами из-за занавесок. Когда-то он мечтал вернуться сюда взрослым, сильным, свободным. Теперь каждый шаг по знакомой улице казался шагом по месту, где его уже давно похоронили.

Спустя пару минут Кай остановился перед домом на окраине.

Дом был ниже соседних, но крепче. Под окнами висели связки сушёных трав, у крыльца стояла кадка с дождевой водой, а дверь украшала резьба: цветы, листья и тонкие переплетённые стебли. В детстве Кай не помнил здесь такого дома. Значит, травница действительно поселилась в деревне уже после его ухода.

Он поднял руку и постучал.

Сначала ответа не было. Потом за дверью послышались осторожные шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

Кай открыл рот, но слова застряли в горле. Ему пришлось сглотнуть.

— Меня зовут Кай. Я сын Велены. Стражник сказал, что вы знали мою мать.

За дверью стало тихо.

Так тихо, что Кай услышал, как где-то за домом скрипнул журавль колодца.

Наконец засов отодвинулся.

На пороге стояла женщина лет сорока с небольшим. Не молодая, но всё ещё красивая — с тёмными волосами, собранными на затылке, внимательными глазами и руками, на пальцах которых темнели следы травяного сока. Она хотела что-то сказать, но, всмотревшись в лицо Кая, побледнела.

— Веленины глаза, — тихо произнесла она.

Кай почувствовал, как внутри всё снова оборвалось.

— Вы знали её?

Женщина кивнула. Не сразу. Словно прежде ей нужно было справиться с собой.

— Проходи.

Кай переступил порог.

В доме пахло сухими травами, мёдом, золой и чем-то горьким, лекарственным. В передней у стены стояли корзины с корнями и пучки перевязанных стеблей. На полке у окна поблёскивали пузырьки из тёмного стекла. Жилище травницы не походило на дома, которые Кай помнил: здесь каждая вещь будто знала своё место.

— Меня зовут Даен, — сказала женщина. — Ты ушёл из деревни ещё до того, как я здесь поселилась.

— Я помню, — ответил Кай. — Вас тогда не было.

— Зато твоя мать часто о тебе говорила.

Он остановился посреди комнаты.

— Часто?

Даен посмотрела на него мягко, но без жалости. И от этого взгляда было почему-то больнее.

— Каждый год. Особенно весной. Говорила: «Он любил тёплый дождь. Если вернётся, то весной».

Кай отвернулся.

Он не плакал. Слезы уже были где-то рядом, но будто застряли внутри, не находя выхода. Хотелось ударить стену, закричать, выбежать из дома и мчаться туда, где орки, где виновные, где хоть кто-то, кого можно было ненавидеть.

Вместо этого он спросил:

— Как вы с ней подружились?

Даен провела его в гостиную. Комната была небольшой, но уютной: две широкие лавки, кресло у очага, стол с потёртой столешницей. На стене висели связки зверобоя и полыни. В углу тихо потрескивали угли.

— Садись, — сказала она.

Кай сел не сразу. Ему казалось неправильным сидеть, пить чай, говорить тихо, когда мать пропала год назад, а он только теперь узнал об этом.

Даен, кажется, поняла.

— Я расскажу всё, что знаю. Но сначала сядь.

Он подчинился.

В комнату вошла молоденькая девушка с длинной тёмной косой. Она остановилась у двери и с любопытством посмотрела на гостя.

— Салира, — сказала Даен, не оборачиваясь. — Сделай нам моего особого чая.

Девушка кивнула и исчезла так же тихо, как появилась.

— Ваша дочь? — спросил Кай.

— Да.

Он снова посмотрел на Даен.

— Вы сказали, мама говорила обо мне.

— Говорила. И скучала. Больше, чем хотела показывать.

Кай сжал пальцы на коленях.

— Тогда почему она не написала? Не позвала меня? Не...

Он осёкся.

Даен не стала отвечать сразу. Она опустилась в кресло напротив, и на миг Каю показалось, что женщина постарела за эти несколько мгновений.

— Возможно, потому что хотела уберечь тебя.

— От чего?

— От деревни. От церкви. От прошлого. От всего сразу.

Кай поднял глаза.

— Вы знали, кем она была?

— Не сразу. Но со временем — да.

— Жрицей?

Даен внимательно посмотрела на него.

— Значит, она рассказала тебе?

— Нет. Я узнал от наставника. Не всё, но достаточно.

— Тогда ты понимаешь, почему она жила здесь тихо.

Кай горько усмехнулся.

— Тихо? Моя мать пряталась в деревне, где её считали чудачкой. Вышла за охотника, который...

Он оборвал фразу. Про Гарта говорить не хотелось. Даже теперь.

Даен услышала то, что он не сказал.

— После смерти Гарта она стала помогать мне. Сначала понемногу: травы перебрать, отвары разлить, записи переписать. Потом я поняла, что она знает больше, чем обычная деревенская женщина могла бы знать за три жизни.

— Она была хорошей.

— Да, — тихо сказала Даен. — Очень.

Салира вернулась с подносом. Поставила на стол две кружки, тарелочку с засахаренными ягодами и снова задержала взгляд на Кае. В её глазах было не только любопытство, но и осторожность.

— Спасибо, — сказала Даен.

Девушка кивнула и вышла.

Кай взял кружку обеими руками. Чай пах мятой, дымом и чем-то сладковатым. Он сделал глоток, почти не почувствовав вкуса.

— Как она погибла? — спросил он.

Даен опустила взгляд.

— Я не знаю, погибла ли она.

Кай замер.

— Что?

— Тела Велены не нашли.

Эти слова ударили сильнее, чем все прежние.

На мгновение в груди вспыхнула надежда — резкая, почти болезненная.

— Значит, она жива?

— Кай...

— Если тела не нашли, значит, она могла выжить.

— Могла, — осторожно сказала Даен. — Но год назад после сбора урожая на деревню напали орки. Они пришли ближе к закату. Мужчин убивали на месте. Женщин и детей брали, если те не сопротивлялись. Тех, кто взял в руки оружие, убивали тоже. Для орков это просто: с оружием — значит воин.

Кай слушал, не двигаясь.

— Я с дочерью уцелела только потому, что в ту ночь мы были в лесу. Собирали редкие цветы для зелья ночного зрения. Когда вернулись, деревня уже дымилась.

— А мама?

— Её дома не было. Тела тоже.

Кай поставил кружку на стол так резко, что чай плеснул через край.

— Значит, её забрали.

— Возможно.

— К какому клану?

Даен покачала головой.

— Я не разбираюсь в орочьих знаках. Нашли кожаный наплечник. На нём был выжжен рисунок: рука, сжимающая топор.

Кай запомнил это мгновенно.

Рука с топором.

— Где он?

— У старосты, кажется. Или у охотников. Я могу узнать.

— Узнайте.

Слово вышло резче, чем он хотел. Даен не обиделась.

— Узнаю.

Кай поднялся.

— Я поеду за ней.

— Сейчас?

— Да.

— Тогда ты погибнешь.

Он медленно повернулся к ней.

— Вы не знаете, на что я способен.

— Не знаю, — спокойно сказала Даен. — И именно поэтому не хочу отпускать тебя в степь одного, злого и ослеплённого горем.

— Моё горе — не ваша забота.

— Ошибаешься. Велена была моей подругой.

Кай вздрогнул, будто она ударила его.

Даен тут же смягчилась.

— Прости. Я не хотела давить на это.

Он молчал.

— Переночуй здесь, — сказала она. — Утром я достану наплечник, поговорю с охотниками и расскажу всё, что знаю. Если после этого всё равно решишь ехать — я не стану удерживать.

— Утром? — глухо переспросил Кай. — Моя мать могла год быть в плену, а вы предлагаете мне спать?

— Я предлагаю тебе не умереть в первый же день.

Кай сжал кулаки.

— Вы говорите так, будто я беспомощный ребёнок.

— Нет. Я говорю так, будто степь орков — не дорога до соседнего села. Даже наши охотники туда не сунутся. А они сейчас боятся не только орков.

— Чего ещё?

Даен устало провела ладонью по лицу.

— Уже несколько месяцев деревню терроризирует оборотень.

Кай нахмурился.

— Истинный или обращённый?

Теперь настала очередь Даен удивиться.

— Значит, ты не просто мальчик с даром.

— Я задал вопрос.

— Нападения были не только в полнолуние.

— Тогда истинный, — сказал Кай. — И вашим охотникам повезло, что они его не нашли.

Даен посмотрела на него долгим взглядом.

— Я не прошу тебя лезть к нему. Ты не обязан этой деревне ничем. Но если ты всё же решишь помочь... я помогу тебе всем, чем смогу. Зельями, сведениями, припасами. И наплечник достану.

Кай усмехнулся без радости.

— Сделка?

— Нет. Сделка была бы, если бы я торговалась с тобой горем. Я этого делать не стану.

— Тогда что?

— Возможность. Для тебя — понять, насколько ты готов. Для нас — пережить ещё одну ночь.

Кай долго смотрел на неё.

Он хотел отказаться. Хотел сказать, что не станет тратить время на деревенские страхи, пока где-то в степи может быть его мать. Хотел, но не сказал.

Оборотень.

Если это правда, то тварь была опасна. Очень опасна. И Даен права: если он не сможет справиться даже с одним зверем, пусть и истинным, в орочьих степях ему делать нечего.

— Расскажите, — сказал он наконец.

Даен медленно выдохнула. Кажется, она сама не была уверена, что он согласится слушать.

— Первого нашли у старой лесной дороги. Пастуха. От него почти ничего не осталось. Тогда решили — медведь. Через неделю погиб охотник. Потом ещё двое. А потом...

Она запнулась.

— Потом?

— Потом нашли девочку. Лет двенадцати.

Кай опустил взгляд.

В комнате стало тихо. За стеной скрипнула половица — Салира, должно быть, остановилась в соседней комнате и прислушивалась, хотя старалась делать вид, что занята.

— Барон знает? — спросил Кай.

— Знает.

— И?

Даен усмехнулась. Усталость в этой усмешке была куда страшнее злости.

— Говорит, что крестьяне любят сказки. Что в лесу обычный хищник, а страх делает его больше.

— Удобно.

— Очень. Особенно когда у барона своих забот хватает.

Кай вспомнил новые ворота, башенки, свежий частокол. Деревня готовилась не к сказкам.

— Серебро пробовали?

— У охотников было несколько наконечников. Они пытались выследить тварь.

— И?

— Вернулись не все.

Кай кивнул. Этого он ожидал.

— Серебро не убивает оборотня само по себе. Особенно истинного. Оно мешает заживлению, причиняет боль, иногда ослабляет. Но стрела для зверя в пять сотен фунтов — всё равно что заноза для человека. Если не попасть в сердце, глаз или горло, толку мало.

Даен посмотрела на него внимательнее.

— Ты много знаешь для юноши.

— Меня учили.

— Кто?

Кай промолчал.

Даен не стала настаивать.

— Ты спросил: истинный или обращённый. Объясни разницу.

— Обращённый оборачивается в полнолуние и во время звериного облика почти не мыслит как человек. Для него это проклятие, болезнь, безумие. Истинный оборотень другой. Он не человек, который становится зверем. Он зверь, который умеет быть человеком. Оборачивается когда хочет, помнит себя, хитрит, выбирает жертву. И обычно куда сильнее.

— Нападения были не только в полнолуние.

— Значит, истинный.

Слова повисли между ними.

Даен села обратно в кресло.

— Теперь понимаешь, почему я сказала, что охотникам повезло его не найти?

— Понимаю. Он бы убил их всех.

— Или?

Кай посмотрел на неё.

— Или обратил бы часть. Если истинные вообще способны обращать так, как рассказывают. В книгах сведения расходятся.

Даен тихо произнесла:

— Святые боги.

— Не уверен, что они тут помогут.

Женщина подняла на него глаза, и Кай понял, что шутка вышла неудачной. Для неё боги не были пустым словом. Как и для его матери.

— Простите, — сказал он.

Даен удивлённо моргнула.

— За что?

— За грубость.

Она немного смягчилась.

— Ты устал. И горюешь.

— Это не оправдание.

— Нет. Но объяснение.

Кай снова взял кружку, хотя чай давно остыл.

— Если тварь истинная, обычная засада не сработает. Он почувствует людей задолго до того, как они его увидят. Запах, тепло, дыхание, страх. У них прекрасное чувство жизни. Почти как заклинание поиска.

— Тогда его невозможно поймать?

— Возможно. Если дать ему то, что он не захочет проигнорировать.

Даен нахмурилась.

— Приманку?

— Меня.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу, резко, почти матерински. Кай даже усмехнулся.

— Вы же сами сказали, что это возможность.

— Возможность не значит самоубийство.

— Для него маг — лакомая добыча. Опасная, но редкая. Если он бродит рядом с деревней, то почувствует меня. И придёт.

— А если придёт слишком быстро?

— Тогда я умру.

— Ты говоришь об этом слишком спокойно.

— Я не спокоен.

Кай поставил кружку на стол.

Пальцы слегка дрожали. Он сжал их в кулак, но Даен всё равно заметила.

— Я просто не вижу другого способа, — продолжил он. — Ваши охотники не смогут его поймать. А я не смогу искать мать, пока понимаю, что здесь осталась тварь, способная каждую ночь приходить к людям.

Даен долго молчала.

— Каким видом магии ты владеешь?

Кай знал, что этот вопрос прозвучит. И всё равно внутри всё сжалось.

Сказать — значит отдать ей в руки свою жизнь. Любой донос, любое слово старосте, любой испуганный шёпот у колодца — и за ним придут не орки и не оборотни, а люди в белом с огнём и железом.

Но Даен была подругой Велены.

А ещё она уже могла догадаться.

— Некромантией, — сказал Кай.

Даен не вскрикнула. Не отшатнулась. Только пальцы на подлокотнике кресла сжались так крепко, что побелели костяшки.

— Теперь понятно, — тихо сказала она.

— Что именно?

— Почему Велена боялась.

Кай резко поднял взгляд.

- Моя мать боялась не меня.
- Я не это сказала.
- Тогда чего?
- Мира, который узнает о тебе.
- Он хотел возразить, но слова застряли.
- Даен продолжила осторожно:
- Церковь платит за таких, как ты.
- Золотом по весу, — сухо сказал Кай. — Я знаю.
- И всё равно называешь себя вслух?
- Вы спросили.
- А если бы я оказалась не той, кому можно доверять?
- Тогда я уже ошибся.
- Даен смотрела на него долго, словно решала, сердиться или жалеть.
- Велена говорила, ты был упрямым ребёнком.
- Люди редко меняются к лучшему.
- На этот раз Даен почти улыбнулась.
- Некромантия поможет против оборотня?
- Частично.
- Частично?
- У него есть душа. Это хорошо.
- Странно слышать такое о чудовище.
- Для меня — нет. Часть моих чар действует именно на тех, у кого есть душа. На мёртвых, големов и прочих бездушных существ они бесполезны. Кроме того, он не сможет меня обратить.
- Почему?
- Магия во мне выжжет заразу раньше, чем она укоренится в крови. По крайней мере, наставник был в этом уверен.
- А ты?
- Я предпочёл бы не проверять.
- Даен кивнула.
- Минусы?
- Их больше. Я маг, а не воин. Он быстрее меня. Сильнее. Видит в темноте лучше. Если нападёт внезапно, я не успею произнести даже простое заклинание.
- Ты можешь поднять мертвецов?
- Кай помедлил.
- Могу.
- Сколько?
- Сейчас? Несколько скелетов. Может быть, десяток. Зомби тоже, если будут человеческие тела, но я не стану поднимать местных.
- Почему?
- Он посмотрел на неё почти зло.
- Потому что я некромант, а не мерзавец.
- Даен спокойно выдержала взгляд.
- Я должна была спросить.
- Знаю.
- Он отвёл глаза первым.
- Скелеты слабее. Днём бесполезны, солнце быстро разрушит простейшую нежить. Но ночью они подойдут. Им не нужно видеть, не нужно дышать, они не боятся.
- Но против оборотня?

— Как бойцы — почти ничто. Как носители яда — возможно.

Даен чуть наклонилась вперёд.

— Яда?

— Есть зелье. Волчья отравка. Не знаю, сможете ли вы его приготовить.

— Рецепт есть?

Кай потянулся к сумке и достал книгу в чёрном переплёте.

Даен невольно задержала взгляд на обложке.

— Не трогайте, — предупредил он.

— Почему?

— Книга зачарована. Читать её могу только я. Для другого страницы будут пустыми. В лучшем случае.

— А в худшем?

— Лучше не узнавать.

Он положил книгу на стол и начал листать. Страницы шуршали тихо, почти сухо, хотя переплёт выглядел старым и тяжёлым. Наконец Кай остановился.

— Вот.

— Мне нужно видеть рецепт.

— Сейчас перепису.

Даен молча подала ему лист и чернила.

Кай быстро переписал состав, стараясь не думать о том, что рука всё ещё дрожит. Потом передал лист травнице.

Она прочла, нахмурилась, перечитала ещё раз.

— Белый корень, сон-трава, горький лунник, зверобойная смола... Это редкое, но у меня есть почти всё.

— Почти?

— Лунника мало.

— Нужна двойная доза.

— Почему?

— Если первый план провалится, второго шанса может не быть.

Даен сложила лист.

— Как ты собираешься доставить яд внутрь зверя?

— Усилю свойства зелья. Потом нанесу на оружие скелетов, на их пальцы и на колья в яме.

— Яме?

— Он будет ждать ловушку. Значит, ловушка должна быть. Даже если он её заметит, это заставит его думать, будто я сделал ставку именно на неё.

— А на самом деле?

— На любую царапину.

Даен медленно покачала головой.

— Ты говоришь как человек, который уже решил.

— Я решил в тот момент, когда узнал, что она может быть жива.

— Оборотень не имеет отношения к твоей матери.

— Имеет.

— Каким образом?

Кай закрыл книгу.

— Если я не способен защитить одну деревню, я не способен пройти через степь орков. Значит, вы были правы.

Даен приняла эти слова без торжества.

— Тогда мне нужно несколько часов.

— До вечера?

— До вечера.

— А мне нужно место, где поспать.

— Комната будет готова.

Кай хотел сказать, что не уснёт, но вдруг почувствовал, насколько тяжёлым стало тело. Силы, которые держали его после новости о матери, начали уходить.

Даен поднялась.

— Салира проводит тебя.

— Я могу сам.

— Можешь. Но она всё равно проводит.

В дверях тут же появилась девушка, будто всё это время стояла рядом.

Кай посмотрел на неё.

Салира покраснела, но взгляда не отвела.

— Идёмте, — сказала она тихо. — Комната наверху.

Кай взял сумку и поднялся.

На пороге он задержался.

— Даен.

Травница обернулась.

— Что?

— Если я не вернусь, не рассказывайте никому, кем я был.

— Если ты не вернёшься, — сказала она, — я сначала буду злиться на тебя за глупость.

А уже потом думать, что кому рассказывать.

Кай впервые за этот вечер почти улыбнулся.

— Справедливо.

Комната наверху оказалась маленькой, почти тесной. Узкая кровать у стены, низкий потолок, сундук в углу и крошечное окно, за которым уже темнело небо. На подоконнике стоял глиняный горшок с сухими стеблями лаванды.

— Мама сказала, вам нужно отдохнуть, — сказала Салира.

— Твоя мама часто говорит людям то, что им не хочется слышать?

— Постоянно.

Кай поставил сумку у кровати.

Девушка всё ещё стояла у двери, будто хотела что-то спросить, но не решалась.

— Я не укушу, — сказал он.

Салира смутилась ещё сильнее.

— Я не поэтому.

— А почему?

— Вы правда сын Велены?

Вопрос прозвучал так просто, что Кай не сразу нашёл ответ.

— Правда.

— Она была доброй.

— Ты её знала?

— Немного. Я была маленькой, когда она помогала маме. Она рассказывала мне сказки.

Кай отвернулся к окну.

— Какие?

— Про мышонка, который хотел стать рыцарем.

Он закрыл глаза.

На мгновение перед ним возникла маленькая ладонь, мёртвый мышонок, синее свечение в крохотных глазах.

— Да, — тихо сказал он. — Она любила эту сказку.

Салира помолчала.

— Простите.

— За что?

— Я не хотела сделать больно.

— Боль уже есть. Ты её не принесла.

Она кивнула, хотя, кажется, не знала, что на это ответить.

— Я принесу воды. И еду, если хотите.

Кай хотел отказаться, но желудок предательски сжался. Он не помнил, когда ел в последний раз.

— Воды. И чего-нибудь простого.

— Хорошо.

Салира вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Кай сел на край кровати и только теперь понял, как сильно устал. В голове всё ещё звучали слова стражника: “Велена пропала год назад”. Не умерла. Не похоронена. Пропала.

Это было хуже.

Смерть хотя бы имела форму. Камень, могила, имя на дереве, горсть земли в ладони. Пропажа оставляла пустоту без краёв, и в эту пустоту воображение бросало всё самое страшное.

Орки.

Плен.

Год.

Кай сжал зубы так, что заболели челюсти.

Салира вернулась с деревянной кружкой воды, ломтем хлеба, куском сыра и холодным мясом. Поставила всё на сундук у кровати.

— Мама сказала, чтобы вы спали хотя бы до вечера.

— Твоя мама слишком много говорит.

— Да, — серьёзно согласилась Салира. — Но обычно оказывается права.

Кай посмотрел на неё и вдруг усмехнулся.

— Это семейное?

— Что?

— Упрямство.

— Наверное.

Она вышла, и на этот раз Кай запер дверь.

Ел он медленно, почти механически. Вода оказалась холодной, хлеб — чуть черствым, сыр — солёным. Обычная еда. Обычный дом. Обычная жизнь, которая у других людей почему-то продолжалась.

Когда он лёг, то был уверен, что не уснёт.

Но сон накрыл его почти сразу.

Сначала ему снилась дорога. Длинная, серая, без конца. По обе стороны стояли деревья, похожие на виселицы, и на каждой ветке висел маленький кожаный наплечник с выжженной рукой, сжимающей топор.

Потом дорога сменилась домом.

Мать сидела у очага спиной к нему. Волосы её были такими же, какими он помнил: светлые, мягкие, собранные в свободную косу.

— Мама, — сказал Кай.

Она не обернулась.

— Ты поздно пришёл, — ответила Велена.

— Я не знал.

— Знал.

— Нет.

— Наставник сказал не возвращаться. Ты послушался.

— Я думал...

— Ты думал слишком долго.

Кай шагнул к ней, но пол под ногами стал вязким, как болотная жижа. Он попытался идти быстрее, но каждый шаг давался всё тяжелее.

— Мама!

Велена наконец обернулась.

Лица у неё не было. Только тень и два синих огонька в пустоте, как у поднятого мышонка.

Кай проснулся, резко сев на кровати.

В комнате было темно. За окном глухо шумел ветер. Несколько мгновений он не понимал, где находится, и рука сама потянулась к ножу у пояса.

Потом вспомнил.

Дом Даен.

Оборотень.

Волчья отравка.

Он провёл ладонью по лицу. Кожа была влажной от пота.

В дверь тихо постучали.

— Кай? — голос Салиры прозвучал осторожно. — Вы проснулись?

— Да.

— Мама сказала, зелье готово.

Он поднялся. Тело сопротивлялось, будто сна было не несколько часов, а несколько мгновений. Но в голове стало яснее. Горе никуда не ушло, зато обрело острые края.

Кай оделся, проверил сумку, книгу, нож, флягу, мешочек с костяными обломками. Потом открыл дверь.

Салира стояла на лестнице с маленькой лампой в руке.

— Вам лучше? — спросила она.

— Нет.

Девушка растерялась.

Кай смягчился.

— Но я хотя бы могу думать.

— Мама внизу.

Они спустились.

Даен ждала не в гостиной, а в пристройке за домом. Кай понял это по запаху ещё до того, как вошёл: горькие травы, нагретый металл, дым, уксусная кислота и что-то тяжёлое, сонное. Маленькая комната служила травнице лабораторией. На полках стояли склянки, ступки, свёртки с корнями, сушёные грибы, глиняные чаши. В очаге тлели угли, над ними висел небольшой ковшик.

— Готово, — сказала Даен.

Она выглядела уставшей. На лбу блестела испарина, рукава были закатаны до локтей.

Кай подошёл к ковшику.

Внутри была белая тягучая жидкость с лёгким зеленоватым отливом. От неё пахло травой, сырой землёй и кислым молоком.

— Похоже на описание, — сказал он.

— Похоже? — Даен подняла бровь. — Утешительно.

Кай достал книгу, раскрыл на нужной странице и ещё раз сверил цвет, густоту, запах.

— Для зелья, которое вы варили впервые, — сказал он наконец, — вышло почти идеально.

— Почти?

— Идеально, — поправился он.

Даен хмыкнула.

— Учишься быстро.

Кай, не думая, окунул кончик пальца в зелье и лизнул.

— Ты что делаешь?! — вскрикнула Салира.

Даен тоже шагнула к нему, но остановилась.

Кай поморщился.

— Кислее, чем должно быть. Но в пределах.

— Это яд, — сказала Салира.

— Для оборотня. Для человека почти безвреден.

— Почти?

— Я невосприимчив к большинству ядов.

Даен посмотрела на него так, будто хотела одновременно ударить и расспросить.

— Некроманты все такие?

— Какие?

— Невыносимые.

— Нет. Мне говорили, что я особенно одарён.

Салира неожиданно фыркнула, но тут же прикрыла рот ладонью.

Даен покачала головой.

— Что дальше?

Кай снял перчатку с правой руки и поднёс ладонь к ковшику.

— Дальше я усилю его свойства.

— Насколько?

— В несколько раз.

— Ты говорил — в десять.

— Если получится.

— А если не получится?

— Тогда лучше, чтобы оборотень попал на кол, а не просто поцарапался.

Он закрыл глаза.

В груди привычно отозвался резерв — тихое внутреннее тепло, собранное за годы упражнений, медитаций и боли. Яд был не живым, но в нём спала сила: не смерть сама по себе, а направление к ней. Упадок. Ослабление. Распад.

Кай потянулся к этой силе и начал читать нараспев:

Зелье упадка, смерти и тлена,
Я освобождаю тебя из плена.
Усиль же теперь свою мощь многократно,
Врага порази моего безвозвратно

С последним словом жидкость в ковшике вспучилась.

Салира отступила на шаг. Даен не двинулась, только крепче сжала край стола.

Белая масса на мгновение блеснула зелёным, будто в глубине её вспыхнул болотный огонь. Потом всё стихло. Зелье снова стало прежним: белым, густым, почти безобидным на вид.

Кай открыл глаза.

— Готово.

— И всё? — спросила Салира.

— А ты хотела гром и молнии?

— Не знаю. Наверное.

— Гром и молнии — это к пиромантам и погодникам. Мы, некроманты, люди скромные. Даен сухо сказала:

— Скромные люди не лизут яд с пальца.

— Учту.

Кай перелил зелье во флягу, которую Даен заранее поставила рядом, и плотно закупорил. Затем обмотал горлышко тканью.

— Мне понадобится кисть. Лучше жёсткая. И старая.

— Будет.

— Ещё верёвка, маленькая лопатка, если есть, и любая еда в дорогу. После ночи я, возможно, уйду сразу.

Даен задержала на нём взгляд.

— Если выживешь.

— Если выживу.

— Тогда сначала поешь нормально.

— Нет времени.

— Есть.

— Даен...

— Кай, — перебила она. — Я варила яд несколько часов. Не спорь со мной из-за миски супа.

Салира уже исчезла в доме и через несколько минут вернулась с деревянной миской, хлебом и куском курицы. Кай хотел возразить ещё раз, но Даен посмотрела на него так, что спорить стало глупо.

Он сел прямо в лаборатории и начал есть.

Суп был грибной, густой, с перцем и укропом. Курица — холодная, но хорошо просоленная. Кай ел быстро, почти не замечая вкуса, но с каждым глотком чувствовал, как тело благодарно принимает тепло.

Салира молча стояла у двери.

— Не смотрите так, — сказал Кай.

— Как?

— Будто я уже мёртв.

Она смутилась.

— Я не...

— Он прав, — сказала Даен. — Не хорони его заранее. Некоторым упрямам судьба слишком сильно не доверяет, чтобы отпускать их быстро.

Кай усмехнулся.

— Это должно было меня приободрить?

— Нет. Это было предупреждение судьбе.

Когда он закончил, за окнами уже окончательно стемнело.

Даен принесла небольшую склянку с прозрачной жидкостью.

— Зелье ночного зрения. Пей перед лесом. Действует несколько часов.

Кай взял склянку.

— Спасибо.

— И ещё.

Она протянула ему сложенный кусок кожи.

На нём был грубо выжжен знак: широкая ладонь, сжимающая топор.

Кай долго смотрел на него.

— Клан Кровавого Топора, — сказала Даен. — Один охотник вспомнил. Говорит, видел такой знак в молодости у торговцев с дальнего тракта. Точно не поручится, но другого у нас нет.

Кай сжал кожу так, что она хрустнула.

— Этого достаточно.

— Нет, — мягко сказала Даен. — Недостаточно. Но это начало.

Он убрал наплечник в сумку.

— Теперь мне пора.

Салира шагнула вперёд.

— Вы правда пойдёте один?

— Нет, — сказал Кай. — Не совсем один.

Когда он вышел из дома, деревня уже почти спала.

В окнах кое-где ещё теплился жёлтый свет, за частоколом лениво перекликались собаки, над крышами тянулся дым. Всё выглядело слишком мирно для места, где смерть ходила рядом с лесной дорогой.

Кай остановился у крыльца и оглянулся.

Даен стояла в дверях, запахнув на плечах тёмную шаль. Салира выглядывала из-за её спины. В свете лампы её лицо казалось бледным.

— Не ходите за мной, — сказал Кай. — И никого не выпускайте за ворота до рассвета.

— Думаешь, он может прийти в деревню? — спросила Даен.

— Думаю, если он почувствует меня, то пойдёт за мной. Но я не знаю, насколько он осторожен.

— А если не почувствует?

Кай чуть усмехнулся.

— Тогда я зря испорчу себе ночь.

Даен не улыбнулась.

— Это не смешно.

— Знаю.

Салира вдруг шагнула вперёд.

— Вы ведь вернётесь?

Кай хотел ответить уверенно. Что-то простое: “да”, “обещаю”, “конечно”. Но ложь почему-то не вышла.

— Постараюсь, — сказал он.

Салира опустила глаза.

Даен протянула ему старую жёсткую кисть и небольшой свёрток.

— Верёвка, сухари, кусок сыра. Лопатка привязана к седлу.

— Спасибо.

— И ещё, Кай.

Он уже повернулся к дороге, но остановился.

— Что?

— Если поймёшь, что не справишься, уходи.

— А оборотень?

— Деревня пряталась от него несколько месяцев. Спрячется ещё одну ночь.

Кай посмотрел на неё.

— Вы сами в это не верите.

— Нет, — сказала Даен. — Но я не хочу потом объяснять Велене, если она жива, почему позволила её сыну погибнуть у меня под порогом.

Эти слова ударили неожиданно сильно.

Кай молча кивнул, взял лошадь под узцы и пошёл к воротам.

Стражники открыли неохотно. Рыжий, тот самый, что встретил его днём, смотрел на Кая с явным сомнением.

— Травница сказала, тебя выпустить, — пробормотал он. — Только ты это... осторожнее там.

— Постараюсь.

— Люди говорят, ты маг.

Кай остановился.

— Люди много говорят.

Рыжий сглотнул.

— Я не к тому. Просто... если правда маг, так убей эту падаль.

Кай встретился с ним взглядом.

— Постараюсь, — повторил он.

Ворота закрылись за его спиной с тяжёлым деревянным стуком.

За частоколом мир сразу стал другим. Тише, темнее, шире. Луна стояла низко, неполная, затянута тонкими облаками. Дорога к лесу белела между полями, как старая кость.

Кай отошёл от деревни на несколько сотен шагов и остановился.

Он достал склянку с зельем ночного зрения, вынул пробку и понюхал. Пахло холодной водой, мятой и чем-то металлическим.

— За здоровье, — тихо сказал он и выпил.

Зелье оказалось горьким.

Несколько мгновений ничего не происходило. Потом мир дрогнул.

Тьма не исчезла, но стала прозрачной. Сначала проявились ближайшие кусты, потом дальние деревья, потом камни у дороги и следы колёс в сырой земле. Луна больше не казалась единственным источником света: каждая мокрая травинка, каждая капля на листе будто отражала невидимое сияние.

Кай моргнул.

Непривычно.

Слишком ясно.

Он повёл лошадь дальше, к лесу.

Дорога уходила между деревьев, и с каждым шагом воздух становился холоднее. Пахло влажной корой, прелыми листьями и грибами. Где-то далеко ухнула сова. Лошадь нервно мотнула головой.

— Тише, — сказал Кай и погладил её по шее. — Я тоже не в восторге.

Он свернул с дороги, углубляясь в лес.

Место для засады нужно было выбрать правильно. Не слишком близко к деревне, чтобы тварь не бросилась к людям. Не слишком далеко, чтобы Кай успел вернуться, если всё пойдёт совсем плохо. Нужна была поляна, деревья вокруг, мягкая земля и хоть немного пространства.

Через четверть часа он нашёл подходящее место.

Небольшая поляна лежала между старыми соснами. Земля в центре была рыхлой, покрытой прошлогодней листвой. По краям росли несколько высоких деревьев с крепкими нижними ветвями. Одно из них особенно понравилось Каю: толстый ствол, удобный изгиб, обзор почти на всю поляну.

Он привязал лошадь в стороне, так, чтобы ветер относил её запах от поляны. Потом снял с седла лопатку, верёвку и флягу с отравой.

— Теперь прислуга, — пробормотал он.

Кай достал из кармана мешочек с костяными обломками.

Кости были разными: заячьи, птичьи, лисьи, одна — тонкая и длинная, кажется, от косули. Для обычного человека мусор. Для некроманта — материал. Не лучший, но достаточный.

Он высыпал одиннадцать обломков на землю.

Некоторое время просто смотрел на них.

Одиннадцать.

Ещё недавно десять давались ему тяжело. Сейчас он чувствовал, что может больше. Гораздо больше. Но сила — не то же самое, что умение. Наставник не раз повторял: неопытный маг, который тянется за пределы привычного, сам становится лучшей добычей для собственной магии.

Кай поднял правую руку.

В груди отозвался резерв. Тёплый, глубокий, послушный. Он собрал волю в одну точку, как учили: не просить, не уговаривать, не кричать в пустоту. Приказывать.

— Восстаньте.

Земля под костями потемнела.

Обломки дрогнули, словно в них попал ветер. Потом начали расти, вытягиваться, скручиваться. Белёные суставы вылезали из земли, рёбра раскрывались дугами, черепа поднимались на тонких шейных позвонках. Кости находили друг друга там, где их прежде не было, собирались в человеческие фигуры по законам, которые знала только магия смерти.

Через несколько ударов сердца перед Каем стояли одиннадцать скелетов.

Голые. Безмолвные. С тусклым синим огнём в пустых глазницах.

В руках у каждого был простой костяной меч — остаточная магия, временная и непрочная. Если скелет падёт, оружие исчезнет вместе с ним.

Кай выдохнул.

Резерв просел, но не опустел. Это радовало и пугало одновременно.

— Ройте яму, — приказал он и указал на центр поляны.

Скелеты двинулись сразу.

Мечи в их руках изменились, вытягиваясь и расплющиваясь в грубые лопаты. Кости застучали, земля полетела в стороны. Они работали неумело, зато без усталости. Не переговаривались, не останавливались, не вытирали пот со лба. Мёртвым не нужно было ничего, кроме приказа.

Кай стоял у дерева и следил за краем леса.

Тишина давила.

Он знал, что оборотень вряд ли появится сразу. Сначала почувствует чужую магию, человеческое тепло, живую кровь. Потом станет кружить. Проверять. Искать подвох. Истинные оборотни не бросаются на добычу, если видят перед собой нечто непонятное.

И всё равно Каю казалось, что красные глаза уже смотрят из темноты.

Когда яма была готова, он приказал скелетам заострить колья из молодых стволов. Потом сам спустился вниз, проверил глубину и расположение. Падение должно было не просто ранить, а задержать зверя хотя бы на несколько мгновений.

Больше ему и не требовалось.

Кай открыл флягу с волчьей отравой.

Запах стал резче после усиления. Белая жидкость казалась почти светящейся в ночном зрении. Он обмакнул кисть и тщательно смазал верхушки кольев.

Не все.

Только несколько.

Если оборотень учует отраву, пусть решит, что разгадал замысел.

Затем он выбрал один кол у края и нанёс на него особенно густой слой.

— Если попадешься, — тихо сказал он, — нам обоим повезёт.

Когда яма была прикрыта тонкими ветками и листьями, Кай отошёл на несколько шагов и посмотрел со стороны. В ночном зрении маскировка казалась слишком очевидной. Но зверь будет видеть иначе. Нюхать иначе. Думать иначе.

Он не должен был поверить в ловушку.

Он должен был заметить её.

Кай повернулся к скелетам.

— В шеренгу.

Костяки выстроились перед ним.

Он проходил от одного к другому, смазывая отравой клинки, костяные пальцы и острые края фаланг. Движения были медленными, осторожными. Одна капля на кожу ему не повредит, но привычка к аккуратности спасает чаще, чем талант.

— Слушайте приказ, — сказал он, хотя знал, что скелеты не слушают в человеческом смысле. — Когда я скажу “бейте”, вы нападёте на оборотня. Не пытайтесь удержать его. Не пытайтесь окружить. Ваша задача — ранить. Клинком, пальцами, чем угодно. Одна царапина.

Синие огоньки в глазницах не дрогнули.

— До приказа — лечь здесь. Не двигаться.

Скелеты послушно опустились на землю у выбранного дерева. Через несколько мгновений они стали похожи на разбросанные кости, полузасыпанные листвой.

Кай посмотрел на них и поморщился.

План был плохой.

Слишком много зависело от яда, от поведения зверя, от того, заметит ли тот ловушку именно так, как нужно. От того, успеет ли Кай забраться на дерево. От того, не окажется ли оборотень умнее всех его предположений.

Наставник назвал бы такой план не планом, а надеждой, наспех переодетой в рассуждение.

Но другого у Кая не было.

Он подошёл к выбранному дереву, спрятал флягу, закрепил верёвку на поясе и начал подниматься.

Кора была влажной, пальцы скользили. Несколько нижних веток он обломал заранее, чтобы оборотню было труднее добраться до него в человеческом облике. Хотя, если честно, Кай не очень верил, что это поможет.

Устроившись на толстой ветви, он проверил обзор.

Поляна лежала перед ним как на ладони. Яма — чуть левее центра. Скелеты — под деревом. Лошадь — далеко в стороне, почти вне запаховой линии. Ветер дул от деревни к лесу. Хорошо.

Кай достал нож и положил его на колени.

Нож против истинного оборотня.

Он тихо усмехнулся.

— Очень грозно.

Лес молчал.

Минуты тянулись медленно. Потом ещё медленнее. Где-то в кустах шуршала мелкая живность, над поляной пролетела летучая мышь, с ветки на ветку перескочила белка. Каждый звук заставлял Кая напрягаться.

Через полчаса он начал думать, что ошибся.

Через сорок минут — что оборотень не придёт.

Через час — что Даен всё-таки права: горе делает человека глупым.

А потом лес замолчал по-настоящему.

Не стих — именно замолчал.

Исчезли шорохи, перестали перекликаться ночные птицы, даже ветер будто ушёл выше, в верхушки сосен.

Кай медленно выпрямился.

На краю поляны что-то шевельнулось.

Сначала он увидел только белое пятно между стволами. Потом пятно отделилось от темноты и вышло на лунный свет.

Волк был огромен.

Нет, не волк.

Существо в волчьем облике.

Мускулы перекатывались под белой шерстью, плечи были выше человеческого роста, лапы оставляли в мягкой земле глубокие следы. Пасть чуть приоткрыта, из неё тянулся пар. Красные глаза безошибочно нашли Кая на дереве.

Оборотень повёл мордой из стороны в сторону.

Потом издал звук, похожий на смешок.

Кай почувствовал, как холод проходит по спине.

Зверь смотрел прямо на него.

И улыбался.

Оборотень сделал шаг вперёд.

Потом ещё один.

Он не крался. Не обходил поляну, не прятался за деревьями, не пытался зайти с подветренной стороны. Просто шёл прямо, тяжело и уверенно, будто это была не засада, а его собственный двор.

Кай заставил себя не двигаться.

Сердце билось слишком громко. Он боялся, что зверь услышит не только стук крови, но и сами мысли.

Оборотень остановился у края поляны, снова втянул воздух носом и повернул морду к замаскированной яме.

Кай похолодел.

Белый зверь медленно подошёл к поваленному бревну, лежавшему неподалёку. Схватил его пастью, легко, как собака хватается палку, и одним движением шеи швырнул в центр поляны.

Бревно ударилось о ветки.

Маскировка не выдержала. Листва провалилась, тонкие жерди треснули, и бревно рухнуло вниз, ломая колья.

Оборотень запрокинул голову.

Звук, который вырвался из его пасти, был слишком низким для волчьего воя и слишком хриплым для смеха.

— Ош-ш-шень наивно, — произнёс он.

Кай сжал нож так, что побелели пальцы.

Оборотень говорил.

Слова выходили искажёнными, с рычащими провалами, но их можно было понять.

— Ош-ш-шень грубо. Волч-ш-ья отрава. Я чувю её, маленький маг. Мой нюх совершенен. “Значит, план плохой”, — подумал Кай.

И тут же отрезал эту мысль.

Плохой или хороший — другого уже не было.

— Бейте! — крикнул он.

Листва под деревом взорвалась движением.

Одиннадцать скелетов поднялись почти одновременно. Кости заскрежетали, синие огни вспыхнули в глазницах, клинки вытянулись перед ними тусклыми белёсыми полосами.

Оборотень повернул голову.

Если он и удивился, то лишь на мгновение.

Первый скелет бросился вперёд. Зверь ударил лапой, даже не сходя с места. Костяк разлетелся в стороны, будто его ударили молотом: рёбра брызнули белыми щепками, череп покати́лся по траве, меч исчез в воздухе серым дымком.

Остальные достигли цели.

Кай не успел понять, удалось ли им нанести рану.

Белое тело метнулось влево, потом вправо. Слишком быстро. Глаз видел только движение, рывок, вспышку шерсти, удар лапы, хруст костей. Один скелет попытался вонзить клинок в бок зверя — оборотень перехватил его пастью, сомкнул челюсти и переломил пополам. Другой прыгнул почти под брюхо, целясь пальцами в пах, но волк прижал его к земле лапой, и костяная грудная клетка лопнула.

Кай вскочил на ветке.

— Раньте его! — крикнул он, понимая, как глупо звучит приказ.

Скелеты не боялись. Не отступали. Не умели беречь себя. В этом была их сила — и их ничтожность.

Они лезли к зверю один за другим.

Оборотень ломал их так легко, как ребёнок ломает сухие ветки.

Но на седьмом скелете зверь вдруг дёрнулся.

Едва заметно.

Кай увидел: костяные пальцы скользнули по передней лапе, оставив тонкую тёмную царапину под белой шерстью.

Яд.

Оборотень тоже понял.

Он зарычал уже без смеха и смял оставшихся с такой яростью, что через несколько мгновений поляна была усеяна обломками костей.

Последний скелет успел поднять меч.

Зверь сбил его ударом головы, наступил на череп и раздавил.

Тишина вернулась сразу.

Только оборотень тяжело дышал посреди поляны.

Кай смотрел на царапину.

Маленькую. Почти смешную.

На такой твари она казалась ничем.

Белый волк медленно поднял морду.

— Ш-ш-пасибо за игру, — прохрипел он.

— Перед трапезой я вш-ш-егда любил размяться.

По его телу прошла судорога.

Кай напрягся.

Оборотень выгнул спину. Шерсть на плечах встала дыбом, кости под кожей будто сдвинулись. Раздался влажный треск. Морда стала короче, лапы вытянулись, белая шерсть уходила под кожу, обнажая мышцы, потом человеческие плечи, грудь, руки.

Через несколько мгновений на поляне стоял голый молодой мужчина.

Высокий, широкоплечий, с хищным лицом и красноватым блеском в глазах. На его предплечье темнела тонкая царапина.

Он посмотрел на неё, потом на Кая.

— Неприятно, — сказал оборотень уже почти человеческим голосом. — Но не смертельно.

Кай молчал.

— Ты ведь правда думал, что дерево тебя спасёт?

Оборотень улыбнулся.

— Или надеялся, что я буду слишком горд, чтобы лезть за тобой?

Он подошёл к стволу и положил ладонь на кору.

Кай начал шептать.

— *Харат нутар... харат нутар...*

Закливание остановки сердца было не самым сложным из тех, что он знал. Но оно требовало точности. Ошибка — и удар уйдёт в пустоту. Дрожь — и сила сорвётся. Сомнение — и собственный резерв огрызнётся болью.

— Что ты там бормочешь? — спросил оборотень.

Кай продолжал:

— *Харат нутар... харат нутар...*

Оборотень прыгнул.

Не полез — именно прыгнул. Руки впились в ствол на высоте человеческого роста, ноги нашли опору, и он начал подниматься с пугающей быстротой. Обломанные нижние ветки почти не мешали ему. Пальцы входили в кору, как железные крючья.

Кай почувствовал, как страх поднимается к горлу.

Он слишком близко.

Слишком быстро.

— *Харат нутар!*

Слова сорвались с губ вместе с ударом силы.

Незримый заряд ударил оборотня в грудь.

Тот дёрнулся, пальцы соскользнули с коры, и он рухнул на землю.

Кай вцепился в ветку, почти не веря, что попал.

Оборотень лежал неподвижно.

Одно мгновение.

Второе.

Потом он вдохнул.

Громко, хрипло, с яростью.

— Больно, — произнёс он, медленно поднимаясь. — Вот теперь больно.

Кай почувствовал, как надежда умерла.

Оборотень встал на одно колено, потом выпрямился. На груди у него темнела татуировка — сложный знак, похожий на переплетённые когти и круг. Кай понял не сразу, а когда понял, стало ещё хуже.

Оберег.

Дорогой, сильный, настроенный против простых чар.

— Видишь? — оборотень провёл пальцами по татуировке. — Отец не любит, когда его дети умирают от дешёвых фокусов.

Он посмотрел вверх.

— За это я оторву тебе пальцы. Сначала на руках. Потом на ногах. А потом посмотрю, сколько ты протянешь.

Кай заставил себя дышать.

Скелетов нет.

Яма раскрыта.

Остановка сердца не сработала.

Яд действует слишком медленно.

Оборотень снова подошёл к дереву.

Варианты:

Вызвать новых скелетов? Слишком долго. И без отравы они бесполезны.

Повторить остановку сердца? Оберег ослабит удар. Может быть, второй раз сработает сильнее. А может, резерв опустеет, и он просто свалится с дерева.

Бежать по веткам? Смешно.

Кай закрыл глаза на одно короткое мгновение.

В памяти всплыл свиток.

Старый пергамент. Чужой язык. Перевод на обороте, сделанный аккуратной рукой мага воды Барта, который подарил ему заклинание после принятия в магическое сообщество.

“Если усомнишься хотя бы на миг, есть немалый шанс отсечь собственную оболочку”.

Кай открыл глаза.

Оборотень уже снова лез вверх.

Медленнее, чем прежде. Яд всё-таки работал. Движения стали тяжелее, плечи подрагивали, но силы в нём оставалось достаточно, чтобы добраться до Кая и разорвать его пополам.

“Полная уверенность”, — вспомнил Кай.

Он почти рассмеялся.

Уверенность?

Сейчас?

Он боялся так, что внутри всё стало ледяным.

Но где-то под страхом было другое чувство.

Злость.

На орков. На инквизиторов. На наставника, который запретил возвращаться. На себя. На этот мир, в котором мать могла исчезнуть, а чудовище — спокойно охотиться на детей.

И ещё — упрямство.

Если он умрёт здесь, то никогда не узнает, жива ли Велена.

Кай поднял руку.

Воздух вокруг стал плотнее.

Оборотень замер на стволе и впервые перестал улыбаться.

— Что это?

Кай начал читать.

Не шёпотом. Не криком. Ровно, насколько позволял пересохший рот:

Из забвенья страны вызываю я тень,
Ты свободен от всяких незримых оков.
Смерти слуга, сделай шаг за порог,
Силой, данную мне, Жнец, явись на мой зов!

С последним словом мир побледнел.

Не потемнел — именно побледнел, будто кто-то вымыл из него цвет. Листья стали серыми, луна плоской, кровь на содранных пальцах Кая почти чёрной. Звуки ушли куда-то далеко. Даже дыхание оборотня стало глухим, словно доносилось из-под земли.

В двадцати шагах от дерева раскрылась арка.

Не из камня.

Не из дыма.

Из пустоты, где не было ничего — даже тьмы.

Кай смотрел на неё и чувствовал, как резерв проваливается в пустоту. Силы уходили слишком быстро. Слишком жадно. Заклинанию было мало маны — оно тянуло глубже, туда, где теплилась прана.

Жизнь.

Его жизнь.

Из арки вышла фигура в капюшоне.

Серый плащ не колыхался от ветра. Его края расплывались, как туман над могилой. На месте лица под капюшоном была тьма, и эта тьма повернулась сначала к Каю.

На миг ему показалось, что Жнец смотрит именно на него.

Не как слуга.

Как судья.

Кай едва не сорвался.

“Нет”.

Он вцепился в ветку, в боль, в страх, в мысль о матери.

“Не я. Он”.

Жнец повернулся к оборотню.

Тот попытался спрыгнуть со ствола, но тело не послушалось достаточно быстро. Яд, оберег, страх или сама близость призванной силы — что-то задержало его на долю мгновения.

Этого хватило.

Чёрная коса описала дугу.

Она не коснулась тела.

Да и не должна была.

По воздуху прошёл режущий свист, от которого у Кая заболели зубы. Оборотень резко вдохнул, будто хотел закричать, но не успел.

Его глаза погасли.

Пальцы разжались.

Тело рухнуло вниз и ударилось о землю с глухим тяжёлым звуком.

Жнец стоял неподвижно.

Кай понял, что не может вдохнуть.

Арка начала меркнуть. Фигура в капюшоне медленно повернулась к нему снова.

“Уходи”, — хотел сказать Кай.

Но губы не слушались.

Жнец сделал шаг назад, в серую пустоту. Потом ещё один. Арка сомкнулась, и мир рывком вернул себе цвет.

Звуки обрушились разом: ветер в кронах, далёкая сова, собственное хриплое дыхание.

Кай попытался удержаться за ветку.

Пальцы не сжались.

Сначала пришла темнота.

Потом боль — резкая, белая, будто его разорвало изнутри.

Потом снова темнота.

И тишина.

Глава 2. Бегство из империи

Кай родился в 2825 году после окончания Великой войны — в столице империи, среди мрамора, храмовых колоколен и чужих тайн.
Хроники

Впрочем, сам он не помнил ни мрамора, ни колоколен. Из всей столицы в его памяти позже остались только рассказы матери: широкие улицы, по которым по утрам проезжали колесницы знатных домов; фонтаны с водой, такой чистой, что на дне можно было различить каждую монету; запах ладана в храмах и вечный шум огромного города, где даже ночью кто-нибудь молился, торговался, плакал или умирал.

Его мать, Велена, выросла в храме богини милосердия.

Это был не самый богатый храм столицы и не самый влиятельный. Жрецы Единого смотрели на него свысока, служители воинственных культов считали сестёр милосердия слабыми, а придворные любили их ровно до тех пор, пока нуждались в лекарях. Зато простые люди шли туда охотнее, чем в любой другой храм.

В храме лечили раны, принимали роды, кормили сирот, ухаживали за стариками и не спрашивали, какой бог висит у человека на шее. Считалось, что боль у всех одинакова, а значит, и милосердие не должно выбирать.

Велена была дочерью верховной жрицы Алерии.

Для большинства послушниц это означало бы почёт, особое положение и мягкую жизнь под защитой матери. Для Велены — только больше обязанностей. Алерия не позволяла дочери лениться, не терпела капризов и с ранних лет повторяла:

— Милосердие ничего не стоит, если оно удобно.

Велена мыла полы в больничных залах, меняла повязки, растирала травы в ступке, училась читать старые молитвы и не раз засыпала прямо над раскрытой книгой. Она рано привыкла к крови, горячечному бреду, детскому плачу и тому особому молчанию, которое бывает у людей, слишком уставших, чтобы просить о помощи.

Но за пределами храмовых стен она бывала редко.

Мир за воротами казался ей огромным и шумным. Там всё куда-то спешило, торговалось, спорило, толкалось, пахло жареным мясом, конским потом, мокрым камнем и чужими желаниями. Велена смотрела на этот мир с любопытством, но без зависти. Храм был её домом, её школой и её судьбой.

Мир сам пришёл к ней в виде раненого наёмника.

Его принесли поздней осенью, когда над столицей висел холодный дождь. Молодой мужчина был без сознания, с пробитым боком и лихорадкой. По словам солдат, его отряд вернулся с дальних рубежей, где стычки с кочевниками давно уже считались обычным делом.

Звали его Ренар.

Позже Велена говорила, что имя это звучало слишком мягко для человека, который умел смеяться с перебинтованной грудью и спорить с лекарями, едва научившись сидеть.

Ренар поправлялся медленно.

Сначала он только молчал и смотрел в потолок. Потом начал благодарить сестёр. Потом — шутить. А когда Велена принесла ему горький отвар и велела выпить до дна, он спросил:

— А если я откажусь?

— Тогда я позову мать.

— Верховную жрицу?

— Да.

Он задумался, посмотрел на чашу и вздохнул:

— В таком случае смерть в бою кажется мне более милосердной.

Велена впервые рассмеялась при нём.

С этого всё и началось.

Ренар рассказывал ей о местах, которые она знала только по картам: о перевалах, где снег лежит даже летом; о степях, где трава выше конской груди; о городах, построенных на сваях; о море, которое не похоже ни на один фонтан, потому что у него нет края.

Велена слушала, стараясь делать вид, что просто выполняет обязанности сестры. Но всё чаще задерживалась у его ложа дольше, чем требовалось. Всё чаще приносила книги, чтобы проверить, не врёт ли он о дальних землях. Всё чаще улыбалась, когда слышала его голос.

Алерия всё заметила.

Она была женщиной спокойной, но Велена с детства знала: мать видит больше, чем говорит.

Однажды вечером, когда Ренар уже мог ходить по двору, Алерия остановила дочь у колоннады.

— Ты привязалась к нему.

Велена почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Он ранен. Я забочусь о нём.

— Ты заботишься о многих раненых.

— Мама...

— Я не упрекаю тебя.

Это было хуже упрёка. Велена опустила глаза.

Алерия коснулась её плеча.

— Богиня не требует от нас холодного сердца. Но сердце, дитя моё, умеет путать милосердие с любовью, а любовь — с обещанием вечности.

— Он хороший человек.

— Возможно.

— Ты говоришь так, будто это плохо.

— Я говорю так, будто хорошие люди тоже уходят.

Ренар ушёл через три месяца.

Не потому, что захотел бросить Велену. Его легион получил приказ отправиться к дальним границам. Он обещал вернуться после окончания контракта. Велена верила ему, потому что иначе не могла.

К тому времени она уже носила под сердцем ребёнка.

Алерия узнала об этом раньше всех. Не стала кричать, не стала стыдить, не стала говорить, что дочь опозорила храм. Только долго сидела рядом с Веленой в маленькой комнате за лечебным залом и держала её за руку.

— Ты оставишь ребёнка? — спросила она.

— Конечно.

— Тогда всё остальное решим.

— А если Ренар не вернётся?

Алерия посмотрела в окно, где над храмовым двором кружили голуби.

— Значит, у ребёнка будет мать. И бабушка.

Велена улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты не сердисься?

— Сержусь.

— На меня?

— На мир. На войну. На мужчин, которые обещают вернуться и слишком часто не возвращаются. На себя — потому что не могу уберечь тебя от боли.

Она помолчала, потом добавила:

— Но не на тебя.

В ту пору империя ещё казалась вечной.

Над Эвендором возвышался дворец Алариса Третьего, императора из древнего дома Аларидов. Его статуи стояли на площадях, его профиль чеканили на монетах, его имя произносили в храмах вместе с молитвами о мире и процветании.

Мало кто знал, что когда-то, Аларис часто приходил в храм милосердия не как император, а как человек, ищущий тишины. Ещё меньше людей знали, почему верховная жрица Алерия носила имя, слишком похожее на имена старой императорской крови.

Велена этого не знала.

Кай — тем более.

Для них Аларис был только именем на монетах, далёким владыкой за дворцовыми стенами, человеком, чьи приказы меняли судьбы тысяч, но не должны были коснуться маленькой комнаты при храме.

Так им казалось.

В молодости Аларис слыл государем странным, но не злым. Он любил редкие представления, собирал механические игрушки, щедро одаривал артистов и мог среди ночи приказывать осветить дворцовый сад тысячей ламп, потому что ему захотелось увидеть, как розы выглядят при “звёздном огне”. Придворные смеялись осторожно, но охотно: чудачества императора были безопасны, пока казались красивыми.

С годами всё изменилось.

Сначала шутки стали грубее. Потом — жестче. Потом люди начали исчезать за неудачные слова, а во дворце появились залы, куда не пускали даже большую часть слуг.

Говорили, что императору наскучили музыка, охота и пиры. Говорили, что теперь его развлекают страх и боль. Говорили, что он может часами смотреть, как пытаются преступника, а потом с тем же выражением лица выбирать ткань для нового плаща.

Но в столице многое говорили шёпотом.

При Аларисе маги набрали невиданную силу. Совет искусств спорил с храмами, храмы спорили друг с другом, придворные семьи покупали прорицателей, целителей, астрологов и убийц с одинаковой охотой. Каждый искал себе покровителя. Каждый боялся оказаться без защиты.

Только храм милосердия держался в стороне.

Алерия не участвовала в придворных играх, хотя её приглашали. Не просила новых земель, хотя могла. Не торговала исцелениями за влияние и не позволяла сёстрам выбирать больных по знатности рода.

— Мы служим не двору, — говорила она. — Мы служим тем, кто страдает.

Но даже храм не мог навсегда остаться островом посреди гниющей империи.

Когда родился Кай, колокола богини милосердия звонили всю ночь. Младенец был слабым, кричал мало, и Велена, измученная родами, всё время спрашивала, дышит ли он.

— Дышит, — отвечала Алерия. — И будет дышать. Упрямство у него твоё.

— А глаза?

Алерия наклонилась над ребёнком.

— Пока трудно сказать.

— Пусть будут его, — прошептала Велена.

Она имела в виду Ренара.

Алерия ничего не ответила.

За окнами храма шумела столица. В дальнем дворце стареющий император всё чаще просыпался в ярости и всё реже помнил, за что велел наказать людей накануне. В канцеляриях писали новые доносы. В храмах спорили о власти. В казармах солдаты учились не задавать вопросов.

А в маленькой комнате при храме Велена держала сына на руках и думала только о том, что он тёплый, живой и пахнет молоком.

Катастрофа началась в праздник Единения.

Этот день в империи любили почти все. Знать — за торжественные шествия и возможность показаться народу в лучших одеждах. Жрецы — за полные храмы. Торговцы — за толпы покупателей. Простой люд — за бесплатный хлеб, дешёвое вино и редкий случай увидеть императора не на монете, а живым.

Смысл праздника был древним и простым: в этот день каждый житель империи, от нищего до наследника старого рода, должен был почувствовать себя частью одного большого народа. Не стаей, не толпой, не кучкой людей, случайно живущих под одной властью, а именно народом.

В полдень император по традиции выходил к священному фонтану Единения и целый час поил своих подданных чистой водой. Так он показывал, что корона стоит выше всех, но служение народу выше короны.

Аларис явился к фонтану в прекрасном настроении.

На нём был белый плащ с золотой вышивкой, лавровый венец и улыбка человека, который заранее знает шутку, но ещё не решил, когда именно её произнести. Толпа на площади встретила его восторженным гулом. Кто-то кричал благословения. Кто-то поднимал детей на плечи, чтобы те увидели государя. Старухи плакали, как будто одно появление императора могло сделать их жизнь легче.

Аларис поднял руку.

Площадь постепенно стихла.

У фонтана стояли жрецы разных культов, маги Совета искусств, офицеры дворцовой стражи, главы старых родов в тяжёлых плащах. Всё было готово к обряду: серебряная чаша лежала на мраморном бортике, вода била из пастей четырёх каменных львов, над площадью звонили колокола.

Император взял чашу.

Толпа замерла.

Аларис опустил её в воду, покрутил в пальцах и вдруг рассмеялся.

Сначала тихо.

Потом громче.

Жрецы переглянулись. Несколько придворных тоже улыбнулись — осторожно, не понимая, дозволено ли смеяться вместе с государем.

— Как торжественно, — сказал Аларис. — Как возвышенно. Как скучно.

Он отбросил чашу.

Серебро звякнуло о камень.

На площади стало так тихо, что было слышно, как вода падает в чашу фонтана.

Аларис сел на бортик, снял одну сандалию, потом другую и опустил ноги в священную воду.

Несколько человек в толпе ахнули.

Один из жрецов шагнул вперёд, но офицер стражи схватил его за рукав.

Император довольно пошевелил пальцами в воде.

— Вот так лучше, — сказал он. — Освежает.

Толпа ещё не понимала, что происходит. Люди смотрели на него с тем глупым ужасом, с каким смотрят на пожар в собственном доме: глаза уже видят пламя, но разум всё ещё ждёт, что сейчас кто-нибудь объяснит, что это ошибка.

Аларис поднял взгляд на площадь.

— А теперь, пожалуй, сделаю воду по-настоящему императорской.

Он расстегнул пояс и помочился в фонтан.

Кто-то из жриц вскрикнул.

Один старик в первых рядах закрыл лицо руками. Несколько придворных отвернулись. Жрецы застыли.

На площади стало так тихо, что было слышно, как вода падает из пастей каменных львов.

Аларис застегнул пояс и улыбнулся.

— Что же вы не пьёте? — спросил он. — Ну же. Отведайте. Я приправил её лично.

Никто не ответил.

Улыбка его стала шире.

— Ну же. Вода прекрасна. Я даже улучшил её вкус.

Кто-то в толпе тихо выругался.

Потом другой.

Ропот пошёл по площади волной.

Аларис наслаждался этим. Он смотрел на лица людей, как ребёнок смотрит на муравейник, в который только что ткнул палкой.

— Не нравится? — спросил он. — Странно. Вы же пришли за милостью императора.

Ропот стал громче.

Из первых рядов кто-то крикнул:

— Стыд!

Слово было коротким, но площадь услышала его целиком.

Аларис медленно повернул голову.

— Кто сказал?

Ответом ему стал новый гул. Уже не растерянный. Злой.

Кусок яблока пролетел над головами и ударил императора в плечо, оставив мокрое пятно на белом плаще.

Время на площади словно остановилось.

Аларис посмотрел на пятно.

Потом на толпу.

Лицо его изменилось так быстро, что даже придворные отступили на шаг. Улыбка исчезла. Глаза налились тёмной яростью.

— Изрубить, — сказал он.

Офицер стражи побледнел.

— Государь?

— Изрубить толпу.

— Но, ваше величество...

Аларис ударил его по лицу тыльной стороной ладони.

— Ты оглох?

Стража двинулась не сразу.

Это промедление спасло кому-то жизнь и погубило многих. Люди в первых рядах успели понять, что происходит, но не успели отступить. Давка началась раньше, чем мечи обнажились окончательно.

Потом сталь вошла в людей.

Крик поднялся такой, что колокола уже не были слышны.

На площади, где ещё мгновение назад продавали сладкие лепёшки и поднимали детей на плечи, началась бойня. Люди падали в фонтан, вода розовела, кто-то пытался вытащить раненого брата, кто-то бил стражника голыми руками, кто-то просто стоял, не веря, что император приказал убивать собственный народ.

Аларис смотрел.

И смеялся.

Не громко. Не безумно. Почти спокойно.

И от этого смеха тем, кто стоял рядом, стало страшнее, чем от крови.

На следующий день столица уже горела.

То, что началось как ужас, стало яростью. То, что было яростью, стало восстанием. Императорские отряды в городе оказались слишком малы для столицы, которая внезапно вспомнила, сколько в ней людей. Кузнецы раздавали молоты. Мясники точили ножи. Студенты магических школ крали реактивы. Жрецы спорили, кому молиться, а некоторые впервые за много лет просто открывали двери храмов для раненых.

Дворец держался.

Пока держался.

В первые дни у восставших не было вождя. Были только ненависть, страх и желание не дать стражникам снова выйти на улицы. Но толпа без вождя быстро становится добычей — для солдат, для магов, для собственной злобы.

Тогда появился Марий.

Позже о нём писали как о посланнике небес, защитнике народа и спасителе империи. Ещё позже — как о мудром государе, который вытащил страну из безумия. Но в первые дни восстания он был просто человеком с громким голосом, прямой спиной и редким даром говорить так, что люди переставали метаться и начинали слушать.

О его прошлом спорили ещё при жизни. Одни утверждали, что он происходил из благородного, но обедневшего рода. Другие — что служил капитаном на пиратском корабле и взял имя Марий уже в империи. Третьи уверяли, что он был наёмником, шпионом, беглым дворянином или всем сразу.

Истина, как это часто бывает, оказалась погребена под удобными легендами.

Марий не был самым знатным.

Не был самым богатым.

Не был самым сильным магом — магом он не был вовсе.

Но он умел видеть, где толпа нуждается в приказе, а где — в надежде.

Он приказал строить баррикады не где попало, а у узких улиц. Велел не жечь продовольственные склады. Убедил ремесленные цеха выставить охрану. Заставил тех, кто хотел мести, сначала подумать, чем кормить детей завтра утром.

И люди пошли за ним.

Через две недели дворец пал.

Алариса Третьего нашли не в тронном зале, не у алтаря и не с мечом в руке. Его нашли в одной из внутренних комнат, где он прятался среди перевернутой мебели и разбитых зеркал. Собственные слуги выдали его восставшим, надеясь купить себе жизнь.

Марий приказал казнить и императора, и слуг.

— Предатель, — сказал он тогда, — может быть полезен один раз. Но жить рядом с ним глупо.

Эти слова потом часто повторяли как доказательство его твёрдости..

В те дни мало кто спрашивал, чем твёрдость отличается от жестокости.

После смерти Алариса началась расправа над его домом.

С законными наследниками расправлялись быстро и без милосердия. Сестру императора убили в её покоях. Двух племянников — на дороге к северным воротам. Нескольких дальних родственников бросили в темницы, откуда они уже не вышли.

Марий не хотел оставлять за спиной кровь, вокруг которой могли собраться сторонники старого порядка.

Но не вся кровь старого дома жила во дворце.

И не все тайны империи хранились в архивах.

Вечером того же дня архимаг Аврелий не спал.

Едва ли в Эвендоре вообще нашлось бы много людей, способных уснуть этой ночью. Столица горела. Где-то за дворцовым кварталом поднимались столбы дыма, по улицам металась отряды, в переулках кричали, молились, грабили, добывали старых врагов и случайных прохожих.

Аврелий видел всё это с верхней площадки Башни искусств.

Он стоял у каменного парапета, сжимая пальцами холодный край, и смотрел не на дворец, не на горящие дома знати и не на площадь, где ещё недавно лежали тела. Его взгляд был прикован к тонкой цепочке факелов, медленно ползущей по широкой улице к храму милосердия.

Сначала он убеждал себя, что ошибся.

Потом — что факелы пройдут мимо.

Потом перестал лгать себе.

К храму шли не случайные горожане. Не толпа, сорвавшаяся в ярость. Слишком ровно двигалась цепочка огней, слишком уверенно держался строй. Это были люди, посланные с приказом.

И Аврелий знал, чей это приказ.

Марий не знал главной тайны храма. Не знал, чья кровь текла в жилах Алерии, и уж тем более не знал, кем однажды станет её внук. Но ему и не нужно было знать. Для новой власти храм милосердия был опасен сам по себе: слишком любим народом, слишком независим, слишком упрям.

Аврелий развернулся и пошёл к лестнице.

Потом побежал.

Для человека его лет это выглядело бы нелепо. Для архимага — почти неприлично. Но в ту ночь ему было плевать на достоинство, на титулы и на то, что скажут ученики, если увидят, как глава Совета искусств несётся вниз по ступеням, придерживая мантию, чтобы не споткнуться.

Он не должен был ждать.

Не должен был спорить с Советом.

Не должен был надеяться, что Марий ограничится дворцом.

Надо было увести её раньше.

Эта мысль была сильнее, чем холодный ветер в лицо.

У ворот Башни его попытались остановить двое стражей.

— Господин архимаг, в городе небезопасно.

— Я знаю.

— Совет приказал никого не выпускать без...

Аврелий даже не дослушал. Воздух перед ним дрогнул, и стражи мягко отлетели в стороны, будто их толкнула невидимая ладонь. Не сильно — только чтобы не мешали.

— Потом извинюсь, — бросил он и вышел на улицу.

Запах гари ударил в лицо.

Город, который днём ещё назывался столицей империи, ночью стал раненым зверем. Где-то падала крыша. Где-то ревела толпа. В переулке мальчишка в окровавленной рубахе тащил за

руку женщину, которая, кажется, уже не понимала, куда идёт. У разбитой лавки двое мужчин дрались за мешок муки.

Аврелий не остановился.

Каждый шаг задержки мог стоить Алерии жизни.

К храму он добрался раньше факелов.

Всего на несколько минут.

Главные ворота были закрыты. Маленькая боковая дверь, через которую обычно впускали больных ночью, тоже оказалась заперта. Аврелий ударил в неё кулаком.

— Открыть!

За дверью послышалось движение.

— Кто там?

— Архимаг Аврелий. Открывай.

Молчание.

Потом испуганный голос:

— Верховная жрица приказала никого не впускать.

— Верховная жрица иногда ошибается.

— Господин, я не могу...

— Можешь.

— Мне велено...

Аврелий закрыл глаза.

Он не хотел ломать дверь храма. Не хотел применять силу здесь, у этих стен. Но с улицы уже доносился гул голосов. Факелы были близко.

— Отойти от двери, — сказал он.

— Господин?

— Отойти.

Он дождался, пока за дверью заскрипят шаги, потом коснулся дерева двумя пальцами.

Дверь не взорвалась и не загорелась. Она просто смялась внутрь, сжалась, будто стала мягкой глиной, и бесшумно осыпалась на каменный пол щепой.

Молодой привратник стоял в трёх шагах, белый как мел.

Аврелий прошёл мимо.

За его спиной щепы и смятое дерево дрогнули, поднялись с пола и снова сомкнулись в дверном проёме. Дверью это уже назвать было трудно: грубая глухая заплата без ручки и петель. Но несколько минут она выдержит.

— Теперь держи главный засов, — бросил он привратнику. — Эту дверь больше не открывай.

Во внутреннем дворе храма было странно тихо.

Фонтаны не работали. Лекарские носилки стояли у стены. Часть окон была тёмной, часть — освещена дрожащим светом ламп. Где-то внутри плакал ребёнок.

Алерия стояла у колоннады.

На ней не было праздничного облачения, только простое тёмное платье и белый жреческий шарф на плечах. Волосы, обычно убранные безупречно, выбились из-под заколок. Лицо было усталым, но спокойным.

Слишком спокойным.

— Ты опоздал, — сказала она.

Аврелий остановился перед ней.

— Я пришёл раньше убийц.

— Не называй всех убийцами. Среди них могут быть испуганные люди.

— Испуганные люди не идут строем к храму с факелами.

Она посмотрела на него мягко, и от этого стало хуже.

— Ты пришёл уговаривать меня уйти.

— Не уговаривать. Уводить.

— Силой?

— Если понадобится.

Алерия едва заметно улыбнулась.

— Ты всегда плохо угрожал тем, кого любишь.

Аврелий вздрогнул.

За стеной стал громче шум толпы. Уже можно было разобрать отдельные голоса.

— У нас мало времени, — сказал он. — Марий зачищает всё, что может стать знаменем прежнего порядка. Ты это понимаешь.

— Понимаю.

— Тогда идём.

— Нет.

Слово было тихим. Но Аврелий знал этот тон. Так Алерия говорила, когда решение уже принято.

— В храме остались больные, — продолжила она. — Семеро в тяжёлом состоянии. Две сестры отказались уходить. Ещё несколько детей. Я не брошу их.

— Их можно перенести.

— Куда? На горящие улицы?

— Я открою портал.

— Для всех?

Аврелий замолчал.

Вот она. Самая страшная часть правды.

Открыть портал для себя и двух-трёх человек он мог быстро. Открыть устойчивый переход для десятков, среди которых больные, дети и испуганные сестры, — нет. Не сейчас. Не без подготовки. Не после двух суток почти без сна.

Алерия поняла ответ по его лицу.

— Вот видишь.

— Тогда я останусь и защищу храм.

— Нет.

— Алерия!

— Нет, — повторила она твёрже. — Ты не станешь убивать людей у моих дверей.

— Если они придут убивать тебя?

— Я верховная жрица богини милосердия, Аврелий. Но милосердие — не беспомощность.

Он горько усмехнулся.

— Ты думаешь, я забыл, на что ты способна?

— Надеюсь, нет.

— Тогда тем более идём. Если ты останешься, они приведут больше людей. Лучников.

Магов. Негаторы. Что угодно.

— Возможно.

— Возможно!?

— Ты говоришь так, будто обсуждаешь дождь.

— Я говорю так, потому что если позволю себе страх, то не смогу делать то, что должна.

Аврелий шагнул ближе.

— А то, что должна ты мне? Велене? Каю?

При имени дочери лицо Алерии дрогнуло.

Совсем немного.

Но он увидел.

— Вот, — сказал Аврелий тише. — Ты ведь сама понимаешь.

Алерия отвернулась к тёмному проходу, ведущему во внутренние комнаты.

— Велена! — позвала она.

Через несколько мгновений из тени вышла молодая женщина.

Велена была бледна. В руках она держала свёрток, из которого доносилось слабое младенческое сопение. Кай спал, не зная ни о восстании, ни о смерти императора, ни о том, что его жизнь уже стала частью чужой охоты.

— Мама? — Велена посмотрела сначала на Алерию, потом на Аврелия. — Что происходит?

Алерия подошла к дочери.

— Ты уйдёшь с Аврелием.

— Куда?

— Из столицы.

— А ты?

— Я останусь.

— Нет.

Велена сказала это почти так же, как минутой раньше сказала сама Алерия.

Верховная жрица улыбнулась с болью.

— Упрямыство у нас семейное.

— Я не уйду без тебя.

— Уйдёшь.

— Нет!

Ребёнок в её руках завозился и тихо заплакал.

Алерия положила ладонь на свёрток.

— Тише, маленький. Тише.

Кай успокоился почти сразу.

Велена смотрела на мать расширенными глазами.

— Если ты останешься, они убьют тебя.

— Не обязательно.

— Как ты можешь говорить это так спокойно?

— Потому что если я начну кричать, легче не станет.

— Мама...

Алерия обняла её.

— Слушай меня внимательно. Что бы ни случилось дальше, ты должна жить. Ты и Кай.

— Тогда идём с нами.

— Я останусь.

— Почему?

— Потому что в храме больные.

— Мама...

Алерия взяла лицо дочери в ладони.

— Послушай меня. Я верховная жрица. Даже сейчас это что-то значит.

— Но они идут сюда.

— Пограбят кладовые, разобьют пару статуй, накричат, может быть, заберут серебро из алтарной чаши. И уйдут.

Велена всхлипнула.

— Ты правда так думаешь?

Алерия улыбнулась.

— Я слишком стара, чтобы бояться каждого мальчишку с факелом.

В глазах Велены появилась надежда.

Слабая, дрожащая, но надежда.

Аврелий увидел её — и промолчал.

Он знал Алерию слишком хорошо. Знал, как звучит её голос, когда она говорит правду.

И как — когда говорит то, что человеку необходимо услышать, чтобы не сломаться.

За воротами ударили.

Первый раз.

Глухо, тяжело.

Привратник где-то за спиной вскрикнул.

Велена вздрогнула и крепче прижала Кая к груди.

— Видишь? — сказала Алерия мягче. — Они больше шумят, чем действуют. Иди. Я разберусь с этим быстрее, если не буду думать о тебе и Кае.

— Ты обещаешь?

На этот раз Алерия ответила не сразу.

— Я обещаю сделать всё, что смогу.

Велена заплакала.

Алерия отстранилась и вытерла её щёку большим пальцем.

— Аврелий поможет тебе.

Велена посмотрела на мага.

— Вы пойдёте с нами?

Аврелий не сразу ответил.

Алерия ответила за него:

— Нет. Но он выведет тебя из города.

— А потом?

— Потом ты будешь жить.

Снаружи ударили снова.

Дерево глухо застонало.

Аврелий шагнул ближе.

— Алерия, времени нет.

— Знаю.

Она повернулась к нему. На мгновение в её лице исчезла вся жреческая строгость, и Аврелий увидел не верховную жрицу, не хранительницу храма, не женщину, которая решила остаться умирать или выживать с больными, а ту, кого знал много лет назад.

Уставшую.

Испуганную.

Живую.

— Ты сможешь открыть портал для троих? — спросила она.

— Да.

— Далеко?

— В пограничье. У озера возле старой дороги. Там есть деревня.

— Хорошо.

— Я вернусь за тобой.

— Сначала уведи их.

— Я вернусь.

Алерия посмотрела на него долго и спокойно.

— Тогда постарайся не опоздать во второй раз.

Это было жестоко.

И заслуженно.

Аврелий принял эти слова молча.

Велена прижала Кая к груди. Ребёнок снова завозился в свёртке, недовольно пискнул и затих.

Алерия коснулась пальцами щеки младенца.

— Пусть богиня хранит тебя, Кай, — сказала она тихо. — И пусть однажды ты поймёшь: милосердие — это не слабость.

Аврелий вздрогнул.

Он не знал, было ли это просто благословением или Алерия вкладывала в слова больше, чем должна была сказать вслух.

Потом она подошла к нему.

— Береги их.

— Ценой жизни.

— Не надо красивых клятв, Аврелий. Просто береги.

Он усмехнулся одними губами.

— Ты всегда портила мне торжественные минуты.

— Значит, хоть в чём-то я постоянна.

За воротами послышался крик. Привратник закричал кому-то, чтобы держали засов.

Алерия поднялась на цыпочки и поцеловала Аврелия.

Поцелуй был коротким. Не таким, о котором складывают песни. Не таким, после которого мир замирает. Просто прощание двух людей, слишком долго откладывавших невозможное.

Когда она отступила, Аврелий выглядел старше.

Он взял Велену за руку.

— Идём.

Та дёрнулась было к матери, но Алерия резко сказала:

— Велена.

В этом одном слове был приказ.

Дочь остановилась.

Алерия кивнула Аврелию.

Маг поднял свободную руку.

— Алис локус деви, локус ахар, локус дамаш, локус...

Воздух перед ними дрогнул.

Сначала появилась тонкая светлая нить, потом она разошлась в стороны, раскрывая овальный проход. За ним виднелась не улица и не другой зал, а ночной берег: тёмная вода, трава, редкие звёзды между облаками.

Из портала пахнуло холодом и сырой землёй.

Ворота храма треснули снова.

— Быстрее, — сказал Аврелий.

Велена шагнула в проход первой, потому что он почти втолкнул её туда. Она вскрикнула от неожиданного холода, крепче прижала Кая и исчезла в голубоватом свете.

Аврелий задержался на одно мгновение.

Алерия стояла у колоннады. За её спиной сестры таскали носилки, кто-то пытался отвести детей в дальние комнаты, кто-то молился так быстро, что слова сливались.

Верховная жрица не молилась.

Она смотрела на Аврелия.

— Живи, — сказал он.

— Постараюсь.

Портал начал дрожать.

Аврелий шагнул следом за Веленой.

Последнее, что он увидел в Эвендоре, была не горящая столица и не ломящиеся ворота храма.

Алерия.

Спокойная.

Одинокая.

И всё ещё не сломленная.

Потом проход сомкнулся.

Мир перевернулся.

Велена упала на колени в мокрую траву.

Кай заплакал.

Аврелий вышел следом и сразу оборвал связь со столицей. Несколько секунд он стоял неподвижно, прислушиваясь к пустоте, будто мог сквозь неё услышать храм.

Не мог.

Перед ними лежал берег небольшого озера. Вода темнела под ночным небом, у кромки тихо шуршал камыш. Невдалеке, за низким холмом, мерцали несколько огней — деревня.

Велена всё ещё стояла на коленях.

Кай плакал у неё на руках — тонко, сердито, живо.

— Открой обратно, — сказала она.

Аврелий не ответил.

— Открой портал.

— Нет.

Она подняла на него глаза.

— Ты обещал вернуться.

— Я обещал вернуться сам.

— Она там.

— Знаю.

— Тогда что ты здесь стоишь?

Аврелий отвернулся.

Любое проклятие было бы легче этого взгляда.

— Если я сейчас открою переход назад, за мной смогут пройти. Или выйти на след. Я приведу их к тебе и к ребёнку.

— Мне всё равно.

— А ему?

Велена прижала Кая крепче.

Ребёнок всхлипнул и затих, будто тоже ждал ответа.

— Это нечестно, — прошептала она.

— Знаю.

— Ты забрал меня, а её оставил.

— Знаю.

— Не говори так.

Аврелий опустил перед ней на одно колено.

— Велена, слушай. Сейчас у тебя есть только один долг.

— Не смей говорить мне о долге.

— Тогда не о долге. О сыне.

Она закрыла глаза.

Несколько мгновений было слышно только камыши и её сбившееся дыхание.

Аврелий достал из внутреннего кармана небольшой кожаный мешочек и положил на траву перед ней.

— Здесь десять золотых, серебро и немного меди. Для этих мест это много.

Велена не пошевелилась.
— Деньги не умеют жить вместо меня.
— Нет. Но за них можно купить дом. Еду. Дрова. Чью-то помощь.
— Я не умею жить в деревне.
— Научишься.
— Ты говоришь так, будто это просто.
— Нет. Просто сейчас я не знаю слов, которые сделают это легче.
Она наконец взяла мешочек. Не сразу, будто он был горячим.
— Что мне сказать людям?
— Что ты вдова.
— Я не вдова.
— Здесь — вдова. Муж погиб на дороге. Или на войне. Чем меньше подробностей, тем лучше.
— А имя?
— Велена можешь оставить. Фамилию — нет.
Она криво усмехнулась.
— У меня её и не было.
Аврелий почти улыбнулся, но улыбка тут же погасла.
— Тогда это единственное, что сегодня оказалось проще.
Велена посмотрела в сторону огней.
— И что дальше? Я приду к чужим людям ночью с младенцем на руках и скажу: пустите меня?
— Да.
— Так просто?
— Нет. Но первые шаги всегда выглядят глупо.
Она горько усмехнулась.
— Мудрость архимага?
— Скорее опыт старого дурака.
Он снял с пальца неприметное кольцо с маленьким тёмным камнем и протянул ей.
— Возьми.
— Что это?
— Если случится беда, нажми на камень и трижды произнеси моё имя. Я услышу. Если смогу — приду.
— Если сможешь?
— Я больше не буду тебе лгать.
Эти слова ударили сильнее, чем он ожидал.
Велена сжала кольцо в ладони.
— Значит, раньше лгал?
— Сегодня — да.
— Когда?
— Когда молчал рядом с твоей матерью.
Она хотела ответить, но не смогла.
Аврелий снял с плеч тёплый плащ и накинул ей на плечи.
— Не показывай кольцо. Не говори о храме. Не произноси имени Алерии при чужих.
— Почему?
— Потому что имена иногда живут дольше людей. И убивают не хуже ножа.
Велена кивнула.
Едва ли она поняла всё. Но сейчас понимать всё было невозможно.

Она поднялась не сразу. Ноги дрожали, и Аврелий хотел помочь, но остановил руку. Велена сама встала, прижимая Кая к груди.

— Ты правда вернёшься за ней?

— Да.

— Сейчас?

— Нет.

— Когда?

Он посмотрел туда, где за лесами, дорогами и огромным расстоянием горела столица.

— Как только смогу вернуться и не привести смерть за собой.

Велена долго смотрела на него.

Потом повернулась к огням деревни.

— Если она умрёт...

— Я знаю.

— Нет, — сказала Велена. — Не знаешь.

И пошла.

Медленно, будто каждый шаг давался через силу. У самой тропы она остановилась и обернулась.

Аврелий всё ещё стоял у озера.

Она хотела что-то сказать, но не сказала.

Потом отвернулась и пошла дальше.

Когда огни деревни скрыли её силуэт, Аврелий открыл новый портал.

Не в Эвендор.

Ещё не в Эвендор.

Сначала он должен был сбить след. Увести погоню. Сделать всё, что следовало сделать раньше.

Он шагнул в холодный свет и исчез.

Позже, узнав о гибели Алерии, Аврелий долго не мог простить себе эту ночь.

Он не простил её себе никогда.

Кольцо Велена не использовала.

И потому долгие годы Аврелий убеждал себя, что у неё всё хорошо.

Иногда человек верит не потому, что есть надежда.

А потому, что иначе невозможно жить.

Глава 3. В плену воспоминаний

«Прошлое держит крепче цепей.

Оно возвращает картины, которых мы не хотели бы видеть, и чувства, которых не хотели бы знать. Но оковы памяти рвутся там, где человек решается жить дальше»

Из записей Кая

Кай плыл в темноте.

Она была густой и непроглядной, но не пустой. В ней что-то двигалось: обрывки голосов, чужое дыхание, запах дыма, мокрой травы и крови. Иногда темнота становилась холодной, как ночной лес. Иногда — тёплой и тяжёлой, как одеяло, которым укрывают больного.

Он пытался открыть глаза.

Не смог.

Тело лежало где-то далеко. Не здесь. Здесь были только темнота и голоса.

— Он жив? — спросил кто-то.

Мужской голос. Незнакомый. Хриплый от усталости или страха.

— Пока да, — ответила женщина.

Даен.

Кай узнал её не сразу. Голос казался слишком далёким, будто доносился со дна колодца.

— “Пока” мне не нравится, — сказал мужчина.

— Мне тоже многое сегодня не нравится.

Где-то рядом скрипнули доски. Кто-то тяжело выдохнул.

— Он же убил его, — произнёс другой голос. — Я видел тело. Лежит человек, а смотришь — всё равно зверь. Глаза открыты, а внутри будто никого нет.

— Тише.

— Да я что? Я просто говорю...

— Не говори, — резко сказала Даен. — Вообще ничего не говори. Ни здесь, ни у колодца, ни в таверне, ни жене под одеялом. Особенно жене.

Мужчина пробормотал что-то неразборчивое.

— А что с ним? — спросил первый. — Ран почти нет. Царапины, ушибы, пальцы содраны. А выглядит так, будто его месяц в могиле держали.

— Силы вычерпаны, — ответила Даен.

— Это как?

— Не знаю, как объяснить проще.

— Он умрёт?

Пауза.

В этой паузе Кай почувствовал, как темнота стала плотнее.

— Если бы собирался умереть, уже умер бы, — сказала Даен наконец. — Но лучше ему от этого не стало.

— Может, священника позвать?

— Нет.

Слово ударило резко, как захлопнутая дверь.

— Даен...

— Нет.

— Но если он колдун...

— Он спас деревню.

— Я не спорю. Только люди видели...

— Люди видели мёртвого оборотня и мальчишку без сознания.

— Там кости были, — упрямо сказал мужчина. — Много костей. И лежали так, будто сами дрались.

— В лесу после такой ночи можно найти что угодно.

— Они лежали кругом. Будто дрались.

Даен заговорила тише. От этого голос стал опаснее.

— Значит, так и скажешь: ничего не понял. Нашёл тело, нашёл Кая, испугался и позвал меня. Если завтра хоть один человек в деревне произнесёт слово “некромант”, я узнаю, откуда оно пошло. И тогда тебе понадобится не священник, а хороший лекарь. Очень терпеливый. Потому что лечить тебя придётся долго.

Мужчина сглотнул.

— Я понял.

— Хорошо. Теперь заберите тело из леса.

— Куда?

— Подальше от деревни. Сожгите. Кости закопайте глубоко.

— А если барон спросит?

— Барон может спросить, почему его люди месяцами не могли поймать того, кто резал крестьян у самой лесной дороги.

— Это был не простой оборотень, Даен.

— Я знаю.

— Если слухи правдивы...

— Поэтому и молчите.

Снова пауза.

Потом тот же мужчина спросил уже совсем другим голосом:

— Это правда был его сын?

Даен не ответила сразу.

— Я не знаю.

— Но думаешь?

— Я думаю, что умные люди сейчас сделают всё, чтобы не узнать ответ слишком быстро.

Кай хотел спросить: чей сын?

Хотел подняться.

Хотел сказать, что ему нужно идти. Что он не может лежать, пока Велена где-то в степи, среди орков, среди чужих рук и чужих криков. Что один оборотень — ничто. Что он потерял время. Слишком много времени.

Но тело не слушалось.

Темнота качнулась.

Голоса стали тише.

— Мама сказала принести ещё воды, — прозвучал девичий голос.

Салира.

Её шаги были лёгкими. Она поставила что-то на стол, и глина тихо стукнула о дерево.

— Он проснётся? — спросила она.

— Должен, — ответила Даен.

— А если нет?

— Проснётся.

— Ты не знаешь.

— Не знаю.

— Тогда почему говоришь?

Даен устало вздохнула.

— Потому что иногда надо говорить так, будто знаешь. Иначе рядом с больными становится слишком страшно.

Салира подошла ближе. Кай почувствовал прохладную ткань на лбу. Кто-то осторожно убрал с его лица мокрые волосы.

— Он всё время зовёт её, — сказала девушка.

— Кого?

— Мать.

Даен ничего не ответила.

— Он думает, что виноват?

— Скорее всего.

— Но он же не мог знать.

— Вина редко спрашивает, мог ты или нет.

Ткань снова коснулась лба. Холодная. Чистая.

— Он такой молодой, — тихо сказала Салира.

— Да.

— А смотрит, когда не спит, будто уже старый.

— Некоторые взрослеют не по годам, а по потерям.

Кай хотел сказать, что не спит.

Что слышит.

Что не старый.

Что ему уже двадцать два, а он всё равно просто хочет найти мать.

Но темнота снова поднялась выше, закрыла голоса, дом, запах трав, холодную ткань на лбу. Всё ушло вниз, будто его самого потянуло под воду.

И тогда он услышал другой голос.

Тихий.

Знакомый.

Самый нужный и самый страшный.

— Кай, не трогай.

Мамин голос.

Темнота разошлась.

Он снова был маленьким.

Не совсем младенцем, но ещё тем возрастом, когда стол кажется высоким, взрослые говорят над головой, а материнская рука кажется единственной надёжной стеной между тобой и миром.

Дом пах дымом, молоком и сушёной мятой. В печи потрескивали сырые дрова, под потолком темнели балки, у окна стояла кадка с водой, а на лавке лежала рубаха, которую Велена чинила уже третий вечер подряд.

Кай сидел у порога и пытался завязать шнурок на башмаке.

Шнурок не слушался.

Он хмурился, сопел и снова тянул концы в разные стороны, пока узел не превращался в ещё большую путаницу.

— Не воюй с ним, — сказала Велена от печи. — Шнурок не орк.

— Он хуже.

— Почему?

— Орка можно ударить палкой.

Велена обернулась.

На щеке у неё была тёмная полоска сажи, волосы выбились из косы, рукава простого серого платья были закатаны до локтей. Она выглядела усталой, но улыбнулась так, будто эта фраза стоила всех хлопот дня.

— Палкой тоже не всегда нужно пользоваться.

— А если он первый?

— Шнурок?

— Орк.

Улыбка Велены стала слабее.

— Тогда сначала надо думать.

— А потом бить?

— А потом — как получится.

Кай не очень понял, но кивнул. Взрослые часто говорили так, будто ответили, хотя ответ прятался где-то между словами.

Он наконец бросил шнурок, сунул ногу в башмак как вышло и полез под лавку.

— Ты куда? — спросила Велена.

— За Сэром Хвостиком.

— Осторожно. Не напугай его.

— Он меня не боится.

Из-под лавки Кай вытащил маленькую деревянную коробку с дырочками в крышке. Внутри, на клочке старой ткани, сидел серый мышонок.

Кай нашёл его несколько месяцев назад у сарая — слепого, дрожащего, почти неживого. Велена тогда сказала, что он, скорее всего, не выживет. Но мышонок выжил. Сначала пил молоко с кончика тряпицы, потом научился сидеть у Кая на ладони, а через месяц уже прятал зёрна в рукаве его рубахи и щекотал лапками шею.

Кай назвал его Сэром Хвостиком.

Не просто Хвостиком, а именно Сэром Хвостиком, потому что рыцарь без титула, как объяснял он матери, — это уже не совсем рыцарь.

Других друзей у Кая почти не было.

Деревенские дети играли с ним неохотно. Сначала звали, потом перестали. Он говорил слишком странно, задавал слишком много вопросов, не смеялся там, где смеялись они, и мог часами смотреть на жука, мёртвую птицу или старую кость, будто видел в них что-то важное. Одни считали его заносчивым, другие — чудным. А самые смелые дразнили сыном колдуньи, пока кто-нибудь из взрослых не шикал на них слишком быстро и слишком испуганно.

Кай не понимал, почему с ним не хотят играть.

Зато Сэр Хвостик хотел.

Или, по крайней мере, не убегал.

— Мы пойдём гулять, — сообщил Кай.

— Далёко не уходи.

— До сарая.

— И не выпускай его возле кошки.

— Я знаю.

Кай осторожно приоткрыл крышку. Мышонок высунул нос, шевельнул усами и забрался ему на ладонь. Кай спрятал его за пазуху, чтобы не замёрз, и выбежал во двор.

Во дворе было сыро после ночного дождя. Земля липла к подошвам, с крыши сарая ещё падали редкие капли, у забора копошились куры. За домом кто-то колот дрова, дальше по улице ругалась женщина у колодца, а из соседнего двора тянуло кислым запахом браги.

Кай любил такие утра.

Они были настоящими: мокрая трава, холодные пальцы, дым из труб, мать в доме, Сэр Хвостик тёплым комочком под рубахой. Всё на своих местах.

Он дошёл до сарая, посадил мышонка на перевёрнутое ведро и стал строить для него крепость из щепок.

— Это башня, — объяснял он. — Тут ты будешь сидеть. А если придут орки, я их палкой. Мышонок умывался передними лапками и не возражал.

Кай долго возился с крепостью. Щепки падали, башня кренилась, одна стена никак не хотела держаться. Сэр Хвостик дважды пытался сбежать в рукав, один раз забрался Каю на плечо и щекотнул усами ухо. Кай засмеялся так громко, что из дома выглянула Велена.

— Всё хорошо?

— Он теперь командир крепости!

— Тогда командиру крепости пора домой.

Кай осторожно посадил мышонка обратно на ладонь и понёс в дом.

Гарт уже стоял у стола.

Он пришёл незаметно. В мокрой охотничьей куртке, с ножом за поясом и злым лицом человека, которому с самого утра всё не так. На полу у двери темнели следы грязи.

Кай замер.

Мышонок сидел у него на ладони.

Гарт увидел его сразу.

— Это ещё что за дрянь?

Кай прижал Сэра Хвостика к груди.

— Он не дрянь.

— В дом притащил?

Велена медленно положила рубаху на колени.

— Гарт, не начинай.

— Не начинай? — Гарт усмехнулся. — Он мышей по дому таскает, а я не начинай?

— Это его зверёк.

— Зверёк?

Гарт шагнул ближе.

Кай отступил.

— Не трогай его.

Гарт остановился и посмотрел на него сверху вниз.

— Что сказал?

Кай знал этот голос. Когда Гарт говорил так, в доме становилось тише. Даже дрова в печи будто трещали осторожнее.

Но Сэр Хвостик дрожал у него в ладонях.

— Не трогай, — повторил Кай.

— Гарт, — сказала Велена. — Оставь.

— Вот из-за этого он у тебя и растёт таким.

— Каким?

— Никаким. Сопли над мышью разводит.

Гарт протянул руку.

Кай рванулся в сторону, но был слишком маленьким и слишком медленным. Гарт схватил его за запястье, разжал пальцы и выдернул мышонка из ладоней.

— Отдай! — закричал Кай.

— Хватит.

— Гарт!

Это уже Велена.

Но Гарт не слушал.

Он бросил мышонка на пол и наступил.

Не сильно с размаха. Почти лениво. Как наступают на жука или сухую ветку.

Кай услышал короткий хруст.

Мир остановился.

Сэр Хвостик лежал у ножки стола. Теперь он был совсем неподвижен. Один бок странно вдавился, тонкие лапки вытянулись, чёрные глазки больше не блестели.

Кай смотрел на него и не мог вдохнуть.

Велена побледнела.

— Зачем? — спросила она.

Голос у неё был тихий. Не злой. От этого стало страшнее.

Гарт пожал плечом.

— Чтобы дурь из головы выбить. Мальчишке надо к нормальной жизни привыкать, а не с мышами дружить.

Кай поднял на него глаза.

Внутри стало пусто.

Не грустно даже.

Пусто.

— Ты его убил, — сказал он.

— Да не человека же.

— Он живой был.

— Был. Теперь нет. Запомни: слабоедохнет. Так мир устроен.

— Не говори с ним так, — сказала Велена.

— А как с ним говорить? Как с девчонкой? Он и так у тебя растёт не пойми кем. Вечно книги, травки, жалость ко всякой падали. Мужчина из него когда-нибудь получится?

Кай больше их не слушал.

Он смотрел на Сэра Хвостика.

Умершее казалось ему не страшным, а неправильным. Как треснувшая чашка. Как порванная рубаха. Как игрушечный всадник без ноги, которого мать однажды всё-таки приклеила, хотя сказала, что это ненадолго.

Только это было хуже.

Гораздо хуже.

Потому что Сэр Хвостик был тёплый.

Потому что он ещё недавно шевелил усами.

Потому что он был его другом.

Кай опустил на колени.

— Кай, не трогай, — быстро сказала Велена.

Он не услышал.

На месте маленького серого тела в мире будто появилась крошечная пустота. Не дыра, не рана, не что-то злое. Просто место, где секунду назад было тепло, дыхание и движение, а теперь остался холодный след.

Этот след тянул к себе.

Кай протянул руку.

— Кай, — повторила Велена.

Теперь в её голосе был страх.

Гарт раздражённо фыркнул.

— Да пусть трогает. Может, хоть поймёт.

Кай коснулся мышонка кончиком пальца.

Внутри что-то отозвалось.

Мягко, послушно, почти ласково. Не как огонь, о котором рассказывали деревенские мальчишки, мечтая стать боевыми магами. Не как свет в лампах, которые Велена зажигала

по вечерам перед молитвой. Это было другое: тёмное, тихое, глубокое. Оно не пугало Кая. Наоборот, казалось таким естественным, будто он всю жизнь умел это делать и просто забыл.

Маленькое тело дёрнулось.

Велена закрыла рот рукой.

Гарт замолчал.

Кай радостно ахнул.

— Мама! Видишь?

Мышонок неловко перевернулся на живот. Тонкие лапки распрямились, голова поднялась слишком резко, будто её потянули за невидимую нитку. Закрытые глаза раскрылись.

В них горели два слабых синих огонька.

Мышонок сделал шаг.

Потом второй.

Он двигался плохо, неправильно, рывками, как кукла в руках неумелого ребёнка. Но двигался.

— Я починил, — прошептал Кай.

На этот раз он не смеялся.

Гарт отступил на шаг.

— Что это?

Велена резко повернулась к нему.

— Ничего.

— Ничего? — Гарт смотрел на мышонка, и лицо его стало серым. — Ты это видела?

— Выйди.

— Что?

— Выйди из дома, Гарт.

— Ты с ума сошла?

— Сейчас же.

Она сказала это так, что даже Кай поднял голову.

Велена не кричала. Не угрожала. Но в её голосе было что-то такое, от чего Гарт впервые за долгое время не нашёл, что ответить сразу.

— Это колдовство, — сказал он наконец.

— Это ребёнок.

— Это мертвечина ходит по полу.

— Выйди.

Гарт перевёл взгляд с мышонка на Кая.

Кай не понял тогда этого взгляда до конца. Только почувствовал: теперь Гарт боится его.

И это было почти хуже, чем когда Гарт злился.

— Поговорим потом, — сказал Гарт.

— Нет, — ответила Велена. — Потом мы будем молчать. Все трое.

Гарт хотел возразить, но снаружи кто-то окликнул его по имени. Он выругался, схватил охотничью сумку и вышел, хлопнув дверью так, что посыпалась глина с притолоки.

В доме стало тихо.

Сэр Хвостик добрался до башмака Кая, ткнулся носом в кожу и замер. Синие огоньки в глазах дрожали, как маленькие свечи на ветру.

Велена опустилась перед сыном на колени.

— Посмотри на меня.

Кай поднял голову.

— Ты делал так раньше?

— Как?

— С мёртвыми.

Он пожал плечами.

— Нет. Я просто хотел, чтобы он встал.

Велена закрыла глаза.

На мгновение она стала совсем неподвижной. Только пальцы дрожали.

Потом она резко притянула Кая к себе и обняла так крепко, что ему стало трудно дышать.

— Мама?

— Слушай меня, — прошептала она. — Ты никому об этом не скажешь.

— О Сэре Хвостике?

— О том, что ты сделал.

Кай посмотрел на мышонка.

— Но я же помог.

— Я знаю.

— Тогда почему нельзя?

Велена крепче сжала его плечи.

— Потому что люди испугаются.

— Гарт уже испугался.

Она вздрогнула, будто он сказал именно то, чего она боялась.

— С Гартом я поговорю сама.

— Он расскажет?

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

Велена не ответила сразу.

— Потому что я попрошу его молчать.

— А если он не захочет?

Она отстранилась и взяла его лицо в ладони. Глаза у неё блестели, но голос она удержала ровным.

— Тогда нам придётся уйти.

— Куда?

— Не знаю.

— Я сделал плохо?

— Нет.

— Но ты боишься.

Кай запомнил эту паузу.

Не слова. Именно паузу.

В ней было что-то страшнее крика.

Потом Велена снова прижала его к себе.

— Я боюсь не тебя, — сказала она. — Слышишь? Не тебя.

Сэр Хвостик у их ног сделал ещё один шаг.

Потом упал.

Синие огоньки погасли.

Кай попытался вывернуться.

— Подожди, я ещё раз...

— Нет.

— Но я могу!

— Не надо.

— Почему?

— Потому что нельзя.

Она сказала это не зло. Не строго даже. А так, будто сама просила прощения за эти слова.

Кай замер.

В её голосе было столько страха, что спорить стало невозможно.

Позже Велена похоронила Сэра Хвостика за сараем.

Не выбросила.

Не сожгла.

Выкопала маленькую ямку, завернула тельце в кусок старой ткани и долго стояла рядом. Кай смотрел на свежую землю и не понимал, почему мать плачет, если он почти всё исправил.

После того дня дом изменился.

Не сразу. Не так, чтобы ребёнок мог назвать это словами. Просто тишина стала другой.

Раньше Гарт мог ворчать, хлопать дверью, ругаться на сырые дрова, на плохую похлёбку, на соседей, на погоду, на то, что Кай опять сидит над книгой вместо того, чтобы таскать воду. Теперь он всё чаще молчал.

И это молчание было хуже крика.

Кай чувствовал его спиной, когда ел. Чувствовал, когда проходил мимо стола. Чувствовал, когда Гарт возвращался с охоты и задерживал на нём взгляд чуть дольше обычного.

Не злой взгляд.

Не совсем.

Скорее такой, каким смотрят на нож, забытый лезвием вверх.

Велена тоже изменилась.

Она стала чаще оглядываться на окна. Тише говорила с соседками у колодца. Не отпускала Кая одного далеко от дома, хотя раньше разрешала бегать до ручья и обратно. Если в дверь стучали незнакомые люди, она сначала замирала, потом только шла открывать.

Кай не понимал, почему.

Он ведь почти всё исправил.

Сэр Хвостик умер, потом встал, потом снова умер. Это было печально, но не страшнее, чем смерть телёнка у старосты или старого Норса, которого хоронили всей деревней. Страшным было другое: взрослые теперь смотрели на Кая так, будто он сам сделал что-то хуже смерти.

Вечером того же дня Велена поговорила с Гартом.

Кай не слышал всего. Его отправили на чердак, будто он был маленьким и не понимал, что если взрослые хотят скрыть разговор, значит, разговор важный. Он лежал на старом тюфяке под самой крышей, смотрел на тёмные балки и ловил обрывки голосов снизу.

— ...не смей, — сказала Велена.

Потом голос Гарта:

— Ты видела то же, что и я.

— Я видела испуганного ребёнка.

— Я видел мёртвую тварь, которая пошла.

— Тихо.

— А если он так с человеком сделает?

— Он не сделает.

— Откуда ты знаешь?

Пауза.

Кай задержал дыхание.

— Потому что я его мать.

Гарт рассмеялся коротко и зло.

— Мать. Ну да. Очень надёжная защита от колдовства.

— Не произноси это слово.

— Какое? Колдовство?

— Гарт.

— А что мне произносить? Дар? Чудо? Милость богов?

— Произнесёшь это при чужих — и погубишь нас всех.

Снова тишина.

Потом Гарт сказал уже тише:

— Нас?

— Думаешь, тебя не спросят, почему ты молчал? Почему жил в одном доме с таким ребёнком? Почему не донёс сразу?

— Я не знал.

— Не докажешь.

Кай не видел лица Гарта, но представил, как тот хмурится. Гарт не любил, когда ему напоминали, что он не сильнее всего на свете.

— Ты мне угрожаешь?

— Я тебя предупреждаю.

— Смотри, Велена. Я не боюсь твоих тихих слов.

— Моих — не бойся. Бойся людей в белом. Они не станут разбираться, любил ты Кая или ненавидел. Для них ты будешь человеком, который укрывал нечисть.

На этот раз Гарт долго молчал.

Кай лежал под крышей и впервые услышал слово, которым потом его будут называть чужие люди.

Нечисть.

Он не знал точно, что оно значит, но понял: это слово не про тех, кого любят.

— Что ты хочешь? — спросил наконец Гарт.

— Молчания.

— А если он снова это сделает?

— Не сделает.

— Ты уверена?

— Нет.

— Тогда что?

Голос Велены стал глухим.

— Тогда я уведу его.

Кай приподнялся на локте.

Куда?

Почему?

Он хотел спуститься, спросить, но что-то удержало его на месте. Может быть, тон матери. Может быть, страх, который с того дня поселился в доме и теперь сидел рядом с ним на чердаке, невидимый и терпеливый.

Гарт заговорил снова:

— Уведёшь? Одна? С ребёнком? Куда ты пойдёшь?

— Найду куда.

— Ты и печь без копти растопить не можешь.

Слова были злые, но не совсем лживые, и от этого Каю стало больнее.

Велена ответила не сразу.

— Зато я знаю, что бывает с детьми, которых отдают церкви.

— А я знаю, что бывает с мужиками, которые держат в доме беду.

Снизу скрипнул стул. Потом дверь хлопнула так, что по чердаку побежала пыль.

Гарт вышел.

Велена долго не поднималась за Каем.

Он ждал, пока она позовёт. Ждал, что она скажет: всё хорошо, Гарт просто рассердился, взрослые иногда говорят лишнее. Но она молчала.

Наконец Кай сам спустился.

Мать сидела у стола, положив руки перед собой. Лампа горела тускло, на стене дрожала её тень.

— Мам.

Велена подняла голову.

— Ты слышал?

Он хотел соврать, но не смог.

— Немного.

— Иди сюда.

Кай подошёл.

Она посадила его к себе на колени, хотя он уже считал себя слишком большим для этого.

Но в тот вечер не стал спорить.

— Я нечисть? — спросил он.

Велена закрыла глаза.

Всего на миг.

— Нет.

— Гарт сказал.

— Гарт сказал от страха.

— Значит, он боится меня.

— Он боится того, чего не понимает.

— А ты?

— Я уже сказала.

— Но ты тоже боишься.

Велена провела ладонью по его волосам.

— Да.

Кай замер.

Она никогда раньше не отвечала так прямо.

— Тогда я плохой?

— Нет.

— Но хороших не боятся.

— Боятся, — сказала Велена. — Очень часто боятся именно хороших, если не знают, что у них внутри.

Он нахмурился.

— Я не понимаю.

— Я тоже не всё понимаю, родной.

Это было страшнее любых взрослых объяснений.

Велена умела отвечать почти на всё. Почему идёт дождь. Почему у лошади тёплый бок. Почему нельзя есть незнакомые ягоды. Почему мёртвых хоронят в земле. Если она говорила, что не всё понимает, значит, мир оказался больше даже для неё.

— То, что ты сделал с Сэром Хвостиком, — медленно сказала она, — нельзя показывать людям.

— Никогда?

— Никогда.

— Даже если кто-то умрёт?

Её рука остановилась.

— Особенно тогда.

— Но если я могу помочь...

— Ты не вернул его живым.

Кай опустил глаза.

— Он ходил.

— Да.

— Он смотрел.

— Нет.

— Смотрел.

— Кай, там уже не было Сэра Хвостика.

Он хотел возразить, но не смог.

Потому что вспомнил эти синие огоньки. Вспомнил, как мышонок двигался рывками, как ткнулся носом в башмак и замер. В нём было что-то похожее на жизнь, но не сама жизнь.

Это было почти.

А “почти” вдруг оказалось страшным словом.

— Тогда что я сделал?

Велена прижала его крепче.

— Не знаю.

— Но кто-то знает?

Она молчала слишком долго.

Кай поднял голову.

— Кто?

— Один человек.

— Какой?

— Старый друг.

— Он поможет?

— Возможно.

— Он добрый?

Велена грустно улыбнулась.

— Не всегда. Но он не злой.

— Он как Гарт?

— Нет.

— Хорошо.

Она поцеловала его в макушку.

— Пока мы никому ничего не говорим. Слышишь? Ни детям, ни соседям, ни Гарту, если он снова начнёт спрашивать. Ты ничего не умеешь. Ничего не делал. Сэр Хвостик умер, и всё.

Кай кивнул.

— А если Гарт скажет?

— Я постараюсь, чтобы не сказал.

— Как?

Велена посмотрела на дверь.

Там, за тёмным проёмом, уже давно не было Гарта, но его тяжёлое молчание будто осталось в доме.

— Иногда, — сказала она, — взрослые молчат не потому, что добрые. А потому, что боятся потерять больше, чем могут получить.

Кай снова не понял.

Но запомнил.

В ту ночь он долго не мог уснуть.

Шнурок на башмаке так и остался завязанным криво. Сэр Хвостик лежал под свежей землёй за сараем. Гарт вернулся поздно, пахнувший дымом, сыростью и горькой настойкой, и не сказал Каю ни слова.

А Велена до самого рассвета сидела у окна.

Перед ней на столе лежало маленькое кольцо с тёмным камнем.

Кай тогда не знал, откуда оно взялось.

Не знал, чьё имя нужно произнести, чтобы камень услышал.

Но запомнил: мать смотрела на кольцо так, как смотрят на дверь, которую страшно открыть.

Велена не открыла эту дверь.

Не в ту ночь.

И не на следующую.

Кольцо исчезло утром: не потому, что стало не нужно, а потому, что Велена спрятала его так глубоко, будто вместе с ним можно было спрятать и страх. Кай видел, как она зашила что-то маленькое в подкладку старого дорожного пояса, потом убрала пояс в сундук и поставила сверху тяжёлую корзину с тряпьем.

— Это тайна? — спросил он.

Велена вздрогнула. Потом устало улыбнулась.

— Почти всё важное в жизни сначала бывает тайной.

— А потом?

— А потом человек решает, кому можно её доверить.

— Мне можно?

Она подошла и поправила ему ворот рубахи.

— Тебе — нужно.

Кай тогда не понял, что это значит.

После Сэра Хвостика Велена стала осторожнее. Не суровее — нет. Она не оттолкнула Кая, не стала смотреть на него как Гарт и не делала защитных знаков украдкой, как иногда поступала соседка Марна, когда думала, что никто не видит. Но в её заботе появилась тревожная точность.

Если Кай слишком долго смотрел на мёртвую птицу у дороги, Велена мягко брала его за руку и уводила. Если он замирал возле курицы, которой Гарт только что свернул шею для супа, она отвлекала его просьбой принести воды. Если в деревне кто-то умирал, она не позволяла ему идти к дому покойного, даже если все дети бежали смотреть на похороны.

— Почему им можно, а мне нельзя? — спросил он однажды.

— Потому что они смотрят и забывают.

— А я?

Велена долго завязывала ему шарф, хотя узел был уже готов.

— А ты слишком хорошо запоминаешь.

Это было неправдой.

Вернее, не всей правдой.

Кай запоминал не лучше других. Он просто чувствовал то, чего другие не чувствовали. Там, где лежала смерть, мир становился тоньше. Не страшнее, не темнее — именно тоньше, будто ткань реальности протёрлась, и сквозь неё можно было дотронуться до чего-то холодного и послушного. После Сэра Хвостика он старался туда не тянуться.

Сначала потому, что обещал матери.

Потом потому, что начал понимать: обещание было не детской игрой.

Гарт молчал.

Несколько дней Кай ждал, что тот расскажет старосте, соседям или хотя бы крикнет в доме страшное слово, которое произнёс в тот вечер. Но Гарт не сказал никому.

Не из любви.

Кай это чувствовал, хотя был ещё мал.

Гарт молчал так, как молчат люди, которые заперли в сундуке не чужую тайну, а собственный страх. Он стал реже трогать Кая, почти перестал хватать его за плечо или дёргать за руку, но от этого не сделался добрее. Теперь его злость ходила вокруг, выбирая, куда ударить безопаснее.

Он ругал Велену.

Ругал дом.

Ругал еду.

Ругал зиму, которая ещё не пришла, но уже обещала быть тяжёлой.

Каю доставалось меньше слов, но больше взглядов.

Иногда Гарт смотрел на него так, будто ждал, что мальчик снова сделает что-нибудь невозможное. Иногда — будто хотел ударить и не решался. А иногда, в самые плохие вечера, когда от него пахло горькой настойкой, он садился у стола, долго молчал, потом говорил:

— Нельзя прятать гниль под полом. Всё равно завоняет.

Велена тогда отвечала спокойно:

— В нашем доме ничего не гниёт.

— Конечно. У нас мёртвое по полу ходит.

— Тише.

— А что? Боишься, соседи услышат?

— Боюсь, что ты сам себя погубишь.

Гарт криво усмехался, но замолчал.

Эти разговоры не повторялись одинаково, но всегда кончались одним: Гарт уходил, хлопнув дверью, Велена садилась у окна, а Кай лежал под одеялом и делал вид, что спит.

Детей к нему всё равно не пускали.

Не прямо. Никто не говорил: “Не играй с Каем”. Взрослые вообще редко говорили детям правду, если её можно было заменить взглядом, окриком или быстрым жестом.

Но когда Кай подходил к мальчишкам у ручья, те вдруг вспоминали, что им пора домой.

Когда он садился рядом с девочками, лепившими из глины маленькие чашки, одна из матерей обязательно звала дочь помочь по хозяйству.

Когда он пытался играть в охотников и орков, ему почти всегда доставалась роль мёртвого.

Поначалу он не обижался.

Потом обижался.

Потом привык.

Одиночество стало таким же обычным, как низкий потолок в доме или запах дыма в одежде. Оно просто было. Кай научился разговаривать с жуками, следить за муравьями, строить крепости из щепок и придумывать истории, в которых маленький рыцарь всё-таки побеждает великана, потому что великан слишком уверен в своей силе.

Велена пыталась заменить ему целый мир.

Вечерами она читала ему. Не всегда книги — их в доме было мало, и часть страниц давно размокла от сырости. Иногда она рассказывала сказки, которые помнила из детства. Иногда придумывала новые прямо на ходу.

Больше всего Кай любил сказку про мышонка, который хотел стать рыцарем.

В той сказке мышонок был слишком мал, чтобы носить настоящий меч, поэтому сделал себе копьё из иголки. Он был слишком слаб, чтобы сражаться с котом, поэтому победил его хитростью. А когда другие мыши смеялись над ним и говорили, что рыцарей среди мышей не бывает, он всё равно выходил по ночам охранять кладовую.

— А потом он станет большим? — спрашивал Кай.

— Нет, — отвечала Велена.

— Почему?

— Потому что не обязательно становиться большим, чтобы быть храбрым.

— А сильным?

— Сильным — тоже.

— Но если придёт орк?

— Тогда ему понадобится не сила, а ум.

— И иголка?

— И иголка.

Кай смеялся.

Велена тоже смеялась, но иногда её смех обрывался слишком рано.

Ему шёл восьмой год, когда всё снова изменилось.

Это случилось в конце зимы, когда снег у дорог стал серым, крыши просели под тяжестью льда, а люди в деревне ходили злыми от холода и усталости. У старосты умерла жена.

Она болела долго. Велена ходила к ней почти каждый день: приносила отвары, меняла влажные тряпки на лбу, сидела рядом, когда староста уже не мог слушать бред жены и выходил во двор, чтобы плакать там, где никто не увидит. Кая она с собой не брала.

В день похорон вся деревня собралась у маленького кладбища за святылищем.

Кай стоял рядом с Веленой и держал её за рукав. Ему велели не отходить, не шуметь и не смотреть слишком пристально. Последнее было труднее всего.

Смерть была рядом.

Не как с Сэром Хвостиком. Не маленькая, не тонкая, не похожая на крошечный холодный след. Здесь она была шире, тяжелее. Она лежала в закрытом гробу, стояла в согнутой спине старосты, дрожала в руках женщины, которая держала свечу и никак не могла перестать шептать молитву.

Кай старался не слушать то, что тянулось из-под крышки.

Но оно было.

Глухое.

Тёмное.

Не зов даже — остаток. Как тепло в печи после того, как огонь уже погас.

Он сжал рукав Велены сильнее.

Она наклонилась к нему.

— Что?

— Можно я домой?

Велена сразу поняла не всё, но достаточно.

— Сейчас.

— Но ещё не закончили, — буркнула стоявшая рядом Марна.

— У ребёнка живот скрутило, — спокойно сказала Велена.

Марна отступила, недовольно поджав губы.

Они уже почти вышли за ограду, когда староста вдруг зарыдал вслух.

Не тихо, как взрослые обычно плачут на людях, а страшно, с надрывом, будто внутри у него сломалась последняя подпорка.

— Тайра, — повторял он. — Тайра, прости меня.

Кай обернулся.

И в этот миг крышка гроба дрогнула.

Совсем чуть-чуть.

Может быть, ветер.

Может быть, доска просела.

Может быть, никто, кроме Кая, этого бы не заметил.

Но Велена заметила, как он замер.

Её пальцы впились в его плечо.

— Нет, — прошептала она.

Только одно слово.

Очень тихо.

И этого хватило.

Кай отшатнулся от невидимого края, на который уже почти ступил. Остаток тепла под крышкой исчез. Мир снова стал плотным, обычным, зимним. Люди продолжали плакать. Свеча у Марны погасла на ветру. Староста всё ещё стоял на коленях.

Никто ничего не увидел.

Кроме Велены.

Дома она не ругала его.

От этого было хуже.

Она только сняла с него мокрые сапоги, усадила к печи и долго растирала ему холодные ступни, хотя Кай говорил, что сам может.

— Я не хотел, — сказал он наконец.

— Знаю.

— Оно само.

— Знаю.

— Я почти ничего не сделал.

Велена остановилась.

— Вот этого я и боюсь.

Он посмотрел на неё.

— Что почти?

— Что тебе однажды покажется: почти ничего. А потом уже будет поздно.

Кай опустил голову.

— Я плохой?

Она села рядом на пол, прямо перед печью, и взяла его руки в свои.

— Нет.

— Тогда почему со мной так?

— Потому что дар не спрашивает, хорошего человека он выбрал или плохого.

— А кого спрашивает?

Велена грустно улыбнулась.

— Никого.

— Значит, мне не повезло?

— Не знаю.

Это опять было страшное “не знаю”.

Вечером она достала из сундука старый дорожный пояс.

Кай увидел это случайно. Проснулся от скрипа половиц, приподнялся на лежанке и заметил мать у стола. Лампа почти догорела. Велена сидела неподвижно, держа на ладони кольцо с тёмным камнем.

Она смотрела на него долго.

Очень долго.

Потом поднесла к губам.

Кай затаил дыхание.

Но имени она не произнесла.

Велена закрыла глаза, сжала кольцо в кулаке и сидела так, пока за окном не начал сереть рассвет.

Наутро кольцо снова исчезло.

А через три дня в деревню пришёл чужой человек.

Не Аврелий.

Простой странник в дорожном плаще, с обмороженными пальцами и кашлем, от которого у него хрипела грудь. Его пустили переночевать в доме старосты, а утром привели к Велене — потому что лечить кашель лучше всех умела она.

Кай запомнил его плохо: рыжая борода, треснувшие губы, глаза, которые слишком быстро бегали по дому. Он сидел у печи,пил отвар и всё благодарил.

Слишком много благодарил.

— Слышал, у вас тут мальчик странный есть, — сказал он будто невзначай.

Велена разливала настой по маленьким глиняным чашкам. Рука её не дрогнула.

— В каждой деревне есть странный мальчик.

— Этот вроде особенный.

— Простуда у вас тяжёлая, — сказала Велена. — Бред может начаться к ночи. Лучше меньше слушать сплетни.

Странник улыбнулся.

— Сплетни иногда дороже правды.

— Только для тех, кто ими торгует.

Он поднял на неё глаза.

И впервые перестал улыбаться.

Кай сидел в углу и резал щепку тупым ножом. Мать не смотрела на него, но он понял: сейчас нужно молчать. Не двигаться. Не показывать, что слушает.

— Вы умная женщина, — сказал странник.

— Нет. Просто у меня мало времени на глупости.

— Берегите сына.

— Берегу.

— Не всегда мать может уберечь.

Велена поставила перед ним чашку.

— Пейте, пока горячее.

Странник уехал после полудня.

А вечером Гарт вернулся мрачнее обычного.

— В таверне говорят, он не простой бродяга.

Велена подняла глаза.

— Кто?

— Рыжий. Которого ты поила.

— И кто же?

— То ли сборщик церковных сведений, то ли чей-то соглядатай. У таких всегда разные имена.

Кай сидел за столом и чувствовал, как ложка холодеет в руке.

Велена спросила спокойно:

— Откуда он пришёл?

— С южной дороги.

— Куда поехал?

— К тракту.

— Один?

— Вроде один.

Гарт бросил на Кая короткий взгляд.

— Я говорил, добром это не кончится.

Велена не ответила.

Той ночью она снова достала кольцо.

И снова не использовала.

Кай понял это много позже: иногда человек не зовёт на помощь не потому, что не хочет спастись. А потому, что боится: помощь придёт слишком громко и приведёт за собой тех, от кого ты прячешься.

Но тогда он думал проще.

Мать сидит у окна.

Мать боится.

Значит, виноват он.

На третью ночь Велена всё-таки произнесла имя.

Кай проснулся от шёпота.

Сначала он решил, что мать молится. Она часто молилась тихо, почти беззвучно, чтобы не будить его и не раздражать Гарта. Но в этот раз слова были другими. Не молитвенными. Слишком короткими. Слишком человеческими.

— Аврелий, — прошептала Велена.

Кай открыл глаза.

В доме было темно. В печи дотлевали угли, на стене дрожало слабое красное пятно. Гарт спал на лавке у дальней стены, повернувшись лицом к окну. От него пахло брагой и мокрой шерстью.

Велена сидела у стола.

Перед ней лежало кольцо с тёмным камнем.

— Аврелий, — повторила она.

Камень не ответил.

Кай не шевельнулся.

Он лежал на своей постели и смотрел сквозь полутьму, боясь даже вдохнуть громче. Мать держала кольцо обеими руками, будто это была не вещь, а маленькое живое сердце, которое можно раздавить слишком сильным движением.

— Аврелий, — сказала она в третий раз.

Камень вспыхнул.

Не ярко. Не как огонь. Внутри него разгорелась холодная синяя искра, и воздух над столом едва заметно дрогнул.

Гарт что-то пробормотал во сне, перевернулся на другой бок и снова затих.

Велена закрыла глаза.

— Прости, — сказала она.

Кай не понял, кому.

Камень потемнел.

Несколько мгновений ничего не происходило.

Потом в углу комнаты, возле печи, воздух стал тоньше. Не раскрылся сразу, не засиял, как в сказках о великих магах, а именно истончился, будто кто-то невидимый провёл пальцем по ткани мира и нашёл в ней слабое место.

Из этой тонкости шагнул человек.

Высокий, худой, с седыми волосами, спутанными так, словно его подняли с постели. На нём была простая тёмная рубаха, застёгнутая неровно, и длинный плащ, наброшенный на плечи поверх домашней одежды. Лицо у него было усталым и злым.

Не злым на Велену.

Злым на то, что мир снова потребовал от него невозможного.

— Ты всё-таки позвала, — сказал он тихо.

Велена встала.

— Не буди Гарта.

Маг бросил взгляд на спящего мужчину.

— Это он?

— Да.

— Он знает?

Велена молчала слишком долго.

Аврелий понял.

— Видел?

— Да.

— И до сих пор молчит?

— Пока.

Аврелий посмотрел на неё так, будто хотел сказать много очень неприятного, но удержался.

— Сколько времени прошло?

— С того дня? Несколько месяцев.

— Велена.

В одном её имени было всё: упрёк, страх, усталость и старая боль.

— Я знаю, — сказала она.

— Нет, не знаешь. Если бы знала, позвала бы сразу.

— Я боялась.

— За него?

— За всех.

Аврелий шагнул ближе к столу. Синий отблеск от кольца уже погас, и в комнате снова остался только красноватый свет углей.

— Что случилось?

Велена посмотрела на Кая.

Он успел закрыть глаза.

Но не настолько быстро, чтобы обмануть мать.

— Кай, — сказала она тихо. — Встань.

Прятаться дальше стало бессмысленно.

Он сел на постели.

Аврелий повернулся к нему.

Кай видел этого человека впервые, но сразу понял: перед ним не деревенский лекарь, не странник и не один из тех взрослых, которые говорят много, а делают мало. В Аврелии было что-то тяжёлое. Не сила даже — привычка к силе. Как у людей, которые давно перестали доказывать, что могут быть опасными.

Кай подтянул одеяло к груди.

— Это он? — спросил Аврелий.

— Да.

— Сколько ему?

— Семь.

— Почти восемь, — поправил Кай.

Аврелий посмотрел на него внимательнее.

— Почти восемь, значит.

Кай не ответил.

Велена подошла к сыну и села рядом.

— Помнишь, я говорила тебе о старом друге?

— Который поможет?

— Да.

— Это он?

— Да.

Кай посмотрел на Аврелия.

— Вы добрый?

Маг едва заметно поморщился, будто вопрос оказался сложнее, чем все заклинания мира.

— Не всегда.

— Мама так и сказала.

— Умная у тебя мама.

— Я знаю.

На лице Аврелия на миг появилось что-то похожее на улыбку, но тут же исчезло.

— Что ты умеешь, Кай?

Велена резко подняла голову.

— Не сейчас.

— Сейчас.

— Он ребёнок.

— Именно поэтому сейчас.

Кай посмотрел на мать.

Она была бледной. Очень бледной. И впервые он понял: этот человек пришёл не просто поговорить.

После этой ночи что-то изменится.

— Я не знаю, что умею, — сказал Кай.

— Сэр Хвостик, — тихо сказала Велена.

Он вздрогнул.

Аврелий медленно перевёл взгляд с неё на Кая.

— Кто это?

— Мышонок.

— Мёртвый?

Кай сжал край одеяла.

— Его убил Гарт.

Аврелий снова посмотрел на спящего мужчину.

Теперь в его взгляде появилось нечто такое, от чего Каю стало одновременно страшно и приятно. Будто кто-то взрослый наконец понял, что Гарт сделал не просто “с мышью”.

— А потом? — спросил Аврелий.

— Потом он встал.

— Надолго?

— Нет.

— Ты хотел, чтобы он встал?

— Да.

— Ты злился?

Кай опустил глаза.

— Да.

— На Гарта?

— Да.

— Хотел, чтобы Гарт умер?

— Нет!

Ответ вырвался сразу.

Аврелий кивнул, словно именно это и хотел услышать.

— Хорошо.

— Хорошо? — Велена посмотрела на него с болью. — Ты называешь это хорошим?

— Да. Потому что он поднял мёртвое от горя, а не от желания причинить вред.

— Какая разница, если люди всё равно сожгут его?

— Огромная. Для людей — никакой. Для него — всё.

Кай не понимал, о чём они говорят, но понимал тон.

Речь была о нём.

О том, можно ли его оставить.

О том, опасен ли он.

О том, плохой ли он.

— Я больше не буду, — сказал он.

Велена закрыла глаза.

Аврелий присел перед ним на корточки. Для старого и важного человека это движение показалось Каю странным: взрослые редко опускались, чтобы смотреть ребёнку прямо в лицо.

— Будешь, — сказал Аврелий.

Кай застыл.

— Нет.

— Будешь. Не потому, что плохой. Потому что дар не исчезает от обещаний.

— Я обещал маме.

— Это хорошо. Но однажды ты испугаешься. Или разозлишься. Или захочешь спасти кого-то. И сила потянется сама.

— Я не хочу.

— Верю.

— Тогда почему?

Аврелий помолчал.

— Потому что мир редко спрашивает, чего мы хотим.

Эти слова Кай понял.

Не полностью, но достаточно, чтобы стало холодно.

Велена встала.

— Ты можешь его научить?

— Могу.

— Не использовать?

— Нет.

— Аврелий.

— Не этому. Я могу научить его понимать, что он делает. Останавливать себя. Скрывать след. Не тянуться к каждой смерти, как голодный к хлебу. Но сделать так, чтобы дара не было, я не могу.

Велена отвернулась.

Кай увидел её плечи.

Они дрожали.

Совсем немного.

— Значит, он должен уйти с тобой, — сказала она.

Кай не сразу понял.

Потом понял.

— Нет.

Велена обернулась.

— Кай...

— Нет.

— Послушай меня.

— Я не пойду.

Он вскочил с постели. Одеяло упало на пол.

Гарт зашевелился на лавке, но не проснулся.

— Тише, — сказал Аврелий.

— Я не пойду с ним!

— Кай.

— Я буду осторожным. Я больше не буду трогать мёртвых. Я обещаю.

Велена подошла к нему.

— Родной...

— Я могу не смотреть. Могу не ходить на похороны. Могу вообще из дома не выходить.

— Нельзя прожить жизнь, прячась от самого себя.

— Можно!

Голос сорвался.

Гарт на лавке резко вдохнул и открыл глаза.

Несколько мгновений он смотрел в темноту, не понимая, что видит. Потом заметил Аврелия.

— Кто это? — хрипло спросил он.

Аврелий поднялся.

— Тот, из-за кого тебе лучше молчать.

Гарт сел. Лицо его помутнело от сна и браги, но страх пришёл быстро.

— Велена?

— Спи, Гарт.

— Что здесь происходит?

— То, что должно было произойти давно, — сказал Аврелий.

Гарт посмотрел на Кая, потом снова на мага.

— Забираешь его?

— Да.

— Куда?

— Туда, где он проживёт дольше, чем здесь.

Гарт молчал.

Кай ждал, что он начнёт спорить. Скажет, что это его дом, что никто не уйдёт, что мальчишку давно надо было отдать людям Единого. Но Гарт только потёр лицо ладонями.

— И хорошо, — сказал он наконец.

Велена вздрогнула.

Кай тоже.

Эти два слова ударили сильнее, чем крик.

— Гарт, — тихо сказала Велена.

— Что? — Он поднял на неё глаза. — Думаешь, я буду плакать? Он мне не сын. И после того, что я видел, спать с ним под одной крышей я не хочу.

Кай стоял неподвижно.

Аврелий сделал шаг вперёд.

— Осторожнее.

Гарт коротко усмехнулся, но без прежней наглости.

— А то что?

— А то я решу, что тебе полезнее забыть эту ночь совсем.

— Магия?

— Милосердие.

Гарт побледнел.

Велена встала между ними.

— Хватит.

Аврелий посмотрел на неё.

— Он опасен.

— Я знаю.

— Не Кай. Этот.

— Я знаю.

— Тогда идём с нами.

Она покачала головой.

Кай вцепился в её руку.

— Мама?
— Я не могу.
— Почему?
— Потому что если мы с тобой исчезнем вместе, Гарт расскажет всё. Староста расскажет дальше. Рыжий странник, если он тот, кем мы думаем, вернётся с людьми. А если я останусь, у меня будет шанс сказать, что ты уехал к родне. Что я испугалась слухов. Что всё это выдумки.
— Но Гарт...
— Гарт будет молчать, — сказал Аврелий.
Гарт открыл рот.
Маг даже не повернул головы.
— Будет.
Гарт закрыл рот.
Велена опустилась перед Каем на колени.
— Ты должен уйти.
— Я не хочу.
— Знаю.
— Ты меня отдаёшь из-за Сэра Хвостика?
— Нет.
— Из-за того, что я плохой?
— Нет.
— Тогда почему?
Она взяла его лицо в ладони. Пальцы у неё были холодными.
— Потому что я хочу, чтобы ты жил.
— Я буду жить с тобой.
— Со мной тебя найдут.
— Я спрячусь.
— Нет.
— Я буду хорошим.
Глаза Велены наполнились слезами.
— Ты и так хороший.
Кай заплакал.
Он ненавидел себя за это. За слёзы. За дрожащий голос. За то, что Гарт видит. За то, что Аврелий видит. Но остановиться не мог.
— Тогда не отдавай.
Велена прижала его к себе.
— Я не отдаю тебя, — прошептала она. — Я пытаюсь не потерять.
— Это одно и то же.
— Нет.
— Для меня одно.
Она закрыла глаза.
Аврелий отвернулся.
Даже Гарт молчал.
— Слушай Аврелия, — сказала Велена. — Он строгий, упрямый и не всегда говорит то, что хочется слышать. Но он сделает всё, чтобы защитить тебя.
— А ты?
— Я тоже. Как смогу.
— Ты придёшь?
— Когда станет безопасно.
— Когда?

Ответа не было.

Кай понял это молчание и запомнил его на всю жизнь.

Взрослые могут лгать словами.

Молчанием они говорят правду.

Велена сняла с шеи тонкий шнурок. На нём висела маленькая костяная бусина — простая, потемневшая от времени. Кай видел её с детства, но никогда не спрашивал, что это.

Она надела шнурок ему на шею.

— Это было у меня ещё до деревни.

— Что это?

— Память.

— О чём?

— О том, что милосердие — не слабость.

Он сжал бусину пальцами.

— Я не хочу память. Я хочу тебя.

Велена зажмурилась.

Потом поцеловала его в лоб.

— Я люблю тебя.

— Тогда пойдём со мной.

— Не могу.

— Почему взрослые всегда говорят “не могу”, когда просто не хотят?

Это ударило её сильнее, чем он хотел.

Но он хотел ударить.

Хотел, чтобы ей тоже стало больно.

Потому что ему было невыносимо.

Велена не стала защищаться.

— Потому что иногда “не могу” значит: если я сделаю так, как хочу, станет хуже тебе.

Кай отвернулся.

Аврелий положил руку ему на плечо.

— Пора.

— Нет.

— Пора, — повторил маг.

И в этом слове было столько окончательности, что Кай вдруг понял: всё уже решено без него.

Аврелий открыл проход не сразу. Сначала провёл рукой по воздуху, словно проверяя невидимую ткань, потом тихо произнёс несколько слов на языке, которого Кай не знал. Воздух у стены дрогнул, посинел и разошёлся овальным проёмом.

За ним был не двор, не дорога и не лес.

Высокий зал с каменными стенами, книгами до потолка и узким окном, за которым шёл снег.

Кай отшатнулся.

— Я не пойду.

Велена взяла его за руку и подвела к проходу.

Каждый шаг был хуже предыдущего.

У самого края она остановилась.

— Кай.

Он не смотрел на неё.

— Кай, посмотри на меня.

Не хотел.

Посмотрел.

— Что бы тебе потом ни говорили, помни: ты не ошибка.
Он молчал.
— И не чудовище.
Губы задрожали сами.
— А если стану?
Велена провела ладонью по его щеке.
— Тогда вспомни, что когда-то маленький мальчик хотел спасти мышонка. Не убить. Не напугать. Спасти.
Аврелий мягко, но крепко взял Кая за плечо.
— Идём.
Кай шагнул в синий холод.
Последнее, что он увидел в доме, было лицо матери.
Бледное.
Заплаканное.
Упрямое.
И Гарт за её спиной — чужой, тёмный, молчащий.
Потом проход сомкнулся.
Дом исчез.
Мать исчезла.
И впервые в жизни Кай понял, что можно остаться сиротой, даже если тот, кого ты любишь, ещё жив.
Темнота вернулась резко.
Без синего света, без дома, без материнских рук.
Кай попытался вдохнуть и не смог сразу. Грудь отозвалась тупой болью, горло пересохло, а где-то рядом снова пахло травами, дымом и горьким лекарством.
— Мама, — прошептал он.
И сам не понял, сказал это вслух или только во сне.
Кто-то рядом шевельнулся.
— Тише, — донёсся голос Даен. — Не вставай.
Кай открыл глаза.
Потолок над ним был низким, чужим, деревянным. За окном серело утро. На мгновение он не понял, где находится.
Потом вспомнил.
Деревня.
Оборотень.
Жнец.
И мать, которую он снова потерял — теперь уже не во сне.
Он закрыл глаза.
Воспоминания отпустили его.
Но цепи остались.

Глава 4. Цена спасения

«Когда говорят об общем благе, спасении мира и великом будущем, слишком часто забывают о живых людях. О тех самых, ради которых всё это будто бы и затевалось».

Из записей Кая

Глава 4. Цена спасения

Две недели назад. Эвандор. Императорский дворец.

Марий Первый был раздражён.

Не настолько, чтобы это заметил случайный придворный. При дворе вообще долго жили те, кто умел замечать важное и вовремя делать вид, что ничего не заметил. Но всякий, кто служил рядом с императором достаточно долго, понял бы: сегодня владыке большей части цивилизованного мира испортили утро.

Его пригласили.

Не вызвали, разумеется. Никто в здравом уме не стал бы говорить, что главу империи людей можно вызвать, как писаря с докладом или провинившегося наместника. Формально его святейшество Юлий Таурин, глава единой имперской церкви, лишь попросил срочной аудиенции, подчёркивая, что дело не терпит отлагательства.

Но Марий слишком давно правил людьми, чтобы не слышать разницу между просьбой и приказом, спрятанным под вежливыми словами.

Гнев он всё же смирил.

Во-первых, Таурин не стал бы тревожить его из-за пустяка. Этот человек любил власть, обряды и собственный голос, но дураком не был. Если глава церкви решился давить на императора срочностью, значит, где-то действительно пахло бедой.

Во-вторых, досаду Мария скрашивало одно маленькое удовольствие: он распорядился позвать Агриппу.

Даже самый далёкий от политики человек в столице знал, что церковь Единого и имперская разведка терпеть друг друга не могут. Не в последнюю очередь потому, что их главы ненавидели друг друга почти с профессиональной добросовестностью. Таурин считал Агриппу человеком без веры, совести и благоговения перед святынями. Агриппа считал Таурина человеком, у которого совесть давно заменена должностью, а вера слишком удобно совпадает с личной выгодой.

Мария это почему-то веселило.

Закрытый кабинет находился в старой части дворца, там, где ещё при Аларисе Третьем проводили совещания, о которых не писали в хрониках. Попасть сюда мог не всякий сановник. Право сидеть за этим столом имели считанные люди: сам император, архистратег, верховный маг — глава ковена, глава церкви, главный казначей, первый лекарь и несколько наместников таких провинций, где одно плохое решение могло превратить границу в мясорубку. Теоретически сюда могли бы пригласить и монархов дружественных держав, но с дружественными державами у империи всегда было сложно: одни уже вошли в её состав, другие предпочитали называться не друзьями, а временно не завоёванными соседями.

Комната была невелика: тёмные панели на стенах, тяжёлый стол из чёрного дерева, карта империи под стеклом, несколько кресел и узкие окна, выходившие во внутренний сад. Днём сюда почти не проникал шум столицы. Вечером казалось, что за стенами кабинета вообще нет мира — только камень, тени и решения, от которых потом горели города.

Когда Марий вошёл, оба ожидавших его человека поднялись.

Юлий Таурин сделал это плавно и безупречно. Высокий, сухой, в белом облачении с золотым знаком Единого на груди, он казался не столько человеком, сколько частью обряда. Лицо у него было узким, спокойным, почти лишённым возраста. Такие лица не стареют резко — они просто с каждым годом всё больше напоминают высеченный из мрамора приговор.

Агриппа поднялся медленнее.

На нём не было ни жреческого белого, ни придворного золота. Тёмный камзол, простая застёжка у горла, коротко подстриженная борода, внимательные глаза человека, который привык смотреть не на то, что ему показывают, а на то, что пытаются спрятать. Глава имперской разведки кланялся ровно настолько, насколько требовал этикет, и ни на волос больше.

— Служение и повиновение, государь, — произнёс Таурин, приложив правую руку к сердцу.

— Служение и повиновение, государь, — повторил Агриппа.

Он произнёс те же слова так сухо, что они почти стали насмешкой.

Марий заметил, как оба при этом успели обменяться взглядами. Таурин смотрел на Агриппу с холодной праведностью человека, которому неприятно находиться рядом с грязной, но полезной вещью. Агриппа смотрел на Таурина с любопытством аптекаря, решающего, перед ним яд или лекарство с особенно неприятным побочным действием.

Император едва удержался от улыбки.

По отдельности оба позволяли себе больше свободы. Агриппа наедине мог порой даже критиковать решения Мария — осторожно, разумеется, но достаточно прямо, чтобы это было полезно. Таурин такой дерзости себе не позволял, зато его манера “смирненно просить” временами походила на попытку отдавать приказы, только завёрнутую в белую ткань и молитвы.

Но стоило им оказаться в одной комнате, как оба вдруг вспоминали о безупречной верноподданности.

Ненависть иногда дисциплинирует лучше страха.

— Оставим эту красивую официальность для больших залов, — сказал Марий и сел во главе стола. — Здесь нас слишком мало, чтобы притворяться статуями.

Агриппа опустился в кресло первым. Таурин — на мгновение позже, будто само разрешение сесть было частью сложного обряда.

Марий положил ладонь на стекло, под которым лежала карта. Империя под его пальцами казалась спокойной: провинции окрашены разными оттенками, дороги проведены тонкими линиями, реки изгибались синими жилами, границы выглядели твёрдыми и разумными.

На настоящей земле всё было иначе.

— Итак, Юлий, — сказал он, нарочно чуть выделив взглядом Агриппу. — Судя по вашей настойчивости, вам есть что сказать нам.

Слово “нам” прозвучало мягко, почти лениво, но Таурин понял его безошибочно: глава разведки сидит здесь не случайно и не по ошибке секретаря.

Глава церкви чуть заметно поджал губы.

Агриппа сделал вид, что рассматривает карту.

— Я не стал бы тревожить ваше величество из-за пустяка, — произнёс Таурин.

— Очень на это надеюсь. Пустяки плохо действуют на моё настроение, а испорченное настроение государя редко идёт на пользу просителям.

Агриппа опустил глаза, но Марий заметил, как уголок его рта едва дрогнул.

Таурин не улыбнулся.

— Наш информатор в собрании магов за пределами империи сообщает, что несколько дней назад была совершена церемония принятия нового члена в братство искусств.

Марий молчал.

Агриппа перестал смотреть на карту.

— Приняли молодого мага, — продолжил Таурин.

Он позволил себе паузу.

Не длинную. Ровно такую, какую позволяют себе люди, уверенные, что следующее слово обязано изменить настроение комнаты.

— Молодого некроманта.

В кабинете стало тише.

Не потому, что кто-то испугался самого слова. Марий слышал и более страшные. За годы после восстания ему докладывали о мятежах, заговорах, эпидемиях, голоде, бунтах в легионах, исчезнувших сборщиках податей, языческих культах, убийцах, одержимых и людях, которые верили, что если принести в жертву семерых младенцев, то дождь пойдёт по их воле.

Но слово “некромант” имело особый вес.

Оно всегда тянуло за собой не только страх, но и память.

— Продолжайте, — сказал Марий.

Таурин положил на стол узкую папку, перевязанную белой лентой.

— Поскольку ваше императорское величество запретило матери нашей церкви активно действовать за пределами империи, я не мог отправить людей без вашего дозволения. Игнорировать же этот факт было бы верхом неблагоразумия.

— Разумеется, — сказал Агриппа. — Церковь ведь никогда не действует без дозволения, особенно если свидетелей поблизости нет.

Таурин даже не посмотрел на него.

— Поэтому я прошу у вас разрешения отправить группу инквизиции. Быстро. Без шума. Разделаться со щенком, пока он не набрал хоть сколько-нибудь значимой силы.

Марий слушал очень внимательно.

Агриппа тоже. На миг он даже забыл о своей нелюбви к его святейшеству, а это уже само по себе говорило о важности темы.

— Молодой некромант, — медленно произнёс Марий, словно пробуя эти слова на вкус.

Потом он поднял глаза на Таурина.

— Сколько ему лет?

Глава церкви моргнул.

Для другого человека это было бы пустяком. Для Юлия Таурина — почти криком.

— Ваше величество?

— Лет, Юлий. Сколько ему лет?

— По нашим сведениям, около двадцати двух.

— Кто его наставник?

— Это пока не установлено точно.

— Предположения?

Таурин помедлил.

— Есть основания полагать, что его мог обучать Аврелий.

Агриппа перестал улыбаться окончательно.

Марий медленно постучал пальцем по стеклу карты.

— Аврелий мёртв.

— Мы не имеем доказательств его смерти, — сказал Таурин.

— Мы не имеем доказательств смерти половины людей, пропавших за последние двадцать лет. Это не значит, что каждый из них тайно выращивает некромантов.

— Аврелий был одним из немногих, кто мог бы скрывать такого ученика.

— Был, — поправил Марий. — Был одним из немногих.

Таурин склонил голову, но в его молчании не было согласия.

— Как велик потенциал мальчишки? — спросил Марий.

Теперь Таурин уже не смог удержать выражение лица.

Он смотрел на императора так, будто тот внезапно спросил не о некроманте, а о цене хорошего охотничьего пса.

— Какое это имеет значение?

Марий поднял бровь.

— Простите?

Таурин опомнился на полуслове, но сказанное уже прозвучало.

— Я хотел сказать, ваше величество, что некромантия — проклятое искусство. На костре одинаково горят и двадцатилетние, и пятидесятилетние.

Агриппа тихо хмыкнул.

— Удивительно практичная богословская позиция.

— Размышлять о том, что имеет значение, а что нет, предоставьте мне, — сказал Марий.

Он не повысил голоса, но в комнате сразу стало холоднее.

Таурин склонил голову.

— Простите, государь. Ваш вопрос необычен.

— Мои вопросы часто необычны для тех, кто заранее решил, каким должен быть ответ.

Глава церкви промолчал.

— Итак, — продолжил Марий. — Возраст известен. Наставник предположительно Аврелий. Потенциал?

— Если его приняли в братство так рано, — ответил Агриппа вместо Таурина, — потенциал значительный. Маги любят называть себя свободными людьми, но в вопросах признания они консервативнее старых казначеев. Слабого ученика не стали бы принимать ради красивого жеста.

Таурин повернулся к нему.

— Вижу, разведка тоже получает сведения о магическом сообществе.

— Разведка не называет это откровением свыше.

— Имя, — сказал Марий.

— Кай, — ответил Таурин. — Без родового имени. Или, по крайней мере, без того, которое нам известно.

— Кай, — повторил Марий. — Двадцать два года. Некромант. Возможно, ученик Аврелия. Принят магами. И вы предлагаете мне просто сжечь его.

— Уничтожить, — поправил Таурин. — До того, как он станет угрозой.

— Не задержать. Не допросить. Не выяснить, кто его учил, кто его покрывал и зачем маги приняли его так рано.

— Некроманты опасны уже тем, что существуют.

— Многие люди опасны уже тем, что существуют, Юлий. Если начать с этого, работы у палачей станет больше, чем хлеба у пекарей.

— Некромантия — не просто вид магии.

— Это решать мне.

Таурин снова замолчал.

Но Марий видел: глава церкви не отказался от своего решения. Он лишь ждал, когда император закончит говорить.

Аврелий.

Вот что по-настоящему не нравилось Марию.

Один юный маг, каким бы редким ни был его дар, сам по себе не стоил срочного совещания в закрытом кабинете. Но имя Аврелия тянуло за собой слишком много старых нитей: Совет искусств, падение Алариса, храм милосердия, исчезнувшие свидетели, неоконченные расследования, тайны, которые Марий предпочёл бы оставить под камнем, если бы камни умели лежать спокойно.

— В этом мальчишке может скрываться огромная сила, — сказал он наконец. — А сила, Юлий, не становится менее полезной оттого, что вам неприятно на неё смотреть.

— Ваше величество...

— Я знаю вашу позицию. Вы считаете некромантию скверной, которую нельзя использовать, не запятнав себя. Вы уже сказали бы это, если бы я дал вам ещё полминуты.

Таурин слегка наклонил голову.

— Тогда позвольте сказать короче: оружие скверны оскверняет руку, которая его держит. Даже если эта рука принадлежит светлому поборнику добра и справедливости.

Агриппа посмотрел на него с интересом.

— Вы сегодня щедры на похвалы, Юлий.

— Я говорю с императором.

— Вот именно.

Марий поднял руку, и спор оборвался.

— Я понимаю вашу позицию. Теперь постарайтесь понять мою. Планы по расширению границ уже запущены. Пограничье — только начало. За ним земли нелюдей, морские острова, пустыня, старые крепости, забытые княжества и десятки мелких правителей, которые пока ещё думают, что расстояние надёжнее стены. Всё это потребует людей. Денег. Хлеба. Лошадей. Железа. Времени.

Он провёл пальцем по карте, от западных провинций к южным границам.

— Живые солдаты требуют платы. Требуют еды. Устают. Болезни косят их быстрее стрел. Раненых нужно лечить, погибших — заменять. А мёртвые...

Таурин смотрел на него неподвижно.

Марий понимал, как это звучит.

Именно поэтому говорил спокойно.

Чудовищные вещи хуже всего убеждают, когда их произносят с восторгом.

— Мёртвые не требуют жалованья, — закончил он. — Не боятся. Не мерзнут. Не бегут с поля боя. И сам их вид внушает врагу куда больше трепета, чем очередная красивая речь о величии империи.

— Вы говорите о мёртвых как о войске.

— Я говорю о возможности сохранить тысячи живых имперских солдат.

С этим спорить было труднее.

Даже Таурин это понял.

— Почему вы решили, что этот Кай захочет служить вам? — спросил глава церкви. — Особенно если его действительно воспитывал Аврелий. Что, по-вашему, ренегат мог рассказать ему об империи? Сказки о справедливых налогах и добрых инквизиторах?

Агриппа поднял глаза.

— Не сочтёт ли мой господин дерзостью, если я отвечу?

Марий махнул рукой.

— Разумеется, вы правы, уважаемый Юлий, — сказал Агриппа таким просительным тоном, что только глухой не услышал в нём издёвку. — Сейчас мальчишка наверняка считает империю неприятным местом. Возможно, даже опасным. Но люди редко меняют мнение от приказа. Зато часто — от обстоятельств.

— К примеру? — сухо спросил Таурин.

— К примеру, некий гражданин империи мог бы спасти ему жизнь. Не представляться сразу. Помочь. Завязать дружбу. Показать, что империя — это не только костры, налоги и ваши проповеди.

— Осторожнее, Агриппа.

— Я предельно осторожен. Потом, когда мальчишка перестанет воспринимать нас как чудовищ, с ним можно будет говорить официально. Предложить то, что ему нужно: знания,

защиту, артефакты, золото, доступ к библиотекам, женщин, если он из тех, кто глупеет от красивых глаз. Всё это дешевле, чем полноценная армейская кампания.

— А его учитель? — спросил Таурин.

Агриппа пожал плечами.

— Маги смертны. Даже великие. С ними случаются болезни, несчастные случаи, старые враги, падающие балки, неверные ученики и слишком длинные дороги.

— Разумеется, всё это произойдёт само собой?

— Разумеется. Империя же не действует за пределами империи активно. Вы сами только что напомнили.

Марий на этот раз улыбнулся открыто.

Таурин — нет.

— Можно было бы использовать одного из наших людей в пограничье, — продолжил Агриппа. — Того дикаря-барона, который и так обязан нам больше, чем хотел бы помнить.

Марий покачал головой.

— Нет. Не его. Для этого он слишком груб и слишком занят собственными делами. К тому же скоро ему будет не до тонких игр.

Агриппа чуть заметно приподнял бровь, но спрашивать не стал.

Таурин слушал очень внимательно. Слишком внимательно.

— Всё это пока мелочи, — сказал Марий. — Детали. Важно другое: информация. Слушай мой приказ, Юлий. Раздобыть всё, что возможно. Кто он. Где обучался. Кто был наставником. Что умеет. Чего боится. Кому доверяет. Что любит, что ненавидит, где был замечен и с кем говорил. Если узнаете, какую еду он предпочитает, какие напитки пьёт и какие женщины заставляют его терять разум, я тоже хочу это знать. Мне нужен не слух, не страшилка для проповедей и не труп на дороге. Мне нужен человек, которого можно понять.

Таурин склонил голову.

— Как прикажете, ваше величество. Я исполню вашу волю в точности.

Агриппа едва заметно посмотрел на него.

Вот именно эта безупречная покорность ему и не нравилась.

Люди, которые подчинялись нехотя, обычно оставляли следы: взгляд, паузу, дрожь в голосе, лишнее слово. Таурин не оставлял ничего. Он принимал приказ так чисто, будто уже нашёл способ не выполнить его, не нарушив ни одной буквы.

— Однако, — продолжил глава церкви, — прошу вас: пока мои люди собирают сведения, подумайте ещё раз. Быть может, Единый ниспослёт вам откровение, и вы измените решение.

— Я подумаю, — сказал Марий. — И взвешу всё за и против.

— Вы знаете, для меня воля Единого первостепенна.

— Знаю.

— Именно поэтому я делаю то, что делаю. У меня нет личной выгоды, государь. Я уже имею больше, чем мог бы желать простой смертный. Мой замысел направлен лишь на одно: чтобы наша империя, как царство света и чистоты, однажды распростёрлась от края до края мира.

Агриппа внутренне поморщился.

Он не любил людей, которые говорили о чистоте слишком часто. За такими словами обычно плохо пахло.

— К тому же, — добавил Таурин, — если некромант действительно может быть полезен, то после того, как он выполнит свою работу, необходимость в нём отпадёт.

Марий медленно поднял глаза.

Вот теперь Таурин сказал больше, чем собирался.

Не ошибся — нет. Такие люди не ошибаются в словах. Скорее позволил себе приоткрыть дверь ровно настолько, чтобы показать: он тоже умеет мыслить не только молитвами и кострами.

— Значит, вы уже решили, какую работу должен выполнить этот некромант?

— Я лишь рассуждаю о возможной пользе даже от опасного орудия.

— Орудия имеют неприятное свойство резать не только тех, на кого ими указывают.

— Поэтому опасное орудие держат крепкой рукой.

— Или ломают, когда оно становится слишком опасным.

Таурин едва заметно улыбнулся.

— В этом мы с вами, кажется, согласны.

Марий не улыбнулся.

— Не спешите радоваться согласию, Юлий. Иногда люди слышат одно и то же слово, но понимают под ним разные вещи.

Глава церкви склонил голову.

— Как скажете, государь.

Марий откинулся в кресле.

— На сегодня всё. Агриппа, составишь мне компанию за трапезой?

Агриппа чуть заметно приподнял бровь.

— С удовольствием, государь.

Марий перевёл взгляд на Таурину.

— Вам, уважаемый пантифик, не предлагаю. Не хочу обременять вас мирскими заботами сверх необходимого. Я ведь знаю, что мать наша святая церковь требует постоянного внимания, дабы и дальше беречь наши души в чистоте и свете.

Таурин принял насмешку без единого лишнего движения.

— Забота о душах — тяжкий, но благословенный труд.

— В таком случае не стану отнимать у вас время.

— Служение и повиновение, государь.

Таурин поклонился и вышел.

Дверь закрылась.

Некоторое время Марий молчал, глядя на карту под стеклом.

— Не нравится мне, как ведёт себя этот святоша, — сказал Агриппа.

— Мне тоже.

Марий провёл пальцем по границе одной из западных провинций.

— Поэтому вот что. Присмотрись к духовенству. Найди кардинала потолковее.

Агриппа посмотрел на него уже без тени насмешки.

— Вы хотите заменить главу церкви?

— Я хочу быть готовым к тому дню, когда матери нашей церкви понадобится новый глава.

— День может наступить скоро?

Марий поднял взгляд.

— У меня есть чувство, что Юлий Таурин слишком часто путает волю Единого со своей собственной. А люди, которые делают такую ошибку, обычно плохо заканчивают.

— В садах Единого?

— Или где-нибудь по дороге.

Агриппа медленно кивнул.

— Я понял.

— Надеюсь, Юлий тоже. Но на всякий случай — подыщи кардинала.

— Из тех, кто верит в Единого, но не считает себя его личным секретарём?

— Именно.

— Таких немного.

— Потому я и поручаю это тебе.

Агриппа позволил себе короткую улыбку.

— Как прикажете, государь.

Марий снова посмотрел на карту.

Внешне он казался спокойным, почти ленивым. Но Агриппа слишком давно служил ему, чтобы путать это спокойствие с равнодушием. Император уже мысленно передвигал фигуры. Таурин был слишком силен, чтобы трогать его грубо. Церковь любили простые люди, боялись дворяне, уважали солдаты и терпели маги, потому что открытая война с ней стоила бы слишком дорого.

Но Марий пришёл к власти не потому, что умел ломать стены лбом.

Он умел ждать, пока в стене появится трещина.

И сейчас, судя по выражению его лица, он уже искал, куда поставить первый клин.

Марий и Агриппа сильно удивились бы, узнай они, что во время совещания их слышал ещё один человек.

Гай, сын Мария Первого, стоял в потайной нише за стеной закрытого кабинета.

Ниша эта существовала не для любопытных наследников. При прежних императорах там во время опасных переговоров прятались преторианцы — не почётная стража для красоты, а люди с короткими клинками и простым приказом: если гость окажется убийцей, он должен умереть раньше, чем успеет договорить фразу. Иногда вместо преторианца в нише стоял маг-наблюдатель. Такой не бросался на врага с мечом, зато умел считывать страх, ложь, вспышки чужой воли и потом докладывать государю, где собеседник говорил правду, где притворялся, а где уже мысленно тянулся к ножу.

Гай нашёл эту нишу ещё подростком.

Точнее, сначала нашёл не он, а скука.

Жизнь в столице давно казалась ему золотой клеткой. С одной стороны, у него было всё, о чём иной дворянин мог только мечтать: лучшие учителя, лучшая еда, лучшее оружие, артефакты, дорогая броня, которую рыцарь средней руки не купил бы и за десять лет честной службы. С ранних лет его обучали в ордена палладинов — воинов света, которых простые люди представляли себе почти святыми, а солдаты уважали за куда более земные причины.

Паладин был страшен не только мечом.

Благословение делало тело быстрее и крепче. Световая печать могла остановить кровь. Правильно наложенная молитва позволяла человеку с пробитым боком дожить до конца сражения и ещё утащить товарища с поля. А если паладин успевал коснуться раны до того, как смерть окончательно закрывала пальцы, у раненого появлялся шанс, за который любой лекарь отдал бы половину своих трав и всю гордость.

Именно поэтому палладинов берегли.

А наследника империи, обученного у палладинов, берегли так, что Гай иногда чувствовал себя не воином, а дорогим клинком, который все хвалят, чистят, показывают гостям — и никто не вынимает из ножен.

Ему исполнилось двадцать три.

Двадцать три — возраст, в котором простой легионер уже успевал похоронить друзей, получить первый шрам, разочароваться в песнях о славе и понять, что мокрые сапоги мучают сильнее высоких размышлений о долге. Гай же всё ещё слишком часто слышал: “позже”, “не сейчас”, “это не для вас”, “ваше высочество, так будет разумнее”.

Разумнее.

Этим словом взрослые люди во дворце прикрывали почти всё, что им было удобно.

В тот вечер Гай не собирался подслушивать.

Сначала это и правда была игра. До тренировки с мастером клинка оставалось время, а слушать очередного наставника, который объяснял бы ему, почему терпение является главной

добродетелью наследника, Гай не имел ни малейшего желания. Поэтому он забрался в нишу, представляя, будто охраняет отца во время тайных переговоров с послами далёких земель.

В его воображении послы непременно были измождёнными, гордыми и отчаявшимися. Они умоляли империю спасти их от беды, какой мир прежде не видел. Марий сидел за столом, спокойный и величественный. Агриппа, разумеется, уже знал половину их тайн. А Гай стоял в темноте за стеной, готовый в любой миг выйти и принять удар на себя.

Потом в кабинет вошёл Юлий Таурин.

А вслед за ним — Агриппа.

Гай перестал улыбаться.

Глава церкви Единого и глава имперской разведки не собирались вместе ради скучных докладов. Если эти двое оказывались в одной комнате, значит, речь шла либо о заговоре, либо о войне, либо о чём-то таком, чему ещё не успели придумать приличное название.

Он остался.

И выслушал всё.

Некромант.

Молодой.

Двадцать два года.

Кай.

Принят магическим сообществом.

Возможно, ученик Аврелия.

Гай стоял в темноте и чувствовал, как сердце бьётся всё чаще. Не от страха. От того странного, почти постыдного восторга, который появляется у человека, слишком долго читавшего о великих событиях и вдруг услышавшего, как одно из них скребётся когтями прямо за стеной.

Отец хотел не смерти некроманта, а ответов.

Возможно, даже хотел заполучить его на службу. Гай слишком хорошо знал Мария, чтобы не услышать этого между строк. Император говорил о пользе, о войнах, о цене живых солдат и мёртвых армий так спокойно, что от этого становилось неуютнее, чем от крика. Отец умел смотреть на страшные вещи как на задачу. Именно поэтому одни называли его великим правителем, другие — чудовищем, а третьи, самые осторожные, не называли никак.

Юлий Таурин был против.

Для главы церкви сам факт существования некроманта уже был преступлением, которому полагался костёр. Возраст, наставник, потенциал — всё это раздражало его, потому что превращало “скверну” в человека с биографией. А человека труднее бросить в огонь, если позволить себе слишком много о нём узнать.

Агриппа, как всегда, хотел смотреть, слушать и держать в руке ту нитку, за которую остальные ещё даже не догадались потянуть.

Но сильнее всего Гая зацепил не сам Кай.

И даже не Аврелий.

А то, что случилось после ухода Таурина.

Отец велел Агриппе подыскать нового главу церкви.

Не прямо, конечно. Марий редко говорил прямо там, где кривой путь позволял собеседнику самому испугаться собственной догадки. Но смысл был ясен: если Юлий Таурин продолжит путать волю Единого со своей собственной, империя однажды проснётся с другим пантификом.

Гай не был глуп.

На уроках политики ему часто казалось, что преподаватели нарочно усложняют простые вещи, чтобы казаться нужнее. Но здесь всё было предельно ясно. Отец не просто спорил с церковью. Он уже готовил место для ножа. Аккуратно. Терпеливо. Как человек, который не

собирается ударить сегодня, но хочет заранее знать, где у противника между пластинами брони тонкая щель.

Гая следовало выйти из ниши сразу после того, как Марий и Агриппа покинули кабинет. Следовало вернуться к тренировке.

Следовало забыть всё услышанное или, по крайней мере, сделать вид, что забыл.

Слово “следовало” вообще было одним из любимых слов людей, которые не собирались сами делать ничего опасного.

Если рассказать обо всём Магистру Гектору, главе ордена паладинов, тот наверняка заинтересуется. Некромантия, Аврелий, магическое братство, спор между церковью и императором — слишком много опасных слов для одного тайного совещания.

Но даже если орден решит провести собственное расследование, Гая не отправят.

Его никогда не отправляли туда, где дело могло стать по-настоящему опасным.

В лучшем случае ему скажут ждать. В худшем — велят забыть услышанное, а потом ещё прочтут проповедь о терпении, послушании и мудрости старших. Гай почти физически ощутил, как Магистр Гектор смотрит на него своим тяжёлым взглядом, от которого даже бывалые паладины начинали вспоминать грехи детства.

Он невольно втянул голову в плечи.

Епитимья будет страшной.

Гектор умел наказывать без крика. Иногда Гай думал, что наставник специально выбрал служение свету только потому, что в темнице ему было бы слишком тесно для воспитательных бесед.

Но мысль о наказании почему-то не остановила его.

Если он хочет узнать, кто такой Кай на самом деле, придётся действовать самому.

Не ждать приказа.

Не просить разрешения.

Не стоять в темноте за стеной, пока церковь, разведка и император решают судьбу человека, которого никто из них даже не видел.

Гай не знал, чего именно хочет. Спасти некроманта? Поймать? Допросить? Доказать отцу, что он уже не мальчик, которого нужно прятать от настоящей крови? Доказать Гектору, что паладин не становится паладином от бесконечных тренировок во дворе?

Наверное, всего понемногу.

И это было опаснее любого ясного мотива.

Но решение всё равно пришло быстро.

Он найдёт Кая сам.

Не потому, что это разумно.

А потому, что иначе за него снова решат взрослые, старшие, мудрые — все те, кто так хорошо умел говорить о долге, пока сам Гай стоял за стеной и слушал чужие решения.

Нужны деньги. Дорожная одежда. Карты пограничья. Пара артефактов, которые не сразу хватятся искать. Провизия на несколько дней. Хороший меч он возьмёт свой — с этим вопросов не возникнет. Отцу можно будет сказать, что орден отправил его с поручением в соседнюю провинцию. Ордену... с орденом сложнее.

Гай поморщился.

Лучше думать об этом потом.

Негоже рыцарю света терзаться сомнениями после того, как решение уже принято.

Так учил Магистр Гектор.

Так правил Марий.

И Гай очень хотел верить, что сам он устроен так же.

Он тихо выбрался из ниши и пошёл готовиться к походу.

Гай тогда ещё не знал, что услышал только половину беды.

Не знал о брате Гельвеции.

Не знал о Дарии.

Не знал, что Юлий Таурин, покинув императорский кабинет, уже нашёл способ исполнить приказ Мария так, чтобы от самого приказа почти ничего не осталось.

Юлий Таурин к тому времени уже покинул дворец.

В коридорах старой части стояла прохлада. По обеим сторонам тянулись мраморные статуи прежних императоров. Некоторые правили долго. Некоторые — недолго. Одних народ называл мудрыми, других проклинал ещё при жизни. Но теперь все они молчали одинаково, глядя пустыми глазами поверх голов живых.

Таурин шёл мимо них и думал о том, что императоры приходят и уходят.

Церковь остаётся.

Марий был опасен. Умён, осторожен, слишком хорошо помнил, как сам пришёл к власти, и потому слишком внимательно следил за теми, кто мог однажды повторить его путь. Таурин не собирался садиться на трон. Власть церкви была чище, долговечнее и глубже власти короны. Император распоряжался армиями, налогами и законами. Церковь распоряжалась страхом, надеждой и смыслом. Люди могли ненавидеть правителя, но всё равно молиться Единому.

В этом была настоящая сила.

И всё же Марий мешал.

Не всегда. Не открыто. Не так, чтобы с ним можно было вступить в прямую борьбу. Но он слишком часто позволял себе думать, будто свет нуждается в расчёте, а чистота — в политической выгоде.

Таурин не собирался исполнять приказ так, как его понял император.

Информацию о некроманте он соберёт. Конечно соберёт. Он не был глупцом и понимал цену знания. Но сам некромант должен умереть. Чем раньше, тем лучше.

Если Марий узнает, что инквизиторы убили Кая вопреки его воле, всегда найдётся объяснение. Спротивление при задержании. Угроза мирным жителям. Непредвиденные обстоятельства. Чрезмерное рвение младших братьев. Разве можно винить главу церкви в том, что его подчинённые оказались слишком праведны?

Наказание одного исполнителя, если оно понадобится, лишь укрепит видимость порядка.

А некромант будет мёртв.

К своей резиденции Таурин добрался уже с готовым решением.

Она примыкала к дворцовому кварталу, но не принадлежала дворцу. Белокаменное здание с узкими окнами, внутренним двором и малой часовней казалось скромным только тем, кто не понимал цену настоящей сдержанности. Здесь не было показной роскоши, зато каждый камень говорил о власти, которая не нуждается в золоте, чтобы заставить человека опустить глаза.

У входа слуга склонился так низко, будто боялся задеть взглядом край белого облачения.

Таурин снял перчатки и передал их ему.

— Найди брата Гельвеция.

— Да, ваше святейшество.

— Немедленно.

Слуга уже собирался уйти, но Таурин добавил:

— И никого больше не впускать.

— Да, ваше святейшество.

Малый кабинет Таурина был почти пуст: стол, два кресла, полка с богословскими трактатами, символ Единого круга на стене и высокая лампа с белым стеклом. На столе лежала раскрытая книга, но Таурин не посмотрел на неё.

Люди часто думали, что скромность означает отсутствие роскоши.

Это было заблуждение бедных.

Настоящая власть умела выглядеть скромно так, чтобы никто не смел назвать её бедной. Таурин встал у окна и стал ждать.

Ждать он умел.

Брат Гельвеций пришёл быстро.

Это был крепкий мужчина лет сорока с тяжёлой челюстью, коротко остриженными волосами и руками, по которым сразу было видно: этот человек чаще держал меч, чем перо. Его белый плащ был прост, но безупречно чист. На груди — знак ищущих святой инквизиции: узкий луч света, пронзающий чёрный круг.

Гельвеций вошёл, поклонился и приложил руку к сердцу.

— Служение и повиновение, ваше святейшество.

— Закрой дверь.

Инквизитор подчинился.

— Ты поведёшь группу в пограничье, — сказал Таурин без предисловий.

Гельвеций не стал спрашивать “зачем”. Хороший исполнитель сначала слушает, потом задаёт только те вопросы, без которых приказ нельзя исполнить.

— За некромантом?

— Да.

На лице Гельвеция почти ничего не изменилось. Лишь щека едва заметно дрогнула.

Таурин это оценил.

Страх, спрятанный быстро и глубоко, часто полезнее храбрости.

— Взять живым? — спросил инквизитор.

— Таков приказ императора.

Пауза была короткой, но достаточной.

— А воля церкви?

Таурин повернулся к нему.

— Воля церкви состоит в том, чтобы некромантия не пустила корни.

Гельвеций медленно кивнул.

— Значит, если он окажет сопротивление...

— Он окажет.

— Если не окажет?

— Некроманты всегда оказывают сопротивление. Иногда до того, как произнесут первое слово. Иногда самим фактом своего существования.

Инквизитор понял.

Не улыбнулся. Не обрадовался. Не сделал вид, будто слышит то, чего не было сказано. Просто принял ещё один слой приказа.

Таурин ценил таких людей.

С фанатиками легко зажигать костры, но трудно строить долгие планы. Гельвеций был не костром. Он был ножом.

— Нужно будет подготовить доклад, — сказал он.

— Доклад подготовят после.

— Свидетели?

— Пограничье полно людей, которые видят только то, что им велят. А если увидят лишнее, всегда можно напомнить им, что укрывательство некроманта карается не мягче самой некромантии.

Гельвеций помолчал.

— Император может приставить к отряду человека Агриппы.

— Может, — сказал Таурин. — И, скорее всего, приставит.

— Это усложнит дело.

— Именно поэтому я вызвал тебя, а не кого-нибудь проще.

Гельвеций принял это без гордости. Просто как факт.

— Человека Агриппы можно будет отвести в сторону. Ложный след, разведка местности, переговоры с местным старостой. Или оставить рядом, но без доступа к главному моменту.

— Не стоит недооценивать Агриппу.

— Я не недооцениваю. Поэтому и не предлагаю убивать его человека.

— Разумно.

Гельвеций подумал ещё мгновение.

— Мне понадобится брат Дарий.

Таурин не сразу ответил.

Имя ему было знакомо. Брат Дарий был молод, силён, рьян и слишком прямолинеен. Когда-то он служил при паладинах, но ордену быстро стало тесно рядом с человеком, который видел в милосердии не добродетель, а слабость дисциплины. У инквизиции с такими людьми отношения складывались лучше.

Не всегда спокойнее.

Но лучше.

— Почему он?

— Он ненавидит некромантов искренне.

— Искренность не всегда достоинство.

— Зато удобна, когда нужно, чтобы человек сделал то, что другие будут обдумывать слишком долго.

Таурин едва заметно улыбнулся.

— Ты предлагаешь мне меч, который сам просится из ножен.

— Я предлагаю брата, который не станет колебаться. Если некроманта придётся уничтожить быстро, Дарий сделает это. Если потом понадобится объяснить, почему приказ императора был исполнен не в точности...

— Чрезмерное рвение молодого инквизитора.

— Именно.

— А сам Дарий понимает, какую роль ему могут отвести?

— Нет.

— Хорошо.

Гельвеций не изменился в лице.

Это тоже было полезным качеством.

Таурин сел за стол.

— Возьми его. Но держи коротко. Рьяность полезна только до тех пор, пока служит руке, а не тянет её за собой.

— Понимаю.

— Найти Кая. Узнать всё, что получится узнать. Если есть возможность выяснить, где Аврелий, — выяснить. Если некромант будет один, слаб, напуган и удобен для допроса, ты доставишь его живым.

Гельвеций внимательно смотрел на него.

— А если не будет удобен?

— Тогда ты спасёшь империю от будущей беды.

— И церковь от позора.

— Церковь не знает позора, брат Гельвеций. Позор знают только люди, которые не оправдали её доверия.

Инквизитор склонил голову.

— Когда выступать?

— Через час. Возьмёшь только тех, кто нужен. Без шума. Без лишних разговоров. Официально вы отправляетесь проверить слухи о запрещённой магии в пограничье.

— А неофициально?

— Неофициально ты уже услышал достаточно.

Гельвеций снова приложил руку к сердцу.

— Служение и повиновение.

— И свет Единого над тобой.

Когда инквизитор вышел, Таурин остался один.

Он не чувствовал ни сомнения, ни тревоги. Сомнения полезны людям, которые ещё ищут истину. Таурин давно её нашёл.

Мир был нечист, слаб и полон трещин.

Маги называли эти трещины искусством.

Правители — необходимостью.

Разведчики — возможностями.

Но трещина остаётся трещиной, как её ни назови.

А некромантия была не трещиной.

Она была дверью. Дверью туда, откуда не должно возвращаться ничего. Ни сила. Ни знание. Ни мёртвые, поднятые ради победы в будущих войнах.

Марий думал, что сможет приоткрыть эту дверь ровно настолько, насколько нужно империи. Взять из тьмы пользу, не пустив тьму внутрь. Поставить мёртвых в строй, сберечь живых солдат, выиграть войны дешевле и быстрее.

Таурин знал: так не бывает.

Скверну не используют понемногу. Ей сначала находят оправдание. Потом место в законе. Потом место в армии. Потом место в молитвах о победе. А потом люди уже не помнят, когда именно перестали ужасаться тому, что вчера называли мерзостью.

Кай был не мальчишкой и не возможностью.

Кай был поводом.

Поводом для императора сказать: “тёмное искусство тоже может служить светлой цели”.

Вот этого Таурин допустить не мог.

Некромант должен был умереть не когда-нибудь потом, не после допросов и не после имперских опытов.

Сейчас.

Пока Марий ещё не успел превратить запретное в полезное.

Пока одно исключение не стало началом нового закона.

Две недели спустя.

Пограничье. Деревня.

Дом травницы Даен.

Кай очнулся с таким чувством, будто болел каждый палец, каждый сустав и даже те места, о существовании которых нормальный человек вспоминает только после падения с дерева.

Первое, что он увидел, когда сумел разлепить глаза, были карие глаза молодой девушки. Очень близко. Очень внимательно. И слишком обеспокоенно для человека, который просто смотрит на чужого больного.

— Кто ты? — хрипло спросил Кай. — Где я? Что со мной случилось?

Девушка вздрогнула, потом облегчённо выдохнула.

— Ты в доме моей матери. У травницы Даен. Ты был ранен после боя с оборотнем и лежишь здесь уже три дня. Я Салира. Дочь Даен. Ты меня не помнишь?

Кай моргнул.

Комната медленно собралась вокруг её лица: низкий потолок, связки сушёных трав у стены, деревянная полка с глиняными чашками, тонкая полоска света между ставнями. Воздух

пах дымом, мятой, горьким отваром и чистой тканью. Такой запах бывает в домах, где смерть уже заглянула в дверь, но хозяйка дома оказалась упрямее.

— Ах да... Салира, — сказал он наконец. — Извини. Я не хотел показаться грубым.

— Ничего. После трёх дней без сознания можно начинать разговор как угодно.

— Тогда начну с главного. Дай попить, пожалуйста.

Она осторожно приподняла его голову и поднесла к губам чашку. Вода была тёплой, с горьковатым травяным привкусом, но Кай пил так жадно, будто это была не вода, а обещание прожить ещё хотя бы час.

— Медленно, — сказала Салира. — Мама велела не давать тебе сразу много.

— Твоя мама, похоже, любит велеть.

— И обычно оказывается права.

— Опасное качество.

Салира почти улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— Люди нашли тебя под деревом. Без сознания. Сначала решили, что ты сорвался и распорол бок о сук.

— Сук тут ни при чём, — прохрипел Кай.

— Нет?

— Нет. Там было кое-что хуже падения.

— Оборотень?

— Не только.

Он хотел сказать ещё что-то, но в этот момент дверь открылась, и в комнату вошла Даен.

На лице травницы была смесь усталости, облегчения и тревоги. Так смотрят люди, которые три дня спорили со смертью, наконец выиграли спор, но уже подозревают, что смерть просто отошла за угол и ждёт удобного случая вернуться.

— Очнулся, значит.

— Пытаюсь.

Даен подошла ближе, коснулась его лба, проверила зрачки, потом взяла за запястье, считая пульс.

— Как себя чувствуешь?

— Как будто с дерева упал.

Салира фыркнула и тут же прикрыла рот ладонью.

Даен посмотрела на Кая без особого сочувствия.

— Насколько я поняла, ты действительно упал с дерева.

— Видите? Я не жалею, я точно описываю состояние.

— Описание принято. Вставать не советую: упадёшь второй раз, и мне придётся лечить уже не героя, а упрямого дурака.

— Звучит почти ласково.

— Не обольщайся.

Кай хотел ответить, но бок отозвался резкой болью, и он только поморщился.

Даен заметила.

— Вот. Значит, тело всё-таки решило напомнить тебе, кто здесь главный.

— Я думал, главный здесь вы.

— В моём доме — да. В твоём теле пока боль. Но я с ней спорю.

Она поправила край повязки и стала серьёзнее.

— Что произошло в лесу? Охотники принесли тебя без сознания, рядом был мёртвый оборотень, а на поляне — кости, следы крови и перепуганные люди, которые сами толком не поняли, что видели.

Кай прикрыл глаза, собираясь с силами.

— Всё пошло не по плану.

— Редкий случай для человека, который сидел на дереве и ждал, пока оборотень сам передумает его есть.

— Я не ждал. Я искал решение.

— Нашёл?

— Да. Плохое.

Даен молча ждала. Салира тоже, только в её взгляде было куда больше нетерпения.

— Когда обычные способы закончились, я призвал Жнеца, — сказал Кай. — Я сам не до конца понимаю, что это такое. Учитель показывал мне старое описание. Неполное. Там Жнецов называли по-разному: пожирателями душ, слугами смерти, тенями какого-то древнего закона. Может, одно из этого правда. Может, всё сразу. Может, ничего.

Салира побледнела.

— Ты призвал то, чего сам не понимаешь?

— Да.

— Это ведь ужасно опасно.

— Именно поэтому я и называю это плохим решением.

Даен прищурилась.

— Чем Жнец отличается от твоих скелетов?

— Всем. Скелет — простая вещь. Кости, остаток формы, немного моей воли сверху. Его можно поднять, связать приказом и отправить туда, куда нужно. Верная дрессированная собака, только послушнее и без привычки грызть сапоги.

Салира нервно улыбнулась, но сразу спрятала улыбку.

— А Жнец?

— А Жнец — не собака. Даже не волк. Скорее дикий тигр. Или дракон, которому ты открыл клетку, показал на врага и очень надеешься, что успеешь захлопнуть дверь раньше, чем он обернётся на тебя.

Даен перестала поправлять повязку.

— Ты не управлял им.

— Нет. Жнеца нельзя вести за поводок, как скелета. Его можно только позвать, указать цель и удерживать. Очень недолго. И за это надо платить.

— Маной? — спросила Салира.

Кай посмотрел на неё внимательнее.

— Да. Обычно маной.

— А тебе не хватило.

— Мне не хватило. Призыв уже начался, остановить его было нельзя. Тогда Жнец взял недостающее из праны. Из жизненной энергии.

Салира сжала чашку обеими руками.

Даен не стала переспрашивать. Она только коротко выдохнула, будто в её голове сразу сложилось объяснение трёх дней жара, бреда и странной слабости, которая не соответствовала ранам.

— Поэтому ты лежал как мёртвый, — сказала она.

— Да

Салира всё ещё смотрела на него.

— А как это вообще работает? Мана, прана... Ты говоришь так, будто внутри человека есть разные сосуды.

Кай хотел пожать плечами, но вовремя передумал.

— Учитель объяснял почти так же. Основное правило простое: ничто не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда. Магия — это не чудо из пустоты. Это преобразование энергии. Мана — то, чем маг творит чары. Прана — то, благодаря чему живёт тело. Когда прана заканчивается, человек умирает.

Салира слушала очень внимательно. Не так, как слушают страшную историю у очага, а так, будто ей наконец открыли дверь в комнату, куда её давно не пускали.

— У обычных людей тоже есть мана? — спросила она.

— Есть. Просто почти не задерживается. Представь чашу с водой. У обычного человека чаша маленькая и дырявая: мана входит, проходит насквозь и возвращается в мир. Но иногда на дне остаётся несколько капель. Тогда случаются странные вещи. Торговец вдруг заключает слишком удачную сделку. Мать вымаливает ребёнка там, где лекарь уже махнул рукой. Человек в ярости прокликает соседа — и тот на следующий день ломает ногу.

— Значит, обычный человек тоже может стать магом?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Даен посмотрела на дочь.

— Салира.

— Я просто спросила.

— Нет. Ты спросила так, будто уже примеряешь на себя мантию великой волшебницы.

Кай усмехнулся одними губами.

— Мантия не обязательна. Многие великие маги одеваются отвратительно.

Салира улыбнулась, но глаз не отвела.

— А всё-таки?

— Редко, — сказал Кай. — Очень редко. У мага сосуд не просто больше. Он крепче. Он удерживает ману, позволяет направлять её, преобразовывать. Иногда дар проявляется поздно, иногда почти не проявляется, иногда человек всю жизнь думает, что ему просто везёт или что у него хорошая интуиция.

Даен взяла пузырёк с тёмным настоем и поставила на стол чуть громче, чем требовалось.

— Всё. Урок магии окончен. Один едва не умер, вторая сейчас решит, что ей срочно надо в ученицы к некроманту, а у меня нет времени вытаскивать из беды сразу двух самонадеянных детей.

— Мне двадцать два, — напомнил Кай.

— В моём доме возраст больного определяю я.

— А я не ребёнок, — сказала Салира.

— Тогда докажи это делом, когда я попрошу собрать дорогу, а не вопросами о том, как стать волшебницей к ужину.

Салира замолчала, но упрямство из лица не ушло.

Кай решил, что лучше сменить тему, пока Даен не начала лечить их обоих одним и тем же страшным отваром.

— Заклинание могло убить меня, — сказал он. — Или лишит магии. Но мне повезло.

— Это ты сейчас серьёзно? — спросила Даен.

— Да. Чрезвычайное перенапряжение не всегда только вредит. Иногда оно ломает мага. Иногда убивает. А иногда расширяет сосуд. Мой резерв вырос почти вдвое. Может, чуть меньше. Надо проверить, когда смогу хотя бы сидеть без желания умереть.

Салира уставилась на него.

— Ты едва не погиб, но доволен?

— Я не погиб, одолел очень опасного врага и стал сильнее. Что может быть лучше?

Даен посмотрела на него так, будто перед ней лежал не больной, а особенно пакостная разновидность сорняка.

— Много чего может быть лучше, Кай. Видеть, как растут твои дети. Как смеётся любимый человек. Как весной впервые зацветает сад.

— Как враг падает в навозную яму, — задумчиво продолжил Кай. — Как инквизитора объявляют еретиком. Как сборщика податей самого обобрали до нитки. Как жадный кровель-

щик бьёт себя молотком по пальцу. Как трактирщик, который весь вечер разбавлял пиво водой, сам случайно хлебнул из той бочки.

Даен несколько мгновений смотрела на него, потом насмешливо фыркнула.

— Ты не исправим.

— Я почти умер. Это должно давать человеку право на маленькие радости.

— Нет.

Салира тихо рассмеялась. Смех вышел короткий, нервный, но настоящий. И от этого в комнате на миг стало легче.

Улыбка, мелькнувшая на губах Даен, почти сразу погасла.

— Теперь о плохом.

— Вчера ко мне приходил один из охотников. Его родич служит в замке Торна, помогает на кухне и иногда слышит больше, чем положено человеку с ножом для разделки мяса. В замке беспокойно. Туда прибыли люди Единого. В белых плащах. Спрашивали о молодом маге. Описывали внешность, очень похожую на твою.

Кай перестал улыбаться.

— Инквизиторы?

— Похоже.

— Когда они будут здесь?

— Если уже выехали от замка — сегодня. Если задержатся в других деревнях, завтра утром. Путь не близкий, но они не будут ехать как свадебная телега.

— Барон с ними?

— Говорят, будет сопровождать.

Кай медленно выдохнул.

Боль в теле никуда не делась, но стала далёкой. Хуже боли была ясность. Она пришла сразу, холодная и простая.

— Мне надо уезжать.

— Да, — сказала Даен.

Салира резко повернулась к матери.

— Но он не может.

— Может или нет, уже не имеет значения.

— Он едва очнулся.

— Если останется, его найдут здесь.

— И что? Ты же скажешь...

— Я скажу, что у меня гостил сын моей покойной подруги. Что он был ранен. Что я лечила его. Что он уехал. И если я не буду знать, куда он уехал, мне будет легче не соврать там, где ложь могут почувствовать.

Кай посмотрел на Даен.

— Вы знаете про таких?

— Я знаю достаточно, чтобы не проверять слухи на себе.

Он кивнул.

— Не спрашивайте, куда я поеду.

— Я и не собиралась.

Салира сжала край полотенца.

— А охотники?

— Я с ними поговорю, — сказала Даен. — Лишних подробностей они не знают. Остальное удержат при себе, если поймут, что молчание безопаснее правды.

Даен помолчала, потом сказала:

— Есть ещё кое-что.

Кай вытер губы тыльной стороной ладони.

— Есть ещё кое-что, — сказала Даен.

Кай вытер губы тыльной стороной ладони.

— Конечно. Было бы странно, если бы плохие новости закончились так быстро.

— Оборотень был не просто тварью из леса.

Кай медленно повернул к ней голову.

— Я понял это ещё до того, как он полез на дерево.

— После смерти он вернулся в человеческий облик. И один из наших его опознал.

В комнате стало тихо.

Кай уже не шутил.

— Кто это был?

Даен ответила не сразу.

— Эдрик Торн. Сын барона Грейвена Торна. Тот самый, о ком в деревне предпочитали не говорить вслух.

Кай несколько мгновений смотрел на неё, не сразу находя слова.

— Его видел старый Лорс. Он когда-то возил мясо к баронскому столу и знал Эдрика ещё подростком. Говорит, лицо изменилось, но не настолько, чтобы не узнать.

Кай прикрыл глаза.

Сын Грейвена Торна.

Вот почему оборотень говорил с ним как избалованный аристократ, привыкший, что перед ним отступают с дороги. Вот почему на нём был дорогой защитный знак. Вот почему он не боялся охотников и ходил по лесу так, будто эти земли, эти дома и эти люди принадлежали ему по праву.

— Тело? — спросил он.

— Убрали, — сказала Даен.

— Сожгли?

— Нет. Закопали в глуши. Глубоко.

— Плохо.

Салира побледнела.

— Почему? Он же мёртв.

— Он мёртв окончательно, — сказал Кай. — Дело не в том, что он встанет. Не встанет. Дело в том, кто станет его искать.

Даен смотрела на него очень внимательно.

— Сын барона, истинный оборотень — сказала она. — Я уже поняла, что хорошего здесь мало.

Кай чуть кивнул.

Вот так Даен ему нравилась больше. Не причитала, не просила объяснить очевидное по три раза, а складывала факты быстрее, чем многие учёные мужи.

— Истинные оборотни не появляются из случайного укуса, — сказал он. — Это кровь. Род. Наследование.

Салира тихо спросила:

— Барон тоже?

— Почти наверняка. Я не видел его и не могу утверждать наверняка. Но если Эдрик был истинным оборотнем, значит, в роду Торнов звериная кровь давно уже не случайность.

Салира задержала дыхание.

Кай продолжил тише:

— Между истинными оборотнями одной крови бывает связь. Не разговор мыслями, не сказочная песня волков под луной. Ощущение. Стая чувствует потерю. Отец — особенно, если погиб сын.

— Значит, он уже знает, — сказала Даен.

Не спросила. Сказала.

Кай посмотрел на неё.

— Смерть Эдрика почти наверняка почувствовал.

— И будет искать тело.

— И того, кто его убил.

— И тех, кто помогал.

— Да.

Даен сжала губы.

— Тогда мы убили не чудовище из леса.

— Вы — нет.

— Не начинай.

— Это я его убил.

— Он убивал наших людей.

— Для Грейвена Торна это не будет иметь значения.

Даен помолчала.

— Значит, под ударом все, кто помогал.

— Да, — сказал Кай. — Поэтому всё, что связано с телом, надо уничтожить или сбить со следа. Одежду, тряпки, верёвки — сжечь. Лопаты обжечь. Место, где он лежал, засыпать золой, навозом, чем угодно с сильным запахом.

Салира поморщилась.

— Навозом?

— Лучше пусть Грейвен найдёт вонь и грязь, чем следы тех, кто тащил его сына.

Даен кивнула.

— Сделаю.

— И волчью отраву. Флягу, кисть, остатки, ткань — всё уничтожить.

— Я убрала.

— Убрать мало.

— Поняла.

Кай выдохнул и на несколько мгновений закрыл глаза. Говорить становилось всё труднее, но времени на слабость не оставалось.

— Если Грейвен Торн идёт сюда с инквизиторами, — сказал он, — для всех он будет просто помогать людям Единого искать молодого мага. Удобное прикрытие. А на самом деле он будет искать убийцу сына и всех, кто помог скрыть тело.

— Поэтому ты уедешь, — сказала Даен.

— Да.

— Через час.

— Через час?

— Раньше ты просто свалишься у порога. Я перевяжу бок, дам настой, Салира соберёт еду и воду. Потом сядешь в седло и постарайся не умереть до следующего вечера.

Кай помолчал.

Мысль о дороге была тяжёлой, но уже не пустой. Он мог уйти от Грейвена, от людей Единого, от деревни, от чужих вопросов. Но уйти куда? Просто на юг? В пограничье? В сторону орочьих земель, где след Велены за год мог исчезнуть так же легко, как след крови под дождём?

И тут он вспомнил.

— Даен. Наплечник. Тот, что нашли после набега.

Травница посмотрела на него внимательнее.

— Я помню.

— Вы обещали узнать.

— Узнала.

Кай чуть приподнялся и тут же поморщился от боли.

— И?

— Лорс опознал знак. В молодости он ходил с купцами к южным заставам. Не в орочи земли, конечно, но достаточно близко, чтобы слышать названия кланов и видеть их метки. Рука, сжимающая топор, — это Кровавый Топор.

Кай замер.

— Клан?

— Да. Клан Кровавого Топора.

Несколько мгновений он молчал.

В новости не было спасения. Она не говорила, жива ли Велена. Не говорила, куда её увели. Не обещала, что через день, неделю или месяц он найдёт хоть что-то, кроме старого пепла и чужих костей. И всё же Кай воспрял духом.

— Наплечник здесь? — спросил Кай.

— Здесь. Я забрала его у старосты ещё вчера.

Даен вышла и вернулась быстро, держа свёрток из грубой ткани. Положила его на стол и развернула.

Внутри лежал старый кожаный наплечник.

Потемневший от дождя и времени, с разлохмаченными ремнями и глубокими царапинами по краю. Кожа была грубой, толстой, явно не человеческой работы: слишком тяжёлая, слишком простая, без украшений, но сделанная так, чтобы выдерживать удар. На внешней стороне был выжжен знак.

Рука, сжимающая топор.

Не аккуратный герб, не ремесленная метка, не украшение. Знак был резким, злым, угловатым. Пальцы руки казались почти когтями, топор — продолжением кисти. Внутри выжженных линий кожа потемнела до чёрного.

Кай взял наплечник. Тот оказался тяжелее, чем выглядел. От него пахло старой кожей, дымом, землёй и чем-то слабым, кислым, давно вьёвшимся.

Кровью.

— Клан Кровавого Топора, — медленно повторил он.

— Это не значит, что они всё ещё там, где были год назад, — сказала Даен. — Орки не ждут на одном месте. Они могли уйти к южным холмам, перейти старую границу, присоединиться к большому войску.

— Или продать пленников, — сказал Кай.

Салира вздрогнула.

Даен не стала лгать.

— Или продать.

Кай сжал наплечник пальцами.

— Но если я знаю клан, значит, у меня есть след. А если есть след, я пойду по нему.

— Даже сейчас? — спросила Салира.

— Особенно сейчас.

— Ты едва жив.

— Зато ещё могу держаться в седле.

— Тогда не езжай сразу к оркам, — сказала она тише. — Спрячься где-нибудь. Пережди несколько дней. Залечи раны. Восстанови силы. А потом уже ищи.

Кай посмотрел на неё.

В её словах был смысл. Простой, человеческий, почти правильный.

И именно поэтому он не мог ему последовать.

— Если я останусь рядом, меня найдут, — сказал он. — А потом доберутся до всех, кто мне помог. Если мне суждено погибнуть, лучше не здесь.

Даен кивнула.

Салира резко посмотрела на него.

— Не говори так.

Кай встретил её взгляд и впервые заметил, что глаза у неё покраснели не только от усталости.

— Я не хочу умирать, — сказал он мягче. — Правда. Просто если мама жива, я не могу лежать ещё день только потому, что мне больно.

Даен устало потёрла переносицу.

— Иногда мне кажется, что все маги одинаковые.

— Упрямые?

— Самоубийственно уверенные, что мир обязан подождать, пока они закончат важное дело.

— Мир обычно не ждёт.

— Вот именно.

Она снова завернула наплечник в ткань и протянула Каю.

— Возьмёшь с собой. Но не показывай в первой же таверне, если не хочешь объяснять, почему носишь вещь орочьего клана.

— Я не собираюсь заходить в таверны.

— Все так говорят, пока не промокнут, не замёрзнут и не проголодаются.

С этим спорить было трудно.

— Салира, — сказала Даен, — собери ему дорогу. Хлеб, сыр, сушёное мясо, две фляги воды. И мой настой в малых пузырьках.

— Он же быстро портится.

— Поэтому малых. Пусть пьёт сегодня и завтра. Потом это будет просто горькая вода.

Салира кивнула.

— А ты, — Даен снова посмотрела на Кая, — лежишь. Если я вернусь и найду тебя на ногах, сама привяжу к кровати.

— Угрожаете раненому?

— Предупреждаю некроманта, который слишком много о себе думает.

Она вышла.

Салира осталась у стола. Она собирала вещи в дорогу — хлеб, сыр, сушёное мясо, чистую тряпицу для перевязки, — но Кай видел, что пальцы у неё дрожат.

— Салира, — тихо сказал он.

Она подняла глаза.

— Что?

— Ты боишься.

— Конечно боюсь.

— Меня?

Она посмотрела почти сердито.

— За тебя.

Кай не сразу нашёл, что ответить. После леса, Жнеца, мёртвого Эдрика, инквизиторов и барона-оборотня эти слова почему-то выбили его сильнее, чем плохие новости.

Он уже успел забыть, каково это — когда о тебе просто заботятся.

Не потому, что ты нужен для дела. Не потому, что в тебе видят оружие, проблему или опасность. А просто потому, что ты лежишь бледный, едва живой, и кто-то не хочет, чтобы тебе стало хуже.

— Знаешь, — сказал он наконец, — я, кажется, забыл, как это бывает.

— Что?

— Когда о тебе заботятся.

Салира смутилась.

— Я ничего особенного не сделала.

— Сделала. Три дня меняла повязки, давала воду, сидела рядом.

— Это не подвиг.

— Нет, — согласился Кай. — Но это дар. Очень редкий.

Она опустила взгляд, и на щеках у неё проступил румянец.

— Ты говоришь так, будто прощаешься.

— Не хотел.

— А звучит именно так.

— Тогда скажу иначе. Спасибо тебе. Правда.

Салира несколько мгновений молчала, потом снова занялась узелком с едой, хотя завязала его уже дважды.

— Тогда постарайся хотя бы не упасть с лошади в первый же час.

— Постараюсь.

— Плохой ответ.

— Очень постараюсь.

— Лучше.

Кай слабо улыбнулся.

— Видишь? Ты уже командуешь почти как Даен.

— Вот теперь мне страшно.

Он тихо усмехнулся, но смех тут же отозвался болью в боку.

Салира шагнула ближе.

— Больно?

— Живой, значит.

— Это тоже плохой ответ.

— Других пока мало.

Она поправила край одеяла у его плеча, потом будто спохватилась и быстро убрала руку.

— Я пойду принесу ещё воды и чистую флягу.

— Салира.

Она остановилась у двери.

— Что?

— Спасибо.

— Ты уже говорил.

— Значит, скажу ещё раз.

Она кивнула, не оборачиваясь, и вышла.

Кай остался один.

Комната снова стала тихой. Травы у стены едва шевелились от сквозняка, за окном кричала птица.

Кай закрыл глаза.

Эдрик Торн.

Грейвен Торн.

Клан Кровавого Топора.

Инквизиция.

Мать.

Слишком много дорог сходилось в одной комнате, где он едва мог поднять руку.

Он попытался осторожно потянуться к резерву.

Внутри отозвалась пустота — не полная, но глубокая, болезненная. И всё же за этой пустотой чувствовалось новое пространство, расширенное, грубое, ещё непривычное, как свежая рана, которая однажды станет шрамом.

Цена спасения.

Кай усмехнулся без радости.

Оставалось надеяться, что он заплатил не зря.

Через два часа Кай покинул дом Даен.

Он хотел идти сам, но ноги слушались плохо, и до лошади ему всё же пришлось добираться медленно, держась за стену. Даен шла рядом молча. Она уже сказала всё, что считала нужным, а повторять не любила.

У крыльца Кай остановился, поправил ремень сумки и проверил свёрток с наплечником.

Клан Кровавого Топора.

Теперь у него было направление — и слишком мало сил, чтобы радоваться этому.

— По главной дороге не езжай, — сказала Даен. — За мельницей есть старая тропа. Весной её размывает, но сейчас пройдёшь. Она выведет к южному тракту в стороне от ворот.

— Спасибо.

— Поблагодаришь, когда останешься жив.

Салира стояла чуть поодаль и молчала. На этот раз она не пыталась его удержать, не спорила и не задавала вопросов. Только смотрела так, будто хотела запомнить его именно сейчас: бледного, упрямого, едва держащегося на ногах.

Кай сел в седло не с первой попытки. Перед глазами потемнело, и на миг ему показалось, что земля снова поднимается навстречу. Потом настой Даен обжёг горло, боль отступила на шаг, и Кай заставил себя выпрямиться.

— Береги себя, — сказала Салира.

— Постараюсь, — ответил он.

Это снова было меньше, чем ей хотелось услышать, но больше он пообещать не мог.

Кай тронул поводья.

Лошадь пошла медленно, потом увереннее. Дом травницы остался позади, за ним — деревня, частокол, крыши, дым над трубами. У старой мельницы Кай свернул на узкую тропу и больше не оглядывался.

К полудню в деревню вошли всадники.

Первой их заметила Салира. Она как раз вышла за водой, когда у ворот поднялся шум. Сначала ей показалось, что вернулся кто-то из охотников, но потом над частоколом блеснули копыта, и у самой дороги протрубил рог.

Не охотничий.

Баронский.

Салира выронила пустое ведро и бросилась в дом.

— Мама!

Даен уже стояла посреди комнаты. Видимо, тоже услышала.

— Что?

— Всадники. Баронские. У ворот.

Лицо травницы стало неподвижным. Не испуганным, не растерянным — таким, будто внутри неё что-то очень быстро закрылось на засов.

— Вниз, — сказала она.

— Но...

— Сейчас.

Салира больше не спорила.

Они спустились в погреб. В углу, под старыми мешками с сушёной травой, Даен откинула доску, под которой был второй люк. Узкий, низкий, замаскированный так, что его не нашёл бы человек, не знающий, куда смотреть.

Даен сделала это укрытие после орочьего набега.

Тогда она сказала себе, что больше никогда не позволит застать себя и дочь врасплох.

Теперь эта предусмотрительность казалась не мудростью, а горькой насмешкой.
Сверху снова протрубил рог.

— Они созывают людей, — прошептала Салира.

— Тише.

— Мама, а остальные?

Даен замерла с рукой на крышке люка.

Ответ был простым.

Страшным.

Никаким.

Если она выйдет сейчас, погибнет вместе со всеми. Если останется, будет жить с этим.

Она втолкнула дочь вниз первой, затем спустилась сама и закрыла люк над головой.

Темнота стала почти полной.

Сверху, сквозь доски, доносились голоса, топот и всё тот же баронский рог.

Отряд остановился в центре Озёрной, там, где несколько кривых улиц сходились у колодца и старой таверны. Местные называли это площадью, хотя на настоящую городскую площадь место походило так же, как деревенская телега — на императорскую колесницу.

Людей согнали быстро.

Кто-то пришёл сам, испуганный рогом и баронскими гербами. Кого-то вывели из домов. Кого-то подтолкнули древком копья. Солдаты Грейвена Торна стояли у переулков, у ворот, возле таверны и у колодца. Не кричали, не суетились, просто занимали места так, чтобы никто не ушёл.

Среди баронских людей выделялись белые плащи.

Их было меньше, но смотрели на них чаще.

Инквизиторы не нуждались в численности, чтобы наводить ужас.

Грейвен Торн поднялся на низкое крыльцо старостиного дома.

Это был высокий мужчина с широкими плечами и тяжёлой осанкой человека, привыкшего, что пространство вокруг него принадлежит ему. На нём была дорогая броня без лишних украшений, тёмный плащ с меховой опушкой и массивная цепь на груди. Лицо казалось почти спокойным.

Почти.

Те, кто знал барона давно, сейчас не посмели бы смотреть ему в глаза.

— Жители Озёрной, — произнёс он.

Голос у него был низкий и сильный. Ему не нужно было кричать, чтобы его услышали.

Шёпот в толпе стих.

— Когда мне сообщили, что в моих землях появились прислужники тьмы, я отказался верить. Я говорил себе: нет. Не в Озёрной. Не среди людей, которые столько лет жили на краю леса, терпели набеги, голод, дурные зимы и всё равно оставались верны моему дому.

Кто-то в толпе всхлипнул.

Грейвен медленно обвёл людей взглядом.

— Я ошибся.

Ропот прошёл по площади, но тут же захлебнулся, когда солдаты у переулков чуть плотнее сомкнули строй.

— В лесу неподалёку найдено место тёмного ритуала, — продолжил барон. — Земля там изуродована скверной. Деревья стоят так, будто сама жизнь отшатнулась от того, что там произошло. И всё это — рядом с вашей деревней. Рядом с вашими домами. Рядом с вашими детьми.

— Господин, мы не знали! — крикнула какая-то женщина.

— Тихо.

Грейвен даже не повысил голоса.

Женщина закрыла рот руками.

— Не знали? — повторил он. — В моих землях убивают людей. В лесу творят тёмное искусство. Молодой маг скрывается среди вас, получает помощь, кров и молчание. А вы не знали?

Он сделал паузу.

— Удобное незнание.

Брат Гельвеций стоял чуть в стороне. Лицо его было неподвижным. Он уже знал главное: молодого мага в деревне нет. Артефакт, который вёл их по следу запретной магии, на площади молчал. След уходил дальше, за мельницу, к старой тропе. Время было дорогое.

И всё же Гельвеций не перебивал.

Иногда страх, посеянный на месте, служил делу не хуже погони.

Рядом с ним брат Дарий смотрел на жителей Озёрной с плохо скрытым нетерпением.

Лысый, широкоплечий, со старым шрамом от виска до края челюсти, он казался человеком, которого когда-то пытались остановить железом и не преуспели. Белый плащ сидел на нём как на палаче праздничная одежда: чисто, правильно и оттого особенно неприятно.

Дарий не любил ждать.

Дарий любил очищать.

— Каждая деревня в моих землях, — сказал Грейвен, — для меня как часть тела. Каждый дом. Каждый двор. Каждый человек, который платит мне верностью и получает от меня защиту. Но если рука заражена гнилью, её не лечат. Её отсекают, пока зараза не дошла до сердца.

Теперь ропот поднялся сильнее.

— Мы не предатели!

— Господин, клянусь Единым!

— Мы ничего не знали!

— У меня дети!

Грейвен поднял руку.

— Я мог бы вершить суд сам. Как владетель этих земель. Как тот, кому вы обязаны верностью.

Он повернул голову к инквизиторам.

— Но скверна, которую вы укрывали, касается не только меня. Здесь стоят люди святой инквизиции. И пусть мои земли не входят в прямое подчинение империи, я не стану отказывать тем, кто посвятил жизнь борьбе с тьмой.

Брат Дарий вышел вперёд.

Толпа притихла ещё сильнее.

— Единый заповедал нам ненавидеть зло, — сказал Дарий. — Но он же заповедал нам милосердие к тем, чьи души ещё можно вырвать из пасти тьмы.

Надежда — мерзкая штука. Даже когда человек уже видит перед собой солдат, арбалеты и белые плащи, она всё равно пытается найти щель.

Дарий дал им эту щель.

И тут же закрыл.

— Ваши тела уже принадлежат очистительному огню, — сказал он. — Но души ваши ещё могут быть спасены. Покайтесь. Назовите тех, кто помогал магу. Назовите тех, кто видел его и молчал. Назовите тех, кто помогал скрывать следы скверны. Настоящее раскаяние будет услышано.

— Мы не знаем! — закричал старик у колодца. — Мы ничего не знаем!

Дарий посмотрел на него почти с печалью.

— Ложь перед огнём делает огонь только нужнее.

Гельвеций слегка повернул голову.

— Брат Дарий, — негромко сказал он. — Маг всё дальше уходит. Время.

— Именно поэтому не будем затягивать, — ответил Дарий так же тихо.

Он сказал это спокойно. Почти буднично..

Грейвен услышал.

И одобрил.

Он торопился не меньше инквизиторов. Где-то в лесу, под сырой землёй, лежал его сын. Эдрик. Его кровь. Его наследник. Три дня назад Грейвен почувствовал смерть так ясно, будто ему самому в грудь вогнали холодный клинок. Потом пришли люди Единого и заговорили о молодом маге, некроманте, следах тёмного искусства.

Всё встало на место слишком быстро.

Маг убил Эдрика.

Деревня помогла магу.

И теперь деревня заплатит.

Грейвен не мог броситься к телу сына при инквизиторах. Не мог встать на колени у разрытой земли, не мог коснуться лица, не мог выть так, как выли вожаки прошлого.

Позже.

Когда белые плащи уйдут по следу.

Когда никто не увидит.

А пока он будет смотреть, как горит Озёрная.

И представлять, что каждый крик — это малая часть долга, возвращённая за Эдрика.

По знаку Дария инквизиторы и баронские солдаты двинулись одновременно.

Люди сначала не поняли.

Потом поняли слишком поздно.

Их начали гнать к таверне.

— Внутрь!

— Быстрее!

— Не толпиться!

— Дети! Ради Единого, дети!

Кто-то упал. Кто-то попытался поднять ребёнка. Несколько мужчин бросились на солдат почти без оружия: с ножом, с дубиной, с голыми руками. Их убили сразу. Быстро. Буднично. Так, как убивают людей, чьё сопротивление заранее записано в доказательства вины.

— Видите? — громко сказал Дарий. — Так ведут себя невиновные?

Кузнец Орн, широкий, седой в бороде, с руками, привыкшими гнуть железо, вырвался из толпы у самой двери таверны.

— Ты лжёшь! — крикнул он Грейвену. — Ты отдаёшь своих людей чужакам и называешь это судом!

Барон даже не дрогнул.

— Я отдаю гниль огню.

— Ты не господин нам, — прохрипел кузнец. — Ты мясник в баронской цепи.

Арбалетный болт вошёл ему в горло.

Орн схватился за древко, сделал шаг, будто всё ещё хотел дойти до Грейвена, и рухнул лицом в грязь.

После этого сопротивление сломалось.

Таверна была самым большим зданием в деревне: нижний этаж каменный, верх деревянный, крыша сухая, просмоленная, с широким навесом над входом. В обычные дни здесь пили, спорили, играли в кости, ругали погоду, налоги, барона и соседей. Теперь внутрь загоняли почти всю Озёрную.

Дверь подперли снаружи тяжёлой балкой.

Окна забили ставнями и досками.

Внутри уже кричали.

Сначала отдельные голоса.

Потом один общий, страшный, не похожий на человеческую речь шум.

Дарий взял факел.

Гельвеций стоял рядом и молчал.

Дарий посмотрел на таверну.

Он бросил факел на крышу.

Сухая солома занялась не сразу. Сначала задымила, потом по краю пробежал маленький жёлтый язык. Второй факел полетел следом. Третий. Пламя окрепло, добралось до смолы, и крыша вспыхнула так быстро, будто давно ждала.

Крики внутри стали выше.

Грейвен стоял неподвижно.

Его люди уже расходились по деревне. Одни поджигали дома. Другие вытаскивали из сараев тех, кто спрятался слишком плохо. Третьи проверяли погреба, чердаки, кладовые.

Дарий смотрел на огонь не долго.

Но достаточно.

Гельвеций наконец отвернулся от горячей таверны.

Лицо его оставалось каменным, но в глазах мелькнуло раздражение.

Не от криков.

От потраченного времени.

— Довольно, — сказал он. — След мага уходит к южному тракту. Мы выступаем.

Дарий ещё несколько мгновений смотрел на огонь, затем кивнул.

— Как скажешь.

Инквизиторы сели в седла.

Белые плащи двинулись к воротам, оставляя за собой дым, пепел и крики, которые больше не имели для них значения.

Грейвен смотрел им вслед.

Когда они скрылись за воротами, улыбка исчезла с его лица.

— Милорд? — тихо спросил один из его людей.

Барон не сразу ответил.

Он чувствовал землю под ногами. Чувствовал лес. Чувствовал далёкое место, где под слоем сырой земли лежал Эдрик.

Сын.

Наследник.

Глупый, жестокий, сильный, любимый.

— Пусть горит, — сказал Грейвен.

— Да, милорд.

— А потом мы заберём моего сына.

Солдат опустил голову.

— Да, милорд.

— И пошли людей по мельничной тропе.

— За магом?

Грейвен медленно повернул голову.

— За убийцей.

Голос его стал тише.

От этого ближайšie люди невольно отступили на полшага.

— Инквизиторы хотят его сжечь. Я хочу посмотреть ему в глаза раньше.

В тайном погребе под домом травницы Салира зажала рот ладонью.

Крики доходили сюда глухо, через землю и дерево, но от этого не становились легче. Иногда казалось, что горит сам воздух. Что каждый вопль просачивается сквозь щели, вползает в темноту и садится на грудь.

Даен сидела рядом, обняв дочь одной рукой.

Другой она сжимала нож.

Бесполезный.

Смешной.

Единственное, что у неё было.

— Мама, — едва слышно прошептала Салира.

— Тихо.

— Они...

— Тихо.

Салира затряслась. Даен прижала её крепче.

Сердце травницы билось так громко, что она боялась: наверху услышат.

Глупо.

Конечно, не услышат.

Там горела деревня, ревел огонь, кричали люди, топали сапоги.

Но страх не обязан быть разумным.

Даен закрыла глаза.

Она хотела спасти Озёрную от оборотня.

Хотела дать Каю шанс.

Хотела найти хоть какую-то справедливость после года молчания, после орков, после мёртвых детей у лесной дороги.

И вот теперь деревня умирала.

Не от зверя.

От людей.

Это было хуже.

Потому что зверь хотя бы не называл себя милосердным.

Наверху что-то тяжело ударило. Потом послышались шаги в доме.

Салира застыла.

Даен медленно подняла нож.

Шаги прошли по комнате. Кто-то опрокинул табурет, открыл сундук, выругался, пнул корзину с травами.

— Пусто! — крикнул мужской голос.

— Проверь погреб!

Дверь в обычный погреб скрипнула.

Сапоги спустились по ступеням.

Даен перестала дышать.

Над их головами ходили. Совсем близко. По доскам, под которыми был спрятан второй люк. Пыль посыпалась Салире на волосы. Девушка вцепилась пальцами в рукав матери.

— Травы, бочки, старьё, — сказал солдат. — Никого.

— Поджигай тогда.

Шаги удалились.

Через несколько мгновений сверху запахло дымом.

Салира беззвучно заплакала.

Даен не двигалась.

Если огонь доберётся до погреба, они задохнутся. Если выберутся раньше времени, их увидят. Если останутся слишком долго, дом может обрушиться.

Вариантов было много.

Хороших среди них не было.

Дым становился гуще.

Даен поняла: ждать больше нельзя.

— Салира, слушай меня. Сейчас мы выберемся через нижний ход.

— Там же завалено.

— Не полностью.

— Мама...

— Слушай. Дыши через ткань. Не говори. Не кашляй, если сможешь. Пойдёшь за мной и не остановишься, что бы ни услышала.

Салира кивнула.

Даен сняла с плеч шаль, разорвала край, смочила ткань из маленькой фляги и прижала дочери к лицу.

Сверху треснуло дерево.

Дом горел.

Где-то совсем рядом кричал человек.

Даен подняла люк нижнего хода.

Из темноты пахло сырой землёй и мышами.

Лучше мыши, чем огонь.

Она первой полезла в узкий проход.

Салира — следом.

Позади, над ними, рушился дом, в котором пахло мятой, дымом, горьким отваром и чистой тканью.

К вечеру от Озёрной остались дым, чёрные стены и красные угли под серым небом.

Глава 5. Злость, скорбь и новая работа

*Нельзя идти дальше, не оставляя
чего-то позади. Иногда — кровь.
Иногда — совесть. Иногда —
прежнего себя.*

Из записей Кая

Кай понял, что переоценил свои силы, едва просидев в седле пару часов. Сначала он ещё держался. Настой Даен жёг горло, притуплял боль и на короткое время возвращал телу подобие послушания. Лошадь шла ровно, тропа за мельницей вывела его в сторону от главной дороги, деревня осталась позади, и какое-то время Кай даже убеждал себя, что всё не так плохо.

Потом боль вернулась.

Не сразу. Сначала бок просто заныл, будто кто-то положил под рёбра раскалённый камень. Потом перед глазами начали вспыхивать мутные круги. Потом мир, наоборот, стал темнеть по краям, словно кто-то медленно натягивал на зрение чёрную ткань. Пальцы слабели, спина горела, а каждое движение лошади отзывалось в ране тупым ударом.

Кай прикладывался к фляге снова и снова. На несколько минут становилось легче. Потом боль и бессилие накатывали обратно, только сильнее прежнего.

Вскоре он потерял счёт времени.

Осталась одна мысль: уехать как можно дальше от Озёрной.

Не потому, что он боялся только за себя. Эта мысль держала его в седле дольше, чем настой.

Но тело всё равно оказалось честнее упрямства.

На очередном повороте Кая качнуло так сильно, что он едва не вывалился из седла. Лошадь тревожно фыркнула и остановилась сама. Кай несколько мгновений висел, вцепившись в гриву, потом кое-как свернул с тракта к ближайшему полю и сполз на землю.

Именно сполз.

Встать на ноги он уже не смог.

Повязка на боку снова стала тёплой и влажной. Кай прижал к ней ладонь, посмотрел на пальцы и понял: если он ничего не сделает, то потеряет сознание прямо здесь. А дальше вариантов было немного. Потеря крови. Дикие звери. Инквизиторы. Люди Грейвена. Любой конец подходил, кроме того, в котором он успевал найти мать.

Кай с трудом подтянул к себе сумку, достал книгу в чёрном переплёте и раскрыл её дрожащими пальцами.

Страницы шуршали сухо, почти недовольно. Он листал быстро, пропуская знакомые заклинания, обрывки записок, предупреждения, старые пометки Аврелия. Ему нужно было хоть что-нибудь. Остановка крови. Восстановление праны. Любая мерзость, которая позволит продержаться ещё день.

На одной из последних страниц, исписанной мелким, плотным почерком, он нашёл заголовков:

Ритуал жертвенного заимствования.

Ниже шло описание, явно переписанное не из магического учебника, а из церковного трактата. Слишком много слов вроде “богомерзкий”, “проклятые отродья” и “служители тьмы”. И всё же под слоем праведной ярости скрывалась суть.

С помощью жертвоприношения маг мог восполнить не только ману, но и прану — жизненную энергию. Не создать из пустоты. Забрать у другого существа, поглотить чужую жизнь.

Кай читал дальше, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Святоши описывали признаки ритуала для ищущих святой инквизиции: как распознать жертву, умершую не от обычного ножа; какие следы остаются на коже; как выглядит тело, из которого вытянули жизнь почти до конца. Там не было полного заклинания. Не было аккуратного пошагового наставления. Только обрывки, признаки, запреты и проклятия в адрес тех, кто вообще способен на подобное.

Но магия редко нуждалась в красивой инструкции.

Аврелий не раз говорил: ритуалистика — это костыли. Полезные, иногда необходимые, но всё же костыли. Важнее другое: понимание, воля и вера мага в собственную силу. Не вера в богов, не вера в милость небес, а холодная убеждённость, что ты способен заставить мир сдвинуться.

Парадоксально, но сильные маги были людьми огромной веры. Возможно, даже большей, чем жрецы. Разница лишь в том, что жрецы верили в богов, а маги — в себя.

Кай закрыл глаза.

В одном святоши были правы.

Эта магия была мерзкой.

Его передёрнуло от одной мысли, что придётся убить лошадь ради собственного спасения. Верную, терпеливую, ни в чём не виноватую. Она вынесла его из деревни, не сбросила, когда он едва держался в седле, остановилась, когда он начал падать.

И теперь он должен был отплатить ей ножом.

Человека Кай не рассматривал даже мысленно. Эту черту он не перейдёт. Ни сейчас, ни потом, ни ради матери, ни ради мести, ни ради жизни. Возможно, будь у него время, он нашёл бы другое животное. Оленя. Кабана. Хоть проклятую крысу, если бы её хватило.

Но времени не было.

Он либо сделает выбор сейчас, либо умрёт в поле.

Кай поднялся не сразу. Сначала упёрся ладонью в землю, потом встал на колени, переждал, пока перед глазами перестанут кружиться чёрные пятна, и только потом, пошатываясь, подошёл к лошади.

Она повернула к нему голову.

Тёплая. Живая. Доверчивая.

Кай почувствовал, как в глазах защипало.

— Прости, — прошептал он. — Прости меня.

Лошадь тихо фыркнула, будто ничего не понимала и всё равно прощала заранее.

От этого стало хуже.

Кай положил правую руку ей на лоб.

— Усни.

Простое заклинание сработало мягко. Ноги лошади подогнулись, и она медленно легла на землю, почти без звука. Глаза её закрылись. Дыхание стало ровным и глубоким.

Кай вытащил ритуальный нож.

Рука дрожала.

— Не мучайся, — сказал он уже совсем тихо. — Пожалуйста.

Он сделал неглубокий надрез, потом ещё один, выводя на коже первые символы. Не те, что были в книге. Там их не было полностью. Но Кай понимал принцип: знак передачи, знак сосуда, знак долга. Кровь выступала тонкими тёмными линиями. Он чертил медленно, осторожно, почти бережно, будто от аккуратности могло стать менее мерзко.

Не стало.

Когда круг был готов, Кай положил ладонь на бок лошади, закрыл глаза и начал читать нараспев:

Не принимаю свою боль! У мудрых не найду я понимания. Я
отнимаю твою жизнь, Чтобы продлить своё существование.

На последнем слове руны вспыхнули тусклым красноватым светом.

Лошадь не вскрикнула.

Не дёрнулась.

Просто дыхание её оборвалось.

А потом прана потекла в Кая.

Это было приятно...

Сила вошла в него горячей волной, заполнила грудь, ударила в сердце, расправила лёгкие. Рана под ладонью стянулась. Слабость отступила так резко, что Кай едва не застонал — не от ужаса, а от облегчения. Мышцы налились силой. Голова прояснилась. Мир снова стал ярким, чётким, почти слишком живым.

На одно короткое мгновение ему стало хорошо.

И именно за это он возненавидел себя сильнее всего.

Кай открыл глаза.

На земле перед ним лежало уже не тело лошади.

Серая кожа сморщилась и опала, мышцы высохли, словно их выжали изнутри. Кое-где проступали кости. Глазницы провалились. То, что ещё недавно было живым существом, превратилось в страшный, почти пустой остов.

Кай отшатнулся.

Его вывернуло в сторону, но желудок был почти пуст.

Он упал на колени рядом, сжимая нож в руке.

— Прости, — сказал он снова.

Теперь это прозвучало глупо.

Поздно.

Он жив. Она мертва.

Вот и вся правда.

Кай долго сидел неподвижно. Сила внутри всё ещё пела, рана почти не болела, дыхание стало ровным. Тело радовалось спасению, и это казалось предательством. Ему хотелось вырезать из себя это облегчение, эту никчёмную благодарность за украденную жизнь.

Но времени на ненависть к себе тоже не было.

Без лошади он не доберётся до соседнего баронства. До ближайшего города оставалось не меньше сотни вёрст, а может, и больше. Пешком, один, по тракту, где за ним могут идти инквизиторы, — глупая смерть после мерзкого спасения.

Кай посмотрел на останки.

Мысль пришла почти сразу.

Такая простая, что он даже тихо рассмеялся.

Смех вышел сухим и злым.

— Вот тупица, — сказал он самому себе. — Ты же некромант.

После того, что он только что сделал, поднять лошадь уже не казалось самым страшным.

Он вытер нож о траву, спрятал его и встал. Кай поднял руку над останками.

— Восстань!

Кости дрогнули.

Сначала с тихим сухим стуком поднялся череп. Потом выгнулась шея, расправились ноги. Остатки плоти потянулись по костям тёмными жилами, срастаясь там, где могли, и оставляя пустоты там, где жизни уже не хватало даже для подобия. Под кожей кое-где белели рёбра. На морде проступали костяные пластины. В глазницах вспыхнуло зеленоватое пламя.

Лошадь поднялась.

Не живая.

Не прежняя.

Но послушная.

Кай несколько мгновений смотрел на неё, и внутри снова шевельнулось отвращение.

— Прости, — сказал он в третий раз.

Нежить молчала.

Ей больше не было нужно прощать.

Кай поправил седло и стремяна. Руки действовали сами, привычно, почти спокойно. От этого тоже было мерзко. Он взобрался в седло. Мёртвая лошадь не дрогнула под его весом.

— Вперёд, — сказал Кай. — Во весь ход.

И она сорвалась с места так резко, будто только этого и ждала.

Ночь проглотила поле, тракт и следы ритуала.

Позже в этих краях ещё долго рассказывали о бледном всаднике на неживом коне. Будто бы видели его на южной дороге в такую темень, когда даже разбойники предпочитают сидеть у костра и не высовывать носа за круг света. Говорили, что конь не дышал, не уставал и не оставлял после себя ничего, кроме холодного запаха земли и смерти.

Кай этих рассказов никогда не услышит.

Спустя две ночи Кай добрался до соседнего баронства.

Когда впереди, по обе стороны от городских ворот, показались фигуры стражников, он свернул с дороги и остановился в тени старых деревьев. Въезжать в город на мёртвой лошади было бы не просто глупостью. Это было бы приглашением для стражи, священников, любопытных идиотов и всех, кто любит кричать “нечисть!” раньше, чем успеет подумать.

Кай спешился.

Неживая лошадь стояла неподвижно. В глазницах тлел зелёный огонь, под обрывками шкуры кое-где белели кости. Она не дышала, не фыркала, не переступала с ноги на ногу. Просто ждала приказа.

— Ты хорошо послужила, — сказал Кай тихо.

Слова прозвучали странно. Мёртвым не нужны похвалы, а тем более благодарность. Но не сказать он не смог.

Он положил ладонь ей на морду и закрыл глаза.

— Упокойся.

Зелёный огонь в глазницах дрогнул и погас. Тело осело на землю уже без прежней жуткой собранности, просто кучей костей, сухих жил и остатков плоти. Кай несколько мгновений смотрел на то, что от неё осталось, потом отвернулся.

Сжечь бы.

Похоронить.

Сказать что-нибудь правильное.

Но у него не было ни сил, ни времени, ни права притворяться, будто красивые жесты что-то исправляют.

Он забрал сумку, поправил плащ, проверил свёрток с наплечником и вышел обратно на дорогу пешком.

Стража заметила его сразу: худой молодой человек в дорожной одежде, бледный, грязный, с запавшими глазами и походкой человека, который либо болен, либо слишком долго спорил со смертью.

— Стоять, — сказал один из стражников, опуская копьё. — Кто таков, откуда и зачем в город?

Кай остановился у ворот.

— Кай. Из земель Торна. Ищу работу.

— Работу? — стражник прищурился. — Какую?

— Целителя.

Второй стражник, постарше, оглядел его с головы до ног. Широкое лицо, приплюснутый нос, тяжёлая челюсть, старая отметина у губы — сам он больше походил на человека, которого обычно не пускают за ворота, чем на того, кому доверяют их охранять. Он хмыкнул и потёр заросший подбородок.

— На целителя ты похож так же, как я на высокородного отпрыска.

— А вы много целителей встречали? — спросил Кай.

— Хватало.

— И все были в чистых плащах, с мягкими руками и запахом дорогого мыла?

Стражник смерил его взглядом.

— Некоторые были.

— Значит, им чаще платили заранее.

Старший стражник фыркнул, но копьё не поднял.

— Маг?

Кай на мгновение пожалел, что сказал про целителя именно так. Но отступить было поздно.

— Умею закрывать раны. В Пограничье, как я слышал, таких людей всё ещё пускают дальше ворот.

— В Пограничье пускают многих, — сказал старший. — Не всех потом рады видеть.

Он достал дощечку с приколотыми листами и начал сверять описания. Кай успел заметить грубые зарисовки лиц: разбойники, беглые убийцы, должники, какие-то местные голово-резы.

Его среди них не было.

Пока.

— Из земель Торна, говоришь?

— Говорю.

После этих слов лица у обоих стали серьёзнее.

— Вооружённые отряды по дороге видел?

Кай удивлённо посмотрел на него.

— Отряды?

Старший стражник вздохнул.

— Поговаривают, война на носу. Ты точно из земель этого убудка Торна идёшь?

— Точно.

— И ничего не видел?

— Дороги. Лес. Несколько людей, которым лучше бы меньше пить. Отрядов не видел.

Стражник посмотрел на него внимательнее, будто пытался понять, врёт он или просто слишком устал, чтобы понимать, во что вляпался.

— Оружие?

— Нож.

— Ещё?

— Нет.

— Тогда слушай сюда, целитель. В городе нож держи при себе, но без глупостей. Начнёшь махать им в трактире, полезешь не туда или решишь показать, какой ты маг, — тебе здесь быстро станет плохо. Понял?

— Понял.

— Постараюсь вести себя хорошо

— Вот и постарайся.

Старший стражник наконец поднял копьё.

— Ладно. Проходи. Постоялый двор «Три рыбака» — прямо по улице до колодца, потом налево. Если и правда целитель, там поспрашивай.

Он помолчал, глядя куда-то вверх Кая, на тёмную дорогу за воротами.

— Раненых в ближайшее время может быть много.

Кай ничего не ответил и прошёл через ворота.

Городок за стеной пах дымом, мокрым деревом, конским потом и жареным луком. После леса и дороги эти запахи показались почти роскошью. Дома стояли теснее, чем в Озёрной, улицы были шире, а окна в лавках уже распахнули ставни. Где-то ругались, где-то смеялись, где-то плакал ребёнок. Обычная жизнь продолжалась с таким упрямством, будто ей не было никакого дела до сожжённых деревень, мёртвых лошадей и людей в белых плащах.

Постоялый двор он нашёл быстро.

На вывеске над дверью и правда были нарисованы три рыбака. Один держал сеть, второй — удочку, третий почему-то кружку пива и выглядел куда счастливее остальных. Кай решил, что история у названия, наверное, есть, но сейчас ему было всё равно.

Внутри было тепло, шумно и пахло едой.

За длинными столами сидели ремесленники, возчики, пара купцов, несколько людей в дорожных плащах и компания вооружённых мужчин, которые по виду могли быть либо наёмниками, либо бывшими солдатами, либо теми, кто очень старался казаться и теми и другими сразу.

Кай подошёл к стойке.

Трактирщик оказался круглым, краснолицым мужчиной с редкой бородкой и глазами человека, который за жизнь видел столько чужих бед, что давно научился отличать настоящую от той, за которую можно взять плату вперёд.

— Комната есть? — спросил Кай.

— Есть.

— На три ночи.

— Деньги вперёд.

— Сколько?

Трактирщик прищурился, будто прикидывал не цену комнаты, а то, сколько с этого обрванца можно взять, чтобы он не начал спорить.

— Комната — пятнадцать медяков за ночь. Три ночи — сорок пять.

— Еда?

— Ужин и завтрак — по десять медяков в день, если без вина и без капризов.

— Без вина.

— Значит, ещё тридцать.

— Травяной взвар вместо пива, если есть.

Трактирщик хмыкнул.

— Взвар вместо пива переживу.

— И большое корыто с горячей водой в комнату.

— Вода наверх — шестнадцать.

— Шестнадцать?

— А ты думал, она сама по лестнице поднимется?

Кай устало посмотрел на него.

— Итого?

— Девяносто один медяк, — сказал трактирщик.

Кай молча выложил серебрушку.

Трактирщик взял монету, проверил на зуб и спрятал в ладонь.

— Вот теперь ты мне нравишься больше.

— Взаимностью ответить не обещаю.

Он уже собрался позвать девку с ключом, но Кай добавил:

— Еду сейчас. Воду потом.

— Садись вон там. Похлёбка, мясо, хлеб. Пиво?

— Лучше молоко или травяной взвар, если есть.

— Воду принесут позже. Взвар и еду сейчас.

— Благодарю.

Кай сел за свободный стол у стены. Так, чтобы видеть дверь, лестницу и большую часть зала. Привычка Аврелия, ввевшаяся сильнее, чем он думал: всегда садись так, чтобы знать, откуда придут неприятности.

Еду принесли быстро. Густая похлёбка с крупой и мясом, ломоть тёмного хлеба, кусок сыра и кружка горячего травяного отвара. Желудок болезненно сжался, напоминая, что в последние дни его кормили больше отварами, чем нормальной едой.

Кай взял ложку.

И почти сразу услышал за соседним столом:

— Говорю тебе, Нед, Торн совсем с цепи сорвался. Сжёт деревню до углей.

Ложка замерла на полпути.

Кай не повернул головы.

Только пальцы сжались так, что дерево едва не треснуло.

— Мало ли что болтают, — буркнул второй голос, грубый и низкий. — В Пограничье каждую неделю кто-нибудь «сжигает деревню», «призывает демона» или «женится на русалке».

— Я не про слухи с рынка. Купец Сарден должен был сегодня получить шкуры из Озёрной. Не получил. Вместо возчика прибежал его посыльный, белый как мел, и сказал: деревни больше нет. На въезде доска прибита. Мол, жители предали своего сюзерена и укрывали слуг тьмы. Кара настигла всех.

Озёрная.

Кай медленно положил ложку обратно.

Голоса вокруг стали глуше, будто зал отодвинулся куда-то далеко.

— Озёрная? — спросил третий. — Та, что у леса?

— Она самая.

— Там же после орков половина дворов едва поднялась.

— Теперь, похоже, не поднимется никто.

За столом на мгновение стало тише.

Потом грубый голос сказал:

— И при чём тут Далмор? Ты же завёл песню про войну.

— При том, что с Торном были имперские святоши. Белые плащи. Понимаешь? Сначала он жжёт свою деревню за «служение тьме», потом крутится с людьми Единого, а теперь наш барон созывает ополчение и нанимает всех, кто умеет держать меч не остриём к себе. Совпадение?

— Может, Далмор просто решил не ждать, пока Торн принесёт эту свою праведность к нашим воротам.

— Вот именно. А Торн давно хочет стать хозяином всего северного Пограничья. Только людей и денег не хватало. А если за ним стоит Империя...

— Империя далеко.

— А её золото, клирики и шпионы — тут. Да и легионы могут прийти.

Кай слушал.

Каждое слово ложилось внутрь тяжёлым камнем.

Озёрная сожжена.

Даен.

Салира.

Лорс.

Охотники.

Стражник у ворот.

Кузнец, которого он видел мельком.

Люди, которые принесли его без сознания и не выдали.

Он уехал.

А они остались.

Кай встал. Не резко. Если бы он встал резко, ноги могли бы подвести. Он взял кружку, подошёл к соседнему столу и остановился рядом.

Четверо мужчин подняли на него глаза.

Главным среди них, судя по тому, как остальные невольно повернулись к нему, был широкоплечий мужчина лет тридцати пяти с короткой тёмной бородой и старым шрамом над бровью. Не красавец, не герой с гобелена, зато из тех, кто умеет пережить драку не потому, что хорошо выглядит, а потому, что первым бьёт табуретом.

— Простите, — сказал Кай. — Я невольно услышал часть разговора.

Шрам над бровью главного чуть дёрнулся.

— А ты знаешь, малец, что обычно делают с теми, кто невольно слушает чужие разговоры?

— Зависит от того, насколько они голодны и насколько я готов оплатить им выпивку.

Один из наёмников фыркнул.

Главный не улыбнулся, но злости в глазах стало меньше.

— Смелый?

— Уставший.

Кай положил на стол серебряную монету.

— Расскажите мне про Озёрную. Всё, что знаете. У меня там были близкие люди.

Наёмники переглянулись.

Главный медленно взял монету, повертел её между пальцами и уже без насмешки сказал:

— Садись.

Кай сел.

— Меня Гарет зовут, — сказал он. — Это Нед, Рендел и Пикс. Только Пиксом его не зови, если хочешь сохранить зубы.

Низкий парень с перебитым носом показал Каю два пальца в грубом приветствии.

— Кай.

— Так вот, Кай. Мы сами там не были. Слышали от посыльного купца. Парень должен был ехать с товаром в Озёрную, но не доехал. На дороге встретил людей, которые уже возвращались оттуда. Те и рассказали.

— Где он сейчас? — спросил Кай.

— Кто?

— Посыльный. Купец.

— Отбыли пару часов назад, — ответил Гарет. — Сарден решил, что ждать здесь новостей — плохая мысль. Увёл людей к Далмору. Может, хочет требовать охрану для караванов, может, просто решил держаться ближе к сильному замку.

— Значит, вы не знаете точно?

— Знаю только то, что сказал. Деревня у озера сожжена. На въезде оставили доску с обвинением в измене и служении тьме. Говорят, Торн был там лично. И белые плащи тоже.

— Инквизиторы?

Гарет пожал плечами.

— А кто ещё ходит в белом и так любит огонь?

Кай опустил взгляд.

Он знал ответ.

— Может, кто-то выжил? — спросил он.

За столом стало тише.

Рендел, худой мужчина с длинным лицом и усталыми глазами, посмотрел в кружку.

— Может.

— Не ври ему, — буркнул Нед.

Гарет тяжело вздохнул.

— Знаешь, парень, я многое повидал. И скажу тебе так: если деревню брали люди Торна вместе с имперскими святошами, они вряд ли кого-то упустили. Скорее всего, пришли на рассвете или ночью, окружили, перекрыли дорогу, лес и тропы к озеру. Такие не начинают жечь, пока не уверены, что никто не выскочит.

Кай молчал.

— Но ты спросил «может», — добавил Гарет уже тише. — А «может» в Пограничье всегда остаётся. Кто-то мог уйти раньше. Кто-то мог быть в лесу. Кто-то мог спрятаться так, что его не нашли. Я не скажу тебе, что все мертвы, потому что я этого не знаю.

Эта фраза почему-то ударила сильнее прямого приговора.

Кай кивнул.

— Кто у тебя там был? — спросил Гарет.

— Люди, которые помогли мне выжить.

— Родня?

Кай помолчал.

— Нет.

— Значит, хорошие люди.

— Да.

Гарет кивнул так, будто этого было достаточно.

— Сожалею.

Некоторое время никто не говорил. Потом Кай тихо произнёс:

— Я отомщу.

Нед поднял на него взгляд и криво усмехнулся.

— Ну вот. Родила мышь гору.

Кай посмотрел на него.

— Что?

— Отомстит он, — Нед откинулся на спинку лавки. — Парень, ты вообще понимаешь, о ком говоришь? Торн — барон. У него люди, деньги, замок, псары, воины и половина северного Пограничья, которая боится его сильнее чумы.

— И не зря боится, — буркнул Рендел.

— Да, не зря, — подхватил Нед. — Про него говорят, он голыми руками может человеку грудь проломить. Не мечом. Не секирой. Кулаком.

Пикс хмыкнул.

— Ну так пусть наш мальчик подойдёт к нему и скажет: “Барон, я пришёл мстить”. Торн от смеха и помрёт.

За столом коротко заржали.

Кай не улыбнулся.

Он медленно поднял глаза. Взгляд стал холоднее, уже не усталым — острым.

— Я маг, — сказал он.

Смех оборвался не сразу, но быстро.

Нед перестал улыбаться первым.

— Маг?

— Да.

Пикс усмехнулся и скосил глаза на Гарета.

— О, колдун! А бабу мне наколдовать можешь?

За столом хохотнули.

Кай медленно повернул к нему голову.

— Могу сделать так, что бабы тебе больше не понадобятся.

Смех оборвался на полуслове.

Пикс моргнул. Нед подавился пивом. Рендел устало прикрыл глаза, будто заранее пожалел обо всех участниках разговора.

Гарет неожиданно усмехнулся.

— Я бы на твоём месте не просил его колдовать, Пикс.

— Да я пошутил, — буркнул тот.

— Я тоже, — сказал Кай.

— И всё же кулаком меня не убить.

Гарет чуть заметно напрягся. Теперь он смотрел на Кая уже иначе: не как на голодного мальчишку с дороги, а как на человека, который мог оказаться опаснее, чем выглядел.

— И что же ты сделаешь? Один пойдёшь на Торна?

— Нет, — ответил Кай. — Я не идиот.

— Уже легче.

— Я наймусь к Далмору.

Рендел тихо выругался.

Нед присвистнул.

— К барону?

— К его людям. К его войску. К тем, кто собирается идти против Торна.

Гарет постучал пальцами по столу.

— Маги всегда желанные рекруты. Особенно перед войной.

— Если война будет, — буркнул Рендел.

— Будет, — сказал Гарет. — Далмор не стал бы созывать людей ради прогулки с флагами.

Кай сжал пальцы на краю стола.

— Торн пожалеет о том, что сделал. И инквизиторы тоже.

На этот раз никто не засмеялся.

Пикс хотел что-то сказать, но передумал. Нед молча взял кружку. Рендел смотрел в стол. Гарет ещё несколько мгновений изучал Кая, потом медленно кивнул.

— Мы завтра идём записываться. Но вместе не ходим с теми, кого видим первый день. Без обид.

— Разумно.

— Вот именно. Если хочешь наняться — вербовочный шатёр у восточной площади.

Спроси Фергюса Макмилана. Он записывает новобранцев и делает вид, что важнее барона.

— Спасибо.

— Не за что. Ты платишь.

Кай подозвал трактирщика и заказал наёмникам еду и выпивку. Гарет попытался выбрать что-то умеренное, но Нед и Пикс быстро исправили эту ошибку. Рендел попросил только похлёбку и пиво.

Сам Кай есть уже не мог.

Похлёбка остыла. Хлеб лежал нетронутым. Травяной взвар стал горьким.

Он поднялся.

— Удачи, Кай, — сказал Гарет.

— И вам.

— Она нам понадобится больше.

— Возможно.

Кай пошёл к лестнице.

Каждая ступень давалась тяжело, хотя тело после ритуала всё ещё было сильнее, чем должно. Теперь боль была не в ране. Не в боку. Не в усталости.

Озёрная.

Сожжена.

Кай открыл дверь комнаты, вошёл и закрыл её за собой.

Корыто с горячей водой уже стояло у стены. Пар поднимался к низкому потолку, запотевая маленькое окно. На столе лежали чистые полотенца. Кто-то даже поставил кувшин с водой и кусок мыла.

Обычная забота за обычные деньги.

Кай смотрел на всё это и думал о доме Даен. О запахе мяты, дыма, горького отвара и чистой ткани. О Салире, которая завязывала узелок с едой и пыталась не показать, как дрожат руки.

Кай медленно снял плащ, рубаху, перевязь, сапоги. Вода обожгла кожу, когда он сел в корыто. Грязь, пот, дорожная пыль и засохшие следы крови растворялись в горячей воде, но легче не становилось.

Он хотел ехать по следу орков Кровавого Топора.

Хотел искать Велену.

Должен был искать Велену.

Но теперь между ним и югом встал Грейвен Торн.

Барон-оборотень, который сжёг деревню за смерть сына.

И инквизиторы, которые помогли назвать это очищением.

Кай закрыл глаза.

Если Грейвен действует вместе с людьми Единого, Пограничье скоро перестанет быть местом, где маги могут прятаться. За Торном придут имперские законы, костры, доносы, белые плащи и люди, которые умеют называть убийство милосердием.

Это было уже не только о мести.

Но и о мести тоже.

Кай не стал себе лгать.

Он хотел, чтобы Грейвен Торн заплатил.

За Озёрную.

За Даен и Салиру, если они погибли.

За всех, кто сгорел.

А потом, если останется жив, он пойдёт дальше.

Клан Кровавого Топора никуда не исчезнет и лучше бы что бы мама была жива и здорова.

Он вытерся, кое-как перевязал бок заново, добрался до кровати и лёг, не погасив свечу.

Хотел обдумать, что скажет Далмору, как представится, что скроет, что откроет, сколько правды можно дать человеку, которого видишь впервые.

Но сон пришёл раньше мыслей.

Кай уснул почти сразу.

Проснулся Кай поздно.

Сначала он не понял, где находится. Потолок был низкий, чужой, потемневший от дыма. За стеной кто-то смеялся, внизу глухо стучала посуда, по улице за окном проехала телега. Потом память вернулась сразу и целиком.

Озёрная.

Грейвен Торн.

Белые плащи.

Сожжённая деревня.

Кай лежал неподвижно, глядя в потолок, и несколько мгновений просто дышал.

Тело чувствовало себя лучше, чем должно было. Рана почти не болела, слабость отступила, голова была ясной. Ритуал сработал слишком хорошо. Это злило сильнее, чем если бы он не сработал вовсе.

Он сел на кровати и поморщился.

На столе стоял пустой кувшин. Вода в корыте давно остыла и стала серой. Одежда, развешанная на спинке стула, подсохла, но всё равно выглядела так, будто пережила маленькую войну и проиграла её.

Кай оделся, проверил сумку, книгу, нож и свёрток с наплечником.

Клан Кровавого Топора.

След к Велене.

Он убрал свёрток глубже и спустился вниз.

В зале было тише, чем вечером. Несколько постояльцев завтракали, трактирщик спорил с кухаркой у стойки, в углу какой-то старик методично ел кашу с видом человека, который уже видел все беды мира и теперь не собирался торопиться даже перед концом света.

Кай заказал холодное мясо, сыр, лепёшки и молоко.

— Молоко? — переспросил трактирщик.

— Да.

— После вчерашнего я думал, тебе понадобится что-нибудь крепче.

— Если начну пить с утра, к вечеру стану философом. А мне сегодня надо быть свежим.

— Редкое желание.

— Сам удивлён.

Трактирщик хмыкнул и поставил перед ним еду.

Кай ел медленно, но с настоящим голодом. После третьего куска мяса ему даже стало легче думать.

Кай поднялся из-за стола, но у двери задержался.

Вчерашних наёмников в зале не было. Ни Гарета, ни Неда, ни Рендела с Пиксом. Видимо, ушли раньше. Может, уже записывались. Может, перед войной решили наесться в другом месте и поспорить о том, кто из них первым станет героем.

На улице было прохладно и сыро.

Над крышами висел дым, где-то кричали гуси, и всё это выглядело почти мирно. Почти.

Кай дошёл до восточной площади без труда. Там, у старого каменного колодца, действительно стоял шатёр — не то военный, не то ярмарочный. Перед ним толпились люди: крестьяне с дубинами, охотники с луками, несколько крепких парней в слишком новой кожаной броне, двое седых ветеранов, которые смотрели на молодёжь с таким выражением, будто уже мысленно хоронили половину.

У входа в шатёр сидел человек, которого трудно было не узнать по описанию парней.

Фергюс Макмилан оказался круглым, лысоватым мужчиной с маленькими живыми глазами, пухлыми пальцами и пером за ухом. Перед ним лежала стопка листов, чернильница, кружка с чем-то тёмным и вид человека, которому поручили очень важное дело, а он намерен извлечь из этого максимум удовольствия.

— Заходи, заходи, сынок, — сказал он, даже не подняв глаз. — Имя, возраст, род занятий, умеешь ли держать копьё, меч, лук, косу, вилы, жену за язык и себя в руках. Последнее желательно, но не обязательно.

— Боюсь, ваша анкета мне не подойдёт.

Фергюс поднял глаза.

— Это ещё почему?

— Я маг.

Перо застыло в его пальцах.

— А-а-а, — протянул он совсем другим тоном. — Вот оно что.

Он оглядел Кая с ног до головы. Не с почтением, не со страхом, а с деловой оценкой человека, который пытается понять, в какую графу записать редкую и потенциально опасную вещь.

— Целитель? Пиромант? Погодник? Не говори, что предсказываешь урожай по форме облаков. В прошлом году один такой уже был, до сих пор люди плюются.

— Целителем могу быть частично.

— Частично?

— Если пациент не слишком придирчив.

Фергюс поморщился.

— Утешил. А в целом?

— В целом это лучше обсуждать не посреди площади.

— Разумно. Подозрительно, но разумно.

Он покопался в бумагах, достал чистый лист и начал быстро писать.

— Порядок такой. Обычных новобранцев записываю я. Мечников, копейщиков, лучников, людей, которые в мирное время держали топор, а теперь уверены, что это почти то же самое, что алебарда. А вот магов, клириков, друидов, целителей и прочих людей с даром принимает лично его милость.

— Барон Эйдан Далмор?

— А ты ожидал, что тебя будет принимать моя теща? Конечно, барон.

Фергюс посыпал письмо песком, стряхнул лишнее, сложил лист и поставил печать.

— Через два часа от западных ворот отправляются повозки с новобранцами в замок. Покажешь это сержанту, который будет принимать пополнение. Он доставит тебя куда надо.

Кай взял письмо.

— Благодарю.

— Не благодари. Если его милость решит, что ты полезен, благодари потом. Если решит, что нет, тоже благодари, но уже судьбу.

— Обнадёживает.

Фергюс уже хотел окликнуть следующего, но задержался и снова посмотрел на Кая.

— Ты из земель Торна?

Кай не сразу ответил.

— Проходил через них.

— Понятно.

Судя по лицу Фергюса, ему было понятно куда больше, чем он собирался говорить вслух.

— Тогда совет. Здесь языком маши осторожнее. Люди злы. После Озёрной многие готовы поверить чему угодно, лишь бы это давало повод взяться за оружие.

— А вы?

— А я старый писарь при военном шатре. Я верю только спискам, печатям и тому, что жалованье всегда задерживают.

— Хорошая вера.

— Зато редко разочаровывает.

Кай убрал письмо во внутренний карман и вышел из шатра.

До отправления оставалось два часа.

Он вернулся в “Три рыбака”, поднялся в комнату и быстро собрал вещи. Трактирщик, как и обещал, деньги возвращать не стал. Выслушав, что постоялец съезжает раньше срока, он только пожал плечами.

— Комната была твоя на три ночи. Что ты с ними сделал — спал, молился, плакал или ушёл воевать — дело твоё.

— Справедливо.

— Вот именно.

Спорить Кай не стал. Сумма была слишком маленькой, чтобы тратить на неё силы, а трактирщики, как любил повторять Аврелий, люди полезные: слышат больше священников, помнят дольше стражников и часто знают, кто кому врёт, ещё до того, как тот откроет рот.

— Можно взять с собой еды? — спросил Кай.

— Можно. Мясной пирог, сыр, сушёные яблоки. Флягу с травяным взваром тоже дам, если доплатишь.

— Давайте.

Трактирщик завернул еду в чистую ткань и протянул ему.

— Если попадёшь к Далмору, держи уши открытыми. Он человек не злой, но умный. А умные бароны иногда опаснее злых.

— Почему?

— Злой ударит сразу. Умный сначала подумает, куда больнее бить.

Кай убрал свёрток в сумку.

— Спасибо за совет.

— За советы я денег не беру. Всё равно никто не слушает.

Наёмников в зале по-прежнему не было.

Кай вышел на улицу и пошёл к западным воротам.

Повозки уже стояли там, выстроенные неровной вереницей. Одиннадцать телег, несколько верховых солдат, пара возчиков, сержант с таким голосом, что ему, вероятно, не требовался рог даже на поле боя. Новобранцы толпились рядом: кто-то смеялся, кто-то про-верял узелок с вещами, кто-то пытался выглядеть спокойнее, чем был.

Кай нашёл тень под большим деревом, сел на корень и прислонился спиной к стволу.

Спать он не собирался.

Но стоило закрыть глаза, как сознание провалилось в дрему.

Тракт между Озёрной и западным городком. В то же время.

Брат Дарий, несмотря на своё высокое звание, был отличным всадником.

Остальные инквизиторы то и дело отставали, и ему приходилось сдерживать жеребца, дожидаясь людей, от чего и без того скверное настроение ухудшалось всё стремительнее. В очередной раз оглянувшись и не обнаружив за спиной почти никого из отряда, Дарий выругался, но тут же осенил себя замысловатым знаком Единого.

Сквернословие было, пожалуй, единственным его грехом и слабостью. По крайней мере, сам Дарий предпочитал думать именно так.

Вскоре из-за поворота показались несколько инквизиторов. Дарий подождал, пока они приблизятся, и поднял руку, приказывая остановиться.

— Что-то я не пойму, — сказал он, оглядывая их тяжёлым взглядом. — Вы воины церкви или придворные дамы на прогулке? Почему вы всё время отстаёте?

Под взглядом начальника инквизиторы понурились. Один из младших братьев даже попытался что-то сказать, но вовремя передумал.

— Вернёмся с задания, — продолжил Дарий, — будете тренироваться в верховой езде дни напролёт. А по ночам развивать выносливость. Раз уж Единый не одарил вас умением держаться в седле, придётся исправлять это трудом.

Несколько братьев переглянулись. Перспектива им явно не понравилась.

Один из инквизиторов решил сменить тему, пока Дарий не придумал для них ещё какое-нибудь суровое наказание.

— Брат Дарий, разрешите обратиться.

— Что там у тебя? — недружелюбно спросил Дарий.

— Артефакт, обнаруживающий нежить, показывает, что неподалёку есть нечто нечестивое. Вряд ли это наш некромант. Цвет следа отличается от его магии. Не чёрный, а скорее алый.

Дарий нахмурился.

— Алый?

— Да, брат. Похоже на высшую нежить. Или на что-то близкое к ней. След слабый, скрытый, но отчётливый.

— Далеко?

Инквизитор достал карту и быстро сверился с отметками.

— Не далее десяти миль к востоку отсюда. За лесом. Судя по карте, там должно быть старое поместье.

К этому времени их наконец нагнали остальные ищущие святой инквизиции. Дарий посмотрел на них так, что никто не решился пожаловаться ни на усталость, ни на сбитый темп.

Приказ его святейшества был недвусмысленным: как можно скорее отыскать отродье тьмы и прикончить. Формально император хотел получить мага живым, но Дарий прекрасно понимал, где заканчивается желание императора и начинается долг церкви.

И всё же оставлять за спиной высшую нежить было неразумно.

Что, если у мальчишки-некроманта есть сообщники? Что, если эта скверна вмешается в самый неподходящий момент? Кай, раненый и одинокий, никуда далеко не денется. А вот гнездо нежити за спиной отряда могло обойтись слишком дорого.

Дарий принял решение быстро.

— Не будем терять времени, братья. Сворачиваем. Зачистим проклятое место и вернёмся к погоне. Завтра к вечеру мы должны настигнуть некроманта.

Никто не спорил.

Отряд свернул с тракта и двинулся к востоку.

Семья Мортиморов обитала в этих землях с незапамятных времён. Благодаря сплочённости, осторожности и умению поддерживать друг друга даже в самые тяжёлые времена они дожили до нынешних дней. Можно было бы назвать их счастливыми, если бы счастье не было особым состоянием души. Души у Мортиморов как раз не было.

Они были вампирами.

Старейшими вампирами в Пограничье.

Время от времени они охотились на людей, но делали это так осторожно, что местные даже не подозревали об их существовании. Кто-то пропадал в лесу. Кто-то умирал от странной слабости. Кто-то возвращался домой бледным, тихим и через несколько месяцев уже сам служил старому дому. В Пограничье случалось слишком много бед, чтобы каждую связывать с древним родом, живущим в стороне от больших дорог.

Выработанная веками осторожность и природная скрытность, присущая высшей нежити, позволяли Мортиморам выживать там, где менее терпеливых давно бы нашли и сожгли.

Кто знает, сколько ещё веков или даже тысячелетий продолжалось бы их существование.

Но беда, как это часто бывает, пришла неожиданно.

Отряд инквизиторов, по непонятной для Мортиморов причине оказавшийся так далеко от имперских земель, вышел к их особняку среди белого дня.

Это оказалось почти приговором.

Вопреки легендам обывателей, высшая нежить не обращалась в пепел от одного солнечного луча. Солнце не сжигало древних вампиров и не превращало их в беспомощных мертвецов. Но при свете дня они лишались многих преимуществ: не могли свободно скрываться в тених, хуже чувствовали движение живых существ, теряли часть своей скорости и уверенности.

Днём вампиры ощущали себя примерно так же, как люди ночью: не слепыми, не беспомощными, но вынужденными действовать осторожнее.

А инквизиторы действовали быстро.

Они использовали светлую магию, освящённые клинки и благословенные арбалетные болты. Удар таким оружием причинял высшей нежити тяжёлые раны, а низшую мог развоплотить почти сразу. Братья святой инквизиции знали, с чем столкнулись, и не тратили время на угрозы, переговоры или красивые речи.

Они пришли очищать.

И очистили.

В считанные минуты старый особняк превратился в бойню. Шторы срывали с окон, двери выбивали плечами, комнаты прочёсывали одна за другой. Вампиры сопротивлялись яростно, но день и внезапность были против них. Там, где ночью один Мортимор мог бы разорвать троих людей и исчезнуть в тени, днём его встречали светом, сталью и молитвой.

Инквизиторы потеряли лишь одного бойца.

Его сразил патриарх семьи — древний, иссохший вампир с глазами цвета тёмной крови. Даже ослабленный дневным светом, он успел прорваться сквозь строй и одним ударом вспороть брату грудь. После этого Дарий сам вышел ему навстречу.

Бой был коротким.

Патриарх оказался быстр, силен и опасен, но против благословенного оружия и светлой магии этого оказалось недостаточно. Удар брата Дария рассёк ему грудь, а молитва одного из ищущих ударила следом. Древний Мортимор осыпался пеплом у камина, где, возможно, сидел не одну сотню лет.

Из восемнадцати членов древней семьи уцелел лишь младший — Мортимор Сангвин.

Во время зачистки дома он находился на охоте, почти в дне полёта от этих мест.

Когда Сангвин вернулся, особняк уже догорал.

Он опустился на землю у края леса и некоторое время смотрел на чёрные стены, провалившуюся крышу и тлеющие балки. В воздухе ещё держался запах пепла, мёртвой крови и светлой магии. Последнее он почувствовал сразу. Светлая магия оставляла после себя след, который трудно было спутать с чем-то другим: резкий, чужой, неприятный даже для высшей нежити.

Сангвин вошёл в дом.

Там, где веками жили Мортиморы, теперь лежал пепел.

Он прошёл через холл, миновал обгоревшие портреты, остановился у разбитой лестницы. Здесь умерла старшая сестра. В гостиной развоплотили двоих младших. В дальней комнате, возле камина, погиб патриарх.

Сангвин понял всё без лишних поисков.

Их всё-таки выследили.

Каким-то образом белые плащи нашли старый дом и пришли днём, когда род был слабее всего.

Он не испытал боли утраты в человеческом смысле. Нежить лишена души, а вместе с ней и тех чувств, которыми так гордятся живые. Вампиры могли изображать печаль, нежность, радость или любовь, и многие делали это мастерски, но Сангвин считал подобное лишним.

Из чувств, доступных ему по-настоящему, оставалось разве что подобие долга. Или, скорее, сопричастность хищника к своей стае.

Мортиморы были его родом.

Белые плащи уничтожили его род.

Значит, белые плащи должны умереть.

Все до единого.

Сангвин вышел из сгоревшего дома и присел возле следов на влажной земле. Лошадиные подковы. Несколько десятков отпечатков. Инквизиторы ушли обратно к тракту, торопились, но не настолько, чтобы скрывать следы.

Он поднял голову.

Ночь уже опускалась на Пограничье.

Сангвин принял решение спокойно, без рыданий, без проклятий и без клятв, произнесённых в пустоту. Клятвы были нужны живым. Нежити достаточно намерения.

Через несколько мгновений его тело исказилось, вытянулось, обросло тёмной перепонкой. Там, где стоял бледный юноша в дорожном плаще, взметнулась огромная летучая мышь.

Сангвин поднялся над лесом и полетел низко над землёй, высматривая следы лошадиных подков.

Он найдёт их.

И убьёт всех до единого.

Кай ничего этого не знал. Он не знал, какая драма постигла древний вампирский род, и не знал, что эта случайная зачистка на несколько драгоценных часов отодвинула его собственную встречу с инквизиторами.

Разбудил его резкий оклик:

— Так, рекруты! По повозкам! Надеюсь, все успели посетить кусты, потому что остановок до замка не будет!

В толпе раздались смешки.

— Смейтесь, смейтесь, — продолжил сержант. — Через шесть часов я посмотрю, кому всё ещё весело.

Кай поднялся, отряхнул плащ и подошёл к ближайшей телеге.

Забираться пришлось на руках. В телеге уже сидели трое молодых парней — лет семнадцати-восемнадцати, с лицами людей, которые ещё не поняли, что война пахнет не славой, а грязью, потом и вскрытыми животами.

— Эй, место занято, — сказал один, рыжий и веснушчатый.

Кай посмотрел на пустую лавку напротив.

— Кем?

— Ну... нами.

— Вы очень широкие.

Двое заржали. Рыжий хотел обидеться, но передумал.

— Садись уж.

— Благодарю за щедрость.

Телеги тронулись.

Сначала городок медленно поплыл мимо: ворота, стена, последние дома. Потом начался тракт к замку Далмора — широкий, разбитый колёсами, с влажной грязью по краям и редкими каменными столбами через каждую милю.

Первые полчаса Кай пытался думать.

О Далморе. О том, что сказать. О том, сколько правды можно открыть. О Грейвене. О Салире и Даен. О Велене. О клане Кровавого Топора.

Потом рядом заговорили.

И думать стало почти невозможно.

Парни обсуждали девушек.

Сначала местных. Потом городских. Потом каких-то, которых один из них, по его словам, видел “совсем близко” без одежды, но по деталям выходило, что видел он их издали и, возможно, со спины. Затем разговор перешёл к славе, жалованью, красивой броне, будущим подвигам и тому, как каждый из них после первой же битвы станет любимцем барона.

Кай молчал.

Час.

Второй.

На третьем часу он пришёл к выводу, что у его скелетов в пустых черепушках, пожалуй, больше мозгов и достоинства, чем у этих будущих героев Пограничья.

На пятом часу один из парней спросил:

— А ты чего молчишь?

— Наслаждаюсь мудростью.

— Чьей?

— Ну не вашей же.

Двое опять заржали. Рыжий нахмурился.

— Ты умный, что ли?

— Да уж не дурак.

Смех оборвался не сразу.

Рыжий подался вперёд на лавке.

— Чего сказал?

— То, что слышал.

Он потянулся к Каю — то ли схватить за ворот, то ли просто ткнуть кулаком в плечо, чтобы поставить на место.

Кай повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Только тронь, — тихо сказал он. — Убью прямо здесь.

В повозке стало тише. Даже колёса, казалось, застучали громче.

Рыжий застыл с протянутой рукой. Угроза прозвучала негромко, без злости и без хвастовства — оттого хуже.

Один из парней нервно хмыкнул, но больше никто не смеялся.

— Псих, что ли? — пробормотал рыжий, убирая руку.

— Сегодня — возможно, — сказал Кай. — Сегодня я просто очень устал.

— А служить зачем едешь?

Кай посмотрел на дорогу за бортом. Колёса глухо били по колеям, и каждое движение отдавалось в боку тупой болью.

— Потому что у Торна есть долг.

Рыжий прищурился.

— Перед тобой?

— Не только.

— И ты решил его взыскать?

Кай не сразу ответил.

— Я решил хотя бы попытаться.

Парни переглянулись. Теперь в их взглядах было меньше насмешки. Не уважение ещё, нет. Скорее осторожность.

— Смелый, — буркнул кто-то.

— Нет, — сказал Кай.

Парни переглянулись. Ответ им не понравился, но и спорить было не о чем.

К счастью, вскоре впереди показался замок.

Точнее, не просто замок.

Крепость Далмора оказалась куда больше, чем Кай ожидал. Каменные стены поднимались над пологим холмом, башни стояли по углам и над воротами, внутри виднелись крыши домов, складов, конюшен, кузниц. Это было похоже не на дворянское гнездо, а на маленький город, спрятанный за зубцами.

Вереница телег въехала во внутренний двор.

И первое, что сделал Кай в новой крепости, — спрыгнул с телеги прямо в свиное дерьмо. Нога ушла в мягкое с мерзким чавканьем.

Настроение, которое только начало подниматься в предвкушении разговора с бароном, рухнуло куда-то ниже подошвы.

Один из парней мерзко захихикал.

Кай медленно поднял на него взгляд.

Смех оборвался.

— Что? — тихо спросил Кай.

— Ничего.

— Вот и мне показалось.

— Новобранцы! — рявкнул сержант.

Все резко повернулись.

Перед ними стоял крепкий мужчина лет сорока пяти с короткой проседью в волосах, шрамом на подбородке и руками человека, который привык объяснять дисциплину не только словами. Палаш он почему-то носил не у пояса, как большинство, а за спиной, на манер длинного ножа или короткого лука.

— Я сержант Дункан Броди. Для вас — господин сержант. Сейчас проверим, кто доехал, кто потерялся по дороге, а кто уже успел пожалеть, что родился. Потом отведу вас в казарму. Там оставите вещи, получите амуницию у интенданта.

Он сделал паузу и хмыкнул.

— Советую проверять, что он вам выдаёт. Человек он хороший, но жадный, как церковная крыса. А в бою любая мелочь может спасти вам жизнь. Или, наоборот, очень быстро её сократить.

Новобранцы нервно засмеялись.

— Вопросы?

Вопросов не оказалось.

— Умнеете на глазах. Тогда начнём.

Сержант достал список и начал выкликать фамилии. Новобранцы выходили из толпы и строились в колонну по двое. Кай стоял в стороне, чувствуя, как грязь на сапоге холодеет и становится всё более личным оскорблением.

Через несколько минут неназванным остался только он.

Броди посмотрел в список, потом на Кая, потом снова в список.

Рука сержанта медленно потянулась к палашу за спиной.

— А ты ещё кто такой?

Кай достал письмо.

— Маг. У меня сопроводительное письмо от Фергюса Макмилана.

— Какого демона ты тогда сразу не подошёл ко мне?

— Вы же...

— Молчать. Письмо сюда.

Кай протянул лист.

Сержант развернул его, пробежал глазами, потом неожиданно подмигнул — так быстро, что это заметил только Кай.

Но вслух рявкнул:

— Стоять здесь. Не шевелиться. Не колдовать. Не превращать новобранцев в жаб, даже если очень хочется.

— А если они заслужат?

— Особенно если заслужат. Тут только я могу их наказать!

Сержант повернулся к остальным.

— А вы — за мной!

Когда колонна ушла к казармам, Броди вернулся уже без грозного вида. Впрочем, грозный вид не исчез совсем — просто был убран в ножны вместе с палашом.

— Ты мне потом ещё спасибо скажешь, — сказал он негромко.

— За что именно?

— За то, что я наорал на тебя при всех. Теперь для них ты не баронский любимчик и не важный маг, которого привезли отдельно, а такой же бедолага, которого сержант облаял в первый день.

Кай посмотрел на него, потом опустил взгляд на свой сапог.

— Я ещё и в дерьмо наступил для убедительности. Чтобы ничем не отличаться от остальных.

Броди хмыкнул.

— Вижу, к службе ты подошёл основательно.

Кай впервые за день улыбнулся почти искренне.

— Стараюсь соответствовать.

— Тогда пошли. Его милость ждёт.

— И как барон относится к магам?

Броди повёл его через двор, не сразу отвечая. Вокруг кипела жизнь: у конюшен ругались возчики, возле кузницы двое мальчишек таскали уголь, у стены солдаты проверяли связки стрел, а рядом с амбаром писарь спорил с интендантом из-за мешков овса так ожесточённо, будто от этих мешков зависел исход будущей войны.

Кай отметил это машинально: люди, припасы, оружие, телеги, лошади. Далмор не просто собирал ополчение. Он готовился всерьёз.

— У его милости всё просто, — наконец сказал Броди. — Он смотрит не на имя и не на происхождение, а на две вещи: какую пользу человек может принести и какой вред от него может выйти. И главное — насколько велики одно и другое. Маг ты, кузнец или пастух — дело второе. Если пользы много, а вред терпимый, он найдёт тебе место. Если пользы на медяк, а беды на золотой — никакой дар не спасёт.

— Разумно, — сказал Кай.

Броди остановился и посмотрел на него уже без прежней усмешки.

— Вот что, парень. Его милость добрый человек. Особенно если сравнивать с другими баронами. Но не вздумай при нём рассуждать, разумно он поступает или нет.

Кай чуть нахмурился.

— Я не хотел оскорбить.

— Знаю. Потому и говорю сейчас, а не после того, как ты ляпнешь это ему в лицо. Ты пока никто. Раненый мальчишка с дороги, который называет себя магом и несёт за собой запах беды. Его милость может дать тебе шанс. Но оценивать его будешь тогда, когда хотя бы переживёшь первый бой под его знаменем.

Кай помолчал.

— Понял.

— Вот это уже разумно, — буркнул Броди и пошёл дальше.

Они прошли под каменную арку.

— Ты точно боевой маг? — спросил Броди.

— Не совсем.

Сержант покосился на него.

— Вот это плохое начало.

— Я маг, которого можно использовать в бою. Но не как лучника или катапульту.

— А как тебя использовать?

— По обстоятельствам. Магия зависит от задачи, места и подготовки. Кавалерия в чистом поле страшна. В болоте от неё больше вреда, чем пользы. С магами примерно так же.

Броди хмыкнул.

— Барон не любит тех, кто обещает чудеса. Чудеса обычно заканчиваются лишними могилами.

— Тогда мы с ним поладим. Я чудес не обещаю.

— Посмотрим.

Они поднялись по широкой лестнице и вошли в главный зал.

Кай ожидал увидеть что-то вроде тронной комнаты: знамёна, свечи, важные лица, барон на высоком кресле. Вместо этого зал больше напоминал военный штаб, который временно поселили среди гобеленов и старого камня.

На стенах висели охотничьи трофеи, щиты, два потемневших знамени и несколько мечей, явно слишком древних, чтобы ими кто-то пользовался. Посреди зала стоял длинный стол, заваленный картами, списками, письмами, деревянными фишками и кружками с давно остывшим питьём. Над самой большой картой склонились двое мужчин.

Один был средних лет, широкоплечий, с проседью в тёмных волосах и короткой бороде. В нём не было красивой торжественности придворного вельможи, зато чувствовалась собранность человека, который привык решать вопросы до того, как они превращаются в бедствия. Одежда дорогая, но удобная. На поясе меч, на руке простое кольцо с печатью. Никакого лишнего золота, никакого желания сиять. Это и был Эйдан Далмор.

Второй мужчина был старше: сухой, жилистый, с длинными седыми усами и холодными цепкими глазами. Он держал в руке перо, но смотрел так, будто при необходимости мог этим пером резать собеседника и ещё успеть закончить смету.

При появлении Броди оба выпрямились.

— Ваша милость, — сказал сержант. — Маг с письмом от Фергюса.

Он протянул письмо.

Далмор взял лист, быстро пробежал глазами и отложил в сторону.

— Спасибо, Дункан. Остайся.

Броди кивнул и встал чуть сбоку.

Барон перевёл взгляд на Кая.

Не враждебный. Не добрый. Оценивающий.

— Ну что ж, маг. Рассказывай.

Кай молча ждал продолжения.

Далмор чуть заметно усмехнулся.

— Кто ты, откуда пришёл, почему хочешь служить мне и что умеешь. Лучше именно в таком порядке. И без украшений. На украшения у меня сегодня нет времени.

— Меня зовут Кай, — сказал он. — Родового имени у меня нет. Магам оно не положено, а прозвище я ещё не заслужил.

Старик с усами поднял бровь.

— Удобно. Ни рода, ни прошлого, ни поручителей.

— Прошное есть, — ответил Кай. — Просто не всё из него можно подтвердить бумагами.

— Это мы ещё посмотрим, — сказал Далмор. — Дальше.

Кай сделал вдох.

Он заранее думал, что скажет. Какие куски правды оставить, какие спрятать, где промолчать, где дать достаточно, чтобы ему поверили. Но стоило начать, как слова пошли проще, чем он ожидал. Не легче. Просто проще.

— Моя семья много лет назад бежала из Империи. Мать была жрицей богини милосердия. Отца я не знал. Меня воспитывал учитель. Тоже беглец из Империи. Недавно я закончил обучение и вернулся в деревню, где жила мать. В Озёрную.

В зале стало тише.

Броди перестал смотреть на карту.

Далмор не перебил.

— Там я узнал, что мать пропала год назад после набега орков. Тела не нашли. Возможно, её увели пленницей. Возможно, она мертва. Я пока не знаю.

Он сказал это ровно, почти сухо. И от этого слова прозвучали хуже.

— Продолжай, — сказал Далмор.

— Подруга матери, травница Даен, рассказала, что деревню несколько месяцев терроризировал оборотень. Истинный. Не обращённый. Я согласился помочь. Убил его.

Старик с усами тихо крякнул.

— Один?

— Не совсем....Мне повезло

— Удача редко убивает истинных оборотней, — сказал Далмор.

Барон внимательно посмотрел на него.

— Кем оказался оборотень?

Кай встретил его взгляд.

— Эдриком Торном. Сыном Грейвена Торна.

Броди тихо присвистнул.

Старик с усами выругался себе под нос так изысканно, что Кай на мгновение почти зауважал его.

Далмор не изменился в лице.

— Ты уверен?

— Его опознали местные. После смерти он вернулся в человеческий облик.

— Тело?

— Спрятали.

— Зачем?

— Потому что если бы его нашли сразу, деревня погибла бы ещё раньше.

Старик мрачно усмехнулся.

— Судя по слухам, это им не помогло.

Кай сжал пальцы.

— О деревне я узнал вчера в городе.

— И поэтому пришёл ко мне?

— Да.

— Из мести?

— В том числе.

Ответ прозвучал быстро, но Кай не стал его смягчать.

Далмор чуть наклонил голову.

— Честно.

— Я не святой, ваша милость.

— Святые редко нанимаются в войско, — сказал Далмор. — Обычно они приходят потом и объясняют, почему чужая смерть была необходима.

Броди опустил глаза, пряча выражение лица.

Старик с усами неодобрительно покосился на барона, но спорить не стал.

— Но одной мести мало, — продолжил Кай. — Если Грейвен Торн действует вместе с инквизиторами, это угроза не только мне и не только Озёрной. Если Пограничье ляжет под Империю, сюда придут их законы, их костры и их люди в белом. Для магов вроде меня здесь места не останется.

— Для магов вроде тебя, — повторил Далмор. — Значит, мы добрались до главного. Какой у тебя дар?

Кай знал, что этот вопрос прозвучит.

И всё равно на миг захотел соврать.

Целитель. Проклинатель. Специалист по ядам. Что угодно, только не это слово. Но если он начнёт службу с лжи, первая же битва всё равно всё откроет.

— Некромант.

Старик с усами перестал шевелить пером.

Броди медленно повернул голову к Каю.

Далмор смотрел спокойно.

Слишком спокойно.

— Некромант, — сказал барон.

— Да.

— Это объясняет оборотня.

— Частично.

— Что умеешь?

— Поднимать простую нежить. Управлять ею. Усиливать действие ядов и болезней. Накладывать некоторые проклятия. Воздействовать на душу или разорвать связь души с телом. Не всегда. Не на всех. И не без цены.

— Оборотня ты убил так?

— Да.

— Ударил по душе? — спросил Далмор.

Кай помолчал.

— Если говорить грубо — да.

Броди смотрел на него уже без прежней лёгкости.

— И сколько такой маг может поднять мертвецов?

Кай не ответил сразу.

Он опустил взгляд и осторожно потянулся к резерву. Не глубоко — только коснулся, проверяя предел. Внутри отозвалась тёмная, холодная глубина, куда более широкая, чем он помнил. Ещё недавно ему казалось, что после ритуала силы стало вдвое больше. Теперь он понимал: нет. Не вдвое. Ближе к пяти.

И дело было не только в мане. Прана тоже стала плотнее, тяжелее, живее. Тело больше не держалось на упрямстве и боли, как раньше. Оно было напитано силой — странной, чужой, но послушной.

Кай медленно выдохнул.

— Если говорить о простых скелетах... около полусотни. Возможно, больше, если заранее подготовиться и не требовать от них сложных действий.

Старик с усами тихо сказал:

— Полусотня нежити в замке. Великолепно. Именно этого нам не хватало для спокойного сна.

— Скелеты — самый дешёвый вариант, — сказал Кай. — Их легче поднять и легче удерживать. Костей достаточно. Маны уходит меньше. Они не устают, не боятся, выполняют простые приказы. Но они хрупкие. Против хорошего удара, топора или молота долго не продержатся.

— Утешительно, — сухо сказал старик.

— Зомби лучше.

В комнате стало тише.

Кай понял, что прозвучало это не слишком успокаивающе, но продолжил:

— Для боя лучше. У них остаётся масса. Мясо, сухожилия, вес. Их сложнее сбить, сложнее развалить одним ударом. Они могут давить строем, держать щиты, идти под стрелами, ломать строй живых одним видом. Но поднять их тяжелее. И удерживать тоже.

— Сколько? — спросил Броди.

Кай снова прислушался к себе. Резерв отозвался уверенно, почти пугающе.

— Дюжину — без особого труда. Полторы — если понадобится. Больше тоже возможно, но тогда мне нужно время, тела и нормальная подготовка.

Ровен прищурился.

— То есть дюжина зомби опаснее полсотни скелетов?

— В прямом бою — да. Скелеты хороши числом, скоростью и дешевизной. Зомби — давлением. Их труднее остановить. Особенно тем, кто впервые видит, как на него идёт мёртвый человек и не падает после первого удара.

— Прекрасно,

— сказал старик.

— Теперь я начинаю жалеть, что спросил.

— Вы спросили не это, господин...?

— Я Ровен, — сухо сказал старик. — Советник его милости.

— Господин Ровен. Я не собираюсь поднимать нежить в замке без приказа.

— Это должно меня успокоить?

Далмор поднял руку, останавливая разговор.

— Что ещё?

— Могу создать голема из глины или плоти. Теоретически. Для этого нужны материалы, время и спокойное место. Глиняный прочнее, хорош при штурме или обороне. Плотяной полезен против большого числа пехоты, но я бы предпочёл не создавать его без крайней необходимости.

— Почему?

— Потому что это мерзко.

Ровен сухо усмехнулся.

— Некромант с брезгливостью.

— Брезгливость полезна, — ответил Кай. — Она напоминает, что ты ещё не совсем сволочь.

В зале повисла тишина.

Далмор смотрел на него внимательно.

— Хороший ответ.

Барон отошёл от стола и медленно прошёл вдоль карты.

— Слушай меня, Кай без рода. Мне плевать, некромант ты, друид или человек, который умеет шептаться с болотной тинной, если от тебя будет польза и если ты сможешь сохранить жизни моих людей. Я не люблю белые плащи. Не люблю Империю, когда она приходит с проповедями, налогами и солдатами. И не люблю Грейвена Торна ещё с тех времён, когда его сын был достаточно мал, чтобы его жестокость можно было списать на дурное воспитание.

— Значит, вы знали?

— Я слышал слухи. Видел странности. Сопоставлял. Но слухи — плохое основание для войны, а Грейвен слишком долго был осторожен.

— Теперь он перестал.

— Теперь он совершил ошибку, — сказал Далмор. — И я собираюсь ею воспользоваться.

Ровен недовольно пошевелил усами.

— Ваша милость...

— Ровен, не начинай. Мы оба знаем, что всё уже началось. Просто теперь это можно назвать правильным словом.

— Войной?

— Войной.

Кай почувствовал, как внутри что-то холодно сжалось.

Слово прозвучало без торжественности.

Именно поэтому ему можно было верить.

Далмор остановился напротив него.

— Условия простые. Ты служишь мне как боевой маг. Не как самостоятельный герой из песен, не как мститель, который сам решает, кого казнить ночью, а как часть моего войска. Приказы выполняешь. О своих возможностях докладываешь честно. Никаких ритуалов на моих людях. Никаких опытов над пленными без моего прямого приказа. Никаких поднятых мертвецов в стенах замка без моего разрешения.

Броди хмыкнул.

— А если он всё-таки поднимет?

— Тогда ты первым об этом узнаешь, Дункан, потому что будешь отвечать за то, чтобы наш маг не превратил двор в кладбищенский плац.

— Польщён доверием.

— Не расслабляйся. Это не доверие, это служба.

Далмор снова посмотрел на Кая.

— Если твоя магия сохранит жизни моих людей, я буду благодарен. Если поможет остановить Торна, я заплачу. Если ты решишь, что война даёт тебе право делать всё, что вздумается, я первым прикажу тебя повесить. Без костра, без проповеди, без красивых слов о свете. Просто на ближайшей балке. Это понятно?

Кай кивнул.

— Да, ваша милость.

— Хорошо. Жалованье обычного новобранца — двадцать пять серебряков в месяц, питание и частичное обмундирование. Магов у меня прежде не было, так что цену назначу сам. Три золотых в месяц. Питание. Комната в замке. Премия за участие в бою, если твой вклад будет замечен. Материалы — по запросу. Если запрос покажется мне опасным, сначала объяснишь зачем.

— Меня устраивает.

— Прекрасно. Значит, теперь ты на службе.

Кай склонил голову.

— Благодарю, ваша милость.

— Благодарю делом.

— Так и сделаю.

Далмор повернулся к Броди.

— Дункан, устрой его пока в гостевом крыле. В казарму не надо.

Далмор взял со стола другой лист и протянул Ровену.

— Запиши Кая на содержание. И отправь кого-нибудь в библиотеку, пусть откроют малый зал.

Ровен поднял глаза.

— В библиотеку?

— Он маг. Маги любят книги. Пусть лучше читает, чем скучает.

Кай не удержался:

— У вас есть библиотека?

Далмор посмотрел на него почти с насмешкой.

— Есть. Не имперская, конечно, но для пограничного замка сойдёт.

— Простите. Я не хотел...

— Хотел. Просто не успел придумать вежливую форму.

Кай промолчал.

Барон махнул рукой.

— Иди. Отдохни. Завтра поговорим подробнее о том, как именно некромант может быть полезен армии и при этом не превратить эту армию в повод для песен инквизиции.

Кай поклонился.

Не слишком низко. Он не был придворным.

Но достаточно уважительно.

— Как прикажете, ваша милость.

Когда они вышли из зала, сержант некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Ну что, маг. Поздравляю с зачислением в войско.

Кай посмотрел на него.

— Всегда при найме сразу предупреждают о виселице?

— В хорошей армии — да. Зато потом меньше недоразумений.

Броди повёл его по коридору.

— Пойдём, покажу комнату. А потом найдём кого-нибудь, кто приведёт тебя в порядок.

Несмотря на всё, что успело случиться за последние дни, комната Кая почти обрадовала.

Он не был особенно требователен к жилью. За годы учёбы у Аврелия ему доводилось спать на полу, на чердаке, в холодной кладовой, в сыром подвале и однажды — в пустом саркофаге, потому что учитель счёл это полезным упражнением для характера. Поэтому чистая светлая комната с настоящей кроватью показалась почти неприличной роскошью.

Кровать была огромной. Не просто большой, а такой, на которой можно было лечь попереёк и всё равно не свесить ноги. На столе стоял кувшин с водой, рядом лежали чистые полотенца. У окна — простой стул, у стены — небольшой сундук. Никаких гобеленов, ковров и прочей барской показной пышности.

Кай опустил сумку на сундук и несколько мгновений просто стоял посреди комнаты.

Безопасность.

Слово было странным. Непривычным. Почти подозрительным.

Внизу шумел замок: где-то отдавали приказы, стучали сапоги, скрипели телеги, перекликались солдаты. Война ещё не началась по-настоящему, но уже дышала в стены. И всё же здесь, за закрытой дверью, Кай впервые за много дней мог не держаться за нож, не проверять каждую тень и не ждать, что сейчас в окно ударит арбалетный болт.

Он сел на край кровати.

Матрас мягко просел под ним.

— Вот это уже колдовство, — пробормотал Кай.

Но лечь он не успел.

Дверь тихо скрипнула, и на пороге появился молодой слуга лет пятнадцати, рыжеватый, худой и очень старательно делающий вид, что он степенный и не торопливый.

— Господин маг?

Кай посмотрел на него.

— Да

— Его милость велел передать: если вы захотите посмотреть библиотеку, малый зал уже открыт.

Кай замер.

— Сейчас?

— Да, господин.

Усталость на мгновение отступила.

Комната была хороша. Кровать — великолепна. Но библиотека была библиотекой.

— Веди.

Малый зал оказался не таким уж малым.

Когда слуга открыл дверь, Кай невольно остановился на пороге. Вдоль стен стояло около десятка шкафов, забитых книгами, свитками и толстыми папками с кожаными завязками. На длинном столе лежали карты, несколько раскрытых томов и подсвечник. В воздухе пахло пылью, старой кожей, воском и сухой бумагой.

Кай тихо выдохнул.

Он ожидал увидеть пару полок с родословными, молитвенниками, охотничьими записями и скучными законами о земельных спорах. Всё-таки Эйдан Далмор не выглядел книжником. Умным — да. Собранным — да. Но не человеком, который часами сидит среди фолиантов, забывая про еду и сон.

И всё же библиотека была настоящей.

Не великой, не древней, не магической, но настоящей.

Кай подошёл к ближайшему шкафу и провёл пальцами по корешкам.

История северных баронств. Трактаты о пограничных войнах. Записки путешественника о землях орков. Основы фортификации. Сборник законов времён Алариса Второго. Травники. Карты старых дорог. Несколько книг по естественным наукам. Даже пара сочинений о природе маны — не учебники для магов, конечно, скорее рассуждения образованных людей, которые видели магию со стороны и пытались объяснить её словами.

Заклинаний здесь почти наверняка не было.

Ритуалов — тем более.

Но Кай всё равно улыбнулся.

Аврелий всегда говорил, что маг должен полностью сосредоточиться на искусстве и отдавать ему всё свободное время. В этом была правда. Магия не терпела ленивых. Резерв нужно было развивать, формулы — оттачивать, волю — держать острой, как нож.

Но Кай никогда не соглашался с учителем до конца.

Слишком узкий взгляд делает мага сильным в одном и беспомощным во всём остальном. Великие заклинатели прошлого создавали новое не потому, что без конца повторяли старые формулы, а потому, что знали больше, чем требовала их школа. Они читали о телах и звёздах, о травах и ядах, о войнах, ремёслах, болезнях, устройстве государств и странностях человеческой души. Иногда новое заклинание рождалось не из другого заклинания, а из случайной мысли, найденной в книге, которую “настоящему магу” будто бы и читать не следовало.

Кай взял с полки книгу о старых дорогах Пограничья, раскрыл, пробежал глазами страницу и почти сразу нашёл пометку о тропах, которыми когда-то пользовались орочи торговцы до того, как очередная война сделала торговлю невозможной.

След к матери всё ещё был там, под всеми новыми бедами. Он никуда не исчез. Просто теперь дорога к нему стала длиннее.

Кай закрыл книгу и поставил обратно.

На мгновение ему вспомнилась другая библиотека. Та, которой он никогда не видел, но которую знал по рассказам матери.

Великая Имперская библиотека.

Велена говорила, что она размером едва ли не с замок. Может быть, преувеличивала — взрослые часто делают это, когда рассказывают детям о своём детстве. Но в её голосе всегда появлялось особое тепло, когда она вспоминала бесконечные залы, высокие окна, лестницы, запах пергамента и старых чернил.

Однажды, ещё девочкой, она заблудилась там между шкафами и заснула прямо под столом в зале летописей. Нашли её только к вечеру. Бабушка тогда наказала её — строго, как положено, — но потом всё равно принесла тёплое молоко и долго сидела рядом, пока Велена делала вид, что уже не плачет.

Кай почти видел эту сцену.

Маленькая Велена. Сердитая бабушка. Огромная библиотека. Семья, у которой были дом, имя, прошлое и место в мире.

Потом всё это исчезло.

Империя.

Бегство.

Деревня у озера.

Орки.

Пепел.

Кай медленно опустился на стул у стола.

Ему дали комнату. Жалованье. Работу. Доступ к книгам. Для молодого мага без рода и поручителей это было больше, чем можно было ожидать.

Но радости почему-то не было.

Мама.

Бабушка, которую он никогда не знал.

Отец, от которого осталась только пустота вместо ответа.

Даен и Салира, о судьбе которых он мог только гадать.

Кай провёл ладонью по лицу и закрыл глаза.

Без семьи трудно жить даже магу.

Особенно магу.

Потому что сила могла закрыть рану, поднять мёртвого коня, вышибить душу из тела оборотня и заставить людей говорить с тобой осторожнее.

Но она не могла вернуть тех, кого у тебя отняли.

Кай открыл глаза, придвинул к себе книгу о старых дорогах и снова раскрыл её на нужной странице.

Новая работа.

Новая война.

Старый след.

Он не знал, что из этого приведёт его к матери, а что — к собственной смерти.

Глава 6 Подготовка к битве

*Скверну нельзя победить чистыми руками. Но руки, запачканные ради Единого, всё равно остаются чище тех, кто примирился со скверной.
Из наставлений брата Дария*

Постоялый двор на западном тракте. Утро.

— Ты в этом уверен?

Брат Дарий произнёс это тихо, почти спокойно, и оттого молодой инквизитор перед ним побледнел сильнее.

— Да, ваше преподобие. Некромант нанялся к местному барону. К Эйдану Далмору. Теперь сидит в его замке и, судя по всему, безвылазно.

Дарий сжал кулаки.

Кулаки у него были немаленькие. Широкие, тяжёлые, с костяшками, похожими на обтёсанные камни. Молодой брат невольно посмотрел на них и тут же опустил глаза.

Дарий это заметил.

Словно сама судьба решила над ним посмеяться. После разорения вампирского гнезда он гнал отряд почти без отдыха. Люди валились с ног, кони хрипели, даже Гельвеций несколько раз предлагал сбавить ход, но Дарий не слушал. Артефакт обнаружения нежити снова и снова показывал направление, и они шли по следу, уверенные, что некромант где-то впереди: раненый, усталый, одинокий, почти у них в руках.

А теперь выяснялось, что можно было не рвать поводья и не загонять людей до полу-смерти.

Мальчишка сидел в замке.

Под защитой барона.

Словно крыса, успевшая юркнуть в чужой погреб перед самым ударом сапога.

— Рассказывай, — сказал Дарий.

Инквизитор сглотнул.

— Я явился к Далмору как посланник святой инквизиции. Сообщил, что в его замке укрывается опасный тёмный маг, разыскиваемый церковью. Потребовал выдать его добровольно. Сначала вежливо.

— Потом?

— Потом жёстче. Я говорил об ответственности перед Единым, о долге перед Империей, о карах за укрывательство скверны. Предлагал вознаграждение. Намекал, что церковь умеет помнить как добрые услуги, так и оскорбления.

— И что Далмор?

Молодой брат поморщился, будто повторять ответ барона было неприятнее, чем получить удар.

— Улыбался, ваше преподобие.

Дарий медленно поднял взгляд.

— Улыбался.

— Да.

— На требование святой инквизиции.

— Да, ваше преподобие.

— И что сказал?

— Сказал, что своих людей не продаёт. Дословно: “Маг теперь мой человек. Хотите получить его — поститесь, молитесь и ждите чуда. Может, через полгода Единый сжалится и сам вынесет вам его за ворота”.

Дарий молчал.

Инквизитор поспешно продолжил, решив, что начальник раздумывает, не наказать ли его за плохие вести.

— Я перепробовал всё. Угрозы, подкуп, обещания, предупреждения. Барон только ухмылялся. Потом начал расспрашивать меня о Грейвене Торне. О численности войск, о том, сколько легионов Империя пошлёт ему на помощь, кто командует, когда они подойдут. Даже намекнул, что щедро заплатит за сведения.

Дарий прищурился.

— А ты что?

— Я отказался, разумеется. Я ведь не знаю таких сведений. Наше дело — изловить проклятого некроманта, а не впутываться в военные разговоры между местными владельцами.

Дарий закрыл глаза.

На мгновение в комнате стало совсем тихо. За стеной кто-то кашлянул, внизу скрипнула дверь, с улицы донёсся крик возчика. Обычные звуки постоянного двора, где люди ещё не понимали, что через несколько дней весь этот край может захлебнуться кровью.

— Брат Марцелл, — сказал Дарий.

— Да, ваше преподобие?

— Ты кретин.

Марцелл вздрогнул.

— Ваше преподобие?

— Мало того что упустил возможность дать врагу ложные сведения, так ещё и шанс заработать упустил.

А главное — шанс заслужить хоть крупицу расположения Далмора. Он сам открыл тебе дверь для разговора, а ты встал на пороге и начал читать проповедь.

— Но я не мог...

— Мог, — перебил Дарий. — Ты мог сказать, что легионы задерживаются. Мог сказать, что командование спорит. Мог назвать неверное число. Мог взять деньги и за эти же деньги купить нам людей в его замке. Мог хотя бы понять, чего именно он боится. Вместо этого ты вернулся с пустыми руками и гордостью человека, который не испачкался политикой.

Марцелл опустил голову.

— Простите, ваше преподобие.

— Прошу, если доживёшь до конца недели.

Дарий отвернулся к окну.

За мутным стеклом виднелся двор постоянного двора: лошади, телеги, двое братьев у колодца, мальчишка-конюх с ведром. Снаружи всё выглядело спокойно. Но спокойствие в Пограничье теперь было тонким, как лёд перед весной.

Дарий ненавидел тонкий лёд.

— Передай людям, — сказал он. — Пусть собираются. Скоро выступаем.

Марцелл поднял голову. Вопрос ясно читался на его лице, но задать его он не решился.

Дарий посмотрел на него и, помолчав, всё же пояснил:

— Некромант в замке Далмора. Замок мы штурмовать не можем. У нас отряд ищущих, а не армия. Если бы с нами были паладины, можно было бы думать иначе. И то для крепости понадобились бы сотни людей, а лучше тысячи. Далмор не дурак. Стены у него крепкие, люди готовятся к войне, а маг теперь под его защитой.

— Тогда мы отступаем?

Дарий резко повернулся.

— Мы не отступаем.

Марцелл снова побледнел.

— Мы присоединимся к Грейвену Торну, — сказал Дарий. — Война вот-вот начнётся. В открытом поле, среди криков, дыма и крови, некроманта будет легче достать, чем за каменными стенами. Особенно если дождаться, пока он истратит ману.

— Вы думаете, он выйдет на поле?

— Если Далмор нанял его, значит, не для того, чтобы тот читал книги у камина.

Дарий подошёл к столу, на котором лежала дорожная карта. Провёл пальцем от западного городка к замку Далмора, потом дальше, к землям Торна.

— В бою у мага много врагов. Стрелы. Копья. Испуг собственных союзников. Усталость. Ошибка. А если он некромант, то ещё и самоуверенность. Такие слишком быстро привыкают думать, что смерть служит им.

— А она не служит? — осторожно спросил Марцелл.

Дарий усмехнулся.

— Смерть никому не служит. Она просто иногда позволяет глупцам подержать поводья. Он выпрямился.

— Передай Гельвецию: пусть проверит людей, оружие и артефакты. Потерь больше быть не должно. Мы уже потеряли достаточно времени из-за вампирского гнезда.

Марцелл кивнул.

— Да, ваше преподобие.

— И ещё.

Инквизитор замер у двери.

— Далмор говорил что-нибудь о самом маге? Как выглядит? Чем занимается? Один он или под охраной?

— Сказал только, что маг под его защитой. Но слуга на кухне болтал, будто мальчишка молодой. Очень молодой. Тёмные волосы, бледный, худой. В замке его побаиваются. Ещё говорят, он уже поднимал скелетов для тренировок новобранцев.

Дарий тихо выругался и опять осенил себя знаком Единого.

— Значит, Далмор не просто укрыл скверну. Он уже начал ею пользоваться.

— Может, это только слухи.

— Слухи редко появляются из ничего. Иди.

Марцелл поклонился и вышел.

Дарий остался один.

Некоторое время он стоял у карты, глядя на маленькую отметку замка Далмора. Слишком близко. Некромант был слишком близко — и всё равно недосыгаем. Это раздражало сильнее, чем если бы тот ушёл на край света.

Ворваться в крепость он не мог.

Потребовать помощи у местных властей — бессмысленно. Далмор сам был властью.

Ждать приказов из столицы — глупо. Пока письмо дойдёт до Эвендора и вернётся обратно, мальчишка успеет либо погибнуть, либо стать вдвое опаснее.

Оставался Грейвен Торн.

Дарий не любил этого барона. Не любил его земли, его людей, его грубую баронскую спесь и слухи, которые тянулись за домом Торнов уже много лет. Но сейчас Торн был полезен. А брат Дарий умел отличать скверну, которую нужно сжечь немедленно, от грязного инструмента, который ещё может пригодиться.

Главное — не забывать, что грязный инструмент после работы тоже лучше бросить в огонь.

Он посмотрел на свои руки.

В пылу сражения убить Кая будет проще.

Но потери будут.

Дарий не был настолько глуп, чтобы недооценивать некроманта. Мальчишка убил сына Грейвена Торна, ушёл от погони, добрался до Далмора и уже успел стать полезным местному барону. Значит, был не просто удачлив. Удача, как и милость Единого, редко приходит к тем, кто совсем ничего не умеет.

Лучше всего было бы дожидаться, пока Кай истратит ману. Пусть поднимает своих мертвецов, защищает людей Далмора, пугает солдат Торна. Пусть выдохнется. Пусть решит, что поле боя принадлежит ему.

А потом — удар.

Быстрый.

Чистый.

Окончательный.

Дарий повернулся к двери.

Он ещё не знал, что потери начнутся раньше, чем он рассчитывал.

Этой ночью троих его людей найдут мёртвыми в разных концах постоянного двора.

У всех троих будет перегрызено горло...

Замок барона Эйдана Далмора Утро

Кай стоял у края тренировочного двора и наблюдал, как новобранцы учатся не умирать.

Получалось у них пока не очень.

Шестеро парней с деревянными мечами окружили поднятого им скелета и делали вид, что понимают, как с ним обращаться. Скелет был простейший: без оружия, без сложных приказов, почти без собственной инициативы. Кай велел ему только защищаться, отступить, если его теснили, и не ломать людям кости, даже если те сами подставятся под удар.

Новобранцы всё равно боялись.

Они знали, что скелет не нападёт первым. Им это объяснили трижды. Броди объяснил словами, потом ещё раз другими словами, потом объяснил так, что двое после этого стали слушать особенно внимательно.

Но знание — одно, а нежить перед лицом — совсем другое.

Костяк стоял посреди двора, слегка наклонив череп, и терпеливо ждал. В пустых глазницах тлел зелёный огонёк. Деревянные клинки новобранцев дрожали, будто перед ними был не учебный противник, а сама смерть, которой кто-то временно выдал приказ не торопиться.

— Ну? — рявкнул Броди. — Долго вы вокруг него хоровод водить будете?

Один из парней сделал шаг вперёд, ударил сверху и тут же отскочил, когда скелет поднял предплечье, принимая удар на кость.

— Он двигается! — выпалил парень.

Броди медленно повернул к нему голову.

— Поздравляю. Ты заметил главное отличие учебного скелета от забора.

По двору прокатился сдержанный смешок.

— В настоящем бою, — продолжил сержант, — на вас пойдут не соломенные чучела. На вас пойдут люди Торна, наёмники, имперские легионеры, а если слухи не врут — ещё клирики, боевые маги и твари, которых эти маги притащат с собой. Элементаль не станет ждать, пока вы перестанете тарашиться. Огненный сожжёт, каменный раздавит, воздушный швырнёт вас о стену, как тряпку. Так что хватит глазеть на костяк. Сегодня он нужен, чтобы вы перестали бояться того, что выглядит страшно. Завтра перед вами может стоять человек с железом в руках, маг с заклинанием на языке или такая дрянь, которую и представить сложно.

Новобранец снова поднял меч.

— Господин сержант, а если он...

— Он не «если». Он делает то, что ему приказал наш маг. А приказано ему не убивать вас, хотя, глядя на некоторых, я начинаю сомневаться в мудрости этого распоряжения.

Кай чуть заметно усмехнулся.

Броди заметил.

— Маг, не скалься. Если твой костяк всё-таки оторвёт кому-нибудь голову, писать объяснение будешь ты.

— Он не оторвёт.

— Очень надеюсь. У нас с головами и так нехватка.

Новобранцы зашевелились смелее. Первый удар. Второй. Третий. Скелет отступал, подставляя руки, иногда уходил в сторону, заставляя их двигаться, а не просто рубить воздух. Один из парней слишком широко замахнулся, потерял равновесие и едва не упал. Скелет послушно замер, хотя мог бы легко сломать ему шею.

— Видели? — сказал Броди. — Вот поэтому широко махают только идиоты, пьяные и герои в песнях. Первые двое обычно умирают быстро. Третьих чаще всего выдумывают после.

Кай перевёл взгляд на другие группы.

Во дворе было шумно. Где-то тренировались копейщики. У стены лучники стреляли по соломенным щитам. Пара ветеранов учила крестьян держать строй и не толкать соседа плечом при первом же движении. Запах пота, мокрой земли, дерева и железа смешивался с едва заметным кладбищенским холодком от поднятых костяков.

И всё же это работало.

В первый день люди отшатывались даже от одного вида нежити. Некоторые осеняли себя знаком Единого, некоторые плевали через плечо, один парень вообще отказался подходить и получил от Броди такую речь, что сам попросил поставить его в первую очередь.

Теперь они боялись, но работали.

Кай не обманывал себя: до настоящих воинов им было далеко. Большинство из них ещё недавно держали в руках не мечи, а вилы, топоры, серпы, молотки, рыболовные сети. Но страх перед нежитью понемногу становился привычкой. А привычка на поле боя иногда спасает лучше храбрости.

— Неплохо, — произнёс рядом знакомый голос.

Кай обернулся.

Эйдан Далмор стоял у входа во двор. Без свиты, без показной торжественности, в простой тёмной одежде и с мечом на поясе. Только двое стражников держались поодаль, делая вид, что случайно оказались рядом.

— Ваша милость, — сказал Кай.

— Хорошо выходит.

— Эйдан кивнул на скелетов.

— Я не для проверки.

— Тогда зачем?

— Для разговора.

Кай отдал короткий мысленный приказ, и ближайший скелет замер, подняв руки перед собой. Второй, у которого тренировались копейщики, тоже застыл. Новобранцы переглянулись с таким облегчением, будто им объявили помилование.

Броди сразу это заметил.

— Расслабились? Зря. Маг отошёл, а я остался. Значит, стало только хуже.

Он махнул рукой двум ветеранам.

— Продолжайте без костяков.

Кай подошёл к барону.

Эйдан некоторое время молча наблюдал за двором.

— Они стали меньше бояться.

— Страх никуда не делся, — сказал Кай. — Просто они начали понимать, что могут действовать даже с ним.

— Для новобранцев это уже половина победы.

— А вторая?

— Не умереть в первой схватке.

Кай не нашёл, что ответить.

Эйдан повернулся и пошёл вдоль стены. Кай двинулся рядом.

— Вчера ко мне приезжал посланец от инквизиторов, — сказал барон.

Кай остановился не сразу.

Слова ударили холодно, но не неожиданно. Он знал, что белые плащи не исчезнут только потому, что он спрятался за чужими стенами.

— Что они хотели?

Эйдан посмотрел на него.

— Как думаешь?

— Меня.

— Верно.

Кай медленно кивнул.

— И что вы ответили?

— Что своих людей не продаю.

Он сказал это просто, без нажима. Не как красивую клятву и не как милость, за которую теперь требовалась благодарность. Как обычное правило хозяйства: стены держат, ворота закрываются, своих не выдают.

Кай почувствовал, что ему стало трудно дышать.

— Я ваш человек всего третий день.

— Достаточно.

— Вы могли избежать неприятностей.

— Я уже в неприятностях, Кай. Ты лишь сделал их честнее.

Барон снова пошёл вперёд.

— Посланец был настойчив. Угрожал карами, обещал милость церкви, говорил о долге перед Единым. Потом начал намекать на вознаграждение. Видимо, решил, что если меня нельзя напугать, то можно купить.

— И?

Эйдан усмехнулся.

— Я сказал ему : “Маг теперь мой человек. Хотите получить его — поститесь, молитесь и ждите чуда. Может, через полгода Единый сжалится и сам вынесет вам его за ворота”.

Кай посмотрел на барона.

— И он ушёл?

— Не сразу.

— Спасибо.

— Не надо.

— Надо.

Эйдан остановился у каменной ограды двора.

— Я сказал тебе это не для благодарности. И не для того, чтобы ты почувствовал себя обязанным. Так я поступил бы с любым человеком, которого принял на службу. Если барон начинает продавать своих людей первому, кто пришёл с угрозами и красивыми словами, он уже не барон, а приказчик при чужой лавке.

Кай молчал.

Эйдан посмотрел на тренировочный двор. Новобранцы теперь били деревянные столбы с таким усердием, будто те лично оскорбили их семьи.

— Но ты должен понимать другое. Инквизиторы не отступили. Они просто поняли, что здесь тебя не достать.

— Значит, попробуют в другом месте.

— Да.

— В бою.

— Скорее всего.

— Тогда запомни: если они не идиоты, то присоединятся к Торну. В открытом поле у них появится больше возможностей. Стрела, молитва, удар в спину, случайная суматоха. На войне легко спрятать убийство в общей свалке.

— Значит, мне надо держаться рядом с вашими людьми.

— Тебе надо делать то, что скажут. Иногда рядом с моими людьми. Иногда позади. Иногда там, где тебя меньше всего захотят видеть. Но да, одному тебе ходить нельзя. Ни в замке, ни тем более за стенами.

Кай усмехнулся без радости.

— Я становлюсь ценным грузом?

— Ты становишься редким инструментом, за который уже спорят несколько людей с очень разными представлениями о том, куда его лучше воткнуть.

— Обнадёживает.

Эйдан развернулся к нему.

— С этим разобрались. Теперь другое. Утром прибыли ещё пять баронов. Те, кто решил вступить в союз.

— Остальные?

— Выжидают.

— Из трусости?

— Кто из трусости. Кто из осторожности. Кто из глупости. Кто потому, что надеется выбрать победителя в последний момент и потом сказать, что всегда был на его стороне.

— Таких много?

— Достаточно...

Кай хмыкнул, но быстро стал серьёзным.

— И вы думаете, союзников хватит?

Эйдан не ответил сразу.

Они вышли из тренировочного двора в прохладный коридор. Шум оружия остался за спиной, стал глухим и далёким.

— Если бы все бароны Пограничья выступили вместе, — сказал он наконец, — у нас был бы шанс хороший. Не лёгкий, но хороший. Сейчас шансы хуже. Нам придётся ударить быстро, пока Торн не собрал всё, что ему пообещала Империя.

— А если он уже собрал?

— Тогда будет плохо.

Кай кивнул.

— Куда мы идём?

— На совет.

— Бароны не будут мне рады...

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что половина слухов всё равно уже дошла до них. Лучше пусть увидят тебя за моим столом, чем начнут шептаться по углам, будто я держу в подвале безумного колдуна и кормлю его младенцами.

Кай помолчал.

— Там будут люди, которые привыкли считать себя хозяевами всего, до чего дотягивается их рука. Некоторые умны. Некоторые храбры. Некоторые богаты. Некоторые просто родились вовремя в нужной постели. Но все они опасны, потому что каждый приведёт с собой людей на

войну. Мне нужно, чтобы они приняли тебя как часть нашего оружия, а не как повод спорить со мной до ночи.

— Что мне делать?

— Отвечать коротко. Не оправдываться. Не пугать их больше необходимого. И не пытаться понравиться.

— Последнее будет нетрудно.

Они остановились у высокой двери, за которой уже слышались голоса.

Эйдан положил руку на створку, но не сразу открыл.

— И ещё, Кай.

— Да?

— Если кто-то назовёт тебя скверной, чудовищем или ошибкой природы, не убивай его. Дверь открылась.

В комнате стало тише не сразу.

За длинным столом, на котором была разложена большая карта Пограничья, сидели пятеро баронов. При каждом — один или два доверенных человека: советники, капитаны, писари, кто-то из родичей. У стены стояли двое магов. Один — высокий, сухой, с рыжеватой бородой и ожоговыми пятнами на пальцах. Второй — темноволосый, узкий в плечах, бледный, почти болезненного вида, но с такими спокойными глазами, что Кай сразу понял: этот человек либо очень храбр, либо привык иметь дело с вещами, от которых обычные люди теряют сон.

Разговоры стихли, когда Эйдан вошёл.

Потом стихли окончательно, когда следом за ним вошёл Кай.

Кай почувствовал на себе взгляды.

Не просто любопытные. Оценивающие. Настороженные. У некоторых — откровенно неприязненные.

Эйдан сел во главе стола.

Каю он указал место слева от себя. По правую руку от барона уже сидел Ровен — сухой, седоусый, с пером в руке и таким видом, будто он заранее не доверял ни одному человеку и всех подозревал в заговоре.

Броди остался у стены, чуть позади Кая. Сержант не выглядел участником совета, но и простой стражей не казался. Скорее человеком, который должен был вовремя понять, когда политика закончилась и началась драка.

— Господа, — сказал Эйдан. — Рад видеть тех, кто всё-таки решил приехать лично, а не прислать письмо с осторожными словами и трусливыми обещаниями.

Один из баронов, полный мужчина с круглым лицом и тонкими усами, недовольно пошевелился.

— Некоторые предпочитают осторожность глупой спешке.

— Осторожность хороша, когда дом ещё не горит, барон Вейр, — ответил Эйдан. — Когда огонь уже у порога, осторожный человек хотя бы берёт ведро.

За столом кто-то тихо хмыкнул.

Вейр промолчал.

— Не буду ходить вокруг да около, — продолжил Эйдан. — Ситуация хуже, чем нам хотелось бы, и лучше она не станет. Грейвен Торн сжёг Озёрную под предлогом борьбы со скверной. Вместе с ним были люди святой инквизиции. После этого к нему начали прибывать имперские части. Сколько именно придёт в итоге — неизвестно. Но уже сейчас разведчики подтверждают: у Торна стоят не только его люди и наёмники, но и имперские легионеры.

На карте перед ним были расставлены деревянные фишки. Чёрные — земли Торна. Серые — спорные дороги и переправы. Белые — силы союзников. Красные — имперские отряды.

Красных становилось слишком много.

— По последним сведениям, — сказал Эйдан, — к Торну уже подошли десять легионов. Это примерно тридцать пять тысяч солдат, если считать полные части. Не считая обозов, лекарей, писарей, кузнецов и прочих, кто сам по себе мечом не машет, но без кого армия долго не живёт.

За столом стало ещё тише.

Даже те, кто пытался сохранять вид скупающего владельца, перестали делать это убедительно.

— Десять легионов, — медленно произнёс старый барон с седыми волосами и жёстким лицом. — Император не посылает десять легионов ради местной ссоры.

— Вот именно, — сказал Эйдан. — Это уже не ссора между Торном и соседями. Это попытка поставить всё Пограничье на колени.

— Или навести порядок, — заметил Вейр.

Броди чуть повернул голову.

Эйдан посмотрел на Вейра спокойно.

— Если порядок начинается с сожжённой деревни, я предпочту беспорядок.

— Озёрная могла укрывать тёмного мага.

Несколько взглядов тут же переместились на Кая.

Эйдан не стал делать вид, что не заметил.

— Могла, — сказал он. — И укрывала. Потому что этот маг спас её от оборотня.

За столом прошёл шорох.

— Оборотня? — переспросил седой барон.

Рыжебородый маг у стены резко поднял голову.

— Вы уверены?

— Достаточно, чтобы говорить это здесь.

— Он его убил? — спросил другой барон, высокий и худой, с лицом человека, который привык считать деньги даже во время похорон.

Эйдан повернул голову к Каю.

— Да вот он.

Все взгляды снова собрались на Кае.

Кай сидел прямо и молчал.

— Мальчишка? — сказал Вейр.

— Маг, — поправил Эйдан.

— Какого рода маг? — спросил седой барон.

Кай почувствовал, что момент пришёл.

Можно было ждать, пока Эйдан ответит за него. Но это было бы хуже. Если эти люди собирались идти с ним на одну войну, лучше пусть услышат слово от него самого.

— Некромант, — сказал Кай.

Тишина стала почти осязаемой.

Кто-то из советников резко втянул воздух. Один из баронов откинулся на спинку стула. Рыжебородый маг выругался себе под нос. Второй маг, бледный и темноволосый, наоборот, едва заметно подался вперёд, будто услышал что-то интересное.

— Некромант, — повторил Вейр. — Великолепно. Мы собрались защищать Пограничье от Империи и церкви, а барон Далмор приводит к столу тёмного мага, которого ищет инквизиция.

— Именно поэтому он полезен, — сказал Эйдан.

— Полезен? — Вейр почти рассмеялся. — Вы всерьёз?

— Да.

— Вы предлагаете нам взять в армию человека, который поднимает мёртвых?

— Я предлагаю не быть идиотами, — спокойно ответил Эйдан. — Империя идёт на нас легионами, клириками и боевыми магами. Торн собирает наёмников и своих людей. Инквизиция уже здесь. Если у нас есть маг, способный поставить между нашими солдатами и вражеским строем полсотни костяков, я предпочту поставить костяков, а не ваших сыновей.

Вейр сжал губы.

Седой барон посмотрел на Кая внимательнее.

— Полсотни?

— Примерно, — ответил Кай. — Если речь о простых скелетах и простых приказах. Больше — с подготовкой.

— А если они выйдут из-под контроля?

— Тогда я постараюсь умереть первым, — сказал Кай. — Потому что они будут ближе всего ко мне.

Броди негромко хмыкнул.

Эйдан бросил на него короткий взгляд, но не одёрнул.

— Ты убил оборотня? — спросил седой барон.

Кай помедлил.

— Да.

— Как?

— Не мечом.

— Я это понял.

Кай посмотрел на него.

— Я ударил по связи души с телом.

Рыжебородый маг тихо сказал:

— Невозможно.

Бледный маг рядом с ним ответил:

— Возможно. Но редко. И дорого.

Кай перевёл взгляд на него.

Тот смотрел без страха. С интересом.

— Талион Мар, — представился он. — Маг крови.

Вейр поморщился.

— Ещё лучше.

Талион даже не повернул головы.

— Барон Вейр, если сегодня за этим столом начнут презирать всех, чья магия пахнет хуже розовой воды, к вечеру у вас останется только пиромант. И то, пока он не подожжёт занавеску.

Рыжебородый маг нахмурился.

— Я ничего не поджигаю случайно.

— Конечно, Орвин. Ты всё делаешь из принципа.

Несколько человек тихо усмехнулись. Напряжение чуть ослабло, но не ушло.

Эйдан положил ладонь на карту.

— Хватит. Кай здесь, потому что я поручился за него. Если кто-то хочет спорить со мной об этом — спорьте сейчас. Только быстро. У нас мало времени.

Старый седой барон некоторое время молчал, потом сказал:

— Я не люблю некромантов.

— Я тоже много кого не люблю, — ответил Эйдан.

— Но если мальчишка действительно убил оборотня, он может быть полезен.

— Именно.

— Если он сорвётся...

— Я сам прикажу его повесить.

Кай не шелохнулся.

Он уже слышал это раньше.

Вейр усмехнулся.

— Успокаивающе.

— Я не успокаиваю вас, — сказал Эйдан. — Я говорю порядок действий.

Седой барон кивнул.

— Тогда продолжайте.

Эйдан снова вернулся к карте.

— Теперь о наших силах. У меня пятнадцать тысяч человек. Из них настоящих воинов — около пяти тысяч. Остальные — ополчение, охотники, городские, крестьяне, новобранцы. Их учат, но чудес ждать не стоит.

— У меня семь тысяч, — сказал седой барон. — Три тысячи обученных. Остальные держали оружие хотя бы не впервые.

— Пять тысяч, — произнёс худой барон. — Но с конницей плохо.

— Девять, — сказал Вейр. — Если считать гарнизоны, которые я готов снять с южных укреплений.

— Шесть, — добавил ещё один, молчавший до этого. — И сорок тяжёлых всадников.

Цифры ложились на карту вместе с новыми белыми фишками.

Кай слушал и пытался складывать в уме.

Силы союзников выглядели внушительно, пока их не сравнивали с Империей. Против одного Грейвена Торна этого хватило бы. Против Торна, десяти легионов, инквизиторов, клириков и будущих подкреплений — уже нет.

— Всего около сорока двух тысяч, — подвёл итог Ровен, сидевший ближе к краю стола и записывавший цифры. — Если все приведут обещанное и никто не передумает по дороге.

— Никто не передумает, — сказал седой барон.

Ровен поднял на него глаза.

— Я слишком стар, чтобы верить словам до прибытия обозов.

— Разумно, — сказал Эйдан. — Но считать будем от этих чисел. Теперь план.

Он взял длинную деревянную указку и провёл по карте к землям Торна.

— Если мы сядем по замкам и будем ждать, Империя приведёт ещё легионы. Торн получит время, золото и уверенность. Через месяц нас будут брать по одному. Не обязательно штурмом. Где-то подкупят, где-то напугают, где-то найдут наследника, который готов продать отца ради печати на перстне.

— Значит, надо ударить первыми, — сказал Вейр.

— Не по замку, — ответил Эйдан.

— Почему?

— Потому что штурм крепости Торна при неизвестном числе имперцев — это хороший способ похоронить половину армии за один день. Нам нужно выманить его.

Седой барон наклонился над картой.

— Куда?

— К Гримфорду.

Кай нашёл город на карте. Небольшая отметка у дороги, ведущей к землям Торна. Рядом — река, несколько деревень, старый тракт и широкая равнина.

— Если мы соберёмся здесь, — продолжил Эйдан, — мы перекроем дорогу на юг и окажемся достаточно близко к его землям, чтобы он не смог делать вид, будто нас нет. Отсюда можно начать выводить людей из приграничных деревень. Не грабить, не жечь, а именно выводить. Давать крестьянам выбор: уйти под защиту союзников или остаться ждать, пока Торн и Империя превратят их дома в кормушку для армии.

— Это будет выглядеть как вторжение, — сказал худой барон.

— Это и будет вторжение.

— Тогда Торн получит повод.

Эйдан посмотрел на него.

— Он уже сжёт Озёрную. Поводы закончились. Остались действия.

Вейр постучал пальцами по столу.

— А если он не выйдет? Если запрётся в замке и будет ждать новые легионы?

— Тогда мы заберём людей, зерно, скот, всё, что сможем вывезти, — сказал Эйдан. —

Пусть кормит имперцев пустыми полями.

— Ты предлагаешь переселять его крестьян?

— Я предлагаю спасать людей и лишать Торна припасов.

— Красиво звучит.

Кай невольно посмотрел на Эйдана.

Тот говорил спокойно, но за спокойствием чувствовался расчёт. Не мягкость. Не благородная песня о защите слабых. Он действительно хотел спасти людей — но одновременно понимал, что каждый вывезенный мешок зерна и каждая уведённая корова ослабляют врага.

Прагматичное милосердие.

Странная вещь.

Но, возможно, именно такая и могла работать.

— Командовать кто будет? — спросил Вейр.

Вопрос повис над столом.

Вот тут Кай впервые увидел настоящую опасность. Не в легионах, не в некромантии, не в баронских спорах о числах. Пять владельцев, каждый привык командовать у себя дома. Пять гордых людей, каждый считает свои земли, своих воинов и своё мнение достаточно весомыми, чтобы не склоняться перед соседом.

Если сейчас они начнут спорить о главенстве, война может закончиться, не начавшись.

Седой барон посмотрел на Эйдана.

— Ты собрал нас. Твои разведчики дали большую часть сведений. Твой замок стал местом совета. И, похоже, ты единственный, кто уже начал готовиться до того, как стало слишком поздно.

Вейр недовольно поморщился, но промолчал.

— Я предлагаю Эйдана Далмора, — сказал седой барон. — Главнокомандующим союзного войска.

— Поддерживаю, — сказал худой.

— Поддерживаю, — добавил молчаливый барон.

Все посмотрели на Вейра.

Тот выдержал паузу, потом развёл руками.

— Я не настолько глуп, чтобы спорить ради самого спора. Поддерживаю.

Эйдан не улыбнулся.

— Тогда договорились. Я принимаю командование. Но сразу скажу: на поле боя не будет пяти маленьких армий. Будет одна. Приказы идут через общий штаб. Самовольные атаки, отдельные переговоры с Торном, попытки вывести свои части без предупреждения — будут считаться предательством.

— Жёстко, — сказал Вейр.

— Как есть.

После этих слов спорить никто не стал.

Эйдан повернулся к Ровену.

— Запиши решение. Сбор у Гримфорда. Срок — семь дней. Кто не успеет, догоняет по дороге. Обозы выводить заранее. Разведку усилить. Связь между отрядами — через гонцов и магов, если господа маги найдут общий язык.

Орвин, пиромант, фыркнул.

— Найдём.

Талион слабо улыбнулся.

— Если никто случайно не подожжёт послание..

Эйдан бросил на них короткий взгляд.

— Господа маги.

Оба замолчали.

— Благодарю.

Кай впервые подумал, что Эйдану приходится командовать не только солдатами, но и гордостью всех присутствующих. И второе, возможно, труднее.

Совет продолжался ещё долго.

Обсуждали дороги, припасы, переправы, обозы, порядок движения, сигналы, места для лагерей и то, сколько людей можно снять с каждого замка, чтобы не оставить тылы совсем голыми. Кай говорил мало. Отвечал, когда спрашивали. В основном слушал и запоминал.

На него всё ещё смотрели настороженно.

Но уже не как на случайную скверну у стола.

Скорее как на опасную часть плана.

Это было лучше.

Наверное.

Когда совет наконец закончился, бароны начали расходиться. Кто-то спешил к своим людям. Кто-то задержался у карты. Вейр, проходя мимо Кая, остановился.

— Некромант.

Кай поднял глаза.

— Барон.

— Если из-за тебя инквизиция приведёт сюда ещё больше белых плащей, я лично напомним Далмору, что обещание повесить тебя было разумным.

— Если инквизиция приведёт сюда ещё больше белых плащей, — ответил Кай, — у вас будут дела важнее, чем моя шея.

Вейр посмотрел на него долго.

Потом неожиданно усмехнулся.

— Может быть.

Он ушёл.

Талион подошёл следом. Вблизи он выглядел ещё бледнее, почти прозрачным, но глаза оставались живыми и внимательными.

— Кай, верно?

— Да.

— Я давно не встречал некромантов.

— Многие говорят это с облегчением.

— А я — с интересом.

Кай впервые за весь совет улыбнулся почти искренне.

— Маг крови?

— Да.

— Тогда нам, наверное, есть о чём поговорить.

— Больше, чем понравится баронам.

— Значит, надо говорить там, где они не услышат.

Талион улыбнулся уголком губ.

— Осторожнее. С такими словами ты начинаешь звучать как настоящий тёмный маг.

— День был долгий. Я устал притворяться приличным.

— Прекрасно. Тогда вечером найди меня у южной башни. Обсудим, как твоя магия дружит с моей.

Орвин, проходивший мимо, скривился.

— Вы оба отвратительны.

— Зато полезны, — сказал Талион.

— Это ещё предстоит доказать.

Пиромант ушёл.

Кай посмотрел ему вслед.

— Он всегда такой?

— Нет, — сказал Талион. — Иногда хуже.

Кай почти рассмеялся.

Почти.

Усталость, тревога и тяжесть предстоящей войны никуда не делись. Но впервые с момента, как он покинул Озёрную, рядом оказался человек, который смотрел на его дар не только со страхом и подозрением.

Это было странно.

И опасно приятно.

У двери его ждал Броди.

— Ну что, маг, выжил?

— Пока да.

— Хорошо. Значит, завтра продолжим пугать новобранцев твоими костяками.

Кай устало усмехнулся.

Совет закончился.

Война стала ближе.

Кай нашёл Талиона у южной башни уже после заката.

Замок к этому времени не затихал — наоборот, становился глуше и тревожнее. Днём в нём было слишком много голосов, команд, стука молотков, скрипа колёс и ругани возчиков. Ночью всё это не исчезало, а словно уходило глубже в камень. Где-то внизу звякало железо. В конюшнях фыркали лошади. На стенах переговаривались часовые. Из кузницы тянуло угольным дымом и горячим металлом.

Талион стоял у зубцов, положив ладони на холодный камень, и смотрел вниз, во внутренний двор. В темноте он казался ещё бледнее, чем на совете. Почти призраком, который по недоразумению не успел умереть.

Рядом с ним, прислонившись плечом к стене, стоял Орвин. Рыжеватая борода пироманта в свете ближайшего факела казалась темнее, а ожоговые пятна на пальцах — почти чёрными.

— Ты пришёл, — сказал Талион, не оборачиваясь.

— Не все приходят, когда их зовут маги крови.

— Некромантам тоже не слишком часто открывают двери с улыбкой.

Орвин фыркнул.

— Как трогательно. Сейчас вы оба начнёте жаловаться на жестокий мир?

Талион наконец повернулся к Каю.

— Орвин считает, что если человек не умеет поджечь стену взглядом, то он слишком много говорит.

— Я умею поджечь стену заклинанием, — сухо сказал пиромант. — Взглядом не пробовал. Но если ты продолжишь, могу научиться.

Кай невольно усмехнулся.

С Орвином всё было проще, чем с большинством людей за столом совета. Он не притворялся, что спокоен, не прятал неприязнь за вежливостью и не делал вид, будто некромантия — просто ещё один вид ремесла. Ему было неприятно. Он этого не скрывал. Но и не бегал за клириками с доносом.

В нынешние времена это уже можно было считать почти дружелюбием.

— Вы оба не из ковена, — сказал Кай.

Орвин прищурился.

— А ты наблюдательный.

— Я не видел вас на церемонии. И имён не слышал.

— Потому что ковены любят порядок, — ответил Талион. — Учителей, печати, старших, младших, правила, списки, разрешения. А мы с Орвином выросли не в башнях.

— Я вырос возле стекольной печи, — сказал Орвин. — Отец думал, что я буду делать бутылки. Потом я спалил сарай.

— Случайно? — спросил Кай.

— Первый раз — да.

Талион улыбнулся.

— Меня учил лекарь, который сам до конца не понимал, что именно во мне проснулось. Он умел останавливать кровотечения, вытягивать гной, шивать раны так, что шрам оставался тоньше нитки. А потом однажды я остановил кровь не снаружи, а внутри.

Орвин помрачнел.

Кай понял без объяснений.

— Кто-то умер?

— Да. Один человек. Плохой человек, если это что-то меняет.

Некоторое время они молчали. Внизу во дворе прошёл караул. Четверо солдат, копья на плечах, шаг неровный, усталый. Один зевнул так широко, что едва не уронил шлем. Старший ударил его кулаком в плечо, и строй чуть выровнялся.

Талион проводил их взглядом.

— Я не некромант, Кай. Не понимаю мёртвых так, как ты. Не слышу то, что, наверное, слышишь ты. Но я понимаю кое-что другое. Люди боятся не только мёртвых. Они боятся всего, что напоминает им: тело — это не храм, а мешок с тёплой жидкостью, который можно испортить одним правильным движением.

Кай посмотрел на него внимательнее.

Талион говорил спокойно, без жалобы. Но за спокойствием чувствовалась старая усталость, слишком привычная, чтобы быть показной.

— Водника любят, — продолжил он. — Особенно в засуху. Призвал элементалю, велел полить поля — и всё, крестьяне несут яйца, сыр, хлеб, благодарят, детей показывают. Пироманта уважают, если рядом война или волки. Он страшный, но понятный: огонь все знают. А маг крови... Даже когда я лечил людей, они смотрели на мои руки так, будто я держу нож у них под кожей.

— Ты действительно лечил?

— Много лет. Закрывал раны, чистил заражение, вытягивал яд, останавливал внутренние кровотечения. Иногда спасал тех, кого обычный лекарь уже мысленно укладывал в землю. А потом больной выздоравливал, его семья плакала от счастья, благодарила меня... и больше старалась не встречаться со мной взглядом.

Орвин тихо сказал:

— Потому что люди неблагодарные идиоты.

— Нет, — возразил Талион. — Потому что люди люди. Им хочется, чтобы спасение пахло ладаном, чистой водой и белыми повязками. А не кровью.

Кай отвёл взгляд.

Это было слишком близко.

Он вспомнил Озёрную, Даен, Салиру, мёртвого Эдрика под деревом, скелетов, копающих яму, и собственное облегчение после чужой праны, вошедшей в его тело. Вспомнил лошадь, которая больше не дышала, но ещё везла его по дороге.

— Некромантия тоже редко пахнет ладаном, — сказал он.

— Именно поэтому я и позвал тебя, — ответил Талион. — Не для жалоб. Для работы. Орвин оттолкнулся от стены.

— Слава всем богам, старым, новым и тем, которых ещё не успели выдумать. Я уже начал бояться, что вы будете обниматься.

— Завидуешь? — спросил Талион.

— Я просто не люблю мокрые сцены.

Талион снова посмотрел вниз, во двор.

— На совете ты сказал про скелетов. Сколько сейчас?

— Семьдесят семь.

Орвин резко повернул голову.

— Семьдесят семь?

— Да.

— На совете было полсотни.

— На совете я не хотел пугать баронов больше необходимого.

— Очень заботливо с твоей стороны, — буркнул пиромант.

Кай пожал плечами.

— Ещё недавно я мог поднять чуть больше десятка и после этого чувствовал себя пустым мешком. После боя с оборотнем резерв вырос. Тренировки тоже помогают. Чем чаще опустошаешь и наполняешь сосуд, тем шире он становится.

Талион задумчиво постучал пальцами по камню.

— Семьдесят семь костяков — это уже отряд. Не армия, но отряд.

— Проблема в том, что простые скелеты глупы, — сказал Кай. — Они держат строй, выполняют короткие приказы, могут давить числом, но хороший солдат быстро понимает, как с ними работать. Разбить колено, сбить с ног, сломать позвоночник, отойти, не дать окружить.

— А лучники? — спросил Орвин.

Кай посмотрел на него.

— Что?

— Лучники. Костяные. С луками. Солдаты с мечами полезны, пока дошли до врага. Те, кто стреляет, полезны раньше.

— Скелеты не умеют стрелять.

— Почему?

— Потому что...

Кай замолчал.

Ответ уже был готов — привычный, почти наставнический, голосом Аврелия: “Не бывает скелетов-лучников, магов, пекарей и трактирщиков”. Скелет — простая конструкция. Кость, мана, приказ. Он не помнит ремесла. Не думает. Не учится.

Но ведь мечи у них были.

Не настоящие мечи, конечно. Остаточная магия, оформленная в простую форму. Грубую, но достаточную, чтобы рубить. Лопаты тоже получались. Значит, дело было не в том, что скелету нельзя дать предмет. Дело было в сложности приказа и форме оружия.

Лук сложнее меча.

Но “сложнее” не значит “невозможно”.

Орвин заметил его молчание и довольно усмехнулся.

— Вот. Я тоже иногда бываю полезен.

— Не привыкай, — сказал Талион.

На следующий день Броди, услышав эту идею, сначала посмотрел на Кая так, будто тот предложил научить камень петь.

— Значит, костяки теперь ещё и стрелять будут?

— Возможно.

— А раньше ты не пробовал?

— Я считал, что это невозможно.

— Плохая причина не пробовать.

Кай хотел ответить резко, но удержался.

Плохая причина.

До раздражения простая фраза. И до раздражения правильная.

Он начал с одного скелета. Поднял его прямо на тренировочном дворе, под взглядами Броди, нескольких десятников и новобранцев, которые уже привыкли к мёртвым костям настолько, что хотя бы перестали вздрагивать при каждом хрусте.

Сначала Кай дал костяку меч. Потом заставил остаточную магию рассеяться и попытался придать ей другую форму.

Лук вышел кривым.

Потом слишком тонким.

Потом таким тяжёлым, что скелет не мог нормально поднять его.

На четвёртой попытке получилась дуга из серовато-белой кости, сухожилий там не было, но тетива всё равно появилась — не настоящая, а тугая нить остаточной маны, дрожащая в воздухе.

— Стрела? — спросил Броди.

— Сейчас.

Со стрелой оказалось хуже. Скелет мог создать её вместе с луком, но не бесконечно. Каждая стрела требовала отдельной крупницы магии, и после выстрела не возвращалась. Не исчезала сразу, но быстро теряла плотность, превращаясь в ломкую серую щепу.

Кай потратил почти час, прежде чем понял предел.

Около тридцати стрел на одного костяного лучника.

Потом нужно или подпитывать заново, или дать ему другое оружие.

Зато стреляли они сильно.

Не точно, если требовать от каждого самостоятельного выбора цели. Но если Кай задавал направление, расстояние и приказ стрелять залпом, результат становился совсем другим.

Первый залп ударил в старые щиты, выставленные у стены. Три стрелы пробили дерево насквозь. Одна застряла в железном ободе и, дрожа, рассыпалась серой пылью.

Новобранцы молчали.

Броди медленно почесал подбородок.

— Ну вот, — сказал он. — А ты говорил, невозможно.

Кай смотрел на костяного лучника и чувствовал странную смесь злости и восторга.

— Я ошибался.

— Запомни это чувство. На войне оно полезнее гордости.

Вечером у южной башни Кай рассказал об этом Талиону.

Маг крови слушал внимательно, не перебивая. Орвин тоже слушал, хотя делал вид, что ему скучно.

— Семьдесят семь скелетов, часть из них можно сделать лучниками с ограниченным боекомплектом, — подвёл итог Талион. — Это уже интереснее.

— Но всё равно мало, — сказал Кай. — Против легионов — мало.

— Против легионов всё мало, если считать только тела, — ответил Талион. — Нужно считать страх.

Орвин кивнул, хотя явно не хотел соглашаться.

— Страх ломает строй быстрее огня. Огонь просто помогает.

— Вот, — сказал Талион. — Поэтому я и хотел поговорить не о том, сколько человек мы сможем убить напрямую.

Кай понял, к чему он ведёт.

— Ты можешь убивать напрямую?

— Могу. Если враг близко. Если не защищён. Если я чувствую кровь и у меня есть время на плетение. Свернуть кровь в сердце. Разорвать сосуды в голове. Остановить кровоток в ногах. Заставить человека захлебнуться собственной жизнью. Двадцать. Тридцать. Может быть, больше, если они будут стоять кучно и никто не ударит меня раньше.

Орвин скривился.

— Каждый раз, когда ты объясняешь свои возможности, я понимаю, почему тебя не зовут на свадьбы.

— Но для войны это ерунда, — продолжил Талион, не обращая на него внимания. — Двадцать мёртвых — страшно в переулке. На поле, где сходятся тысячи, это просто неровность в строю.

Кай кивнул.

— Значит, нужно не убивать по одному.

— Нужно ломать волю. Видимость. Дыхание. Почву под ногами. Уверенность. Если люди идут в атаку и вдруг на них с неба падает кровавый дождь, пусть даже не смертельный, половина начнёт думать не о приказе, а о проклятии.

— Кровавый дождь? — переспросил Орвин.

— Тонкая распылённая кровь, поднятая и смешанная с влагой. Не настоящая буря. Скорее завеса.

— Мерзость.

— Да.

Орвин помолчал.

— Тогда мерзость можно обсудить.

Талион перевёл взгляд на Кая.

— Но у меня есть мысль лучше. Ты говорил барону о трупоголеме.

Кай напрягся.

— Говорил.

— Значит, умеешь?

— Теоретически. Я знаю принцип. Делал големов проще. Трупоголем требует материала, времени и очень точного удержания. Скелет — это кость. Зомби — плоть. Трупоголем — много мёртвой плоти, связанной в одно тело. Если ошибиться, он развалится. Если ошибиться сильнее — начнёт гнить быстрее, чем двигаться. Если совсем не повезёт — потянет лишнее из мага.

— Живых существ менять сложнее, — сказал Талион.

— Конечно. У живого есть собственная прана, воля тела, сопротивление. Даже кровь не просто жидкость. Она часть работающего круга. Вмешиваешься — и весь организм начинает бороться. Мёртвое не сопротивляется. Его нужно не убедить, а удержать.

— С кровью так же, — сказал Талион. — Живую кровь трудно заставить делать то, что ей противно. Она связана с телом. С сердцем. С дыханием. С пульсом. Мёртвая проще. Грубее, грязнее, но послушнее, я знаю одно заклинание....

Кай медленно повернулся к нему.

— Какое?

Талион улыбнулся, но улыбка вышла невесёлой.

— Осквернённой крови.

Орвин тихо выругался.

— Я знал, что вечер закончится чем-то мерзким.

— Объясни, — сказал Кай.

— Я могу изменить кровь в мёртвой плоти. Не оживить. Не вернуть ей течение по-настоящему. Но сделать так, чтобы она стала ядовитой, едкой, злой. Для живой кожи — ожог. Для открытой раны — заражение. Для дыхания — тошнота, слабость, страх, если испарения достаточно много. На отдельном зомби это почти игрушка. Его разрубят, кровь брызнет, пара человек получит ожоги, ещё один испугается. Неприятно, но не решает исход боя.

— А в трупоголеме, — сказал Кай.

— В трупоголеме крови много. Плоти много. Если его ранят, враг сам вскроет сосуд. Если его подожгут, пары станут хуже.

Кай молчал.

Идея была отвратительной.

И сильной.

В этом была главная проблема.

Он всё чаще замечал: самые мерзкие решения слишком часто оказывались самыми полезными. Скелеты вместо живых солдат. Мёртвый конь вместо пешего бегства. Трупоголем вместо десятков погибших новобранцев. Осквернённая кровь вместо честного удара мечом.

Где-то здесь должна была быть граница.

Но граница всё время отступала ровно на шаг — туда, где лежал следующий шанс выжить.

— На людях я это делать не буду, — сказал Кай.

Талион кивнул сразу, будто ждал этих слов.

— Я и не предлагаю. Для проверки хватит скота. Старого, больного, обречённого на убой. Эйдан даст разрешение, если поймёт пользу.

— Барон спросит цену.

— Скажем правду.

Орвин поднял брови.

— Всю?

— Достаточную, — сказал Талион.

Кай посмотрел на него.

— Это уже звучит как ложь.

— Нет.

Слова повисли между ними.

Кай хотел возразить, но не нашёл чем.

Талион не выглядел человеком, которому нравится произносить такие вещи. И от этого становилось хуже. Легче было бы спорить с чудовищем. Чудовище можно ненавидеть. А перед ним стоял уставший маг с бледным лицом, который много лет лечил людей и всё равно привык к косым взглядам.

— Сначала маленький опыт, — сказал Кай. — Один зомби. Одно животное для проверки воздействия. Без зрителей, кроме тех, кого назначит Эйдан.

— Согласен.

— Если эффект окажется нестабильным, дальше не идём.

— Согласен.

Орвин посмотрел то на одного, то на другого.

— А меня вы зачем позвали? Чтобы я стоял и радовался, что моя магия пахнет лучше?

— Нет, — сказал Кай. — Чтобы понять, насколько быстро это горит.

Орвин перестал усмехаться.

— Вот теперь разговор стал разумным.

Талион кивнул.

— Обычная мёртвая плоть горит плохо, если мокрая и свежая. Но осквернённая кровь может дать ядовитые пары.

Потом снизу донёлся удар колокола.

Один.

Поздний час.

Кай оттолкнулся от стены.

— Завтра поговорим с Эйданом.

— Завтра, — согласился Талион.

Орвин зевнул.

— И завтра же я потребую отдельное место для опытов. Подальше от конюшен, кухни и моих вещей.

— Боишься? — спросил Талион.

— Я разумен. Между этими словами есть разница, которую вы, любители крови и трупов, однажды, возможно, поймёте.

Он первым пошёл к лестнице.

Талион задержался.

— Кай.

— Да?

— Когда люди будут смотреть косо, не трать силы на то, чтобы убедить каждого. Иногда достаточно, чтобы они не мешали тебе делать работу.

Кай усмехнулся без веселья.

Талион ушёл следом за Орвином.

Кай остался у зубцов ещё на несколько мгновений. Ветер тянул снаружи запах мокрой земли и далёкого дыма. Где-то за темнотой лежали земли Торна. Где-то дальше — клан Кровавого Топора. Где-то между ними собирались легионы, белые плащи, клирики, маги и люди, которые ещё не знали, что скоро станут частью чужих расчётов.

Семьдесят семь скелетов.

Костяные лучники.

Трупоголем, которого ещё предстояло создать.

Осквернённая кровь.

Кай закрыл глаза.

Аврелий когда-то говорил, что магия сама по себе не бывает ни доброй, ни злой. Важно, кто держит её в руках и ради чего.

Тогда это звучало просто.

Теперь — слишком удобно.

Кай открыл глаза и посмотрел вниз, на огни замка.

Завтра он снова будет искать границу.

И снова, скорее всего, отодвинет её на шаг.

Утром Кай пришёл к Эйдану не один.

Слева от него стоял Талион — бледный, собранный и спокойный, как лекарь перед операцией. Справа — Орвин, недовольный уже тем, что его подняли раньше завтрака, и потому выглядевший человеком, который готов поджечь всё вокруг.

Эйдан выслушал их молча.

Ровен сидел у окна с доской для записей на коленях. Сначала его перо двигалось быстро, сухо поскрипывая по бумаге, но чем дольше говорил Кай, тем медленнее становились движения советника. Когда речь дошла до трупоголема, осквернённой крови и ядовитых испарений, Ровен перестал писать вовсе.

Дункан Броди стоял у стены, скрестив руки на груди. Сержант смотрел на Кая без особого ужаса, но с таким выражением, будто мысленно прикидывал, успеет ли, в случае чего зарубить молодого мага на месте.

Когда Кай закончил, в комнате некоторое время было тихо.

Эйдан откинулся на спинку кресла и посмотрел на него так, будто решал, сколько именно бед может поместиться в одном молодом человеке.

— Значит, — произнёс барон наконец, — ты предлагаешь мне разрешить создание ходячей кучи мёртвой плоти, внутри которой кровь будет ядом, кислотой и проклятием одновременно?

— В грубом пересказе — да, — сказал Кай.

— Хорошо, что ты не пошёл в дипломаты.

Орвин тихо хмыкнул.

Талион не улыбнулся. Он вообще за всё утро почти не менялся в лице.

Эйдан перевёл взгляд на него.

— А вы, мастер Талион, считаете эту идею осуществимой?

— Да.

— Опасной?

— Очень.

— Для кого?

— Для всех, кто окажется рядом и будет достаточно глуп, чтобы не учитывать ветер и направление движения твари.

— Прекрасно, — сказал Эйдан. — Люблю оружие, которое одинаково готово убить врага и собственного хозяина.

— Поэтому мы и пришли за разрешением, — сказал Кай. — А не стали делать это тайно.

— За это тебе отдельная благодарность. Небольшая, но искренняя.

Ровен снова опустил перо к бумаге.

— Милорд, прежде чем обсуждать пользу, стоит обсудить ограничения.

— Именно этим мы сейчас и займёмся, — сказал Эйдан.

Он поднялся из-за стола и прошёлся по комнате. Утренний свет ложился на карты, на стопки донесений, на деревянные фишки, обозначающие отряды, дороги, обозы и места будущих лагерей.

— Сначала простое, — сказал Эйдан. — Никаких опытов на людях.

Кай кивнул сразу.

— Я и не собирался.

— Ни на пленниках, ни на приговорённых, ни на добровольцах, если вдруг найдётся идиот, решивший, что послужить науке — это красиво.

— Понимаю.

— Нет, — сказал Эйдан, остановившись перед ним. — Пока не понимаешь. Ты думаешь о заклинании, о пользе, о том, сколько моих людей можно будет не положить под копыта легионеров. Это правильные мысли. Но очень опасные. Потому что от них всего один шаг до фразы: “один мерзавец всё равно должен умереть, зато мы спасём десяток хороших солдат”. А потом выяснится, что хороших солдат нужно спасать снова, мерзавцев не хватает, и кто-то начинает пересматривать значение слова “мерзавец”.

Кай промолчал.

Возразить было нечем. Не потому, что он уже готов был на такое. А потому, что барон слишком точно назвал дорогу, на которую лучше не ставить ногу даже ради проверки.

— Второе, — продолжил Эйдан. — Никаких тайных ритуалов в замке. Если понадобится место для опыта, его выберет Броди. Подальше от конюшен, кухни, колодцев, складов и всего, что мне дорого, полезно или трудно заменить.

— Я сразу сказал, что подальше от моих вещей, — буркнул Орвин.

— Ваши вещи, мастер Орвин, не входят в длинный список того, что трудно заменить.

Орвин хотел ответить, но Талион чуть повернул голову, и пиромант только фыркнул.

— Третье, — сказал Эйдан. — Проверка только на скоте, который всё равно должен идти под нож. Старом, больном или уже забитом. Ни одна здоровая рабочая лошадь, корова или свинья не пропадёт ради того, чтобы маги удовлетворили любопытство.

— Для первого опыта хватит туши свиньи, — сказал Кай. — Нужна кровь и плоть. Животное живым быть не должно.

— Радость-то какая, — сказал Броди от стены.

Кай бросил на него короткий взгляд.

— Я поднимаю мёртвую тушу не живую же.

— Я понял, маг. Просто слова у тебя всё равно такие, что завтрак обратно просится.

— Четвёртое, — продолжил Эйдан, не дав им сцепиться. — Если эта дрянь выйдет из-под контроля, ты уничтожишь её сам.

— Да.

— Если не сможешь?

Кай помедлил.

— Тогда Орвин сожжёт.

— Сожгу, — сказал пиромант. — С удовольствием.

— Если и это не поможет, — сказал Эйдан, — Броди сделает всё, чтобы эта ошибка не покинула место опыта. Даже если для этого придётся убить кого-то из вас.

В комнате снова стало тихо.

Броди не шевельнулся, но Кай понял: это не угроза для красоты речи. Сержант действительно сделает. Без ненависти, без наслаждения, без долгих слов. Просто потому что ему прикажут защитить замок.

Он вернулся к столу.

— Когда?

— Сегодня, — сказал Талион. — Если хотим успеть понять хоть что-то до выступления.

— Ровен.

Советник поднял глаза.

— Прикажу выделить пару зарезанных свиней с северного двора, вчера как раз мясники забили около сотни для консерв.

Опыт устроили за северной стеной, на старом выгоне, которым давно почти не пользовались. Когда-то там держали лишний скот перед осенним забоем, но сейчас земля пустовала: вытопанная, неровная, с редкой жухлой травой и низким каменным ограждением с одной стороны. Ветер тянул от замка к пустому склону, где не было ни домов, ни палаток, ни обозов. Орвин проверил направление трижды и всё равно остался недоволен.

— Ветер меняется, — сказал он.

— Всё меняется, — ответил Талион.

— Очень глубокая мысль. Когда я захохочу от вашей проклятой свиньи, напиши её на моём надгробии.

Кроме самих магов на выгоне были Эйдан, Ровен, Броди, двое лекарей, трое солдат с бочками песка и мокрыми войлоками, а также четверо лучников, которым приказали стоять далеко и не геройствовать. Ещё несколько новобранцев пытались смотреть из-за ограды, но Броди рывкнул так, что любопытство у них сразу стало заметно слабее страха перед сержантом.

Свинью привели живой.

Старая, тяжёлая, с провисшим брюхом и мутными глазами, она хрипло визжала, упиралась и явно не понимала, за что мир решил закончиться именно сегодня. Кай отвернулся.

Он знал, что животное всё равно собирались забить. Знал, что люди едят мясо, носят кожу, варят кости для клея и не видят в этом трагедии. Знал, что одна свинья — ничтожная цена за знание, которое может спасти десятки солдат.

Знал.

И всё равно, когда мясник быстрым движением перерезал ей горло, Кай сжал пальцы так, что ногти впились в ладони.

Кровь ударила в подставленное корыто. Свинья дёрнулась, захрипела, потом тяжело осела на бок.

Талион наблюдал без удовольствия. Орвин смотрел в сторону. Эйдан — на Кая.

Когда всё закончилось, мясник отступил.

— Теперь? — спросил Эйдан.

Кай кивнул.

Мёртвая туша лежала на земле, ещё тёплая.

— **Восстань.**

Слово вышло тихим, но земля под тушей словно дрогнула. Свинья дёрнулась. Передняя нога скребнула по грязи. Потом другая. Тело поднялось неуклюже, неправильно, с провисшей головой и пустыми глазами. Из перерезанного горла ещё стекала кровь, но уже медленнее, гуще.

Один из солдат выругался сквозь зубы.

Броди даже не повернул головы.

— Молчать.

Свинья стояла.

Мёртвая. Послушная. Отвратительная.

Кай поднялся.

Маг крови подошёл ближе. В руках у него был тонкий нож, он сделал им несколько пассов и зашептал заклинание .

Кровь, что теплом была
согрета, Стань ядом, гнилью, злым
ответом. Не жизнь теперь в тебе
течёт — А смерть, что плоть живую
жжёт.

Воздух изменился.

Не так, как при некромантии. Когда колдовал Кай, рядом будто холодело, и мир на миг вспоминал, что всё живое когда-нибудь станет неподвижным. Магия Талиона была другой. Тяжёлой, влажной, внутренней. Она не тянулась из земли и не поднималась из костей. Она словно просыпалась внутри самой крови.

Кровь в корыте потемнела.

Сначала просто стала гуще. Потом по ней прошёл зеленовато-чёрный отлив, будто на поверхности выступила плёнка масла. Запах железа усилился, смешался с кислым, резким, почти уксусным духом и чем-то сладковато-гнилым.

Один из лекарей прикрыл нос рукавом.

Талион открыл глаза.

— Держи тело ровно.

Кай усилил приказ.

Мёртвая свинья перестала покачиваться.

Талион провёл ладонью по воздуху

Кровь, стекавшая из горла, перестала быть просто кровью.

Она стала слишком тёмной.

Слишком густой.

Слишком живой для мёртвого тела.

— Готово, — сказал Талион.

Орвин скривился.

— Я бы выбрал другое слово.

— Кай, — сказал Эйдан. — Лучники.

Кай достал из мешочка несколько костных фрагментов. За последние дни это движение стало почти привычным. Кость между пальцами, короткий приказ, мана — в форму, воля — в узду.

— **Востаньте.**

На земле один за другим поднялись четыре скелета.

Не мечники. Лучники.

Они были чуть тоньше обычных костяков, словно сама конструкция вытянулась под другую задачу. В руках у каждого появился костяной лук — грубая белёсая дуга с дрожащей тетивой из остаточной маны. За спинами проступили колчаны, и в них серыми иглами лежали стрелы.

Броди смотрел на них с мрачным удовлетворением человека, который не любит ошибаться, но любит, когда его случайная мысль оказывается полезной.

— Сколько стрел? — спросил Эйдан.

— Около тридцати на каждого, — ответил Кай. — Потом нужно подпитывать или менять оружие.

— Точность?

— По одиночной цели плохая. По площади и залпом — приемлемая.

— Проверим.

Кай отдал мысленный приказ.

Скелеты синхронно подняли луки.

Четыре стрелы легли на тетивы.

Новобранцы за дальней оградой, которых Броди всё-таки не сумел разогнать до конца, замерли так тихо, что стало слышно, как где-то в траве стрекочет кузнечик.

— Стреляй.

Залп ударил почти одновременно.

Стрелы вошли в тушу с сухим неприятным стуком. Одна пробила бок, другая застряла в шее, третья распоролла плечо, четвёртая прошла навывлет.

Кровь брызнула.

Не как обычная кровь.

Тёмные капли ударили по земле, по щиту, по куску свежей кожи, натянутой на деревянную раму, и по овечьей туше, которую положили рядом для проверки.

Кожа зашипела.

Сначала тихо, почти неслышно. Потом сильнее.

На натянутой коже появились пузыри. Шерсть на овечьей туше почернела и свернулась, словно её лизнули невидимым пламенем. Мясо под брызгами стало сереть, расплзаться по краям, как от сильного едкого зелья. На деревянном щите остались тёмные пятна, вокруг которых дерево быстро чернело и трескалось.

Один из солдат шагнул назад.

— Единый милосердный...

— Молчать, — сказал Броди, но на этот раз не так резко.

Эйдан смотрел на щит.

Лицо его стало неподвижным.

— На живой коже? — спросил он.

— Будет еще хуже, — сказал Талион.

— Понятно, — оборвал Эйдан.

Кай тоже смотрел на пятна.

Вот она была. Польза.

Мерзкая, убедительная, не требующая красивых слов.

Несколько брызг — и плоть портилась. Строй, в который ворвётся трупоголем с такой кровью, не просто будет давиться массой мёртвого тела. Каждый удар по нему станет наказанием для тех, кто ударил.

— Второй залп? — спросил Броди.

Кай посмотрел на Эйдана.

Тот кивнул.

— Ещё один. Потом огонь.

Кай отдал приказ.

Скелеты снова подняли луки.

На этот раз он велел целиться не в корпус, а в уже пробитые места, чтобы раскрыть раны шире.

Стрелы ударили.

Тушу качнуло. Из разрывов выплеснулась густая чёрно-зелёная кровь, потекла по боку, закапала на землю. Там, где капли падали на траву, зелень быстро темнела, скукоживалась и ложилась, будто её прихватило морозом и кислотой одновременно.

Орвин больше не усмехался.

— Теперь я, — сказал он.

Пиромант поднял обе руки.

Он встал сбоку, так, чтобы ветер тянул от него к пустому склону. Пальцы его дрогнули, собирая жар. В отличие от Талиона Орвин колдовал заметно. Воздух вокруг его ладоней задрожал, как над раскалённой печью. Потом с пальцев сорвалась тонкая струя огня — не широкая, не яростная, а точная, почти аккуратная.

Пламя коснулось свиной туши.

Сначала оно взялось плохо. Лизнуло щетину, пробежало по боку, вспыхнуло в местах, где торчали костяные стрелы. Кай уже успел подумать, что ничего особенного не произойдёт.

Потом огонь добрался до крови.

Пламя изменилось.

Оно стало грязно-жёлтым, с зелёной кромкой, будто внутри него горело что-то неправильное. Из разрывов повалил дым.

Не обычный дым от горелой плоти.

Этот был тяжелее.

Он не поднимался сразу вверх, а стелился низко, плотными клубами, словно не хотел уходить к небу. Пополз по земле, перевалился через пятна выжженной травы, коснулся края старого щита — и кожа, натянутая на дерево, снова пошла пузырями, хотя пламя её не касалось.

Кай вдохнул совсем немного.

И тут же пожалел.

В горле словно провели ржавым ножом. Глаза защипало так, что он на миг ослеп. На языке появилась горькая металлическая кислота. Рядом закашлялся один из солдат. Второй согнулся пополам, зажимая рот рукой.

— Назад! — резко сказал Талион.

Броди среагировал первым.

— Все назад! Мокрые тряпки к лицу, идиоты!

Люди отступили.

Эйдан не побежал, но Ровен схватил его за рукав и почти силой потянул на несколько шагов назад.

Орвин выругался и вскинул руку. Пламя резко просело, будто его придавили сверху, потом вытянулось в узкую полосу. Горячий воздух ударил в сторону, толкая ядовитые пары к пустой стене и дальше, на склон.

Там, где дым прошёл над травой, зелень темнела и ложилась полосой.

Овечья туша, лежавшая ближе всех, покрылась серым налётом. Мясо на открытом разрезе потемнело. Один из лекарей, забыв о страхе, шагнул было ближе, но Броди поймал его за ворот и рывком оттащил назад.

— Жить надоело?

— Я только...

— Потом только.

Орвин продолжал держать огонь. Лицо его побледнело от напряжения, по виску стекла капля пота.

— Тушить? — прохрипел он.

Талион, прикрывая рот мокрой тканью, быстро посмотрел на дым, на землю, на тушу.

— Ещё несколько ударов сердца. Нужно понять, слабеет ли пар.

— Конечно, — сказал Орвин сквозь зубы. — Почему бы мне просто не постоять тут и не подышать этой красотой?

— Хватит, — сказал Эйдан.

Сказал негромко, но так, что спорить никто не стал.

Орвин резко сжал пальцы.

Пламя сбилось, уменьшилось, потом погасло. Солдаты тут же забросали тушу песком и мокрыми войлоками. Из-под них ещё некоторое время сочился дым, но уже тоньше. Тяжёлый запах всё равно висел над выгоном, лип к одежде, забивался в рот и нос.

Кай кашлянул.

Горло болело.

Талион стоял рядом, тоже бледный, но глаза его оставались внимательными.

— Теперь ясно, — сказал он.

— Что именно? — спросил Эйдан.

— Огонь не просто уничтожает осквернённую кровь. Сначала он раскрывает её. Делает пары сильнее.

— Значит, если враг подождёт трупоголема, — сказал Ровен, всё ещё хрипло, — он сам же и получит ядовитый дым?

— Если ветер будет в нашу сторону, получим мы, — сказал Орвин. — Не забывайте эту маленькую радость.

Эйдан посмотрел на обугленную, засыпанную песком тушу.

Потом на выжженную траву.

Потом на Кая.

— На поле боя это может сломать строй.

Он произнёс это без восторга. Скорее так, будто признал неприятный, но очевидный факт.

— Да, — сказал Кай.

Эйдан помолчал.

— Хорошо. Значит, так. Трупоголем — только по моему прямому приказу. Только если будет место, ветер и расстояние. Только там, где рядом нет наших частей. Никаких самостоятельных решений в духе “момент показался удачным”.

— Понял.

Орвин снял с лица мокрую ткань и сплюнул в сторону.

— Я требую, чтобы при создании этой мерзости меня предупреждали заранее.

Эйдан повернулся к Ровену.

— Записать выводы. Осквернённая кровь действует как едкое вещество при попадании на плоть, При горении даёт тяжёлые ядовитые пары.

Ровен писал быстро, но лицо у него было такое, будто каждое слово портило бумагу.

— И добавь, — сказал Эйдан, — что после опыта место засыпать землёй и песком. Никого сюда не пускать до вечера. Остатки сжечь полностью под контролем Орвина, когда ветер усилится к склону. Потом снова засыпать.

— Сделаю.

— Лекари осмотрят всех, кто кашлял.

— Да, милорд.

Эйдан снова посмотрел на Кая.

— Ты доволен?

Вопрос прозвучал просто, но Кай услышал в нём не только про опыт.

Он посмотрел на мёртвую свинью, почти скрытую под песком и мокрой тканью. На почерневшую траву. На старый щит с пузырящейся кожей. На солдата, который всё ещё кашлял, сидя на земле и прижимая мокрый рукав к лицу.

— Нет. Не доволен.

Эйдан кивнул.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Если бы ты радовался, я бы начал жалеть, что не выдал тебя инквизиторам.

Талион впервые за утро отвёл взгляд.

Кай не обиделся.

Возможно, потому что барон был прав.

После опыта люди расходились молча. Даже Орвин, обычно не упускавший возможности сказать что-нибудь едкое, некоторое время не говорил. Талион помог лекарям осмотреть солдата, надыхавшегося дымом, заставил того прополоскать рот слабым раствором уксуса и долго слушал дыхание, приложив пальцы к его горлу.

Кай стоял в стороне.

Скелеты-лучники ждали приказа. Четыре неподвижные фигуры с костяными луками в руках.

Он развоплотил их одним движением.

Кости осыпались серой пылью.

Броди подошёл ближе.

— Ну что, маг надеюсь в бою это пригодиться...

— Ты меня осуждаешь? — спросил Кай.

Броди помолчал.

— Я солдат. У меня с осуждением сложно. Я видел, как хорошие люди делают дурные вещи, потому что иначе плохие люди сделают вещи ещё хуже. Видел, как мерзавцы прикрываются необходимостью, хотя могли обойтись без половины своих зверств. Разница обычно не в самой грязи. Разница в том, помнит ли человек, что он испачкался.

Кай ничего не ответил.

— Ты пока помнишь, — сказал Броди. — Вот и держись за это. Крепче, чем за свои книжки.

Сержант ушёл, оставив Кая одного у почерневшего пятна земли.

К вечеру место опыта засыпали дважды. Остатки свиньи Орвин сжёг полностью, на этот раз издали и при хорошем ветре. Дым всё равно вышел тяжёлым, но уже не таким страшным. Солдаты, назначенные помогать, работали в мокрых повязках и потом ещё долго ругались, что запах въелся в волосы и одежду.

Ровен внёс результаты в отдельный лист и спрятал его не в общую папку, а в кожаную трубку с печатью Эйдана.

Талион позже нашёл Кая в малом зале библиотеки.

Кай сидел над старой книгой по осадным машинам, но не читал. Просто смотрел на схему требюше и думал о том, как легко всё живое превращается в расчёт, если рядом поставить достаточно большую войну.

— Солдат будет жить, — сказал Талион без приветствия.

Кай поднял глаза.

— Тот, что надыхался?

— Да. Горло обожжено, но не сильно. К утру будет ругаться почти обычным голосом.

— Хорошо.

Талион сел напротив.

Некоторое время они молчали.

— Ты сделал всё правильно, — сказал маг крови.

Кай усмехнулся.

— Это должно звучать утешительно?

— Нет....Но так было правильно...

— Сегодня мы подняли мёртвую свинью, испортили её кровь, расстреляли скелетами, а потом выяснили, что при сжигании она травит воздух.

— Да.

— И это “правильно”?

— Для войны — да.

Кай закрыл книгу.

— Ненавижу такие ответы.

— Я тоже.

Талион произнёс это спокойно, и именно поэтому Кай поверил.

— Когда я впервые остановил человеку кровь внутри тела, — сказал Талион, — меня потом долго тошнило. Не от крови. К крови я привык. От понимания, насколько это было легко.

— И тебе стало легче с годами?

— Нет. Просто я научился не ждать, что станет легче.

За стеклом темнел двор. Люди таскали бочки, чинили упряжь, проверяли ремни, ругались, смеялись, ели на ходу. Живые люди. Тёплые. Усталые. Недовольные. Испуганные. Не знающие, кто из них через несколько дней станет телом на поле.

И кто из этих тел потом Кай попросит отдать ему.

— Я не хочу делать голема из своих, — сказал он.

— Возьмём имперцев.

Кай закрыл глаза.

Это было разумно.

И отвратительно.

Как почти всё в последние дни.

Маг крови поднялся, но у двери остановился.

— Кай.

— Что?

— Сегодня, когда Эйдан спросил, доволен ли ты, ты ответил правильно.

Он ушёл.

Кай остался в библиотеке один.

На столе перед ним лежала книга об осадных машинах. Рядом — старый трактат о погребальных обычаях Пограничья, который он достал утром и так и не успел открыть. Где-то в этих

книгах могли быть знания о ритуалах, старых магических техниках, местах силы — или о том, что прежние поколения предпочли спрятать под землю и забыть.

Но сейчас Кай думал не о знаниях.

Он думал о свинье.

О траве, почерневшей от дыма.

О трупоголеме, которого ещё не было, но место для которого война уже готовила сама.

Он почти закрыл трактат, но взгляд случайно зацепился за короткую пометку на полях старой карты, вложенной между страницами.

“Гробница Арвена Сомра — проклятого некроманта. Запечатана паладинами Единого.”

Кай застыл.

Потом медленно вытащил карту целиком и разложил её поверх книги.

Чернила выцвели, края истёрлись, часть дороги была залита старым бурым пятном, но отметка всё ещё читалась. Гробница находилась не здесь. Не рядом. Примерно в неделю пути к северо-западу, среди старых холмов, где давно уже не было ни больших поселений, ни нормальных дорог.

Проклятый некромант.

Для обычного человека эти слова значили бы только одно: мёртвый колдун, которого когда-то пришлось запереть под землёй, чтобы он не тревожил живых. Для Кая — гораздо больше.

Аврелий говорил, что сильнейшие некроманты прошлого редко умирали просто так. Одни пытались привязать душу к родовой гробнице. Другие заключали её в камень, кость, клинок или иной сосуд. Третьи шли дальше всех — отказывались от живого тела, превращая себя в высшую нежить, в лича. Разумного, древнего, опасного. Не мертвеца, которого можно поднять приказом, а мага, сумевшего остаться собой после смерти.

И если Арвен Сомр действительно был могучим магом прошлого, если паладины Единого не уничтожили его, а именно запечатали гробницу...

Кай медленно провёл пальцем по выцветшей отметке.

Лич.

Не сказка о деревенском пугале, не страшилка для послушников, а настоящий некромант, сумевший вынести душу из тела и привязать её к филактерии. Высшая нежить. Разумная. Древняя. Опасная настолько, что паладины не смогли или не решились уничтожить её до конца — только заперли.

Кай почувствовал, как усталость отступает.

Если запись правдива, там могли быть знания, которых не было даже у Аврелия. Ответы о душе, смерти, связи праны и маны, о том, как создавать высшую нежить, как не платить за каждое сильное заклинание собственной жизнью.

И, возможно, о Жнеце.

Кай провёл пальцем по выцветшей отметке.

Неделя пути туда. Неделя обратно. Ещё время на поиски входа, печати, ловушки, охраняемые заклятия. Даже если всё сложится удачно, он вернётся слишком поздно.

Армия выступала к Гримфорду.

Война не стала бы ждать, пока молодой некромант сходит за древними тайнами.

Кай медленно свернул карту и спрятал её в карман.

— Не сейчас, — тихо сказал он.

Слова прозвучали почти как обещание.

Не сейчас.

Но позже — обязательно.

Замок Грейвена Торна. Неделю спустя.

Сказать, что Грейвен Торн был в ярости, значило не сказать ничего.

Он едва не перекинулся в волчью форму прямо при людях — настолько сильно зверь рвался наружу. Кости ныли, кожа казалась слишком тесной, зубы чесались от желания впиться кому-нибудь в горло. Пришлось сжать челюсти так, что хрустнули зубы, и несколько долгих мгновений просто стоять неподвижно, пока человеческий облик снова не стал похож на послушную оболочку, а не на тонкую тряпку, готовую лопнуть от первого движения.

Он уже жалел, что связался с императором.

Этот убудок дал ему обещанное войско. Легионы шли один за другим, занимали казармы, дворы, окрестные деревни, вставали лагерями вдоль дорог, требовали зерна, мяса, сена, кузнецов, лекарей, писцов, подвод и места. Они пришли под его знамёна — так это выглядело снаружи. Но вместе с ними император прислал своего командующего.

Своего человека.

Вот что бесило сильнее всего.

Торн не был дураком и понимал: этот ход Мария преследовал сразу несколько целей.

Во-первых, указать новоявленному правителю Пограничья его место. Напомнить, что он не союзник, не равный, не будущий владыка свободных земель, а всего лишь полезный слуга, которому позволили порычать у чужих ворот.

Металлический кубок, брошенный бароном, врезался в стену с такой силой, что высек искры и едва не сплюснулся.

Во-вторых, для людей Пограничья он теперь будет не удачливым военачальником, который с помощью Империи подчинил непокорные земли, а предателем, приведшим имперцев на свободную землю.

Кулак Грейвена обрушился на стол.

Дерево треснуло. По полу посыпались щепки, ножки подломились, и тяжёлый стол рухнул набок, увлекая за собой карты, блюда, подсвечник и раскрытую папку с донесениями.

За дверь кто-то замер.

Грейвен медленно повернул голову.

— Уйди, — прорычал он.

Шаги торопливо удалились.

Грейвен стоял посреди разорённой комнаты и дышал всё тяжелее.

Ничего.

Эти идиоты понятия не имели, кто он такой на самом деле. Скрывающий амулет, подаренный одним старым знакомым, надёжно прятал его сущность от чужих глаз, от простых чар, от большинства проверок и от любопытства тех, кто слишком привык доверять артефактам больше, чем собственному носу.

При воспоминании о благодетеле барон невольно вздрогнул.

Он не любил вспоминать эту встречу.

Не любил долг, который тогда возник.

Не любил чужие подарки, за которые однажды могли прийти.

Но амулет работал. И пока он работал, имперские маги видели перед собой вспыльчивого барона, жестокого, сильного, опасного, но всё же человека. Клирики могли сколько угодно морщиться от его характера, от грубых манер и старых слухов вокруг дома Торнов. Доказательств у них не было.

А без доказательств даже святоши не рискнули бы бросить ему вызов.

Грейвен оскалился.

Ночью всё станет проще.

Ночью он дождётся, когда имперский командующий останется без свиты или хотя бы без достаточной свиты. Перекинется. Быстро, тихо, без лишних следов. Разорвёт ему горло, вскрыет грудь, выпустит кишки на пол — так, чтобы ни один лекарь не смог потом важно рассуждать о человеческом оружии.

А утром можно будет сказать, что командующего убила тварь посланная некромантом. Мальчишка уже стал удобным объяснением для слишком многого. Тёмный маг, убийца Эдрика, беглец, которого укрывает Далмор. Если такая скверна могла убить сына Грейвена, то почему бы ей не добраться до имперского командующего?

Имперцы любят складные объяснения.

Клирики любят виноватых.

А Пограничье любит страшные истории.

Грейвен поднял с пола карту и некоторое время смотрел на земли Далмора. На дороги. На будущие места сбора. На отметки, оставленные имперским штабом чужой аккуратной рукой.

Слишком аккуратной.

Слишком уверенной.

Он медленно сжал карту в кулаке.

Империя пришла не помогать ему.

Империя пришла через него.

Что ж.

Пусть пока думают так.

Ночь всё исправит.

Ночь действительно могла многое исправить.

Но Грейвен Торн был не единственным хищником, который ждал темноты.

Брат Дарий поднялся с кровати осторожно, чтобы не разбудить дремавшую рядом девушку. Вечером она славно потрудилась, и нарушать её сон ему не хотелось. Не из милосердия, разумеется. Просто Дарий не любил лишнего шума, когда думал.

Он подошёл к столу, налил себе вина и поморщился. Кислятина. Впрочем, в этих землях почти всё было либо кислым, либо грязным, либо слишком уверенным в собственной значимости.

Станный он был, этот кровосос.

За последние дни тварь успела убить семерых его людей. В первую же ночь на постоялом дворе — троих, причём в разных концах постоялого двора, будто нарочно показывала: стены, засовы и часовые ничего не значат. Одного нашли в конюшне, лицом в соломе и с разорванным горлом. Второй лежал у задней двери кухни, почти без крови, но с таким выражением ужаса, словно перед смертью он увидел не просто клыки. Третьего обнаружили под самой лестницей, по которой весь вечер ходили люди, и никто ничего не слышал.

Потом были ещё четверо.

Не сразу. Не в одной стычке. Аккуратно, словно тварь пробовала, проверяла, выбирала время. Одного нашли у ручья. Второго — у дороги, куда он отошёл всего на несколько минут. Третьего утащили из-под самого лагеря, а утром оставили у дерева, почти обескровленного. Четвёртый просто исчез, и только бурые пятна на мху подсказали, что искать живого уже бессмысленно.

И вдруг нападения прекратились.

Словно кровосос удовлетворился местью и отправился восвояси.

Дарий не верил в такие подарки.

Он вообще не любил верить в случайности, кроме тех, которые можно было потом объяснить чужой глупостью. Но здесь объяснение ускользало. Хуже всего было то, что артефакт обнаружения почти не помогал. На других вампиров он действовал. На любую нежить действовал. Пусть с разной силой, пусть иногда с помехами, но действовал. А здесь — тишина. Словно вокруг них бродил не мертвец, а просто очень злой и очень умелый человек.

Дарий провёл большим пальцем по краю кубка.

— Прячься, — тихо сказал он. — Ну прячься.

Он не знал, что единственная причина прекращения нападений была куда проще.

Сангвин Моргимор не собирался охотиться на территории оборотней.

Не потому, что боялся Грейвена Торна. Страх тут был ни при чём. Ему не хотелось начинать межвидовой конфликт только потому, что ему хотелось быстрее отомстить кучке людейшек.

Месяцем раньше. Месяцем позже.

Для него время не значило почти ничего.

До того как убийцы его семьи пересекли земли Торна, он успел сделать главное: напоил одного из людей Дария своей кровью.

Человек не стал вампиром. Для этого ему сперва пришлось бы умереть, имея в себе кровь Сангвина, а затем подняться уже другим существом. Нет, он остался живым. Тёплым. Дышащим. Достаточно человеком, чтобы проклятые артефакты инквизиторов не видели в нём нежить.

И достаточно чужим, чтобы больше не принадлежать себе.

В этом и была польза слуги.

Сангвин мог видеть его глазами. Слышать его ушами. Чувствовать обрывки страха, боли, голода и усталости, если хотел опуститься до такой грубой близости. Обычно не хотел. Человеческие ощущения были слишком шумными и слишком липкими, но сейчас иногда приходилось терпеть.

Через слугу он узнал, что нападение на Моргиморов было случайностью.

Инквизиторы не шли за его родом. Не охотились на древний дом, не искали мести, не исполняли старое пророчество и не несли особого приказа. Они просто свернули по следу высшей нежити, как охотничьи псы, учуявшие кровь у дороги.

На самом деле они разыскивали некроманта.

Это было интересно.

Сангвин давно не слышал о пастырях мёртвых. Настоящих, не деревенских колдунах, которые умели шептать над костями и пугать деревенщин. Некроманты исчезали, вымирили, прятались, сгорали на кострах, уходили в такие щели мира, куда даже вампирам не хотелось заглядывать без нужды.

А теперь один из них оказался здесь.

Молодой, если верить разговорам инквизиторов. Неопытный. Но уже достаточно сильный, чтобы убить сына Грейвена Торна, уйти от преследования и устроиться под защитой Эйдана Далмора.

Сангвин не любил торопиться.

Сперва он узнает о некроманте больше.

Возможно, этот мальчишка сможет дать ему новые знания. Возможно, окажется полезным союзником. Возможно, просто станет инструментом, которым удобно вскрыть горло брату Дарию и всем его белым псам.

А что предложить взамен, Сангвин найдёт.

Хоть бы и голову самого инквизитора.

Замок Эйдана Далмора. То же время.

После памятного совета, где бароны обсуждали войну, дороги, обозы и то, как долго Пограничье сможет стоять против Империи, замок окончательно перестал походить на крепость мирного владельца.

Бароны разъехались собирать войска. Их люди забирали распоряжения, гонцы меняли лошадей, писцы пачкали пальцы чернилами, сержанты ругались на новобранцев, кузнецы работали так, будто собирались перековать весь мир до заката. В воздухе стоял гул подготовки: железо, дерево, кожа, голоса, шаги, скрип телег, ржание лошадей.

Маги остались.

Для более толкового взаимодействия, как выразился Ровен. Для того чтобы в первый же бой не спалить друг друга по глупости, как выразился Орвин. Для того чтобы понять, какую именно мерзость они способны сделать вместе, не произнося этого вслух, думал Кай.

Пиромант с ними почти не сочетался.

Орвин был полезен сам по себе: огонь, стены пламени, зажигательные снаряды, защита от вражеских элементарей и сжигание всего, что следовало сжечь быстро и наверняка. Но с некромантией Кая и магией крови Талиона его дар соединился плохо. Огонь слишком охотно уничтожал то, что Кай поднимал, и слишком легко портил тонкую работу Талиона.

Зато Кай и Талион нашли общий край.

Не общий путь. Это было бы слишком красиво сказано. Скорее место, где две опасные дороги шли рядом достаточно близко, чтобы путники могли переговариваться, не переходя на крик.

Первый опыт со свиной тушей доказал, что идея действенна. Кровь, испорченная магией Талиона и удержанная некромантией Кая, становилась едкой, ядовитой, злой. Она жгла живую плоть, портила кожу, чернила траву и при испарении давала тяжёлые удушливые пары. Эйдан остался доволен их взаимодействием.

На поле боя это могло спасти людей.

Кроме опытов, Кай продолжал тренировать скелетов.

Их теперь было около ста.

Ещё недавно он мог поднять чуть больше десятка и после этого чувствовал себя выжатым до последней капли. После боя с Эдриком Торном резерв вырос. Тренировки тоже делали своё дело: чем чаще сосуд опустошался и наполнялся снова, тем шире становился. Аврелий говорил это много раз. Тогда Кай слушал как ученик. Теперь понимал на практике ведь он мало создавал нежити раньше.

Талион оказался странно удобным собеседником.

Не мягким. Не добрым в обычном смысле. Но он понимал то, чего не понимали другие. Понимал, каково это — лечить людей и всё равно видеть, как они отводят взгляд от твоих рук. Понимал, что бывают виды магии, от которых ждут пользы, но не хотят помнить, какой ценой эта польза досталась.

Эйдан тем временем расщедрился и выдал Каю новую лошадь.

Красивая гнедая кобыла с умными тёмными глазами и спокойным нравом стояла в конюшне, пока конюх рассказывал, что животное надёжная, не пугливая, дорогу держит хорошо и дурных привычек почти не имеет. Кай слушал, кивал и думал о другой лошади.

О той, которую он убил.

Тогда у него почти не было выбора. Рана, погоня, слабость, дорога, необходимость выжить. Он понимал это теперь даже лучше, чем в ту ночь.

И всё равно, когда новая кобыла доверчиво потянулась губами к его ладони, Кай почувствовал такой острый укол вины, что едва не отдернул руку.

— Хорошая, — сказал конюх. — Береги.

— Постараюсь, — ответил Кай.

Слово вышло тише, чем он хотел.

Эйдан также разрешил ему забрать из библиотеки несколько книг.

— Всё равно половина моих людей считает, что книги хороши только тем, что ими удобно подпирает хромой стол, — сказал барон. — Если тебе они принесут больше пользы, забери. Только список оставь Ровену. Он переживёт потерю книги легче, если будет знать, какую именно потерял.

Ровен, услышав это, сухо заметил:

— Я не для себя стараюсь.

Кай забрал трактат о погребальных обычаях Пограничья, старую карту северо-западных холмов, тонкий сборник заметок о боевых построениях легионов и ещё два тома, которые на первый взгляд не имели отношения ни к некромантии, ни к войне: один о травах, растущих на болотах, другой о старых городах.

Аврелий всегда говорил, что великие маги создавали новое не потому, что знали больше заклинаний, а потому что знали больше мира.

Кай надеялся, что старик был прав.

Запись о гробнице Арвена Сомра он спрятал отдельно.

Не сейчас.

Сейчас у него не было недели пути туда, недели обратно и ещё неизвестно скольких дней на печати, ловушки, поиски входа и разговор с древней тварью, если та вообще сохранилась. Армия выступала. Гримфорд ждал. Грейвен Торн ждал.

Но потом Кай туда вернётся.

Обязательно.

Утром пятнадцатитысячный отряд Эйдана Далмора выступил к Гримфорду, где должен был соединиться с войсками остальных баронов.

Сначала из ворот вышла разведка..

Потом потянулись обозы: телеги с зерном, бочки с водой, мешки с крупой, ящики с накопниками стрел, запасные копья, палатки, котлы, инструменты, лекарства, верёвки, подковы, всё то скучное и необходимое, без чего любая красивая армия через неделю превращается в голодную толпу с оружием.

Пехота шла неровно.

Опытные держали строй молча, экономя силы. Новобранцы переговаривались, оглядывались на стены, пытались шутить и слишком часто проверяли, на месте ли мечи. Костяных лучников Кай пока не поднимал: не стоило тратить силы до необходимости и пугать своих больше, чем требовалось. Но мешочек с костными фрагментами лежал у него под рукой.

Талион ехал неподалёку, укутанный в тёмный плащ, будто солнечный свет был ему неприятен, хотя вампиром он, к счастью, не являлся.

Орвин спорил с обозным мастером о том, почему бочки с маслом нельзя ставить рядом с ящиками, в которых лежат его личные вещи.

Броди ехал вдоль колонны и ругался так скверно, что Кай то и дело вжимал голову в плечи.

Эйдан ехал впереди под своим знаменем.

Не как король из песен. Не сияя доспехом и не раздавая улыбки.

Просто человек, который взял на себя право вести других туда, где многие из них умрут.

Кай посмотрел на дорогу.

А за спиной оставались замок, библиотека, безопасность.

Озёрная две недели назад

— Они ушли? — едва слышно прошептала Салира. Даен не ответила сразу. Она прижалась ухом к деревянной заслонке, затаила дыхание и долго слушала темноту по ту сторону лаза. Наверху больше не было ни голосов, ни шагов, ни лошадиного фыркания — только редкий треск догорающего дерева да ветер, шевеливший золу. — Да, дочка, — наконец сказала она так тихо, будто боялась спугнуть эту страшную тишину. — Сейчас подожди. Я осмотрюсь. Она осторожно сдвинула засов, толкнула плечом заевшую доску и выбралась первой из тунеля. В лицо ударил холодный воздух, смешанный с гарью и мокрым пеплом. Даен замерла, огляделась, прислушалась ещё раз и только потом протянула руку вниз. — Давай. Быстро. Салира выбралась следом, бледная, вся в земле, с красными от дыма глазами. Даен накинула ей на плечи закопчённый платок, крепко взяла за руку и, не позволяя оглядываться на сторевающий

дом, повела прочь — , мимо почерневших грядок, к старой тропе за огородами, туда, где начался лес.

Глава 7. Битва

*Я знал Кая до того, как о нём начали рассказывать страшные истории. Тогда он ещё не был великим магом, не был знаменем и не был проклятием для врагов. Он был просто испуганным мальчишкой с грустными глазами, который слишком рано узнал цену своей силе.
Из воспоминаний Дункана Броди.*

Окрестности города Гримфорд. Военный лагерь союзной армии баронов.

— Четырнадцать легионов, люди Торна, его вассалы и наёмники, — проговорил Ровен, не отрывая взгляда от листа с подсчётами. — В сумме около шестидесяти четырёх тысяч против наших сорока двух.

В штабе повисла тишина.

Не такая, какая бывает после громкого крика или дурной вести, к которой никто не был готов. Этого ждали. Об этом говорили. Разведчики приносили цифры по частям: один легион, ещё два, обозы, конные дозоры, знамёна, новые лагеря вдоль дороги. Но когда всё это сложили в одну строку, цифра всё равно прозвучала тяжелее, чем хотелось.

За длинным столом сидели Эйдан Далмор, несколько союзных баронов, Ровен, капитаны, обозные начальники и маги. На карте перед ними стояли деревянные фишки. Белые — войска Пограничья. Красные — имперские легионы. Чёрные — люди Грейвена Торна. Красных было неприятно много.

— У них почти полуторное преимущество, — сказал один из баронов. — И это если разведчики не ошиблись в меньшую сторону.

— Разведчики всегда ошибаются, — сухо ответил Ровен. — Вопрос только в том, насколько.

— У них есть маги? — спросил Кай.

Несколько человек повернулись к нему.

— Боевые маги при легионах есть почти всегда, — сказал Эйдан. — Но не в таком числе, чтобы решить сражение одними заклинаниями. Клирики — да. Инквизиторы — точно. Паладины, по донесениям, нет.

— Почему? — спросил Талион.

— Паладины Единого не воюют с людьми в мирских конфликтах, — ответил один из баронов, седой, с тяжёлым лицом. — По крайней мере, сами они любят так говорить.

Орвин фыркнул.

— Удобная вера. Всегда можно объявить конфликт не мирским, если очень хочется.

— Если паладинов нет, — сказал Кай, — это хорошо.

Эйдан посмотрел на него.

— Хорошо — слово сильное. Но продолжай.

Кай наклонился над картой. Вчерашние и позавчерашние тренировки всё ещё отзывались тяжестью в костях. Резерв восстановился не полностью, но голова была ясной. А ясная голова сейчас стоила дороже ещё одного десятка скелетов.

— Имперцы наверняка попробуют решить дело одной большой атакой. У них численное преимущество, дисциплина и свежие легионы. Они будут давить строем, пока наши передние линии не начнут проседать.

— Это мы и без некроманта понимаем, — буркнул Вейр.

— А некромант сейчас скажет, что можно сделать, когда они начнут давить, — спокойно ответил Эйдан. — Не мешай.

Кай кивнул.

— Мне нужны люди для сбора тел. Не тысячи. Я понимаю, что каждый воин на счету. Но хотя бы несколько сотен. Их задача будет одна: как только передние линии откатятся или появится возможность, собирать тела и свозить ко мне. Чем быстрее, тем лучше.

— Для трупоголема? — спросил Ровен.

— Да. Но не только. Сначала я смогу поднять тридцать может сорок костяных лучников. Они не требуют тел, только костные фрагменты.

— Тридцать лучников не остановят легион, — сказал один из капитанов.

— Не остановят, — согласился Кай. — Но заставят поднять щиты, собьют темп, испугают тех, кто уже слышал слухи о некроманте, и дадут нам время. Наконечники стрел можно макать в яд. Тогда даже раненые будут выпадать из строя.

Эйдан чуть прищурился.

— Какой яд?

— Я приготовлю и усилю действие магией.

— Дальше.

Кай провёл пальцем по краю карты, где был отмечен предполагаемый участок первого столкновения.

— После первых потерь трупосборщики привезут тела. Лучше легионеров. У них доспехи, масса, и психологически это ударит сильнее: мёртвые товарищи идут обратно на строй. Я подниму тридцать зомби. Талион наложит на них заклятие осквернённой крови.

В штабе снова стало тише.

Даже те, кто уже слышал об опыте со свиной тушей, не выглядели довольными.

— Тридцать? — уточнил Эйдан.

— Больше я пока не могу, — сказал Кай.

— Тридцать хватит, чтобы сделать брешь или хотя бы заставить легионеров сбиться. Особенно если они будут в плотном строю.

— А потом трупоголем, — сказал Ровен.

Кай кивнул.

— Если успеем собрать достаточно материала. Трупоголем — главный удар. Но он требует почти весь мой резерв. Возможно, часть праны. После него я буду слаб.

— Насколько слаб? — спросил Эйдан.

— Незнаю..

Эйдан опёрся ладонями о стол.

— Сколько людей тебе нужно?

— Чем больше, тем лучше.

— Ну думаю триста человек. Телеги. Крючья, верёвки, плотные рукавицы, несколько десятков тех, кто не побежит от вида крови. И охрана. Им не нужно лезть в бой. Только собирать тела, когда появится возможность.

— Триста, — повторил Ровен и записал.

Один из баронов возмутился:

— Триста человек из строя?

Эйдан посмотрел на него.

— Если план Кая сработает, эти триста дадут нам больше времени, чем три тысячи, брошенные в мясорубку.

— А если не сработает?

— Тогда мы всё равно проиграем чуть медленнее.

Барон хотел ответить, но промолчал.

Эйдан выпрямился.

— Решено. Каю выделить триста человек, сорок телег, охрану и всё, что потребуется для сбора тел.

— Хорошо. Теперь всем спать, — сказал Эйдан. — Завтра будет день, когда нам очень пригодится всё.

Кай откинулся на спинку стула и только теперь понял, как сильно устал.

Ещё совсем недавно он мечтал увидеть мир, спасти людей, упокаивать нежить и по мере своих скромных сил творить добро. Позаботиться о матери. Купить ей дом, может быть лавку, может быть тихую жизнь, где никто не будет смотреть на неё как на чужую.

А теперь он сидел в штабе армии и обсуждал, сколько мёртвых тел нужно, чтобы создать чудовище из плоти.

Ирония судьбы была слишком горькой, чтобы смеяться.

Каю вдруг ужасно захотелось поговорить с Аврелием. Не как ученику с наставником, не о формулах, не о мане и пране, а просто спросить: где проходит та самая граница, за которой человек уже не защищает живых, а только оправдывает себя тем, что враг хуже?

Но Аврелия рядом не было.

Были карта, цифры, война и люди, которые ждали от Кая не сомнений, а результата.

Ночь. Имперский лагерь.

Косматая тень мелькнула в свете костра.

Двое часовых синхронно повалились на землю с разорванными глотками, даже не успев закричать. Кровь плеснула на сухую траву, угли в костре вспыхнули ярче, и на миг огромная волчья фигура проступила между шатрами чёрным силуэтом.

Ещё один взмах когтистой лапы — и полотно командирского шатра разошлось сверху вниз, словно его вспороли огромным ножом.

Грейвен Торн пролез внутрь.

Командующий имперскими войсками Квинт Габиний Магн был опытным воином и вскочил с ложа едва услышал предсмертный хрип часового. Меч оказался у него в руке быстро. Очень быстро для человека, поднятого среди ночи.

Но человек, пусть даже опытный, пусть даже храбрый, пусть даже с мечом, ничего не мог противопоставить звериной ярости и скорости.

Грейвен ударил.

Меч командующего скользнул по шерсти, оставив неглубокий разрез на боку. Зверь даже не заметил. Когти вошли под рёбра, рванули вверх. Магн захрипел, попытался ударить снова, но вторая лапа сомкнулась на его горле.

Хруст был коротким.

Почти деловым.

Грейвен держал тело ещё несколько мгновений, глядя в стекленеющие глаза имперского командующего.

Потом разжал лапу.

Труп упал на ковёр.

Барон оскалится.

Ночь действительно многое исправила.

Утро. Окрестности Гримфорда.

В имперском лагере, вопреки обычному порядку, царила неразбериха.

Сначала обнаружили мёртвых часовых. Потом мёртвого командующего, разорванный шатёр, следы крови, клочья ткани, сломанную стойку у входа и слишком много следов, которые вели в разные стороны и никуда одновременно. Проверили внешний периметр и выяснили, что убийца будто бы не мог проникнуть извне. Начали проверять своих. Опционы докладывали центурионам, центурионы — легатам, легаты — префекту. Каждый говорил уверенно, но уверенность эта только плодила новые вопросы.

Свои совершить убийство тоже не могли.

По крайней мере, так выходило из докладов.

— Колдовство, — мрачно пробурчал брат Дарий.

Он стоял возле разорванного шатра и смотрел не на тело, уже накрытое плащом, а на следы. На слишком глубокие борозды в земле. На порванную ткань. На кровь, разбрызганную не так, как бывает после удара человеческим клинком.

Грейвен Торн стоял неподалёку с лицом человека, которому нанесли личное оскорбление.

Играл он хорошо.

— Да какая разница, кто его убил? — начал терять терпение барон. — Неприятель уже строится. Или вы думаете, Далмор будет ждать, пока мы тут до вечера будем нюхать кровь и спорить о призраках?

Префект Марк Антоний Скавр был мрачен.

Формально после гибели Магна командование должно было перейти к нему. Именно это и делало ситуацию особенно неприятной. Победа почти наверняка будет за Империей, но почти — плохое слово, если речь о письме императору. Если что-то пойдёт не так, отвечать будет тот, кто командовал. Если победа окажется слишком кровавой, объяснять потери тоже придётся ему.

А Грейвен Торн сам рвался вперёд.

— Барон Торн прав, — сказал префект после паузы. — Враг начал построение. Мы не можем позволить себе медлить.

Дарий повернул к нему голову.

— Командование?

— До выяснения обстоятельств, — медленно произнёс префект, — общее руководство атакой на местности принимает барон Торн. Он знает эти земли, его люди составляют значительную часть вспомогательных сил, и политически это... уместно.

Грейвен чуть склонил голову.

— Империя не пожалеет.

Префект подумал, что Империя пожалеет обязательно, если этот барон окажется настолько же глуп, насколько самоуверен. Но вслух сказал другое:

— Легионы будут следовать утверждённому плану. Легаты сохраняют командование своими частями. Вы координируете общий удар.

— Достаточно, — сказал Грейвен.

Дарий смотрел на него внимательно.

Ему не нравилось происходящее.

Не нравились следы.

Не нравилась поспешность.

Не нравилось то, как удобно смерть командующего легла в руки Торна.

Но сейчас впереди был некромант. А некромант важнее. Сначала скверна, которую нужно сжечь. Потом все остальные грязные вопросы.

С двух сторон к центру будущего поля боя выдвинулись небольшие группы всадников.

Обычай требовал переговоров перед битвой, даже если всем было ясно, что говорить уже не о чем. Обычай вообще часто существует только для того, чтобы люди могли соблюсти приличия перед тем, как начать убивать друг друга.

От Пограничья поехали Эйдан Далмор, Кай, Талион, Ровен, двое капитанов и несколько всадников охраны. Орвин остался при войске: пиромант сказал, что если переговоры сорвутся, он предпочитает стоять там, где безопасно.

Со стороны Империи выехали Грейвен Торн, брат Дарий, префект Скавр, несколько легатов, клирики и инквизиторы из личной охраны Дария.

В десяти шагах друг от друга обе группы остановились.

Некоторое время они молча рассматривали друг друга.

Кай сразу почувствовал взгляд Дария. Тот смотрел не просто с ненавистью. С вниманием охотника, который уже мысленно разделал добычу и теперь решает, каким ножом удобнее начать.

Грейвен Торн смотрел иначе.

В его глазах была ярость, но не только. Там было узнавание. Не лица — Кай видел его впервые. Узнавание боли, которую Кай ему причинил. Смерти Эдрика.

Префект заговорил первым.

— До сегодняшнего утра я хотел предложить вам сдаться, чтобы не губить многие тысячи солдат. У вас нет шансов в этом сражении, но Империя умеет быть милосердной к тем, кто вовремя складывает оружие.

Эйдан скептически посмотрел на него.

— Что же изменилось этим утром?

Тень пробежала по лицу префекта.

— Вы убили командующего имперскими войсками. Личного посланника императора.

Эйдан не повернул головы, но Кай почувствовал, что теперь отвечать придётся ему.

— Нет, — сказал Кай.

Префект посмотрел на него с ненавистью, которая выглядела почти удобной: наконец-то перед ним был виноватый, которого можно назвать вслух.

— Тёмный маг отрицает подлость. Как неожиданно.

— Мне нет дела до смерти вашего командующего, — сказал Кай. — Но если вы обвиняете меня и людей барона Далмора в бесчестном поступке, я отвечу прямо: ни я, ни мои мертвецы, ни люди Пограничья его не убивали.

Грейвен усмехнулся.

— Конечно. Тёмная мразь всегда говорит правду, когда её спрашивают вежливо.

Эйдан перевёл взгляд на Торна.

— А предатели всегда первыми вспоминают о чести.

Лицо Грейвена дёрнулось.

На мгновение Каю показалось, что барон сейчас бросится вперёд прямо здесь, среди переговоров. Но тот удержался.

— Полагаю, обычай соблюдён, — сказал Грейвен, не глядя на префекта. — Говорить нам не о чем. Время слов прошло. Теперь время битвы.

— Так торопишься умереть? — спокойно спросил Эйдан.

Грейвен широко улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

— Нет. Я думаю, что сегодня сдохнешь ты. Все вы сдохнете.

Брат Дарий всё это время молчал.

Он не сводил взгляда с Кая и прикидывал, не метнуть ли крошечную звёздочку — подарок одного брата с востока Империи. Маленькая, почти игрушечная вещица, но убойная, если попасть в горло, глаз или под край доспеха, в прочем на некроманте доспехов не было.

Дарий мог метнуть одну звёздочку. Возможно, вторую. Возможно, даже убить мальчишку. Но второй маг непременно ответит, а у Далмора на седле виднелся маленький арбалет. Умереть за истинную веру — благо, но только когда это действительно необходимо.

Сейчас важнее было сохранить жизнь и здоровье.

Мальчишка никуда не денется.

— Да, — сказал Эйдан, глядя на Грейвена. — Сегодня многие умрут. Но одни умрут за свои дома. Другие — за жалованье. А ты, Торн, если сдохнешь, сдохнешь как поганый шакал, который привёл захватчиков в родную землю.

Улыбка Грейвена исчезла.

Префект резко поднял руку.

— Довольно. Приличия и традиции соблюдены. Возвращаемся к войскам.

Обе делегации развернули коней.

Больше никто не сказал ни слова.

Легионер семнадцатого Клавдиева легиона Луций Стронгин служил в имперской армии уже больше десяти лет.

Не ветеран из тех, кто любит рассказывать у костра, что видел все войны мира, но и не желторотый птенец, только вчера надевший калиги. Доводилось ему усмирять бунты на дальних рубежах, стоять в гарнизонах, где зимой камень трескался от мороза, участвовать в высадке на острова морских разбойников к югу от Империи после того, как тамошние молодцы взяли ради выкупа целого легата, имевшего неосторожность проводить медовый месяц с молодой женой на корабле.

В общем, Луций Стронгин видел достаточно.

Как и любой солдат, он давно свыкся с мыслью, что рано или поздно любая битва может стать последней.

Но сегодня было хуже.

Сегодня им предстояло биться не просто против упрямых пограничных варваров, чья свирепость была известна даже тем, кто никогда не заходил дальше столичных трактиров. Сегодня там были маги. И один из них, если верить слухам, не просто маг, а адепт запрещённого искусства.

Некромант.

Говорили, он поднимает мёртвых. Говорили, может поработать души. Говорили, убил сына Торна и командующего.

Смерти Луций не боялся.

Не потому, что был храбрее других. Просто за десять лет службы человек либо привыкает к мысли о смерти, либо сходит с ума.

Но потерять душу...

Луций сглотнул и крепче сжал щит.

Он не знал, что такими же мыслями были охвачены многие его товарищи. Легион держал строй, как учили. Щиты ровно. Копья под нужным углом. Взгляд вперёд. Но слухи ходят быстрее приказов, а страх перед мёртвыми умеет пролезать даже в щели между хорошей выучкой.

Ничего, сказал он себе.

Единый даст — и эту битву он переживёт.

Дуглас Макриман был воином не менее славным, чем Луций Стронгин. А может, и более.

Он был воином в пятнадцатом поколении. Его отец держал меч. Дед держал меч. Прадед держал меч. Если верить семейным рассказам, один из предков Макриманов ещё до прихода Империи сражался с троллем у каменного брода и выжил, хотя тролль, по словам дядюшки, был размером с мельницу. Дуглас подозревал, что с каждой новой кружкой эля тролль вырастал, но спорить с дядюшкой было опаснее, чем с троллем.

Сегодня ему было не до семейных баек.

Он привёл с собой небольшой отряд родичей — около двадцати человек. Двоюродные братья, племянники, муж сестры, двое парней, которых он помнил ещё сопливыми мальчишками, таскавшими у него нож из ножен и получавшими за это подзатыльники.

Он знал, что многие из них не переживут сегодняшней день.

Может быть, все.

И думал не о славе.

Думал о том, как смотреть в глаза их жёнам и матерям, если сам уцелеет.

Потом решил, что лучше уж пусть дядюшка получает свою порцию стыда, упрёков и молчаливых взглядов. Дядюшка старый, вредный и наверняка переживёт даже конец света, если ему заранее сказать, что нельзя умирать.

— Щиты держать крепче, — сказал Дуглас своим. — И не геройствовать. Кто полезет вперёд без приказа, того, если выживет, я сам прибью.

— А если не выживет? — спросил кто-то из младших.

— Тогда его оживит колдун, что бы я мог его прибить.

Кто-то нервно хохотнул.

Дуглас посмотрел вперёд.

Имперские линии двигались медленно, ровно, тяжело. Как железная стена, которой кто-то приказал идти.

Он выдохнул.

Смерть сегодня выбирала кого она заберет смотрела в лица, вглядывалась.

Оставалось надеяться, что у неё плохое зрение.

Ряды двух армий дрогнули почти одновременно.

Имперцы двинулись первыми — медленно, ровно, тяжело. Легионеры шли так, как и должны были идти люди, которых годами учили быть не отдельными воинами, а частью одной железной стены. Щиты сомкнуты. Копья и пилумы под нужным углом. Шаг не быстрый, но неумолимый. За первой линией шла вторая, за второй — третья, а дальше тянулись новые когорты, знамёна, трубы, офицеры, клирики, обозные помощники и всё то огромное тело армии, которое двигалось не сразу, но если уж приходило в движение, остановить его было трудно.

Пограничье встретило их иначе.

Не такой ровной стеной, не такой выученной, не такой красивой для глаза имперского легата. Здесь было больше неровности, больше разницы в оружии, больше лиц, на которых страх ещё не успел стать привычкой. Но было и другое: упрямство людей, которые понимали, что за их спинами не абстрактная слава, не жалованье и не милость далёкого императора, а дома, семьи, поля, деревни, мосты, мельницы, могилы предков и всё, что они называли своим.

В первой линии стояли самые крепкие щитоносцы, тяжёлая пехота и те, кому Эйдан доверял выдержать первый удар. Во второй — копейщики, смешанные отряды, люди, готовые закрывать брешы. В третьей — ветераны и резервы, которых берегли не из жалости, а потому, что умелый человек, введённый в нужный миг, стоит десяти храбрецов, погибших слишком рано.

Лучники и арбалетчики Пограничья начали первыми.

Серые тучи стрел поднялись над строем, зависли на миг и обрушились на имперцев. Большая часть ударила в щиты. Часть ушла выше. Часть нашла щели. Кто-то вскрикнул. Кто-то упал. Кто-то остался на ногах, но шаг у него стал уже не таким уверенным.

Рядом с Каем стояли сорок костяных лучников.

Они выглядели почти одинаково: сухие белёсые фигуры, костяные дуги луков, дрожащие тетивы из остаточной маны, колчаны за спинами. В обычном бою от такого отряда не стоило ждать чуда. Сорок лучников — это не армия. Но Кай и не собирался делать из них армию.

Он собирался сделать из них страх.

Перед ними на низкой телеге стоял широкий глиняный чан с тёмной жидкостью. Яд Кай варил сам почти всю ночь, смешивая боевые отравы из запасов лекарей, охотничьи составы, несколько трав, о которых Даен когда-то упоминала вскользь, и то, что сумел усилить собственной магией. Талион потом молча подошёл, порезал палец и уронил в чан одну-единственную каплю своей крови.

После этого яд изменился.

Он не закипел, не вспыхнул, не засиял дурным светом, как в дешёвых историях о колдунах. Просто стал гуще, темнее и как будто внимательнее. Кай не нашёл бы другого слова. Жидкость будто ждала прикосновения к живому.

— Наконечники, — сказал он.

Скелеты повиновались.

Сорок костяных стрел одновременно опустились в чан. Яд облепил наконечники чёрной маслянистой плёнкой. Кай почувствовал, как тянется мана: немного, но постоянно. Такие стрелы не могли храниться долго. Их нужно было использовать сейчас.

— По первой линии, — сказал Кай. — Залпом. В щиты.

Один из молодых воинов, приставленных к нему для охраны, испуганно посмотрел на мага.

— В щиты?

Кай не ответил.

Скелеты подняли луки.

Тетивы натянулись.

— Стреляй.

Сорок стрел ушли почти одновременно.

До имперского строя они долетели не так красиво, как стрелы живых мастеров. Не все ровно, не все в одну высоту, но все с одинаковой силой. Но по плотному строю промахнуться было трудно.

Первые стрелы ударили в щиты.

И щиты зашипели.

Луций Стронгин успел только удивиться. Стрела, попавшая в щит соседа, не застряла как обычная. Дерево вокруг наконечника почернело, пошло пузырями, железная окантовка задымилась, кожа на внутренней стороне щита вздулась и треснула. Сосед выругался, попытался отбросить щит, но в этот миг вторая стрела ударила уже туда, где защита ослабла.

Она прошла глубже.

Человек вскрикнул один раз.

Потом его ноги подломились.

Он упал, дёрнулся, захрипел, и лицо его за несколько мгновений стало серым.

— Щиты выше! — заорал центурион. — Держать строй!

Но держать строй стало труднее.

Потому что стрелы мертвецов не просто ранили. Они портили защиту. Один наконечник разьедал щит, второй находил тело. А если стрела попадала в руку, бедро, шею или щель между пластинами доспеха, человек умирал почти сразу. Не всегда красиво. Не всегда тихо. Иногда с пеной у рта, иногда с пальцами, судорожно скребущими землю, иногда так быстро, что сосед успевал только повернуть голову.

— Ещё, — сказал Кай.

Скелеты снова макнули стрелы в яд.

Второй залп ударил плотнее.

Имперская линия не побежала. Легионеры были не крестьянами с вилами. Они поднимали щиты, смыкали ряды, переступали через упавших и шли дальше. Но темп сбился. Там, где чёрные стрелы прожигали щиты, появлялись щели. Там, где появлялись щели, в них тут же летели обычные стрелы и болты пограничников.

Это не остановило легионы.

Но заставило их впервые за утро почувствовать, что впереди не просто варвары.

Впереди была война, к которой их не готовили.

Потом линии сошлись.

Удар был таким, что Каю на миг показалось, будто сама земля под ногами вздрогнула. Щиты ударились о щиты. Копья вошли в тела. Секиры опустились на шлемы. Кто-то закричал. Кто-то сразу исчез под ногами. Передний край превратился в давящую, хрипящую, звенящую массу, где отдельного человека было почти невозможно различить.

Пограничники бежали последние шаги лёгкой трусцой, чтобы ударить с разгона. Имперцы приняли удар строем. Первая линия дрогнула, но не рассыпалась. Вторая тут же подпёрла её сзади. Офицеры кричали команды. Рога отвечали рогам. Над полем боя поползла пыль.

Кай держал костяных лучников чуть позади.

Сорок мертвецов выпустили третий залп уже по задним рядам, туда, где щиты не всегда успевали подняться. Потом четвёртый. Боекомплект таял быстро. Кай чувствовал это так же ясно, как усталость в собственных руках. Каждая стрела была маленьким расходом силы, маленьким приказом, маленьким куском его внимания.

— Хватит, — сказал он наконец.

Скелеты опустили луки.

Около половины стрел было истрачено.

Пока достаточно.

Талион стоял рядом, бледный, сосредоточенный, с закрытыми глазами. Перед ним на земле стояла широкая чаша с кровью. Не человеческой — скотской, взятой из обозных запасов. Для его замысла этого было мало. Слишком мало.

Но поле боя само давало ему остальное.

— Сейчас? — спросил Кай.

Талион открыл глаза.

— Сейчас.

Он поднял руки.

Хляби небесные, множество
ран,
Пусть каждый, кто встанет под
алый туман,
Кровью умоется словной
водой
Сердце наполниться скорой бедой.

Сначала ничего не произошло.

Потом над передними рядами имперцев воздух стал темнеть. Не как перед обычной грозой. Не облаком. Скорее тонкой мутной пеленой, будто кто-то развёл в небе вино, ржавчину и дым. Несколько легионеров подняли головы. Кто-то решил, что это пыль. Кто-то — что дым от зажигательных снарядов. Кто-то осенил себя знаком Единого.

Первые капли упали на щиты.

Потом на шлемы.

Потом на лица.

Кровавый дождь оказался не сильным. Не ливнем, который смывает строй. Не потоком из страшных сказок. Но этого и не требовалось. Он падал часто, густо, тёмными тёплыми каплями, оставлял красные следы на металле, стекал по щекам, попадал в глаза и рот.

В плотном строю началось движение.

Нехорошее движение.

Не отступление. Пока нет. Но люди начали моргать, ругаться, вытирать лица рукавами, поднимать щиты выше, чем нужно, отвлекаться на небо. Один легионер сорвал шлем, решив,

что под него попало что-то живое. Другой заорал, что это проклятие. Третий ударил его плечом и велел заткнуться. Команда центуриона утонула в шуме.

Талион покачнулся.

Кай успел подхватить его за локоть.

— Держишь?

— Держу, — прошептал маг крови.

Голос у него был сухим, будто он не дождь вызвал, а сам выпил всю влагу из собственного тела.

Кровавый дождь падал недолго.

Но этого хватило.

Передний строй имперцев не рассыпался, но потерял драгоценную ровность. Пограничники почувствовали это сразу. Там, где легионер отвёл щит, чтобы вытереть глаза, ему в лицо ударило копьё. Там, где ряд качнулся, туда вошла секира. Там, где на мгновение возникла щель, туда метнули топоры.

— Назад, — сказал Талион.

— Что?

— Мне надо назад.

Он почти сел прямо на землю. Двое помощников подхватили его и повели к телеге. Маг крови не спорил. На сегодня кровавый дождь забрал у него слишком много.

Кай снова повернулся к полю.

И увидел огонь.

Орвин вступил в бой там, где правый край Пограничья начал опасно проседать. Пиромант стоял на небольшом возвышении за второй линией, и вокруг него плясал жар. Сначала он работал осторожно: короткие вспышки, полосы пламени перед ногами легионеров, огненные удары по тем, кто пытался обойти фланг. Потом поднял обе руки — и рядом с ним из воздуха, искр и горящего масла сложилась высокая фигура.

Огненный элементаль родился с рёвом.

Он был выше человека в несколько раз, тонкий в талии, с длинными руками, без лица, но с провалом пламени там, где должны были быть глаза. Он шагнул вперёд, и трава под ним вспыхнула. Ещё шаг — и передние имперцы отшатнулись.

— Вперёд! — крикнул Орвин.

Элементаль ударил.

Пламя прокатилось по щитам, лизнуло копья, обожгло лица. Несколько легионеров упали, катаясь по земле. Остальные попятились. На правом краю Пограничья раздался радостный рёв.

Но радость длилась недолго.

Земля под элементом вздыбилась.

Сначала Кай решил, что это просто камень или корень. Потом из почвы поднялась грубая фигура, сложенная из глины, камней и тяжёлой чёрной земли. Имперский маг стоял позади своих рядов, окружённый охраной, и держал перед собой посох с медным навершием. Лицо его было перекошено от напряжения, но земля слушалась.

Земляной элементаль был ниже огненного.

Но шире.

Тяжелее.

Он не горел и не боялся пламени так, как боялась живая плоть. Огонь Орвина облизывал его плечи, выжигал траву вокруг, раскалял камни, но земляной продолжал идти.

Два элементаля столкнулись.

Огонь взвился вверх. Земляная рука прошла сквозь пламя и ударила так, что огненная фигура рассыпалась на мгновение тысячей искр. Орвин выругался, собрал её снова, заставил

элементалю обвить вокруг противника, но тот опустил обе руки в землю, и из-под ног огненной твари выросли каменные зубья.

Элементаль Орвина заревел.

Кай не знал, может ли огонь чувствовать боль.

Но звук был именно таким.

Имперский маг земли поднял посох выше.

Земля под ногами Орвина дрогнула.

— Орвин! — крикнул кто-то.

Поздно.

Из почвы под левой ногой пироманта вырвался острый земляной шип. Он прошёл не насквозь, но распорол ногу от ступни почти до колена. Орвин вскрикнул и рухнул на одно колено. Кровь тут же потекла по сапогу, смешиваясь с грязью.

Огненный элементаль начал распадаться.

Земляной шагнул вперёд.

Имперцы закричали, воодушевляясь.

Орвин поднял голову.

Лицо его было белым от боли. Губы дрожали. Но глаза горели так, что Каю на мгновение стало страшнее, чем от любого трупоголема.

— Ах ты... — сказал Орвин.

Дальше слова утонули в реве пламени.

Он вытянул обе руки перед собой.

Огненный элементаль развалился окончательно, но не исчез. Всё его пламя потянулось назад, к Орвину, собираясь над его ладонями. К нему добавился жар от горящих пятен на земле, от масла, от обугленных щитов, от факелов, от всего, что уже горело и ещё могло гореть.

Над полем начал расти огненный шар.

Сначала размером с бочку.

Потом с телегу.

Потом с дом.

Только это уже был не просто огонь. Пламя уплотнялось, белело в сердцевине, наливалось тяжёлым багровым жаром, будто Орвин собирал не пламя, а кусок расплавленного солнца.

Воздух вокруг него дрожал. Люди рядом с Орвином попятнулись, закрывая лица. Даже Кай, стоявший далеко, почувствовал, как жар ударил по коже.

Имперский маг земли понял, что происходит.

Он попытался поднять стену.

Земля вздыбилась перед ним, камни и глина пошли вверх, складываясь в грубую преграду.

Орвин закричал.

Не слово.

Просто крик боли, злости и последнего усилия.

Огненный шар сорвался вперёд.

Он ударил в земляную стену, продавил её, расплавил влажную глину, расколол камни и взорвался за ней.

На правом участке поля боя вспыхнуло солнце.

Кай на мгновение ослеп.

Когда зрение вернулось, там, где стоял имперский маг земли, больше не было ни мага, ни земляного элементалю, ни передних рядов легионеров.

Там не горело.

Там всё уже выгорело.

В центре удара зияло чёрное пятно, от которого поднимался белёсый жар. Земля спеклась и превратилась в тёмное стекло. Камень лопнул и потёк. Металл щитов, шлемов и панцирей расплавился, смешался с пеплом и застыл неровными блестящими лужами. От людей, стоявших в самом эпицентре, не осталось даже тел — только тёмные следы на остекленевшей земле.

Чуть дальше легионеры умирали уже не мгновенно.

И это было хуже.

Тех, кто стоял достаточно близко, не разорвало и не испепелило сразу. Их доспехи раскались, как кузнечные заготовки. Люди варились внутри собственного железа, падали на колени, пытались сорвать шлемы, рвали ремни, катались по земле, но только обжигали руки о раскалённые пряжки и пластины. Кто-то кричал. Кто-то уже не мог кричать — только открывал рот, из которого шёл пар.

Ещё дальше жар сбивал с ног, слепил, обжигал лица и лёгкие. Щиты вываливались из рук. Копья падали в пыль. Задние ряды давили передних, не понимая, что случилось, и правый фланг имперцев откатился назад не по приказу, а от ужаса перед местом, где земля стала стеклом, а люди — пеплом, паром и расплавленным железом.

Несколько тысяч человек исчезли из боя за несколько ударов сердца: одних выжгло в самом центре, другие сварились в доспехах, третьи ослепли, обгорели, были сбиты с ног или задавлены собственными рядами, когда строй дрогнул и покотился назад.

На правом краю имперской армии открылась страшная чёрная рана.

Пограничники взревели.

Орвин упал.

К нему бросились двое лекарей и трое солдат. Пиромант был жив, но нога его выглядела плохо. Очень плохо.

— Отступают! — крикнул кто-то.

И правда, имперцы на правом краю отходили. Не бежали всей армией, нет. Но участок просел, разорвался, потерял строй и откатился назад, оставляя на земле тела, щиты, копья, куски обгорелой ткани и людей, которые уже не могли подняться.

На несколько долгих мгновений показалось, что Пограничье может не просто выстоять. Может победить.

Все видели, что на правом краю имперской армии открылась страшная чёрная рана.

Грейвен Торн увидел её с холма у имперского штаба.

Несколько мгновений он молчал.

Потом выругался так, что стоявший рядом легат невольно отступил на шаг.

Там, где ещё недавно держал строй правый фланг, теперь зияла дымящаяся пустота. Не пролом, не беспорядок после неудачной атаки, не обычная дыра в линии. Целый кусок войска исчез. Земля почернела и блестела, будто её покрыли тёмным стеклом. Над ней дрожал воздух. Люди по краям метались, падали, срывали раскалённые шлемы, а задние ряды откатывались, давя тех, кто не успел уйти с пути.

— Резервы туда, — прорычал Грейвен. — Немедленно. Закрывать провал и давить центр, пока они не поняли, что случилось.

Префект Скавр резко повернулся к нему.

— Вы с ума сошли? Он только что испепелил несколько когорт. Если этот маг повторит удар по свежим частям...

— Не повторит, — отрезал Грейвен.

— Откуда вам знать?

Торн медленно повернул к нему голову.

На миг человеческое лицо барона стало слишком неподвижным, будто зверь внутри него перестал метаться и просто смотрел наружу через глаза.

— Не говорите ерунды, префект. Ни один маг не бросает такие заклинания одно за другим. Не так быстро. Не такой силы. Он либо пуст, либо почти пуст.

Скавр сжал губы.

Он хотел возразить. Было видно, что хотел. Но сам понимал: удар такой мощи не мог достаться бесплатно. Даже имперские боевые маги после больших заклинаний просили время, зелья, защиту и тишину. А этот пограничный пиромант уже отдал больше, чем разумный маг позволил бы себе отдать в начале битвы.

— Если мы сейчас остановимся, — продолжил Грейвен, — они решат, что могут нас сломать. Если двинем резервы сразу, они увидят, что сожгли только воздух и мёртвых людей. Легионы не должны думать. Легионы должны идти.

Префект посмотрел на дымящийся правый фланг, потом на свежие когорты, ожидавшие приказа.

— Закрыть провал, — сказал он наконец. — Свежие части вперёд. Центру усилить давление.

Легаты начали отдавать команды.

Трубы заговорили одна за другой.

На имперской стороне задвигались резервы.

Сначала медленно. Потом всё увереннее. Свежие когорты пошли вперёд, обходя выжженный участок, закрывая провал, поднимая новые щиты. Команды снова стали чёткими. Трубы ответили друг другу. Легаты гнали людей туда, где правый фланг едва не рассыпался.

Эйдан Далмор наблюдал за полем боя с деревянной башенки, которая по сути была высокой платформой с приставной лестницей. С неё было видно больше, чем хотелось. Видно, как правая сторона имперского строя горит и отходит. Видно, как его люди кричат от восторга. Видно, как гонцы несутся к тысячникам. Видно, как на другом участке легионы продолжают давить, будто ничего не произошло.

— Не орать, — сказал Эйдан.

Рядом стоявший адъютант не сразу понял.

— Милорд?

— Передай правому флангу: не орать и не гнаться. Держать строй. Держать, мать их, строй.

Адъютант сорвался вниз.

Эйдан смотрел дальше.

Он слишком хорошо понимал, что произошло. Орвин выиграл им время. Много времени. Сжёг имперского мага, сломал участок, заставил легионеров откатиться. Но это была не победа. Это была рана на теле большой армии.

А большая армия, если у неё хватает мяса, закрывает раны новыми людьми.

На имперской стороне задвигались резервы.

Сначала медленно. Потом всё увереннее. Свежие когорты пошли вперёд, обходя обгоревший участок, закрывая провал, поднимая новые щиты. Команды снова стали чёткими. Трубы ответили друг другу. Легаты, опомнившись, гнали людей туда, где правый фланг едва не рассыпался.

— Резервы, — сказал Ровен, стоявший ниже с доской в руках, хотя писать уже почти не мог из-за пыли и дрожи в пальцах.

— Вижу, — ответил Эйдан.

— Если они сейчас навалятся на центр...

— Навалятся.

Эйдан поднял руку.

Рог протрубил короткую последовательность сигналов. Дальше её подхватили другие рога, передавая приказ по цепочке. Третья линия Пограничья начала смещаться, закрывая

ослабленный центр. Ветераны пошли вперёд. Не быстро. Без криков. Люди, которые уже видели достаточно битв, чтобы не тратить дыхание на шум.

Кай тоже видел движение резервов.

И понял, что пора.

— Трупосборщиков ко мне, — сказал он.

Командир выделенного отряда, широкоплечий мужчина с лицом, на котором страх смешался с восторгом и тошнотой, подбежал почти сразу.

— Господин маг?

— Как только наши отойдут на три десятка шагов от этой полосы, заходите. Берите тела.

В первую очередь легионеров. У кого сохранилось туловище. Руки, ноги, головы — неважно. Мне нужна масса. Работать крючьями, рукавицами. Зелёно-чёрную кровь не трогать. Вообще ничего мокрого, что дымится или шипит, руками не трогать. Понял?

Мужчина сглотнул.

— Понял.

— Если кто-то начнёт молиться, пусть молится на ходу. Если кто-то побежит, я лично его убью, подниму его потом и заставлю работать мёртвым.

Трупосборщик побледнел.

Кай сам не понял, пошутил он или нет.

— Выполняй.

Тот кивнул и бросился к своим.

Кай повернулся к Талиону.

Маг крови сидел на краю телеги, всё ещё бледный после кровавого дождя, но уже способный держаться прямо. В руке у него была фляга с зельем для восстановления маны. Судя по лицу, вкус у зелья был хуже, чем у кислого вина Дария.

— Сможешь?

— Осквернённую кровь на тридцать зомби — да, — сказал Талион. — На трупоголема после этого.

Первые телеги пошли к Каю через четверть часа.

Для боя четверть часа — вечность и мгновение одновременно.

Пограничники на центральном участке откатились, но не побежали. Это было важно. Они отходили прикрывая друг друга, оставляя перед собой полосу земли, где лежали тела. Имперцы пытались нажать, но костяные лучники Кая снова подняли луки, и несколько залпов ядовитых стрел заставили их держать щиты выше и двигаться осторожнее.

Трупосборщики работали как люди в дурном сне.

Они бежали вперёд с крючьями и верёвками, цепляли тела за ремни, руки, доспехи, волокли к телегам, ругались, падали, вставали, кого-то рвало прямо на землю, кто-то плакал и сам этого не замечал. Охрана прикрывала их щитами. Несколько человек погибли от случайных стрел. Одного раздавила собственная телега, когда лошадь испугалась и рванула в сторону.

Но тела прибывали.

Легионеры.

Пограничники.

Обрывки людей, которые ещё утром имели имена, планы, страхи и, возможно, кого-то, кто ждал их дома.

Кай заставил себя не думать об этом.

Сейчас нельзя.

Он выбрал тридцать тел легионеров.

Не потому, что имперцы были хуже. Не потому, что заслужили. Просто их доспехи, плоть и вид должны были ударить по своим. Мёртвый враг страшен. Мёртвый товарищ, идущий на тебя с пустыми глазами, страшнее.

— Восстаньте

— сказал Кай.

Тридцать тел дёрнулись.

Через несколько мгновений перед ним стояли тридцать зомби в имперских доспехах.

Талион подошёл к ним медленно.

— Держи их ровно.

Кай удержал.

Маг крови начал заклятие.

Слова были негромкими, но после каждого тело ближайшего зомби будто темнело изнутри. Из ран потекла густая чёрно-зелёная жидкость. На краях доспехов появились тёмные разводы. Земля под ногами мертвецов зашипела там, где капли падали в пыль.

Талион повторил заклятие ещё раз.

И ещё.

К тридцатому зомби он едва стоял.

— Всё, — сказал он.

Кай не стал спрашивать, точно ли.

По лицу Талиона было видно: больше сейчас нельзя.

— Вперёд, — приказал Кай.

Тридцать мёртвых легионеров пошли на своих.

Сначала имперцы не поняли.

Потом поняли.

И строй дрогнул.

Зомби не были быстры. Не были умны. Не были неуязвимы. Но они шли в тех же доспехах, под теми же остатками знаков, с теми же лицами, которые кто-то ещё недавно видел живыми в соседнем ряду, глаза только горели. Их пытались встретить копьями — и копья входили в мёртвую плоть, выпускали чёрную кровь, которая текла по древкам к рукам. Их рубили мечами — и брызги попадали на щиты, на лица, на открытые шеи. Один легионер ударил зомби в грудь, рассёк доспех и тут же завопил, потому что тёмная жидкость плеснула ему на кисть и в считанные секунды от кисти остался обрубок.

Зомби врезались в строй.

Пока легионеры отшатывались, ругались, пытались отрубить мертвецам руки, не касаясь крови, пока задние ряды давили передних, не понимая, почему те остановились, пограничники ударили снова.

Кай смотрел на это и чувствовал не радость, а холодную пустоту.

Сработало.

Значит, придётся делать дальше.

— Материал готов, — сказал трупосборщик, подбегая к нему. Голос у мужчины дрожал.
— Там... там уже гора.

Кай повернулся.

На земле за его позицией лежали тела.

Много тел.

Слишком много.

Но всё равно меньше, чем требовалось бы для настоящего чудовища из старых книг. Значит, придётся делать не идеально. Придётся делать быстро.

— Рубины, — сказал Кай.

Один из помощников подал кожаный мешочек.

Кай опустил на колени и начал чертить на земле треугольник.

Пальцы дрожали от усталости, но линия вышла ровной. В основание каждого угла он положил по рубину — камни, выданные Эйданом под расписку Ровена и под такое выражение лица Ровена, будто Кай попросил не камни, а его собственные зубы.

После ритуала рубины надо будет вернуть.

Если они уцелеют.

Если уцелеет Кай.

Если после сегодняшнего дня ещё будет кому считать имущество.

Он полоснул ладонь ножом.

Кровь капнула на первый камень.

На второй.

На третий.

Мана пошла тяжело, как вода из глубокого колодца.

Кай начал читать:

Плоть к плоти — как скалы над твердью,

Силой моей, властью над смертью.

Камни и кровь — вот твоя дань.

Сейчас же, немедля, голем, восстань.

Тела дрогнули.

Сначала одно.

Потом другое.

Потом вся гора мёртвой плоти пошла волной, словно под ней проснулось что-то огромное и голодное. Руки, ноги, грудные клетки, куски доспехов, обрывки ремней, волосы, лица — всё начало смещаться, ломаться, сростаться в нечто единое. Звук был хуже вида: мокрый хруст, чавканье, треск костей, скрежет металла, рвущаяся кожа.

Кто-то из трупосборщиков не выдержал и упал на колени, его вырвало.

Кай не видел.

Он уже почти ничего не видел, кроме треугольника, рубинов и поднимающейся массы.

Мана уходила страшно быстро.

Слишком быстро.

Он попытался остановиться на грани, но голем уже тянул. Не сам — у него ещё не было воли. Тянула форма, которую Кай задал. Большая форма требовала большой платы.

Резерв опустел.

Внутри стало холодно.

Потом больно.

Кай понял, что ритуал потянул прану.

Совсем немного.

Но достаточно, чтобы колени едва не подломились.

Из груды мёртвых тел поднялась исполинская фигура.

Она не была похожа на человека, хотя в ней было слишком много человеческого. Широкое туловище, сросшееся из десятков грудных клеток. Толстые ноги, обмотанные ремнями,

кишками и обрывками доспехов. Одна рука заканчивалась чудовищным подобием шила из костей и копейных наконечников. Другая — тяжёлым мясным топором, в который срослись лезвия, щиты и кости.

Голова была лишней.

Кай понял это сразу.

Но она всё равно появилась: грубый выступ с несколькими лицами, вплавленными одно в другое, с раскрытыми ртами, из которых не должно было выходить ни звука.

Голем заревел.

И звук вышел.

Такой, что холод прошёл даже по спинам магов.

— Теперь ты, — выдохнул Кай, повернувшись к Талиону.

Маг крови выглядел так, будто сам уже наполовину стал призраком.

Но подошёл.

— Держи его.

— Держу.

— Если он дёрнется...

— Держу.

Талион приложил окровавленную ладонь к мёртвой плоти голема и снова начал заклятие осквернённой крови.

На этот раз слова давались ему тяжело. Каждая строка будто резала горло. Но магия откликнулась. Внутри трупоголема не было крови в обычном смысле — только мёртвые жидкости, остатки крови, лимфы, гнили, праны и того, что лучше не называть. Но для Талиона этого хватило.

Чёрно-зелёная влага проступила в разрывах.

Вокруг голема начала клубиться тяжёлая зловонная аура.

Не такая сильная, какой могла бы быть при полном ритуале. Не идеальная. Не устойчивая.

Но смертельная для живых, которые подойдут слишком близко.

Кай поднял руку и указал на ближайший имперский отряд.

— Иди, — сказал он хрипло. — Убей их.

Это было сказано скорее для людей вокруг.

Голем и так слышал его мысль.

И знал, что делать.

Трупоголем сделал первый шаг.

Земля под ним продавилась, будто по ней ударили тараном. Второй шаг вышел увереннее. На третьем мёртвая исполинская туша уже двигалась к имперскому строю, тяжёлая, нелепая, страшная — и от этой нелепости ещё более отвратительная. Она не шла как человек. Не ковыляла как зомби. Она перетекала вперёд всей своей массой, заставляя сросшиеся тела внутри хрустеть, тянуться, рваться и снова сходиться.

Вокруг неё клубилась тёмная испарина.

Не дым. Не туман. Что-то тяжёлое, низкое, злое. Оно ползло у самой земли, цеплялось за траву, забивалось в щели между камнями и обволакивало ноги тех, кто оказывался слишком близко. Первые легионеры, решившие встретить тварь копьями, поняли это слишком поздно.

— Держать строй! — заорал центурион. — Копья вперёд!

Копья ударили в мёртвую плоть.

Часть древков вошла глубоко. Часть сломалась. Одно копьё застряло в груди голема, если эту грудку сросшихся рёбер и мяса вообще можно было назвать грудью. Трупоголем даже не замедлился.

Из ран потекла чёрно-зелёная жижа.

Она пошла по древкам, добралась до рук, до ремней, до щитов. Люди закричали. Один легионер выпустил копье, но поздно: кожа на ладонях уже пузырилась и слезала вместе с ремнями. Другой попытался отрубить древко мечом и получил брызги в лицо. Его крик оборвался сразу — он упал, царапая землю и бесполезно пытаясь стереть с глаз то, что уже прожгло веки.

Трупоголем ударил рукой-шилом.

Сразу троих пробило насквозь: щиты, панцири, тела. Он поднял их на костяном острие, как насаженных жуков, и швырнул в задние ряды. Там строй качнулся. Люди пытались отступить, но сзади давили свои. Передние видели тварь. Задние видели только чужие спины и слышали крики, а потому продолжали толкать вперёд.

Вторая рука, мясной топор из костей, металла и сросшихся клинков, опустилась на щитовую стену.

Стена перестала быть стеной.

Щиты треснули, люди упали, двоих просто размазало по земле под ударом. Трупоголем шагнул в пролом, и тяжёлая аура накрыла тех, кто ещё пытался держаться рядом. Легионеры начали кашлять. Сначала единицы. Потом сразу десятки. Кто-то хватался за горло, кто-то падал на колени, кто-то срывал шлем, пытаясь вдохнуть, но воздух вокруг твари был хуже дыма: он не просто душил, он будто гнил прямо в лёгких.

Кай стоял за линией трупосборщиков и едва держался в седле.

Связь с големом была толстой, грубой, тяжёлой. Не как со скелетом, которого можно было держать почти привычно. Не как с зомби. Трупоголем был слишком большим. Слишком разнородным. В нём было много тел, много смертей, много обрывков последнего ужаса, и всё это нужно было удерживать одной волей.

Кай чувствовал, как внутри пусто.

Резерв почти высох. Прана, задетая ритуалом, отзывалась холодной слабостью в костях. Его немного мутило. Перед глазами время от времени темнело, но он не отпускал связь.

Нельзя было отпускать.

Тварь не имела собственного разума, но в ней было достаточно мёртвого движения, чтобы без приказа она могла стать опасной для всех. Для имперцев. Для пограничников. Для самого Кая.

— Вглубь, — прошептал он. — Ломай строй. Не к своим. Вглубь.

Трупоголем услышал.

Он пошёл дальше, проламываясь сквозь имперские ряды. Там, где он проходил, оставалась полоса раздавленных тел, сломанных щитов, чёрной жижи и людей, которые не сразу понимали, что уже умирают. Крики становились гуще. Команды центурионов рвались. Одни легионеры пытались окружить тварь, другие отступали, третьи били по ней всем, что было в руках, и тем только выпускали наружу новую порцию осквернённой влаги.

Пограничники взревели снова.

Но Эйдан, наблюдавший с башенки, не радовался.

Ровен, стоявший рядом, смотрел на поле с лицом человека, который видит, как невозможное стало частью расчёта.

— Это может переломить битву, — сказал он.

— Может, — ответил Эйдан.

— Но?

— Но Империя не состоит из идиотов. Они найдут ответ.

Сангвин Мортимор почувствовал выброс некратической энергии далеко от поля боя.

Для живого это было бы незаметно. Для слабой нежити — тревожно. Для него — почти как глоток холодной родниковой воды после долгого пути через пепел. Сила поднялась над равниной резким тёмным всплеском, грубым, молодым, неуклюжим, но настоящим.

Сангвин замер на ветке старого дуба, где сидел в облике ворона, и повернул голову к югу.

Некромант.

Мальчишка был сильнее, чем он думал.

Ворон расправил крылья.

Если клирики тоже почувствовали всплеск, они пойдут туда. Если инквизитор Дарий не совсем туп, он уже седлает коня. Значит, времени мало.

Сангвин сорвался с ветки и полетел низко, почти касаясь крыльями верхушек травы.

Ему нужно было увидеть некроманта раньше, чем белые псы доберутся до него.

Брат Дарий почувствовал то же самое иначе.

Артефакт на его груди вдруг обжёг кожу ледяной болью. Не огнём — именно холодом, резким, злым, почти костяным. Дарий поморщился, но не издал ни звука. Он привык к боли. Более того, иногда считал боль полезным напоминанием: тело слабо, дух должен быть крепче.

Камень в оправе налился мутным светом и дёрнул его внимание в сторону поля.

Направление стало ясным сразу.

Некромант.

Не мелкая нежить. Не случайный призрак. Не остаточный след старой могилы. Там, среди шума битвы, поднялась крупная скверна.

Дарий вдохнул глубоко.

Ноздри его жадно раздулись, будто он действительно мог учуять тёмного мага сквозь кровь, дым, пыль и крики тысяч людей.

— Седлать коней, — сказал он.

Один из клириков обернулся.

— Сейчас? Но префект приказал...

— Префект пусть командует теми, кто ещё способен стоять в строю. Наша добыча там.

— Некромант?

Дарий улыбнулся.

— Наконец-то мальчишка перестал прятаться за чужими стенами.

Он проверил метательные звёздочки, короткий меч, кинжал, флягу с освящённым маслом и знак Единого на груди. Потом повернулся к своим людям.

— Негатор взять. И не отставать. Если кто-то снова начнёт рассуждать, что тёмного мага лучше взять живым для допроса, я сначала сломаю ему нос, а потом напому приказ.

Никто рассуждать не стал.

В имперском штабе тем временем уже поняли, что обычным оружием трупоголема не остановить.

Префект Скавр смотрел на донесения и на само поле боя, где мёртвая тварь продолжала вгрызаться в строй. Его лицо стало серым от злости. Один легат требовал бросить тяжёлую пехоту и окружить монстра. Другой говорил о клириках. Третий предлагал отвести передние ряды и расстрелять тварь дротиками.

— Дротики бесполезны, — отрезал Скавр. — Вы сами это видите.

— Клирики не подойдут, — сказал один из офицеров. — Пары. Люди падают раньше, чем добираются до него.

— Тогда паладины, — выдохнул кто-то.

— Паладинов здесь нет, — сказал префект так тихо, что спорить стало опасно.

Грейвен Торн смотрел на трупоголема с выражением почти искренней ненависти.

Не потому, что тварь убивала имперцев. Имперцев ему было не жалко. Не потому, что она могла сорвать план. План ещё можно было удержать. Бесило другое: эту мерзость сотворил мальчишка, убивший Эдрика. Мальчишка, который должен был валяться у его ног, молить о смерти и захлёбываться собственной кровью, а вместо этого ломал имперский строй чужими мёртвыми руками.

— Масло, — сказал Грейвен.

Скавр повернулся к нему.

— Что?

— Масло. Сосуды из метательных машин. Залить тварь и поджечь.

Префект посмотрел на поле.

Трупоголем как раз поднял очередного легионера и швырнул его в строй. Там снова началась давка.

Скавр сжал кулак.

— Метательные машины. Сосуды с маслом. Лучникам — горящие стрелы. Отвести ближайšie ряды, насколько возможно.

— Они не успеют отойти, — сказал легат.

— Значит, не успеют, — ответил префект.

Приказ пошёл.

Сначала трупоголем не заметил перемены.

Он продолжал идти, давить, рубить, выпускать из себя чёрную жижу и тяжёлый яд. Кай удерживал его на краю сознания, чувствуя каждое крупное движение как рывок за собственные нервы. Ему казалось, что если голем сейчас упадёт, он сам упадёт вместе с ним.

Первые сосуды с маслом ударили сверху.

Один разбился о плечо твари, второй — о спину, третий ударил в землю рядом, расплескав густую масляную жидкость по мёртвой плоти и по телам легионеров, которым не повезло стоять слишком близко. Трупоголем качнулся, но пошёл дальше.

— Ещё, — прошептал Кай. — Ещё немного.

Он понял, что делают имперцы, слишком поздно.

Над строем взвились горящие стрелы.

Их было много.

Слишком много.

Они упали на трупоголема огненным дождём.

Масло вспыхнуло сразу.

Тварь загорелась не как дерево и не как человек. Сначала пламя побежало по спине, по плечам, по руке-топору. Потом добралось до разрывов. На миг вокруг голема поднялось не пламя, а грязно-жёлтая стена жара с зелёной кромкой.

Пары стали страшнее.

Легионеры, оказавшиеся неподалёку, начали падать почти сразу. Одни хватались за горло, другие просто валялись лицом вниз, третьи пытались бежать и тут же сталкивались с теми, кто давил сзади. Вокруг горящего трупоголема образовалась зона смерти, куда никто не хотел входить и откуда почти никто не успевал выйти.

Но Империя заплатила эту цену.

И продолжала платить, пока тварь горела.

Кай почувствовал, как связь с големом изменилась.

Не физически — хуже. Будто кто-то тащил из него не ману, а саму способность приказывать. Он попытался удержать тварь, заставить её сделать ещё несколько шагов, уйти глубже в имперский строй, умереть там, где её смерть унесёт больше врагов.

Трупоголем сделал шаг.

Ещё один.

Потом левая нога подломилась.

Сросшаяся плоть, кости, доспехи и ремни начали расходиться в огне. Рука-шило отвалилась и рухнула на землю, придавив двоих легионеров, которые уже и так были мертвы от дыма. Голова с несколькими лицами раскрыла рты и заревела — не голосом, а треском ломающихся костей и лопающейся плоти.

Кай вцепился в лук седла.

— Держись, — прошептал он, сам не понимая, кому говорит: голему или себе.
Пламя взметнулось выше.

Внутри твари что-то лопнуло.

Чёрно-зелёная жидкость вырвалась наружу, вспыхнула, дала новый клуб ядовитого дыма и тут же начала выгорать. Трупоголем качнулся, сделал последнее движение рукой-топором и рухнул на колени.

Земля дрогнула.

Потом тварь завалилась набок.

Связь оборвалась.

Кай вскрикнул и едва не упал с лошади.

Мир на миг стал белым. Потом серым. Потом вернулся рывком: поле, дым, крики, вкус крови во рту. Он понял, что прокусил губу.

Талион, сидевший неподалёку на телеге, поднял голову.

— Кай!

— Жив, — выдохнул Кай.

Трупоголем горел.

Имперский строй перед ним был изуродован, выжжен, отравлен и разорван. Там, где он прошёл, лежали тысячи тел. Может быть, больше. Он выиграл время. Драгоценное время.

Но он не выиграл битву.

За дымом уже двигались новые красные щиты.

Но теперь они шли не прямо.

Там, где рухнул и догорел трупоголем, поле стало мёртвым даже для живых победителей. Тяжёлые жёлто-зелёные пары стелились по земле, расплзались на сотни шагов и не спешили рассеиваться. Легионеры, оказавшиеся слишком близко, падали уже после гибели твари: хватались за горло, кашляли чёрной слюной, слепли, валились на колени и умирали, не понимая, почему смерть всё ещё держит их за лёгкие. Те, кто пытался вытащить раненых, часто падали рядом с ними.

Имперские трубы зазвучали снова.

Свежие когорты начали смещаться к центру, обходя отравленную полосу. Правый фланг, уже обожжённый ударом Орвина, тоже потянулся внутрь, подальше от стеклянной земли, расплавленного металла и ядовитого тумана, оставшегося после трупоголема. Пограничники с другой стороны сделали то же самое: никто не хотел умирать в месте, где воздух сам стал оружием.

Поле будто сузилось.

То, что ещё недавно было широкой линией битвы, теперь сжималось к центру. Люди обходили выжженные и отравленные участки, и всё больше щитов, копий, знамён и криков стекалось туда, где земля ещё позволяла стоять и дышать.

Кай с трудом поднял голову и посмотрел туда.

Империя всё ещё шла.

Просто теперь она шла не всей стеной, а сжимала центр, как железные клещи.

Империя всё ещё шла.

Эйдан Далмор видел это лучше многих.

С деревянной башенки поле казалось не битвой, а огромной живой раной, в которой железо, кровь, дым и крики смешались в одно. Правый фланг имперцев был изуродован ударом Орвина. Участок, где сгорел трупоголем, превратился в отравленную пустошь, и даже свежие когорты обходили его, смещаясь к центру. Центр захлебнулся осквернёнными зомби, дымом, бегущими ранеными и новыми рядами легионеров, которые шли туда, где ещё можно было дышать. Кровавый дождь Талиона на какое-то время сбил легионерам дыхание и волю. Костя-

ные лучники Кая заставили щитовые ряды оцетиниться, сбиться, терять людей от стрел, которым обычная защита помогала плохо.

Но всё это не остановило армию.

Легионы откатывались, перестраивались, закрывали провалы и снова шли вперёд. Там, где погибали одни, вставали другие. Империя была чудовищем не менее страшным, чем трупоголем Кая, только состояла она не из мёртвой плоти, а из приказов, дисциплины, труб, знамен и людей, которых было слишком много.

Ровен поднялся на башенку, держась одной рукой за перила. Лицо его было серым от пыли.

— Центр проседает, — сказал он.

— Вижу.

Ровен замолчал.

Снизу донёсся новый рёв. Не радостный. Тяжёлый, рваный. Где-то в центре легионеры снова нажали, и пограничники попятились. Не побежали. Пока нет. Но линия сдвинулась назад на несколько шагов, потом ещё на несколько. Эйдан видел это движение по знаменам. Знамена не лгали. Люди могли кричать о победе, но если знамя отходило, значит, земля под ногами уже была потеряна.

— Сколько у нас резерва? — спросил он.

Ровен даже не посмотрел в записи.

— Почти ничего, что можно бросить без риска оголить тылы. Третья линия уже в центре. Конницу мы держим для отхода или последнего удара. Если сейчас отправим её вперёд, а имперцы не сломаются...

— Они не сломаются, — сказал Эйдан.

Ровен посмотрел на него.

— Тогда?

Эйдан долго молчал.

На поле внизу умирали его люди. Люди Вейра. Люди старого барона Крейна. Люди мелких владетелей, которые вчера ещё спорили о дорогах, обозах и праве командовать, а сегодня ложились в грязь рядом, уже не различая, чьи у кого цвета на щите. Они ещё держались. Из последних сил, на упрямстве, на злости, на страхе потерять дома. И именно поэтому было так трудно произнести то, что он уже понял.

— Тогда это сражение мы не выиграем, — сказал Эйдан.

Ровен не возразил.

Это было хуже возражения.

Эйдан сжал перила так, что побелели пальцы.

— Пошли человека за Каем. За Талионом. За Орвином, если его ещё можно посадить в седло. Быстро.

— Вы хотите вывести магов?

— Я хочу, чтобы после сегодняшнего дня у Пограничья осталась хоть какая-то война, а не только красивая могила.

Ровен кивнул.

— Дуглас Макриман?

— Да. Пусть возьмёт своих и ещё кого сможет собрать из конных. Его задача — вывести магов. Не спорить, не геройствовать, не возвращаться за моим благословением.

— Он будет спорить.

— Поэтому скажешь ему, что это приказ.

Ровен задержал взгляд на Эйдане чуть дольше обычного.

— А вы?

Эйдан посмотрел на центр, где легионы снова продавливали линию.

— А я пока ещё командую.

Посыльный нашёл Кая у телег трупосборщиков.

Кай сидел на земле, прислонившись спиной к колесу. Лошадь стояла рядом, повод был намотан на руку одного из помощников. После разрыва связи с трупоголем мир всё ещё качался. Звуки то становились слишком громкими, то уходили куда-то далеко, будто поле боя накрывали толстым слоем воды.

— Господин маг! — крикнул посыльный. — Барон требует вас к себе. Немедленно.

Кай поднял голову.

Кай попытался подняться, но ноги не сразу послушались. Талион, сидевший на краю телеги, протянул ему руку. Сам маг крови выглядел не лучше: губы белые, пальцы дрожат, глаза запали. Кровавый дождь и осквернение зомби и голема выжали из него почти всё.

— Сможешь ехать? — спросил Кай.

— Если лошадь умнее меня, то да.

— Сейчас любая лошадь умнее нас.

Талион слабо усмехнулся.

Орвина привезли на другой телеге.

Пиромант был в сознании, но лицо его блестело от пота. Левая нога была туго перевязана от ступни до колена, повязки уже пропитались кровью. Двое лекарей спорили, можно ли его вообще трогать, пока сам Орвин хрипло требовал, чтобы его перестали обсуждать как мешок с испорченной крупой.

— Ехать можешь? — спросил Кай.

— Могу материться, — ответил Орвин. — Это почти то же самое.

— Его нельзя в седло, — сказал лекарь.

— Тогда на телегу, — сказал посыльный. — Барон приказал всем магам.

Орвин прищурился.

Кай не ответил.

Через несколько минут они добрались до места, где Эйдан спустился с башенки и теперь отдавал приказы уже с земли. Вокруг него было слишком много людей и слишком мало спокойствия. Гонцы подъезжали один за другим. Один докладывал о центре, второй о правом фланге, третий о коннице, четвёртый о том, что часть обозных уже разворачивают телеги на случай отхода.

Эйдан увидел Кая и жестом велел остальным замолчать.

— Ты сделал больше, чем я думал, — сказал он без вступления.

Кай устало моргнул.

— Это звучит как начало плохого приказа.

— Верно слышишь. Ты уходишь.

— Нет.

Эйдан даже не повысил голос.

— Да.

— Я ещё могу поднять скелетов. Немного. Лучников, может быть. Если дать мне зелье...

— Ты едва стоишь.

— Это пройдёт.

— Когда? Завтра? Через два дня? После того как тебя зарубят, потому что ты не смог вовремя поднять руку?

Кай сжал зубы.

— Я могу быть полезен.

— Ты уже был полезен. Настолько, что теперь я не имею права потратить тебя здесь.

— Потратить?

— Да, — сказал Эйдан. — Именно так. На поле боя людей тратят. Иногда разумно, иногда глупо, иногда другого выбора нет. Сейчас у меня есть выбор. Я могу оставить тебя здесь, чтобы ты красиво умер вместе с нами, или вывести тебя, чтобы Империя завтра, послезавтра и через год всё ещё боялась некроманта Кая.

— Я не собираюсь бежать.

— Это не бегство. Это приказ.

Кай посмотрел ему в глаза.

— А если я откажусь?

Броди, стоявший неподалёку, тихо хмыкнул.

Эйдан не улыбнулся.

— Тогда Броди ударит тебя по голове, привяжет к седлу и потом будет всю жизнь рассказывать, как спас великого мага самым тупым способом на свете.

— С удовольствием, — сказал Броди.

Кай повернулся к нему.

—И не думай!

Орвин с телеги хрипло сказал:

— Я бы на твоём месте согласился. У сержанта лицо человека, который давно мечтал ударить мага по голове и наконец получил письменное разрешение судьбы.

Талион молчал. И это молчание было хуже уговоров.

Кай снова посмотрел на Эйдана.

— Вы сами не уйдёте.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если я уйду сейчас, центр рухнет сразу. Потому что люди ещё держатся, пока видят моё знамя. Потому что кто-то должен превратить отход в отступление, а не в бегство.

Кай хотел ответить, но слова застряли.

Эйдан чуть смягчил голос.

— Послушай меня, Кай. Ты думаешь, что долг — это остаться там, где страшнее всего. Иногда да. А иногда долг — выжить, когда тебе стыдно выживать. Ты нужен не для смерти сегодня. Ты нужен для войны завтра.

Кай отвернулся.

На поле снова протрубили рога. Где-то левее раздался протяжный крик, потом глухой гул, будто целый участок строя сдвинулся разом.

К Эйдану подбежал всадник на взмыленной лошади.

— Милорд! Торн! Он ведёт ударный отряд к центру. Прорвались по старой низине. Они идут прямо сюда.

Броди резко повернул голову.

Ровен выругался вполголоса.

Эйдан на мгновение закрыл глаза.

Потом открыл.

— Конечно, идёт.

Он повернулся к одному из капитанов.

— Сигнал центру: сомкнуться и держать. Правому крылу не двигаться с места. Коннице ждать моего знака.

— Милорд...

— Ждать.

Капитан кивнул и побежал.

Эйдан посмотрел на Броди.

— Где Дуглас?

— Уже зовут.

— Хорошо.

Дуглас Макриман появился быстро, будто всё это время был где-то рядом и только ждал, когда судьба найдёт для него особенно неприятную работу. Шлем его был помят, на щеке кровь, своя или чужая — непонятно. За ним держались несколько всадников из его людей.

— Милорд?

— Возьмёшь магов и выведешь их с поля.

Дуглас моргнул.

— Простите?

— Кая, Талиона, Орвина. Через западную дорогу, потом к старому тракту. Если тракт перекрыт — к озеру и дальше лесом.

— Но центр...

— Центр я вижу.

— Мои люди нужны здесь.

— Твои люди нужны там, где я сказал.

Дуглас стиснул зубы.

— Милорд, я не для того привёл родичей, чтобы нянчить колдунов, пока остальные умирают в строю.

Кай поднял голову.

Эйдан шагнул к Дугласу ближе.

— Ты привёл родичей, чтобы выполнить приказ своего командующего. Вот он: выведи магов. Если они погибнут здесь, завтра у нас не останется ничего, кроме песен о том, как мы хорошо умерли. Я не воюю ради песен.

Дуглас молчал.

На его лице шла тяжёлая работа: гордость, злость, стыд и понимание дрались между собой так же яростно, как люди внизу.

Наконец он коротко кивнул.

— Будет исполнено.

— Сделай всё, чтобы они уцелели.

— Ценой жизни!

— Если понадобится.

— Понадобится, — сказал Дуглас мрачно.

Это было сказано без торжественности. Почти буднично. И оттого стало тяжелее.

Эйдан повернулся к Каю.

— Едешь с ним.

— Барон...

— Это последний раз, когда я повторяю. Едешь.

Кай хотел сказать, что останется. Что ещё может поднять хоть кого-то. Что не бросит его. Что не хочет снова уходить, пока другие прикрывают путь своими телами.

Но в этот момент с восточной стороны поля поднялся новый шум.

Не обычный шум битвы.

Глубокий, звериный, злой.

Люди расступались перед ударным отрядом Грейвена Торна.

Сам Торн шёл впереди.

Не в волчьей форме. Перед имперцами, клириками и легатами он всё ещё оставался человеком. Но человеком он выглядел всё меньше. Доспех на нём был забрызган кровью, шлем сорван, волосы прилипли ко лбу. Он двигался слишком быстро для тяжело вооружённого барона, слишком легко проходил там, где другие вязли в грязи и телах. Его меч описывал

короткие злые дуги, и каждый удар оставлял после себя разрубленный щит, рассечённое лицо или человека, падающего на землю без крика.

Вокруг него шли люди Торна.

Не легионеры. Не ровная стена. Скорее охотничья стая, выпущенная в уже раненый строй. Они били яростно, грязно, умело, туда, где линия Пограничья уже устала держаться.

— Он идёт за мной, — сказал Кай.

Эйдан посмотрел на Грейвена.

— Нет. Сначала за мной.

Броди вытащил меч.

— Я с вами.

— Нет, — сказал Эйдан.

Сержант резко повернулся.

— Милорд.

— Ты пойдёшь с Дугласом.

— Нет.

В голосе Броди не было ни просьбы, ни сомнения.

Эйдан посмотрел на него долгим взглядом.

— Дункан.

— Не просите, — сказал Броди. — Не сейчас.

На мгновение между ними повисло что-то старое. Не приказ и не служба. Годы, войны, дороги, решения, которые принимались без свидетелей. Потом Эйдан кивнул.

— Хорошо. Но если увидишь, что маги не уходят, ударь Кая по голове как следует.

— С удовольствием.

Эйдан впервые за долгое время почти улыбнулся.

Почти.

Потом улыбка исчезла.

— Дуглас, уведи их.

— Да, милорд.

Кай кое как взгромоздился на лошадь.

Эйдан шагнул к нему и посмотрел с низу вверх, прямо в глаза.

— Выживи, — сказал он тихо. — И сделай так, чтобы всё это было не зря.

Кай почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Я...

— Потом.

Эйдан отпустил его и развернулся к приближающемуся Торну.

Броди встал чуть справа от барона.

Несколько ветеранов сомкнулись рядом. Не много. Слишком мало, чтобы остановить ударный отряд надолго. Достаточно, чтобы встретить его лицом.

Грейвен Торн увидел Эйдана и оскалился.

Даже с расстояния было видно.

Он поднял меч, оттолкнул с дороги собственного человека и пошёл быстрее.

— Далмор! — проревел он так, что голос перекрыл ближайший грохот боя.

Эйдан поднял щит.

— Торн.

Слова не были криком.

Но Кай услышал.

Дуглас схватил повод его лошади.

— Едем, маг.

— Да живет мать твою так! — рявкнул Дуглас. — Приказ!

Кай заставил себя отвернуться.

И именно в этот момент Эйдан Далмор сделал первый шаг навстречу Грейвену Торну.

Брат Дарий видел, как мальчишку уводят с поля.

Не одного. С личной охраной, с ранеными магами, под прикрытием всадников дикарей. Они уходили всё дальше — сквозь дым, мимо телег, мимо раненых, мимо людей, которые ещё пытались удержать разваливающийся центр.

Кто-то другой, возможно, попытался бы прорваться следом прямо сейчас. Врезаться в заслон пограничников, потерять людей, завязнуть среди щитов и копий, а потом с досадой обнаружить, что некромант всё равно успел уйти.

Но брат Дарий был куда умнее.

Он знал местность достаточно хорошо. Отсюда имелось не так много путей отхода. Если мальчишку ведут на западную дорогу, дальше ему всё равно придётся выйти к старому тракту или уйти в леса, где телеги с ранеными магами станут обузой. И уж точно пограничные лоша-дёнки не могли тягаться с чистокровными имперскими скакунами, которых церковь взяла у префекта без долгих объяснений.

Дарий не любил терять людей без пользы.

Преследовать мага через ещё дерущийся строй было глупо. объехать войско, выйти к тракту и встретить мальчишку там, где ему уже некуда будет улизнуть, — разумно.

— За мной, — сказал он своим.

Негатор вёз один из клириков — небольшой свинцовый ларец, обмотанный цепочками и исписанный молитвенными формулами. Дарий бросил на артефакт короткий взгляд.

— Беречь, — сказал он. — Когда доберёмся до мальчишки, мне нужно, чтобы его магия сохла .

Клирик кивнул и крепче прижал ларец к груди.

Дарий осенил себя знаком Единого и повернул коня в сторону низины, обходя главную сечу по дуге.

На поле тем временем произошло странное.

Воины обеих армий, не сговариваясь, начали расходиться в стороны, образуя неровный круг. Не из уважения. Не из благородства. Просто там, куда вышли два барона, стало опасно стоять всем остальным. Люди Торна отесняли пограничников. Пограничники рычали, держали щиты, пытались прикрыть своего господина. Имперцы кричали, подбадривая союзника. Кто-то ещё бился на краях, кто-то падал, кто-то пытался пролезть вперёд, но центр круга всё равно постепенно очищался.

В этом круге друг против друга стояли Грейвен Торн и Эйдан Далмор.

Стояли они недолго.

Первым атаковал Торн.

Он бросился вперёд низко, резко, почти звериным рывком, и ударил по ноге — размашисто, снизу, с такой силой, что попади клинок в кость, он перерубил бы её вместе с поножем. Эйдан успел убрать левую ногу, будто заранее ждал именно этого движения, и тут же ответил коротким выпадом в горло.

Краешек меча едва не чиркнул Торна под подбородком.

Грейвен отшатнулся на полшага.

Вокруг взревели.

Но оба барона даже не посмотрели на кричащих.

Опытные воины сразу начали искать бреши. Не красивые удары для песен, не широкие замахи для толпы, а маленькие ошибки: слишком открытое плечо, неверный перенос веса, задержанный вдох, лишний поворот кисти. Торн был моложе, тяжелее, яростнее. Он вкладывал

в удары чудовищную мощь. Каждый его выпад будто хотел не ранить, а сломать Эйдана вместе с мечом, щитом и землёй под ногами. От таких ударов не защищались честным парированием — их переживали только чудом или не принимали вовсе.

Эйдан чудесам не доверял.

Он двигался экономно. Шаг в сторону. Полшага назад. Лёгкое касание клинком, чтобы изменить траекторию чужого удара. Щит не встречал меч Торна лоб в лоб, а скользил, уводил, сбрасывал силу в пустоту. Эйдан не пытался доказать, что сильнее.

И всё равно с каждой новой атакой становилось видно: Грейвен ускоряется.

Не устаёт.

Не сбивается.

Не тяжелеет дыханием, как обычный человек после десятка ударов в полном доспехе.

Наоборот, чем дольше длился бой, тем больше в нём проступало что-то нечеловеческое. Плечи подавались вперёд. Губы расходились, открывая зубы. Глаза темнели от ярости. Он едва удерживал себя в человеческом облике, но сила уже рвалась наружу.

Эйдан понял это.

Кай, которого Дуглас уже тащил к дороге, обернулся как раз в тот миг, когда барон Далмор снова ушёл от удара, почти невозможного для обычного воина, и ответил резким уколом в бок.

Клинок вошёл неглубоко.

Но вошёл.

Грейвен взревел.

Не вскрикнул от боли. Именно взревел.

Звук прокатился над кругом так низко и зло, что несколько лошадей шарахнулись в сторону. Люди Торна заорали громче. Пограничники ответили им таким же рёвом. Эйдан отступил на шаг, держа щит выше, и тихо сказал:

— Вот ты какой.

Торн услышал.

Лицо его перекопилось.

Следующая атака была уже не проверкой.

Он ударил сверху. Эйдан отвёл меч, но сила оказалась слишком большой. Щит треснул по краю, рука барона Далмора ушла вниз, и Грейвен тут же ударил второй раз — в бедро.

Клинок рассёк ремни, кожу, плоть и вошёл почти до кости.

Эйдан качнулся, но не упал.

Он ответил сразу, на чистом упрямстве и опыте. Его меч скользнул снизу вверх и разрезал Торну плечо у самого сочленения доспеха. Для обычного человека такая рана могла бы решить бой: рука ослабла бы, меч потяжелел, кровь начала бы заливать бок.

Но Грейвен был не обычным человеком.

Он только оскалился.

Эйдан увидел, как края раны под кровью странно стягиваются.

На одно мгновение всё стало ясно окончательно.

И в это же мгновение Торн ударил.

Не красиво. Не благородно. Не так, как потом рассказывают в балладах.

Он просто продавил защиту.

Щит Эйдана разлетелся окончательно. Меч Торна ударил в грудь, пробил доспех, вошёл глубоко, и барон Далмор сделал короткий вдох — слишком тихий для такого хаоса.

Пограничники закричали.

Имперцы радостно взвыли.

Эйдан ещё стоял.

Несколько мгновений он стоял, будто сама мысль о падении показалась ему неуместной. Потом колено подломилось, меч опустился остриём к земле.

Грейвен шагнул ближе.

Он хотел сорвать с груди Эйдана медальон, знак рода или просто доказательство победы — что именно, никто потом не мог сказать точно. Возможно, ему было мало убить. Возможно, зверь внутри требовал трофей.

Но он не успел.

Из круга пограничников вылетело копьё.

Метнул его не барон и не прославленный герой. Просто один из воинов Далмора, уже раненный, с разбитым лицом и одной работающей рукой. Копьё вошло Грейвену в правое плечо с такой силой, что его отбросило назад.

Люди Торна мгновенно сомкнулись вокруг него.

Имперцы тоже рванули вперёд, закрывая барона щитами. Они не знали, что для оборотня такая рана — пустяк. Не знали, что плоть уже стягивается вокруг древка, что боль только злит его, а не останавливает. Они видели раненого союзного командующего и делали то, чему их учили: защищали важного человека в бою.

Грейвен попытался вырваться обратно к Эйдану, но щиты уже сомкнулись.

— Далмор! — прорычал он, захлёбываясь яростью.

Эйдан его уже почти не слышал.

Он лежал на боку среди растоптанной травы, грязи и крови. Над ним ещё держалось знамя Далмора, хотя древко дрожало в руках знаменосца. Где-то далеко, за дымом, уходила западная дорога.

Губы барона едва заметно шевельнулись.

Никто не разобрал слов.

Может быть, он назвал имя.

Может быть, отдал последний приказ.

А может быть, просто выдохнул.

Знамя Далмора качнулось.

На одно страшное мгновение показалось, что вместе с ним качнулся весь центр Пограничья.

Люди увидели, как пал барон. Кто-то закричал. Кто-то шагнул назад. Кто-то, наоборот, рванулся вперёд, желая прорваться к телу господина, и тем самым едва не открыл строй для нового удара.

Но Пограничье готовилось к этой беде.

Ещё на совете у Гримфорда бароны спорили не только о том, как встретить Империю, но и о том, что делать, если первый план рухнет. Тогда Эйдан Далмор, без всякой красивой бравады, настоял на порядке наследования командования. Если он погибнет или связь с ним будет потеряна, общее командование принимает барон Крейн. Если падёт Крейн — следующий по списку. Никаких споров на поле. Никаких родовых обид. Никаких криков о старшинстве, пока легионы давят строй.

И теперь этот сухой, неприятный, почти канцелярский порядок спасал жизни.

Над левым краем центра взвился другой штандарт.

Старый, потемневший, с серым журавлем на чёрном поле.

Знамя барона Крейна.

Сам Крейн сидел в седле, согнувшись, будто старые кости уже давно спорили с ним за каждое движение. Но голос у него оказался таким, что перекрыл и трубы, и крики, и звон стали.

— Центру не мстить! — проревел он. — Центру отходить! Щиты к щитам! Левый край — назад! Правый — держать! Конницу к обозу! Раненых не бросать! Кто побежит — сам зарублю!

Рога подхватили приказ.

Не сразу.

Сначала один. Потом второй. Потом сразу несколько, передавая сигнал по всей линии.

Пограничье дрогнуло, но не развалилось.

Люди отступали, огрызаясь. Щиты пятась принимали удары. Копейщики закрывали промежутки. Ветераны ругались так, будто грубость сама могла удержать строй. Там, где кто-то начинал бежать, его хватили за ворот, били щитом по спине, возвращали в ряд. Там, где имперцы пытались навалиться всей массой, навстречу им выскакивали конные и заставляли притормозить хотя бы на несколько ударов сердца.

Отравленная полоса, оставшаяся после трупоголема, тоже сыграла свою роль.

Тяжёлые жёлто-зелёные пары всё ещё стелились над землёй, расползались на сотни шагов и убивали тех, кто решался подойти слишком близко. Легионеры пытались окружить с лева.

Крейн понял это быстрее многих.

— Не давать им обойти слева! — рявкнул он. — Телеги к западной дороге! Тяжёлых первыми! Лёгкие сами дойдут! Конница — рывками, не геройствовать!

Его приказы были грубыми, злыми и на удивление точными.

Там, где линия могла рассыпаться, он ставил ветеранов. Там, где имперцы давили свежими когортами, бросал короткие конные вылазки — не для победы, а чтобы сбить темп. Там, где пограничники хотели броситься к телу Эйдана, он орал так, что люди вспоминали: мёртвому барону уже не помочь, а живое войско ещё можно спасти.

Грейвен Торн, вырванный своими людьми из круга, увидел это слишком поздно.

Он выломал копьё из плеча и отшвырнул древко в сторону. Рана уже стягивалась под кровью, зудела, горела, требовала перекинуться, добить, рвать горла, догнать некроманта, сорвать с него кожу и наконец услышать, как мальчишка кричит. Но вокруг были имперцы. Клирики. Легаты. Слишком много глаз.

— За ними! — прорычал он своим. — Не дать им уйти!

Люди Торна рванули вперёд, но теперь перед ними была уже не сломанная толпа, а отступающая армия. Уставшая, окровавленная, злая, но всё ещё армия. Щиты закрывались. Копья встречали преследователей. Конница врезалась сбоку и тут же отходила, не позволяя превратить отход в резню.

Имперские легионы давили.

Но они тоже заплатили за этот день слишком дорого.

К вечеру остатки армии втянулись к Вейргарду — старому городу-крепости на западной дороге.

Ворота открывали и закрывали так часто, что створки стонали на петлях. По мостовой гремели колёса телег. Лошади хрипели, покрытые пеной. Раненых снимали с седел, стаскивали с повозок, укладывали прямо на землю у стен, потому что лекарей не хватало, места не хватало, рук не хватало, а стоны и крики всё равно продолжали прибывать вместе с новыми отрядами.

Из сорока двух тысяч под знамёнами Пограничья уцелело около тридцати.

Почти половина из них была ранена легко: порезы, ожоги, вывихи, рассечённые лица, кровь под доспехами, выбитые пальцы, разбитые губы, ушибы от щитов и такая усталость, от которой люди падали прямо у стен, не успев снять шлемы. Ещё около двух тысяч лежали на телегах, на плащах и прямо на земле, тяжело раненные, стонущие, молящиеся, зовущие воду, матерей, жён или богов.

Крейн принял командование окончательно уже у ворот Вейргарда.

Он не произнёс речи.

Не сказал, что всё будет хорошо.

Не стал обещать победу.

Он просто сел за грубый стол в караульной башне, приказал подать карты, списки, воду и людей, которые ещё могли думать, и начал считать: сколько осталось мечей, сколько копий, сколько стрел, сколько лошадей, сколько еды, сколько лекарей, сколько времени до того, как Империя подойдёт к стенам.

Это было не красиво.

Зато это было нужно.

Гримфорд они потеряли.

Но надежду — нет.

Пограничье отступило к Вейргарду не толпой беглецов, не стадом, которое Империя гнала на убой, а армией — изломанной, окровавленной, потерявшей барона Далмора, но всё ещё способной поднять щиты.

И война не закончилась.

Глава 8. Загнанный зверь.

Когда Кай был ещё юн, церковники гоняли его по всему Пограничью, как зайца. Они слишком поздно поняли, что заяц, которому не оставили норы, однажды может вырасти в медведя.

Из воспоминаний Дункана Броди

Дуглас Макриман был зол.

Вместо смерти в бою, рядом со своими людьми, он оказался нянькой при молодом колдуне, раненом пироманте и маге крови, который держался на ногах только из упрямства. Но приказ барона он исполнит. Даже ценой собственной жизни.

Он оглянулся.

Позади, между клочьями пыли и редкими деревьями, мелькали всадники. Дуглас оглянулся.

Несмотря на скорость, он уже видел позади фигурки всадников, преследовавших их по пятам. Расстояние сокращалось. Дугласу хватило одного взгляда, чтобы понять: до Вейргарда они так не дотянут. Значит, придётся остановиться и встретить неприятеля в плотном строю.

Дуглас поднял руку.

— Стоять!

Кай резко повернул голову.

— Что?

— Здесь встретим.

Дуглас развернул коня поперёк дороги. Слева тянулось серое озеро с мутной полосой камышей у берега. Справа начинался редкий лес. Дорога дальше уходила между низкими холмами. Место было не лучшим, но лучше, чем получить удар в спину на полном ходу.

— Десяток ко мне! — рявкнул Дуглас. — Орвина и Талиона в лес. Быстро. Между деревьями, не по дороге. Если прорвутся — к Вейргарду. Нас не ждать.

Орвин, бледный от боли, приподнялся на телеге.

— Я ещё не умер, чтобы меня таскали как мешок.

— Вот и постарайся не умереть по дороге, — отрезал Дуглас.

Талион хотел что-то сказать, но только поморщился и вцепился в борт телеги. Маг крови выглядел так, будто его самого уже пора было не спасать, а отпевать.

Десять воинов увели Орвина и Талиона к лесу. Телегу бросили: дальше пироманта тащили на носилках из копий и плаща. Орвин матерился сквозь зубы, но уже не спорил. Талион шёл сам, поддерживаемый двумя пограничниками.

Оставшиеся люди Дугласа спешили.

Их было около тридцати пяти. Щиты сомкнулись быстро, без красоты, но крепко. Первая линия присела ниже, вторая подняла копья над плечами товарищей. Несколько арбалетчиков отошли назад. Люди были усталые, многие ранены, но всё ещё понимали, что делают.

Кай стоял позади строя с мечом в руках.

Держал он его неумело: слишком крепко, слишком напряжённо, будто меч был не оружием, а чужой вещью, которую ему сунули в последний момент.

Он посмотрел на озеро.

— Я могу пустить скелетов по дну. Пусть зайдут им в тыл.

— Можешь — делай, — бросил Дуглас, не оборачиваясь.

Кай достал из мешочка костные фрагменты.

Резерв восстановился, помогли и зелья которые дал ему маг крови ,много нет смысла призывать два десятка простых скелетов должно было хватить. Пусть хрупких. Пусть на несколько минут. Если они ударят сзади в нужный момент, этого будет достаточно.

— Восстаньте, — прошептал он.

Кости дрогнули.

Мана пошла туго, как вода через замёрзший ручей. Один скелет сложился почти сразу. Второй поднялся криво, с перекошенным плечом. Потом третий. Четвёртый. Пятый. Два десятка белёсых фигур встали на дороге, и люди Дугласа невольно покосились на них, хотя после Гримфорда, казалось, уже должны были привыкнуть ко всему.

— В озеро, — приказал Кай. — По дну. Обойти. Ударить сзади.

Скелеты двинулись к воде.

Первые уже вошли по колено, потом по пояс, потом скрылись под мутной поверхностью.

И в этот миг что-то изменилось.

Кай почувствовал это не как удар, а как отсутствие. Будто невидимая рука легла на его маноканалы и сжала. Нити силы, едва державшие скелетов, покрылись внутренним, мёртвым инеем.

Он вдохнул.

В озере что-то глухо хрустнуло. Один за другим скелеты рассыпались в прах и костяную крошку, ещё не успев обойти врага. Мутная вода на миг пошла кругами, потом успокоилась.

Кай застыл.

Он никогда раньше не чувствовал ничего подобного. Не истощение, не сопротивление чужой магии, не защиту. Это было хуже: будто саму возможность колдовать заложили камнем с другой стороны.

— Что с ними? — спросил Дуглас.

Кай сглотнул.

— У них что-то есть. Артефакт. Он глушит магию.

— Прекрасно, — выругался Дуглас.

Преследователи уже подъехали достаточно близко.

Их было около тридцати. Все в белых плащах. Часть — крепкие бойцы с короткими мечами, щитами и арбалетами. Часть — клирики с освящёнными знаками, флягами, цепями, ножами странной формы. Среди них ехал брат Дарий.

Он спешился первым.

Лысый, широкоплечий, со старым шрамом от виска до края челюсти, Дарий больше походил на рубаку с большой дороги, чем на служителя церкви. В нём не было мягкой святости храмовых фресок. Только тяжёлые плечи, спокойная жестокость и взгляд человека, который давно решил за Единого, кого тот хочет видеть мёртвым.

Позади него один из клириков держал свинцовый ларец, обмотанный цепочками и испи-санный молитвенными формулами. Ларец был приоткрыт совсем немного, но Кай даже отсюда чувствовал исходящую от него пустоту.

Вот оно.

Не зная названия, Кай всё равно понял: эта вещь убивает магию вокруг себя.

Клирики спешились, образуя подобие строя. Пятеро остались у ларца, прикрывая его щитами. Дарий вышел вперёд, окинул взглядом стену щитов и остановился.

— Выдайте нам магов, — сказал он. — И можете убираться куда хотите. Даю слово: преследовать вас не будем. В конце концов, вы такие же дети Творца, как и мы. Мы не хотим проливать вашу кровь без нужды.

Ответом ему стал громopodobный хохот.

Смеялись почти все пограничники. Устало, зло, надрывно. Кто-то сплюнул в пыль. Кто-то поднял щит выше.

— Слышали, парни? — крикнул один из воинов. — Святоши кровь проливать не хотят. Лицо Дария не изменилось.

— Жаль, — сказал он.

И поднял руку.

Один из клириков коротко размахнулся и швырнул в стену щитов бутылку с тёмной жидкостью. Следом полетела вторая. Потом третья. Стекло разбилось о щиты и землю, жидкость плеснула по дереву, коже, сапогам. Через мгновение в строй влетел факел.

Пламя вспыхнуло жадно.

Смесь схватилась сразу, липко, зло, обволакивая щиты и одежду. Передняя линия дрогнула. Несколько воинов закричали, катаясь по земле и пытаясь сбить огонь. Один успел сорвать с руки горящий ремень, но пламя уже перебралось на рукав. Второй упал лицом вниз, и товарищ начал засыпать его землёй. Третий горел молча, слишком ошеломлённый, чтобы сразу понять, что происходит.

Воздух наполнился запахом горелого мяса.

Кай подумал, что если выберется, то непременно обзаведётся нормальным дистанционным оружием. Арбалетом. Метательными ножами. Хоть пращой, если придётся. Чем угодно, только не стоять вот так с мечом, который он держит хуже любого деревенского ополченца.

Фанатики ударили быстро.

И умело.

Они не ломились всей массой на щиты. Они били по краям, бросали ножи, цепляли щиты крюками, пытались выдёргивать отдельных воинов из строя. Один клирик метнул короткий нож, к рукоятки которого была прикреплена тонкая цепочка. Нож вошёл пограничнику в глаз, тот рухнул без звука, а клирик резким движением дёрнул цепь обратно, возвращая оружие в руку.

Дуглас взревел и сам шагнул в первую линию.

Его меч работал коротко и грубо. Без красоты. Без лишних движений. Первый клирик, сунувшийся слишком близко, получил удар в шею между шлемом и воротом. Второй лишился пальцев вместе с рукоятью ножа. Третий успел закрыться щитом, но Дуглас ударил ногой в колено, свалил его и добил сверху.

Люди Макримана держались.

Плохо.

Но держались.

Уже пятеро клириков лежали мёртвыми или умирающими у края дороги. У защитников Кая трое были убиты сразу: двое сгорели заживо, один лежал с ножом в глазнице. Ещё несколько получили ожоги и порезы, но оставались в строю.

Кай стоял позади, растерянно сжимая меч.

Он никогда раньше не чувствовал себя таким беспомощным.

Даже против Эдрика, даже в Озёрной, даже тогда, когда Жнец едва не забрал с него слишком много, у него оставалась сила. Страшная, опасная, непонятная, но сила. Теперь внутри была пустота. Он попытался собрать хотя бы искру маны — и почувствовал только холодный свинцовый нажим, будто ларец лежал не в руках клирика, а прямо у него на груди.

Дарий наблюдал за ним сквозь бой и улыбался.

Инквизиторы сменили тактику. Теперь они действовали осторожнее: не пытались продавить стену сразу, а изматывали. Бросали камни, ножи, короткие дротики. Цепляли щиты цепями. Делали ложные выпады и отходили. Вынуждали пограничников держать руки поднятыми, двигаться, закрывать бреши, тратить дыхание.

Прошло десять минут злой, рваной возни.

Один из воинов Дугласа на мгновение опустил щит, чтобы стереть кровь с лица, и тут же рухнул с пробитой шеей. Другой попытался вытащить его назад, но получил камень в висок и сам едва не упал.

Дуглас шумно выругался, отступил на полшага и поравнялся с Каем.

— Маг, долго мы их не удержим. Возьмёшь мою лошадь. Она лучше твоей.

Кай резко посмотрел на него.

— Я не могу вас бросить.

— Можешь, — отрезал Дуглас. — И бросишь. Они гонятся за тобой. Если останешься, умрём все. Если уйдёшь, мы потянем время. Так шанс будет и у нас, и у тебя.

Тебе — к Вейргарду. Там будет Крейн, если он жив. Там будут остатки армии.

Кай сжал зубы.

Он понимал, что Дуглас прав.

Без магии он был обузой.

И от этого становилось только хуже.

Где-то в памяти всплыла карта из библиотеки Далмора. Гробница Арвена Сомра. Запечатанная паладинами Единого. Старый некромант. Возможно, лич. Возможно, знания. Возможно, оружие, которое не отнимет у него первый попавшийся свинцовый ящик с молитвами.

Если он выживет.

— Дуглас, — сказал Кай.

— Что ещё?

— Ларец. Тот свинцовый. Я не знаю, как он называется, но он глушит магию. Его охраняют пятеро. Если удастся — сломайте. Или бросьте в озеро.

Дуглас посмотрел туда, куда указал Кай.

Пятеро клириков действительно держались вокруг ларца плотнее остальных. Не лезли в бой, не бросали бутылей, только берегли свинцовую коробку, как святыню.

Воин фыркнул.

— Конечно. Посреди драки с тридцатью святошами я непременно займусь каким-то треклятым ящиком.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Дуглас схватил его за плечо и резко подтолкнул к лошади.

— Езжай, маг.

Кай вскочил в седло не с первого раза. Ноги дрожали, пальцы плохо слушались. Лошадь Дугласа нервно переступала, чужая огонь, кровь и страх, но была обучена куда лучше его прежней кобылы. Она не рванула, не шарахнулась, только вскинула голову и ждала приказа.

Кай натянул повод.

На мгновение он снова посмотрел на бой.

Люди Дугласа сомкнули щиты, закрывая его отход. Сам Дуглас уже вернулся в первую линию. Дарий заметил движение и резко повернул голову.

Их взгляды встретились.

Даже через расстояние Кай увидел улыбку инквизитора.

Не злую.

Хуже.

Уверенную.

Кай пришпорил коня.

Лошадь сорвалась с места, уходя вдоль озера, потом на боковую тропу к лесу. За спиной раздался крик, звон стали, глухой удар щита о щит. Кто-то позвал его по имени — или ему только показалось.

На сердце у мага скребли кошки.

Нет.

Не кошки.

Когти.

Он снова уезжал, пока другие оставались умирать.

Кай скакал весь день и почти всю ночь.

Он поил коня бодрящим эликсиром и сам пил его маленькими глотками, хотя прекрасно понимал: потом придётся расплачиваться. Слабостью. Болью в мышцах. Дрожью в руках. Головной болью, от которой захочется лечь прямо на землю и не вставать до следующей весны.

Но это будет потом.

Сейчас он не имел права останавливаться.

Дорога уходила под копыта серой лентой. Леса сменялись перелесками, перелески — пустыми полями, поля — низкими холмами. Несколько раз Каю казалось, что сзади он слышит погоню, но всякий раз это оказывался ветер, стук собственного сердца или хрип усталого коня.

К рассвету он добрался до развилки.

Одна дорога уходила дальше на запад, к Вейргарду, куда должны были отступить остатки армии Пограничья. Другая сворачивала левее, к холмам, где на старой карте была отмечена гробница Арвена Сомра. Третья, более старая и хуже наезженная, вела дальше, к землям нелюдей.

Кай остановил коня и долго смотрел на дороги.

Вейргард был самым разумным выбором. Там стены. Там армия. Там, возможно, Крейн, если он действительно принял командование. Там можно было получить защиту, еду, лекаря и приказ, которому оставалось только подчиниться.

Но Кай не повернул к Вейргарду.

Оборотень наверняка прикончил Далмора. Кай видел, как Эйдан вышел против Грейвена Торна, и видел, что в Торне уже почти не оставалось человеческого. Надеяться, что барон выжил, было бы приятно. Но слишком глупо.

А наниматься к другому барону Кай не хотел.

Он уже слишком хорошо понял цену чужих приказов. Сегодня его берегли как оружие. Завтра снова поставят туда, где он будет полезнее всего. Может быть, ради доброго дела. Может быть, ради Пограничья. Может быть, ради людей, которые действительно заслуживали спасения. Но всё равно — не ради Велены.

К землям нелюдей идти тоже было рискованно. Там жили не только орки, но и эльфы, гномы, зверолоуды, болотные кланы и ещё десятки народов, о которых люди Пограничья знали больше слухов, чем правды. Эльфы или гномы, возможно, выслушали бы его. Возможно, отказали бы. Возможно, потребовали бы плату, клятву, услугу или союз. Но что Кай мог им предложить сейчас?

К оркам идти в одиночку было безумием.

Особенно к тем, кто мог держать его мать.

А гробница...

Гробница, конечно, тоже была безумием.

Но в ней хотя бы могло найтись то, чего ему не хватало. Сила. Знания. Артефакты. Старые записи. На худой конец — золото. Кай никогда не был алчен до денег, но уже успел понять: деньги порой творят чудеса лучше всякой магии. Что-нибудь, что позволит прийти к оркам не жалким беглецом с пустым резервом, а магом, с которым придётся говорить. Сначала найти мать. Вытащить её, если она ещё жива. А уже потом можно будет думать о мести имперцам, белым плащам и всем, кто решил, что Кая можно гнать по Пограничью как зайца.

Он сверился с картой, убрал её обратно и повернул налево.

К гробнице.

К полудню дорога вывела его к маленькому городку.

Городком это место называлось, видимо, только из уважения к ратуше, низкой каменной башенке и паре улиц, вымощенных кое-как. В остальном оно мало отличалось от большой деревни: те же заборы, те же куры в пыли, те же женщины у колодца, те же настороженные взгляды на чужака с хорошим конём и слишком усталым лицом.

Зато постоянный двор оказался на удивление приличным.

Чистая постель. Горячая еда. Пиво, которое не пахло болотом. И даже небольшая медная ванна, которой Кай воспользовался без всяких угрызений совести.

Спал он без сновидений.

И всё равно спокойно.

Тени то и дело подступали к краю сна, шептали что-то, предлагали услуги магу смерти, обещали силу, покой, месть, ответы. Кай не запомнил ни одного слова. Проснулся он от собственного резкого вдоха, с ощущением, будто кто-то только что убрал холодную ладонь с его лба.

Утром к нему пристал трактирщик.

Он был невысокий, широколицый, с редующими волосами и глазами человека, который всю жизнь учился улыбаться посетителям так, чтобы одновременно выглядеть приветливым и не упустить кошель. Звали его Бертрам О'Гюс, и он не знал, кто такой Кай.

Но сразу понял: парень непростой.

Может, молодой дворянин. Может, человек тайной службы какого-нибудь барона. А может, и вовсе маг — слишком уж странно он смотрел на людей, будто видел больше, чем полагалось обычному гостю.

Поэтому Бертрам был необычайно вежлив.

И необычайно приставуч.

— Господин, вы уж простите старика за любопытство, — говорил он, хотя стариком не был и сам прекрасно это знал. — Но к чему нам готовиться? Слухи разные ходят. Кто говорит, имперцы победили при Гримфорде. Кто говорит, бароны их отбросили. Кто говорит, всё Пограничье теперь в огне. Нам-то что делать?

Кай сначала думал просто расплатиться и уйти.

Потом заметил за спиной трактирщика девочку лет двенадцати.

Она стояла в дверях кухни, держала в руках полотенце и смотрела на чужака большими настороженными глазами.

Кай подумал о Салире.

О Даен.

О том, как быстро огонь пожирает дома, если люди с факелами приходят не за добычей даже, а просто потому, что могут.

Он медленно повернулся к Бертраму.

— Продавай всё.

Трактирщик моргнул.

— Что?

— Продавай всё, что сможешь. Даже за треть цены. Забирай семью и уезжай. Лучше к нелюдям. Если не туда — хотя бы прочь от главной дороги.

Бертрам побледнел.

— Но... господин, как же это? Кому же я продам? Да и дом, двор, погреб, припасы...

— Через два-три дня здесь будут имперцы, — сказал Кай.

Трактирщик сглотнул.

Кай говорил ровно. Почти устало.

— Разумеется, их цель не вырезать всё население Пограничья. Рано или поздно здесь установят порядок. Имперский порядок. Печати, налоги, коменданты, списки, новые чинов-

ники. Может быть, тебе даже разрешат жить дальше. Но до того момента будет армия. Солдаты. Офицеры. Люди, которые несколько дней шли через кровь, дым и чужую смерть.

Он кивнул на зал постоянного двора.

— Такое место — лакомый кусок. В лучшем случае какой-нибудь центурион положит глаз на заведение и поставит сюда своего человека. Ты потеряешь всё, но останешься жив. В худшем — пьяные солдаты просто свернут тебе шею, выпьют вино, заберут деньги и подожгут то, что не смогут унести.

Бертрам открыл рот, но ничего не сказал.

Кай посмотрел на девочку.

Она спряталась за косяк, но не ушла.

— А ещё есть соседи, — добавил Кай. — Те, кто решит, что раз всё рушится, можно взять чужое раньше имперцев. Война многое списывает. Особенно людям, которые и раньше были порядочными только из страха наказания.

Трактирщик опустил взгляд.

— Господин... но если я просто выйду на дорогу с семьёй и добром, меня же первые встречные и ограбят.

Кай вздохнул.

— Дай перо, чернила и лист.

Бертрам бросился выполнять просьбу так быстро, будто боялся, что чужак передумает.

Через минуту перед Каем уже лежал лист.

Он быстро написал:

“Подателю сего письма препятствий не чинить. Имущество не отнимать. Людей не задерживать.”

Потом достал малую походную печать Далмора — ту самую, что Ровен выдал ему для приказов на случай работы вне замка, — и поставил оттиск. Ниже дописал:

“Кай, маг барона Эйдана Далмора.”

Бертрам смотрел на лист так, будто перед ним лежала не бумага, а щит.

— Вот пропуск, — сказал Кай. — Как им распорядиться, решай сам. Если его найдут имперцы, твоя судьба будет незавидной. Но если поторопишься и попадёшь к людям баронов, они не посмеют тебя ограбить. По крайней мере, не сразу.

— А если не поверят? — спросил Бертрам. — Скажут, что я украл письмо или нашёл.

Кай задумался.

Потом нехотя снял заплечную сумку, порылся в ней и выудил небольшую кость.

Бертрам невольно отступил.

— Не бойся. Пока.

Кай сложил ладони лодочкой, положил кость между ними и пробормотал несколько слов. Между пальцами вспыхнул зеленоватый свет. Неяркий. Короткий. Но в комнате сразу стало холоднее.

Трактирщик побледнел ещё сильнее.

Девочка в дверях кухни ахнула.

Кай протянул кость Бертраму.

— Если тебе придётся доказывать, что письмо настоящее, брось это на землю и скажи: “Восстань”. Появится скелет. Он будет повинаться тебе. Когда надобность отпадёт, прикажешь ему уничтожить себя или зарыться в землю и ждать следующих указаний.

Бертрам принял кость так осторожно, будто это была ядовитая змея.

— Господин маг... я не знаю, как вас благодарить. Вы ведь меня даже не знаете. А это... бумага, печать, артефакт... У меня нет таких денег.

— Ты прав, — сказал Кай. — Я тебя не знаю. Но я повидал достаточно трактирщиков, чтобы сказать: ты не самый худший. Скорее наоборот.

Он снова посмотрел на девочку.

— К тому же я не смог спасти многих. Возможно, смогу спасти хотя бы тебя с дочерью.

Бертрам сглотнул.

— Деньги вам всё равно пригодились бы.

— Деньги тебе пригодятся больше.

— Тогда хоть услуга. Господин, я сделаю всё, что в моих силах. Клянусь.

Кай усмехнулся.

— Хорошо. В будущем, если наши пути пересекутся, мне может понадобиться совет по постройке или покупке трактира. У меня много талантов, но торговля к ним не относится.

Бертрам выпучил глаза.

— Вы хотите стать трактирщиком?

Кай усмехнулся снова.

Но улыбка быстро сошла с его лица.

— Нет. Я не хочу быть трактирщиком. Это... для моей матери. Я хочу открыть заведение, чтобы она ни в чём не нуждалась.

Он хотел добавить: “если найду её”.

Но осёкся.

Слова застряли в горле и вдруг показались такими жалкими, что Кай разозлился. На Бертрама, на себя, на войну, на белые плащи, на весь этот мир, где даже мечта купить матери трактир звучала почти смешно.

Он резко поднялся.

— Уезжай сегодня, — сказал он. — Не завтра. Сегодня.

И, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

Бертрам О’Гюс ещё долго стоял посреди зала с письмом в одной руке и маленькой костью в другой.

Потом медленно повернулся к дочери.

— Марта, беги к матери. Пусть собирает документы, деньги и тёплые вещи. Скажи ей: уезжаем сегодня.

Девочка побледнела.

— А постоялый двор?

Бертрам криво усмехнулся.

— Если господин маг прав, постоялый двор скоро перестанет быть нашим. Беги.

Марта кивнула и бросилась к лестнице, а Бертрам уже звал конюха и велел закладывать повозку.

Девочка кивнула и побежала.

А Кай уже ехал дальше, не зная, что его добрый поступок оставил за собой след.

Бой с прихвостнями некроманта обошёлся брату Дарию недёшево.

Половина отряда отправилась на небо — по крайней мере, так предпочёл думать сам Дарий. Ещё дюжина получила ранения средней и тяжёлой степени. Двое умерли уже после боя, пока им читали молитвы и пытались остановить кровь.

Из людей Макримана уцелело трое.

Сам главарь и двое самых опытных воинов.

Им удалось уйти. Они дрались, как бешеные псы. Можно было бы попытаться их догнать...

Но время было дороже.

Некромант уходил.

Дарий приказал перевязать своих раненых, похоронить павших.

Первые поиски ничего не дали.

В двух деревнях Дарий пытался выяснить, не видели ли там молодого мага на хорошем коне. Люди клялись, что не видели. Он не поверил. Одного старика били до тех пор, пока тот не перестал отвечать. Другого, помоложе, подвесили за руки в сарае и допрашивали почти час. Толку не было.

Люди могли лгать.

Могли говорить правду.

Разницы не было.

Дарий быстро понял: так он только теряет время.

На третий день безрезультатных поисков артефакт уловил слабую эманацию магии смерти.

Едва заметную.

Далёкую.

Почти на грани.

Дарий уже собирался приказать остановиться, когда камень в оправе на его груди холодно кольнул кожу. Не сильно. Но достаточно, чтобы он замер и медленно повернул голову.

Там.

Далеко впереди.

Слабый след.

Не сам некромант, скорее крошка его силы. Но живая, свежая. Оставленная недавно.

На губах Дария появилась улыбка.

Узкая, змеящаяся, нехорошая.

— Быстрее, бездельники, — сказал он. — В галоп.

Лошади рванули вперёд.

Кость, которую он оставил Бертраму, была мала, почти ничтожна по сравнению с тем, что он творил на поле у Гримфорда. Но магия смерти всё равно оставалась магией смерти. Она цеплялась за вещь, оставляла след, тянулась тонкой холодной нитью туда, где её недавно вложили в мёртвую кость.

Именно эту нить на третий день безрезультатной погони уловил артефакт Дария.

Если бы Кай знал, что милосердие тоже умеет оставлять следы, возможно, он всё равно поступил бы так же.

Но позже он не раз вспоминал тот миг и думал, что иногда даже добрый поступок становится поводом на собственной шее.

До гробницы оставался день пути.

Чем ближе Кай подъезжал к холмам, тем сильнее становилось неприятное чувство между лопатками. Не страх даже. Страх был понятен: за ним охотились белые плащи, он был один, устал, почти без союзников и всё ещё не знал, насколько далеко от него Дарий. Но это было другое. Глухая, упрямая тревога, будто сама дорога шептала: поздно. Тебя уже нашли.

Кай остановил коня у обочины.

— Паранойя, — сказал он вслух.

Конь фыркнул.

— Да, знаю. После последних дней любой на моём месте стал бы параноиком.

Он всё же достал из мешочка костный фрагмент, соскочил на землю и быстро поднял простого скелета. Не воина, не стража, не полноценного слугу — скорее костяную сторожевую куклу, в которую он вложил совсем немного маны.

— Лежать у дороги, — приказал Кай. — Не двигаться. Не нападать. Если почувствуешь живых на тракте — подай мне знак.

Скелет бесшумно опустился в придорожную траву, вытянулся между камнями и замер так неподвижно, что уже через несколько шагов его можно было принять за старые кости.

Кай снова сел в седло и поехал дальше.

Мысли вернулись к гробнице.

Арвен Сомер. Проклятый некромант. Запечатан паладинами Единого. В этих словах было слишком много обещаний и слишком много опасности. Если Сомер действительно стал личем, гробница могла оказаться не могилой, а клеткой. Если не стал — там всё равно могли остаться ловушки, печати, проклятия, стражи, книги, которые лучше не открывать, и знания, за которые люди прошлого расплачивались городами.

Кай почти усмехнулся.

После Гримфорда угроза “расплатиться городом” звучала не так убедительно, как должна была.

Сигнал пришёл внезапно.

Короткий. Резкий.

Кай натянул повод.

Сердце ударило в рёбра так сильно, что на миг стало трудно дышать. Он закрыл глаза, провёл пальцами по векам и потянулся к скелету, оставленному у дороги.

Мир качнулся.

Он увидел тракт низко, почти от земли. Пыль. Камни. Траву у обочины. Дрожащую линию горизонта.

И всадников.

Они шли быстро. Нет — не шли, летели по дороге, выжимая из коней невозможное. Впереди скакали несколько человек в белых плащах. За ними — ещё всадники, белые плащи, клирики, вооружённые бойцы. А дальше, чуть позади передовых, Кай увидел знакомую лысую голову и широкий разворот плеч.

Дарий.

В тот же миг в сознание ударила боль.

Не обычная. Не от раны и не от усталости. Будто раскалённую спицу воткнули прямо в мозг и провернули. Связь со скелетом оборвалась. Кай вскрикнул, потерял равновесие и рухнул с седла на землю.

Удар вышиб воздух из лёгких.

Несколько мгновений он лежал на боку, раскрывая рот, как рыба, выброшенная на берег. В глазах темнело. В ушах звенело. Где-то рядом испуганно переступал конь.

Кай наконец сумел вдохнуть.

Потом ещё раз.

Шатаясь, поднялся на колено.

Скелет-разведчик рассыпался. Он почувствовал это ясно: не просто уничтожение слуги, а грубый разрыв связи. Та же пустота, что у озера, только теперь она ударила по нему через созданное им зрение.

— Проклятие!

— Выдохнул он.

До всадников оставалось немного.

Слишком мало.

Обычные скелеты бесполезны. Зомби бесполезны. Проклятия, которые он успеет наложить, скорее всего, рассыплются, как только артефакт подойдёт ближе. С мечом против Дария и фанатиков он не продержится и минуты.

Оставался Жнец.

От одной мысли о нём спина покрылась холодным потом.

Кай не был уверен в двух вещах: хватит ли у него сил и что произойдёт, если Жнец окажется рядом с этим проклятым ларцом. Логика говорила: артефакт должен разрушать магические структуры. Скелеты рассыпались. Связь с разведчиком оборвалась. Значит, любая призванная нежить тоже погибнет.

Но Жнец не был нежитью в обычном смысле.

Кай не создавал его из костей или материала. Не удерживал, как зомби. Не лепил структуру из маны, как заклинание. Он открывал дверь. Звал то, что находилось по другую сторону. На миг позволял смерти войти в мир и указывал ей добычу.

Если артефакт разрушит дверь — Жнец может не прийти.

Если разрушит дверь после прихода — Жнец может не уйти.

Если Жнец не уйдёт...

Кай сжал повод так, что пальцы побелели.

Он вспомнил, как при первом призыве выпцвели краски мира. Как тишина стала тяжёлой. Как сама смерть будто сделала шаг рядом с ним.

В мире не было силы, способной справиться с таким существом.

Разве что боги.

Но в богов Кай не верил, полагая, что божественные проявления — лишь особый вид магии, пока не объяснённый людьми.

А сейчас у него не было времени спорить даже с самим собой.

Вдали уже показались первые белые плащи.

Кай вскочил в седло.

Конь сорвался с места почти сразу, будто тоже почувствовал приближение беды. Кай пригнулся к шее животного и заставил себя не смотреть назад. Ещё немного. Нужно оторваться хотя бы на несколько десятков шагов. Нужно открыть дверь позади, до того как ларец накроет его полностью.

Всадники приближались.

Кай чувствовал спиной границу действия артефакта. Она была не видимой, но почти осязаемой: холодное давление, ползущий по маноканалам иней, пустота, от которой хотелось выть.

Он рискнул.

Из забвенья страны вызываю я
тень, Ты свободен от всяких
незримых оков. Смерти слуга,
сделай шаг за порог. Силой, данною
мне, Жнец, явись на мой зов!

Призыв дался легче, чем в первый раз.

Не потому, что стал безопаснее. Нет. Просто Кай уже знал дорогу. Мана хлынула из него резким потоком, складываясь в форму, в щель, в дымчатую арку между мирами. За время заклинания конь пронёс его ещё несколько десятков шагов вперёд, и дверь раскрылась не перед Каем, а позади, почти на пути у преследователей.

Ларец не погасил призыв.

Это было хорошо.

Плохо было то, что Дарий уже успел выйти вперёд.

Он понял замысел Кая раньше остальных. Или просто оказался достаточно опытен, чтобы не дать магу закончить то, что тот начал. Лысый инквизитор пригнулся к шее коня, выхватил маленький металлический арбалет, почти игрушечный на вид, и выстрелил.

Болт клюнул Кая под правую лопатку.

Боль пришла не сразу. Сначала был только толчок, тупой и горячий, будто кто-то ударил его кулаком в спину. Потом тело пронзило огнём. Кай едва не выронил повод, но удержался, вцепившись в гриву коня.

И в тот же миг конь под Дарием умер.

Не заржал, не споткнулся, не рухнул от раны, как обычное животное. Просто подломился сразу всеми ногами, словно жизнь из него выдернули одним резким движением. Дарий перелетел через шею, ударился о землю, перекатился и каким-то чудом не сломал себе шею.

Он вскочил почти сразу.

И закричал.

Не от страха. От ярости.

Кай обернулся.

Жнец вышел.

В этот раз он был не с косой.

Дымчатая фигура двигалась слишком быстро для глаза, то появляясь, то исчезая между белыми плащами. В его руках блестели два изогнутых клинка, похожие на крестьянские серпы, только длиннее, тоньше и страшнее. Один взмах — и голова ближайшего охотника отделилась от тела. Второй — и лошадь вместе с всадником рухнула в пыль. Третий — и белый плащ раскрылся, будто под ним больше не было человека, только кровь и разрезанная тень.

Всадники смешались.

Кони ржали, вставали на дыбы, падали, налетали друг на друга. Кто-то пытался стрелять. Кто-то молился. Кто-то разворачивал коня. Ларец в руках клирика вспыхнул тусклым свинцовым светом, но Жнец не рассыпался. Он лишь на мгновение замедлился, словно проходя сквозь густую воду, а потом снова ударил.

Дарий, весь в пыли, с разбитой губой и кровью на подбородке, пятился назад, не сводя глаз с твари.

Теперь его спасало не расстояние, а хаос.

Мёртвый конь лежал между ним и Жнецом. Передовые всадники налетали друг на друга. Клирики мешали бойцам, бойцы орали на клириков, а те, кто нёс ларец, сами не знали, открыть его шире или, наоборот, захлопнуть крышку.

— Назад! — рявкнул Дарий. — Рассредоточиться, идиоты!

Кай уже этого не слышал.

Его собственный конь обезумел от близости Жнеца. Животные чувствовали магию лучше людей, а это было не просто заклинание. Конь Кая нёсся вперёд, хрипел, мотал головой и почти не слушался повода. Кай прижался к его шее, чувствуя, как болт в спине начинает работать.

Это был не обычный яд.

Обычная отравка на него подействовала бы слабо или не подействовала бы вовсе. Аврелий хорошо позаботился о защите ученика от простых ядов. Но здесь было другое. Что-то в болте медленно расползлось от раны, не по крови даже, а по маноканалам. Не убивало сразу. Не жгло плоть. Не останавливало сердце.

Оно закупоривало магию.

Постепенно.

Неотвратимо.

Кай попытался нащупать рану пальцами, но не дотянулся. Болт сидел под лопаткой, и каждый рывок коня вгонял боль глубже. Вытащить его самому он не мог. Да и не умел. Он знал только, что если наконечник останется в теле, станет хуже.

Гораздо хуже.

За спиной крики начали стихать.

Не потому, что бой закончился.

Потому что расстояние росло.

Кай не знал, сколько людей убил Жнец. Не знал, добрался ли до Дария. Не знал, исчез ли сам или всё ещё режет тех, кто оказался рядом с дверью между мирами.

Он знал только одно: сейчас он жив.

Пока.

Лошадь постепенно стала слушаться. Безумный галоп сменился неровным бегом. Потом быстрым шагом. Кай почти лежал на её шее, заставляя себя держать глаза открытыми.

Дорога расплывалась.

Свет становился слишком ярким, потом тусклым. Воздух холодел. В пальцах появилось странное онемение. Каждый вдох отдавался болью под правой лопаткой.

Он должен был добраться до гробницы.

Или хотя бы до места, где можно вытащить болт.

Или просто не упасть с коня.

Это уже казалось достойной целью.

Кай попытался собрать ману, чтобы проверить, сколько у него осталось сил.

Ответом стала вязкая пустота.

Не такая, как от ларца Дария. Та была внешней, давящей. Эта сидела внутри, расплзлась из раны, как чёрная смола по тонким каналам.

Конь шёл дальше.

Он прижался к крупу коня, вцепился пальцами в повод и заставил себя смотреть на дорогу.

Не закрывать глаза.

Не спать.

Не падать.

Потому что если он упадёт сейчас, поднять себя уже не сможет.

Лошадь шла всё медленнее.

Сначала Кай пытался гнать её дальше, но вскоре понял: если продолжит, животное просто рухнет. Эликсиры, страх, долгий бег, запах Жнеца за спиной — всё это выжало из коня почти столько же, сколько болт выжимал из самого Кая.

Боль под лопаткой стала глухой и глубокой.

Не такой, от которой кричат. Хуже. Она жила внутри, расплзалась тонкими холодными нитями, забивала маноканалы, делала каждый вдох тяжёлым, а каждую попытку собрать ману — бесполезной. Кай пробовал снова и снова: тянулся к силе, к привычному внутреннему источнику, к тем нитям, которые ещё недавно слушались его почти как пальцы.

В ответ приходила вязкая пустота.

Не полная. Не окончательная. Где-то далеко сила ещё теплилась, но между ней и волей Кая будто вбили клин. Болт сидел в теле и медленно закрывал проходы.

Он должен был его вытащить.

Но не мог.

Рука не доставала до раны. Каждый поворот плеча отзывался такой болью, что перед глазами вспыхивали белые пятна. Кай знал достаточно, чтобы понимать: если дёрнуть неправильно, наконечник может остаться внутри, и тогда всё станет ещё хуже. А он не врач. Он мог заставить мёртвую плоть идти. Мог ударить по связи души и тела. Мог поднять скелет из горсти костей.

Вытащить болт из собственной спины он не мог.

Холмы впереди становились ближе.

Там, за ними, должна была быть гробница Арвена Сомра. Старая, запечатанная, опасная. Сейчас Каю уже было почти всё равно, что ждёт внутри: ловушки, дух проклятого некроманта, лич, паладинские печати или пустые стены. Главное — добраться. Главное — найти место, где можно укрыться, прийти в себя и вернуть магию.

Лошадь вдруг остановилась, а потом встала на дыбы, едва не сбросив Кая на землю.

— Тихо... — выдохнул он, вцепившись в повод.

Но животное не слушалось. Оно хрипело, косило глазом куда-то в сторону дороги и пятилось, будто впереди стояло не дерево и не человек, а что-то куда хуже.

И тогда Кай услышал хрипловатый мужской голос:

— Так-так. Кто это у нас тут? Не иначе кто-то благородный.

Кай попытался повернуть голову, но мир плыл. Перед глазами дрожали тени, ветви, серое небо и чьи-то расплывчатые фигуры у дороги.

— На купца не похож, — продолжил голос. — На гонца тоже. Молод больно. Парни, гляньте-ка, сдаётся мне, он ранен.

Второй голос, насмешливый, протянул:

— Вот это чудо. Богатенький дворянчик умирать ехал, да решил нам по дороге немного монет завезти.

Со всех сторон раздались смешки.

Тот, кто, по-видимому, был у них главным, быстро прекратил веселье.

— Ну вот что. Вы двое — берите этого юнца и несите в лагерь. Там его обыщем. Рыжий, возьми лошадь. И смотри, чтобы никто не полез в сумки раньше меня. Клянусь тем, что ношу в портках, скоро мы озолотимся.

— А зачем нам его в лагерь тащить? — недовольно спросил кто-то. — Давай здесь выпотрошим да кинем на обочине. Зверьё быстро обглодает.

Наступила короткая тишина.

Потом главный сказал уже совсем другим голосом:

— Во-первых, мои приказы сначала выполняются, а потом обсуждаются. Во-вторых, безмозглый ты кретин, за него можно взять выкуп, если он из богатого рода. Прибить юнца мы всегда успеем.

Новых обсуждений не последовало.

Кая потянули чьи-то сильные руки. Боль под лопаткой вспыхнула так ярко, что он едва не закричал, но из горла вышел только хрип. Кто-то подхватил его под плечи, кто-то выругался из-за крови, кто-то потянул поводья лошади.

Кай попытался открыть глаза и запомнить лица.

Не смог.

В следующее мгновение тьма накрыла его окончательно.

— Ты уверена, женщина?

Голос был мужской, низкий, хрипловатый. Кай не сразу понял, слышит он его наяву или во сне.

— Да орк тебя забери, Фредерик! Это он.

Женский голос.

Знакомый.

Слишком знакомый.

Кай попытался открыть глаза, но веки будто налились свинцом. Тело лежало тяжело, чужое, больное. Под правой лопаткой горело тупо и глубоко, но уже не так страшно, как прежде. Значит, болт вытащили. Или он сам выпал. Или Кай умер, и теперь ему просто показывали особенно странный сон, где разбойники спорили с женщиной, которую он считал погибшей.

— Тише, — сказал мужчина. — Не ори на весь лагерь.

Женщина понизила голос, и несколько слов Кай не разобрал. Потом она снова сорвалась почти на крик:

— Фредерик, если хоть волос упадёт с его головы, я вас оставлю. И лечить своих головорезов будешь сам.

— А с чего ты взяла, что я тебе это позволю?

Опять тихий ответ. Слишком тихий.

Мужчина фыркнул, но тон его изменился.

— Ладно. Орк с тобой, женщина. Но это последний раз, когда я иду у тебя на поводу.

— Ты не понимаешь, что говоришь. Этот мальчик может стать нашим спасением.

— Хорош спаситель, — снова фыркнул Фредерик. — Кто бы его самого спас.

— Мы спасём его, — твёрдо сказала женщина. — Не иначе сама богиня судьбы привела его к нам.

Кай наконец понял: он жив.

И эти двое говорят о нём.

Более того, оба голоса казались ему знакомыми. Мужской — тот самый хрипловатый голос с дороги. Главарь разбойников. Фредерик. А женский...

Нет.

Не может быть.

Кай лежал неподвижно и несколько мгновений просто слушал собственное сердце. Оно билось быстро, неровно, слишком живо для человека, который последние дни видел больше смерти, чем сна.

Стоит ли показать, что он очнулся?

Или лучше ещё послушать?

Судя по всему, он попал в лагерь разбойников. В прежние времена в Пограничье такие шайки долго не жили: бароны не церемонились с дорожным отребьем и карали без жалости. Но теперь война, армии, беглецы, сожжённые деревни, разбитые обозы. В такое время разбойники плодятся быстрее крыс.

Кай осторожно пошевелил пальцами.

Руки не были связаны.

Это было первым хорошим знаком.

Вторым стало то, что боль под лопаткой хоть и оставалась, но больше не расплзалась по маноканалам чёрной смолой.

Кай потянулся к мане.

И сердце его ударило быстрее.

Магия ответила.

Не идеально. Не полной силой. Резерв был потрёпан, тело слабое, каналы болели так, будто их вычистили ржавым ножом. Но сила снова была с ним. Она текла медленно, осторожно, как вода по треснувшей чаше, но текла.

Кай едва не рассмеялся.

Теперь он мог колдовать.

Теперь он им покажет.

Он открыл глаза.

Над ним был потолок шатра — грубая ткань, пятна от дождя, несколько заплат. Пахло травами, дымом, кожей, потом и кровью. Рядом на низком столике стояла миска с тёмным отваром, окровавленные тряпки и металлические щипцы.

Кай поморщился.

Значит, болт действительно вытащили.

Он медленно повернул голову.

Шатёр был пуст.

За пологом слышались голоса, шаги, смех, звяканье посуды, лошадиное фыркание. Лагерь. Большой. Не меньше нескольких десятков человек.

Кай осторожно сел.

Мир качнулся.

Он переждал головокружение, потом сунул руку под край куртки и нащупал потайную вкладку. Кости были на месте. Не все, но достаточно.

— Глупые люди, — прошептал он.

Если берёшь в плен мага, нужно хотя бы обыскать его как следует.

Кай выудил два десятка маленьких костей и быстро раскидал их по разным сторонам шатра. Каждое движение отзывалось болью в спине, но терпимой. Он вдохнул, собрал ману и коротко приказал:

— Восстаньте.

Кости дрогнули.

Двадцать скелетов поднялись почти бесшумно.

На этот раз Кай вложил в них больше силы, чем обычно, не жалея резерва. Пятерых снабдил костяными луками и короткими колчанами, ещё пятерых — щитами и мечами, пятерых — копьями, а последним пяти дал по паре лёгких клинков. Оружие было не настоящим, а созданным из остаточной магии и костной структуры, но для людей, не ожидавших нападения нежити посреди собственного лагеря, этого хватит.

— Защищать меня, — тихо приказал Кай. — Если кто-то попытается причинить мне вред или приблизится с оружием — убить. Женщину не трогать. Лучникам — держать выход и тех, кто потянется к арбалетам.

Скелеты замерли.

Кай поднялся.

С первого раза не получилось. Колени подломились, перед глазами потемнело. Он стиснул зубы, опёрся о столик и всё же встал. Накинул сумку на плечо, взял меч, который кто-то неосмотрительно оставил у стены, и кивнул скелетам.

— Вперёд.

Полог шатра распахнулся.

Сначала наружу вышли скелеты-щитоносцы. За ними — копейщики. Лучники сразу разошлись по сторонам, поднимая костяные луки и беря на прицел ближайших вооружённых людей. Уже после них, пошатываясь и морщась от боли, вышел Кай. По бокам от него двигались скелеты с парными клинками.

Солнце ударило в глаза.

Кай моргнул несколько раз и осмотрелся.

Лагерь был разбит на небольшой поляне между деревьями. Шатры, костры, привязанные лошади, развешанные шкуры, котлы, телеги, бочки, оружие у стволов деревьев. Людей было много — больше, чем он ожидал. Кто-то ел, кто-то чистил меч, кто-то спал прямо на плаще. Несколько человек сидели у костра и играли в кости.

Первым заорал рыжий бородач:

— Тревога!

Из ближайших шатров посыпались вооружённые люди.

Кай поднял руку.

Скелеты сомкнулись вокруг него плотнее.

Разбойники замерли.

Не от трусости. Скорее от неожиданности. Одно дело — притащить в лагерь раненого юнца на хорошем коне. Другое — увидеть, как этот юнец выходит из шатра в окружении двух десятков вооружённых скелетов.

Из самого большого шатра последними вышли двое.

Первым — здоровенный бородастый мужчина с тяжёлым взглядом. Фредерик.

Второй была женщина.

Кай застыл.

— Даен?

Имя сорвалось само.

Травница тоже остановилась. На лице у неё мелькнуло столько всего сразу — облегчение, испуг, радость, усталость, — что Кай на мгновение снова почувствовал себя не магом, не беглецом, не человеком, за которым охотится церковь, а мальчишкой из Озёрной.

— Ты жива, — выдохнул он. — Хвала... богам. Я слышал, что случилось с деревней. Я думал...

Голос сорвался.

Даен подошла ближе, не обращая внимания на скелетов.

— Как видишь, мой мальчик, меня не так-то легко убить.

Кай хотел сказать что-то ещё, но слова застряли.

Фредерик медленно обвёл взглядом скелетов, потом перевёл его на Кая.

— Значит, вы знакомы.

— Он мой, — резко сказала Даен.

Фредерик поднял бровь.

— В смысле?

— В смысле, если кто-нибудь из твоих идиотов сейчас дёрнется, я потом буду лечить только тех, кто мне нравится.

Рыжий бородач кашлянул.

— Командир, так что делать?

Фредерик задумчиво посмотрел на скелетов.

Потом на бледного Кая, который стоял только потому, что упрямство иногда заменяет здоровье.

Потом снова на Даен.

— Отбой, — сказал он наконец. — Парни, оружие убрать. Нам с юношей и нашей лекаркой нужно обсудить кое-какие дела. Вечером проведём общий совет.

Люди переглянулись, но спорить не стали.

— Рыжий, — добавил Фредерик, — пока мы беседуем, отправь кого-нибудь из молодых на охоту. Хорошо бы кабанчика или оленя. После совета мясо лишним не будет.

Кай хотел усмехнуться, но вместо этого покачнулся.

Даен успела подхватить его под локоть.

— Назад в шатёр, — сказала она.

— Я могу стоять.

— Можешь. Недолго. Потом упадёшь лицом в грязь и снова заставишь меня тебя чинить.

Кай посмотрел на неё.

На живую.

Настоящую.

С сердитым лицом, усталыми глазами и руками, пахнувшими травами.

— Салира? — тихо спросил он.

Лицо Даен смягчилось.

— Жива. Спит в соседнем шатре. Вымоталась.

Кай закрыл глаза на одно мгновение.

Будто кто-то снял с груди камень, который он сам уже привык носить.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо.

— Конечно, хорошо, — буркнула Даен. — А теперь прекрати изображать героя. Г

Фредерик хмыкнул.

— Мне начинает казаться, что это будет интересный разговор.

Кай опустил руку.

Скелеты остались стоять вокруг шатра.

В шатре Даен заставила Кая сесть на лежанку и тут же сунула ему в руки чашку с горьким отваром.

— Пей.

— Что это?

— То, что не даст тебе рухнуть лицом в пол в ближайшие полчаса. Пей, сказала.

Кай послушно выпил и поморщился.

— На вкус как смерть, настоящая на болотной траве.

— Значит, узнаёшь мои рецепты.

Даен говорила сердито, но руки у неё дрожали. Она быстро проверила повязку на его спине, приподняла край ткани, убедилась, что рана снова не открылась, и только после этого позволила себе выдохнуть.

Фредерик вошёл следом, откинул полог и остановился у входа. Скелеты снаружи тут же повернули головы в его сторону. Пятеро лучников подняли костяные луки.

— Спокойно, — сказал Кай. — Он пока не враг.

— Пока? — переспросил Фредерик.

— Мне нравится оставлять людям пространство для ошибки.

Фредерик хмыкнул.

— Смешной мальчик.

— Не очень.

Даен резко посмотрела на обоих.

— Если вы двое сейчас начнёте мериться тем, у кого голос страшнее, я заставлю вас пожалеть об этом. Один раненый, другой здоровый, но ума от этого не больше.

Фредерик поднял руки.

— Я молчу.

— Вот и молчи..

— Как вы выбрались?

Даен села напротив него. На мгновение её лицо стало старше. Не на год и не на два — на целую сожжённую деревню.

— Мы с Салирой спрятались в подземном ходе, в нижнем погребе.

— Сначала сидели тихо. Слушали. Я всё боялась, что кто-то остался наверху. Люди Торна. Белые плащи. Мародёры. Кто угодно.

Кай медленно сжал пальцы на чашке.

Повезло, что в погребе были травы, вода и немного еды. Я сварила два зелья выносливости. Себе и Салире.

Кай опустил взгляд.

Перед глазами на миг встал дом Даен. Травы под потолком. Запах отваров. Салира у печи. Тёплая, живая, почти забытая нормальность.

— А потом?

— Потом пошли лесом. Куда глаза глядят. Днём прятались, ночью шли. Салира держалась молодцом, но она ребёнок, Кай. Ей двенадцать. Она не должна была учиться спать под корнями и пить воду из лужи через тряпку.

Фредерик, до этого молчавший, отвёл взгляд.

Даен продолжила:

— Потом нас подобрал один купец. Сначала я решила, что нам повезло. Телега, еда, дорога. Но он всю дорогу смотрел то на меня, то на Салиру так, что я уже жалела, что не осталась в лесу.

Фредерик тихо фыркнул.

— Свинья был, а не купец.

— Ты его не знал.

— Я видел достаточно таких.

— Так вот, — Даен не стала спорить. — Мы ехали с ним до тех пор, пока на дороге не оказалось дерево. Ему бы сразу повернуть назад, но он решил посмотреть. Слез, подошёл ближе, и ему в шею прилетела стрела.

Кай поднял глаза на Фредерика.

— Ваша работа?

— Наша, — спокойно сказал тот. — Он ехал через наш участок дороги. Пошлину платить не собирался.

— Пошлину?

— Красивое слово для грабежа. Мне нравится.

Даен сердито покосилась на него.

— Сначала я думала, нас убьют следом. Потом сказала, что умею лечить. В мирное время лекарь ценится высоко. А уж у людей, которые живут мечом, стрелой и украденной едой, тем более.

— Мы не едим только украденную еду, — заметил Фредерик. — Иногда охотимся.

— Когда украсть не у кого.

— Тоже верно.

Кай посмотрел на него внимательнее.

Фредерик был огромен. Не просто высокий — тяжёлый, крепкий, будто сложенный из старых дубовых балоков. Борода густая, тёмная, с проседью. На левой щеке тонкий шрам. Взгляд цепкий, насмешливый, но не пустой. Это был не пьяный дорожный головорез, которому повезло собрать вокруг себя таких же. Этот человек умел командовать.

И люди его слушались.

— Ты не всегда был разбойником, — сказал Кай.

Фредерик усмехнулся.

— Кем ты был?

— Не сейчас.

Даен хотела что-то добавить, но Фредерик резко перебил:

— Лучше пусть молодой маг расскажет, кто попотчевал его болтом в спину. Работа тонкая. Не пограничная. Похоже на гномскую, но слишком злая для гномов. И наконецник был не простой. Наш кузнец его вытащил и потом полчаса плевался, что такую дрянь в горн бросать страшно.

Кай помрачнел.

— Болт был имперским. Или церковным. Впрочем, в последнее время между ними разница всё меньше.

Даен поставила чашку на стол.

— Рассказывай с начала.

Кай не хотел рассказывать.

Не потому, что не доверял Даен. Ей он как раз доверял больше, чем большинству живых. Просто стоило открыть рот, и всё снова становилось настоящим: постоянный двор, разговоры о сожжённой Озёрной, служба у Эйдана Далмора, Гримфорд, трупоголем, Дарий, бегство.

Но Даен смотрела так, что отмолчаться было невозможно.

И Кай рассказал.

Не всё подробно. Не каждую мысль, не каждый страх, не каждую мерзость, за которую потом придётся отвечать перед собой. Но достаточно.

Рассказал, как после ухода из Озёрной добрался до соседнего баронства. Как на постоянном дворе услышал от наёмников, что деревню сожгли люди Торна и белые плащи. Как тогда решил, что Даен и Салира погибли вместе со всеми. Как пошёл к вербовщикам и нанялся к

Эйдану Далмору не из чувства справедливости, а потому что это был ближайший путь ударить по Торну.

Даен слушала молча.

Только когда Кай сказал: “Я думал, вы погибли”, она закрыла глаза.

Кай продолжил.

Рассказал, как Далмор принял его на службу, хотя узнал, что он некромант. Как Пограничье собрало войско. Как Орвин выжег имперский фланг, Талион вызвал кровавый дождь, а он сам поднял трупоголема. Как Империя всё равно шла. Как Эйдан приказал вывести магов. Как Дуглас Макриман остался прикрывать отход.

При имени Эйдана Фредерик стал серьезнее.

— Далмор пал?

— Не знаю, — сказал Кай. — Я видел, как он сошёлся с Грейвеном Торном. Потом Дуглас увёл меня. Но вряд ли обычный клинок мог спасти Далмора от оборотня.

Он не договорил.

Даен поняла.

Фредерик тоже.

— А потом? — спросила травница.

— Потом Дарий перехватил нас у дороги. У них был артефакт. Свинцовый ларец. Я тогда ещё не знал, что это такое, но он глушил магию. Скелеты рассыпались, как сухая глина. Я почти не мог колдовать. Дуглас понял, что всех не вывести, и приказал мне уходить одному. К Вейргарду.

— Но ты не поехал к Вейргарду, — сказала Даен.

Это был не вопрос.

Кай отвёл взгляд.

— Нет.

— Почему?

— Потому что к тому времени я уже понял кое-что о чужих приказах. Далмор, скорее всего, погиб. Крейн, если принял командование, стал бы использовать меня так же, как использовал бы любое редкое оружие. Может быть, разумно. Может быть, даже честно. Но мне нужна не ещё одна война под чужим знаменем.

— Тебе нужна Велена, — тихо сказала Даен.

Кай кивнул.

— Мне нужна мать. И сила, чтобы прийти за ней к оркам не беглецом, а магом, с которым придётся говорить.

Фредерик прищурился.

— И где ты собирался взять такую силу?

— В гробнице.

Вот теперь Даен подняла голову.

— В какой ещё гробнице?

— Недалеко отсюда есть гробница одного мага прошлого. Арвена Сомра. Некроманта, как и я. В старых записях сказано, что его запечатали паладины Единого.

Фредерик медленно присвистнул.

— Весёлое место.

— Скорее всего, смертельно опасное, — сказал Кай. — Но там могут быть знания. Артефакты. Что-нибудь, что поможет мне вытащить Маму, если она ещё жива.

— А если этот твой Сомр сам там сидит и ждёт дурака, который откроет дверь? — спросил Фредерик.

— Тогда дураку придётся быть осторожным.

Даен недобро посмотрела на него.

— Кай.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты говоришь так, будто осторожность — это просто слово, которое можно вставить между двумя самоубийственными решениями.

Кай устало усмехнулся.

— Возможно, так оно и есть.

Даен хотела ответить, но промолчала.

Кай продолжил:

— По дороге я остановился в маленьком городке. Там был трактирщик. Я предупредил его, что имперцы скоро будут там, и дал ему пропуск с печатью Далмора. Ещё зачаровал кость, чтобы он мог доказать, что письмо настоящее.

Фредерик нахмурился.

— Зачаровал кость?

— Да.

— Магией смерти?

Кай помолчал.

— Да.

Фредерик покачал головой.

— И церковники снова вышли на след.

— Похоже на то. Я понял это слишком поздно. До гробницы оставался примерно день пути, когда меня нагнал Дарий.

Фредерик прищурился сильнее.

— И как же ты уцелел?

Кай скривился.

— Я как раз собирался перейти к этому.

Он помолчал.

— Я вызвал Жнеца.

В шатре стало тише.

Даен медленно закрыла глаза, словно именно этого и боялась услышать.

Фредерик перевёл взгляд с неё на Кая.

— Судя по лицу нашей лекарки, это было не самое разумное решение.

— Это было единственное решение, — сказал Кай. — Жнец — не нежить. Не скелет и не зомби. Это сущность из другого мира. Очень могущественная. Я не создаю его, а открываю дверь и зову. Указываю цель.

— Тогда почему ты не вызвал его сразу? — спросил Фредерик. — Если он такой сильный.

Кай отвёл взгляд.

— Потому что я его не контролирую.

Даже Фредерик перестал усмехаться.

— Когда Жнец приходит в наш мир, все живые для него враги. Я не становлюсь другом. В лучшем случае — чем-то нейтральным. И то до поры. Заклинание сложное, требует много энергии и концентрации. Ошибусь хоть на миг — он убьёт меня первым.

Фредерик задумчиво почесал бороду.

— Был у меня похожий случай.

Даен посмотрела на него с недоверием.

— Похожий?

— Ну, почти. Гнались как-то за мной четверо по лесу. Я уже выдыхался, а тут увидел медвежью берлогу. Срубил молодое деревце, потыкал в берлогу, а сам за неё забежал. Медведь вылез и напал на моих преследователей.

Кай несколько секунд смотрел на него.

Потом кивнул.

— Да. Примерно так.

— Только твой медведь из другого мира?

— И я не знаю, что это за медведь. И если он останется здесь, боюсь, всем будет уже не до охоты.

Фредерик хмыкнул.

— Весёлая у тебя жизнь, мальчик.

— Последние недели — особенно.

— А болт?

Кай невольно повёл плечом и тут же поморщился.

— Дарий успел выстрелить. Маленький арбалет, почти игрушечный. Болт попал под лопатку. Это была не обычная отравка. Что-то в наконечнике начало забивать маноканалы. Я смог уйти только потому, что Жнец устроил среди них бойню, а конь понёс меня дальше. Потом уже почти ничего не помню. Лошадь остановилась, появились твои люди, а дальше я очнулся здесь.

Фредерик помолчал.

— Значит, за тобой гонится церковь, бароны считают тебя полезной скверной, орки могут держать твою мать, а ты ещё собираешься лезть в гробницу древнего некроманта.

— В общих чертах, да.

Кай посмотрел на свои руки. На тонкие пальцы, на следы крови под ногтями, на кожу, которая слишком часто в последнее время касалась смерти.

— Раньше я хотел отомстить имперцам, — сказал он. — Потом белым плащам. Потом Торну. Теперь... вы живы. Ты и Салира. Значит, месть может подождать.

Он поднял взгляд.

— Но Велена всё ещё где-то там. И если у меня есть хоть один шанс стать достаточно сильным, чтобы добраться до неё, я им воспользуюсь.

Даен нахмурилась.

Кай поднял глаза.

— Я знаю, что идти туда сейчас — безумие. Орки уважают силу. А я даже если снова вызову Жнеца, вряд ли смогу получить мать живой. Мне нужны знания. Артефакты. Что-то, с чем можно прийти не как беглец, а как маг, с которым придётся говорить.

— Гробница, — сказала Даен.

Кай кивнул.

— Тебе нужно восстановиться.

— Несколько дней.

Кай хотел возразить.

Но тело предало его раньше слов: перед глазами снова поплыли тени, и он схватился за край стола.

Фредерик переглянулся с Даен.

— Через сколько имперская армия будет здесь? — спросил он.

Кай заставил себя собраться.

— Думаю, не раньше чем через пару недель. О выносливости легионеров ходят легенды, но даже они не могут шагать без отдыха. К тому же припасы, которые они взяли, скоро начнут подходить к концу. Им придётся останавливаться, пополнять обозы в городах, охранять дороги. И это не прогулка. Союзные войска разбиты, но не уничтожены. Большая часть отступила. Наверняка будут засады, налёты, сожжённые мосты, ночные нападения. Имперцам не дадут спокойно отдыхать.

Фредерик задумался.

— Значит, нам нужна новая база.

Кай посмотрел на него.

— Вам?

— Нам, — поправил Фредерик. — Если мы останемся здесь, рано или поздно нас либо прижмут имперцы, либо выкурят люди Крейна, либо сожрут те, кто хуже нас. Война меняет дороги. Старые норы становятся тесными.

— И что ты предлагаешь?

Фредерик улыбнулся.

— Скажи, Кай, сколько скелетов ты можешь поднять?

Даен медленно повернула к нему голову.

— Фредерик.

— Что? Я просто спрашиваю.

Кай прислушался к себе.

После призыва Жнеца резерв снова изменился. Он стал шире, глубже, опаснее. Как будто каждый раз, когда Кай подходил к краю смерти, внутри него что-то расширялось, освобождая место для новой силы.

— Сейчас? Около двухсот тридцати простых скелетов. Может быть, чуть больше, если не заботиться о качестве. Зомби — меньше, около двухсот. Могу создать трупоголема, но для него нужны материалы и ингредиенты, которых у меня нет.

Фредерик и Даен переглянулись.

— А когда войдёшь в полную силу? — осторожно спросил Фредерик.

Кай пожал плечами.

— Не знаю. Тысячи. Десятки тысяч. Может быть, больше. Скелеты и зомби — низшая нежить. Есть средняя, высшая. Трупоголем — уже ближе к средней. Я сам не знаю, сколько видов нежити существует. Надеюсь, в гробнице найду ответы.

Фредерик некоторое время молчал.

Даен тоже.

Они оба, кажется, впервые до конца поняли, что перед ними не просто раненый юнец с опасным даром. Один человек, если дать ему знания и время, мог однажды сотворить целое войско.

И этот человек сейчас сидел перед ними бледный, злой, с повязкой на спине и глазами мальчишки, которого слишком часто заставляли выбирать между плохим и худшим.

Фредерик заговорил осторожнее:

— На границе с землями нелюдей есть одно место. Маленькое владение. Даже не баронство толком — замок, деревня, несколько хуторов и старый мост через ущелье. Хозяин там редкая сволочь. Если для тебя это важно.

— Важно, — сказал Кай.

— Я так и подумал. Место удобное. Дороги рядом. Леса рядом. До нелюдей недалеко. Имперцам туда сразу лезть неудобно. Если взять замок, там можно переждать, собрать людей, хранить припасы, лечить раненых. Нам нужна база. Тебе нужно убежище. И, судя по всему, тебе не помешают люди, которые умеют делать грязную работу.

Кай посмотрел на Даен.

— Вы с Салирой останетесь с ними?

Травница помолчала.

— Они не самые законопослушные люди.

Фредерик фыркнул.

— Мягко сказано.

— Но к нам относятся хорошо, — продолжила Даен. — И деваться нам особо некуда. Мой дом сожжён. Озёрной больше нет. Сейчас война, Кай. Двум женщинам небезопасно путешествовать одним.

Кай перевёл взгляд на Фредерика.

Что-то в нём изменилось.

Не сильно. Не внешне. Просто из лица ушла усталость, а голос стал сухим и ровным, почти без эмоций:

— Я благодарен тебе и твоим людям за то, что вы позаботились о Даен и Салире. Помочь вам обрести место, где можно начать новую жизнь, будет малым, чем я могу отплатить.

Фредерик кивнул.

— Рад, что мы поняли друг друга.

— Но вот ещё что, — продолжил Кай. — Не принимай это за угрозу. Скорее за добрый совет.

Фредерик перестал улыбаться.

— Слушаю.

— Если ты или твои люди причините зло Даен или её дочери, вас всех будет ждать участь хуже смерти. Вы даже представить не можете.

В шатре стало очень тихо.

Фредерик сглотнул.

Не потому, что был трусом. Просто он сразу понял: это не пустая угроза. Тщедушный с виду сопляк, едва державшийся на ногах, говорил так, будто уже видел, что именно сделает. И, возможно, действительно видел.

Даен резко сказала:

— Кай.

— Нет, — мягко ответил он. — Это нужно сказать.

Фредерик медленно кивнул.

— Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы Даен и Салира были живы и здоровы.

Он смотрел Каю прямо в глаза.

И Кай ему поверил.

В этот миг снаружи что-то сухо щёлкнуло.

Кай замер.

Не голос. Не шаг. Не крик часового. Скорее короткое движение костей — один из скелетов у входа резко повернул голову.

Потом второй.

Потом третий.

Даен сразу заметила, как изменилось лицо Кая.

— Что?

Кай прислушался к связи.

Скелеты не умели бояться, но передавали ему простые ощущения: движение, чужое присутствие, направление. Один из костяных лучников уже поднял лук и целился куда-то в сторону северного края поляны.

— Кто-то рядом, — сказал Кай.

Фредерик тут же поднялся.

— Где?

— Снаружи. У деревьев.

— Человек?

Кай задал приказ одному из скелетов посмотреть внимательнее.

Ответ пришёл странный. Не человек. Не зверь. Не вполне живое. И не вполне мёртвое.

— Нет.

Фредерик потянулся к мечу.

— Рыжего сюда. И людей по краям лагеря.

— Подожди, — сказал Кай.

— Не люблю ждать, когда возле моего лагеря кто-то шастает.

— Я тоже.

Кай поднялся. Спина тут же отозвалась болью, но он удержался на ногах.

— Посмотрим сначала.

Даен нахмурилась.

— Кай, ты едва стоишь.

— Значит, пусть меня хорошо видно. Иногда это помогает.

Он откинул полог и вышел наружу.

Скелеты стояли вокруг шатра полукольцом. Щитоносцы ближе к выходу, копейщики чуть дальше, лучники уже держали на прицеле северный край поляны. Люди Фредерика тоже заметили неладное: кто-то потянулся к оружию, кто-то поднялся от костра, кто-то обернулся к деревьям.

День был серым, но светлым. Солнце пряталось за тонкими облаками, и от этого тени под деревьями казались гуще.

У самой границы лагеря, там, где начинался лес, стоял молодой человек лет двадцати.

Бледный, темноволосый, в дорожном плаще, слишком чистый для разбойничьего лагеря и слишком спокойный для того, в кого сейчас целились костяные лучники. Он не делал резких движений. Даже руки держал на виду, будто пришёл не нападать, а вести переговоры.

— В этом нет необходимости, — произнёс он мягко.

Фредерик вышел следом за Каем и прищурился.

— Ты бы ещё из-под земли вылез, для полного счастья.

— Было бы невежливо, — ответил незнакомец. — У вас и так тяжёлый день.

Кай смотрел на него молча.

Теперь, снаружи, он чувствовал гостя яснее.

Не человек.

Не живой.

И не мёртвый до конца.

Вампир.

Кай не стал ждать.

Он зачерпнул силу и ударил невидимым лезвием по той тонкой нити, что соединяла подобие души с телом.

Вампир рухнул на колени.

Его черты исказились. Молодое лицо вытянулось, заострилось, кожа стала серой и тугой, губы ушли, обнажая клыки, которым позавидовал бы волк. Уши заострились, глаза на миг стали чёрными, без человеческого блеска.

Люди у костров заорали. Несколько человек вскинули арбалеты.

Фредерик выругался:

— Орк меня сожри...

— Не стрелять! — рявкнул Кай.

Сам не понял, почему сказал это так быстро.

Вампир стоял на коленях, сжимая пальцами землю.

— Не убивай, — прохрипел он. — Я пришёл говорить.

Кай сдерживал удар.

Он уже почти перерезал ту странную связь, что удерживала Сангвина Мортимора в этом мире. У скелета такая связь была тонкой нитью — почти паутинкой. У зомби — толще, грубее, как жила. У вампира всё оказалось иначе: тонкая металлическая цепочка, холодная, прочная, гибкая, одновременно живая и мёртвая. Кай подумал, что у высшей нежити это были бы уже не цепочки, а стальные тросы или якорные цепи.

Но Сангвин не был высшей нежитью.

И его цепочка уже натянулась до звона.

— Ты принесёшь мне клятву верности на крови, — сказал Кай. — Или я развоплю тебя здесь и сейчас.

Вампир поднял на него глаза.

Несколько мгновений он молчал.

Потом медленно поднёс руку к губам и прокусил запястье. Тёмная, почти чёрная кровь выступила на бледной коже.

— Я, Сангвин из рода Мортиморов, — произнёс он, — клянусь в верности владыке Каю до скончания времён или до того часа, когда он сам освободит меня от этой клятвы. Клянусь кровью своего рода и патриарха.

Кай почувствовал, как клятва преобразуется в связь.

Он медленно убрал невидимое лезвие.

Сангвин выдохнул и поднялся с колен.

— Теперь он не сможет навредить мне, — сказал Кай. — Ни прямо, ни через чужие руки, ни хитростью, ни приказом, ни молчанием, если будет знать об угрозе. И не сможет причинить вред тем, кого я назову своими.

Сангвин склонил голову.

— Да, владыка.

Даен побледнела.

— Кай...

Он обернулся.

— Что?

— Ты понимаешь, что сделал, так же нельзя!

Сангвин ответил раньше него:

— Он сделал всё правильно.

Даен резко посмотрела на вампира.

— Правильно?

— Да, лекарка. Хозяин должен быть сильным. Иначе он не хозяин. Он еда.

Кай смотрел на Сангвина ещё несколько секунд.

— Тогда говори. Почему ты пришёл?

Вампир провёл пальцами по запястью. Рана уже закрывалась.

— Потому что твои враги — мои враги тоже..

— Потому что белые плащи уничтожили мой дом, — сказал Сангвин.

Фредерик, стоявший рядом с мечом в руке, прищурился.

— Дом — это поместье или родня?

— И то и другое.

Сангвин говорил спокойно, почти равнодушно, но от этой ровности становилось холоднее.

— Род Мортиморов жил в Пограничье дольше, чем многие здешние баронские фамилии. Мы не резали деревни, не устраивали кровавых пиров, не оставляли после себя горы тел. Глупые хищники быстро становятся легендами. Легенды быстро становятся целью для охотников. Мои старшие это понимали.

— И всё равно вас нашли, — сказал Кай.

— Они искали не нас. Они шли за тобой.

Кай молча смотрел на него.

Сангвин продолжил:

— У белых плащей был артефакт. Он взял сильный след смерти. Старый. Глубокий. Возможно, след моего рода. Возможно, след кого-то из старших. Они свернули с дороги, нашли поместье и решили, что Единый сам привёл их к гнезду тварей.

Даен тихо выдохнула:

— Они вырезали всех?

— Всех, кого застали днём, — ответил Сангвин. — Днём мы не беспомощны, как любят рассказывать крестьяне у печи. Солнце не обращает нас в пепел. Но оно отнимает часть силы. Скорость. тени. силу и некоторые другие возможности....

— А ты? — спросил Фредерик.

— Меня не было. Я охотился далеко от дома. Вернулся ночью и нашёл пепел, светлую магию на стенах и мёртвую тишину там, где веками слышал голоса своих.

Фредерик сплюнул в траву.

— Святые люди, мать их.

Сангвин посмотрел на него почти с одобрением.

— После этого я пошёл за ними.

— И много забрал? — спросил Кай.

— Достаточно, чтобы они перестали спать спокойно. Но недостаточно, чтобы утолить долг.

Он говорил уже мягче, и в этой мягкости слышался голод.

— В зверином облике они почти не могли меня отследить. Их молитвы цепляются за нежить, за мёртвую плоть, за след скверны. Но летучая тень в ночном небе, зверь между деревьями, коготь на горле часового — это не то, к чему их учили. Я убивал по одному. Иногда по двое. У ручья. У конюшни. В кустах у дороги. Один исчез так тихо, что они полдня думали, будто он просто отстал.

— Почему не вырезал всех? — спросил Фредерик. — Раз такой ловкий.

Сангвин повернул к нему голову.

— Потому что с их главарём мне не совладать. А ещё они вошли в земли Торна. Чужой хищник на земле оборотня долго не живёт.

Кай запомнил это.

— Но ты знал, куда они идут.

— Я напоил своей кровью одного из их людей.

Даен напряглась.

— Обратил?

— Нет. Он оставался живым. Тёплым. Дышащим. Поэтому их артефакты не видели в нём нежить. Зато я мог иногда слышать через него. Иногда видеть. Ненадолго, но достаточно.

Кай понял.

— Жнец убил его.

— Да, владыка.

Сангвин произнёс это без упрёка.

— Что ты знаешь о магии смерти?

— Меньше, чем тебе хотелось бы, владыка. Вампиры не некроманты.

— Но вы нежить.

— Да. Но наша сила строится иначе. Вампирья магия держится на преобразовании чужой праны. Кровь — самый удобный носитель. Мы забираем её, перевариваем, меняем под себя. За счёт этого быстрее двигаемся, лечим раны, меняем облик, подчиняем слабую волю, оставляем метки в тех, чью кровь мы пили или кому мы дали свою.

Кай смотрел внимательно.

— То есть ты не знаешь заклинаний смерти?

—Нет.

— Арвен Сомер?

Сангвин чуть склонил голову, вспоминая.

— Имя старое. Неприятное. Его не любили даже те, кто сам не боялся кладбищ. Мой род не пересекался с ним, но слухи о нём ходили. Некромант, который слишком много строил, слишком глубоко копал и слишком долго не желал умирать.

— Его гробницу запечатали паладины Единого.

— Значит, уничтожить не смогли, — сказал Сангвин. — Или побоялись, что после уничтожения станет хуже.

Кай помолчал.

— Там может быть лич?

— Может. Или ловушка. Или мёртвый дух, привязанный к камню. Или книга, которая не учит, а ест того, кто пытается читать. Я бы туда не пошёл.

Фредерик хмыкнул.

Из-за шатров вдруг донёлся тонкий голос:

— Кай?

Он обернулся.

Салира стояла в чужой тёплой куртке, растрёпанная, бледная после сна. Несколько мгновений она смотрела на него так, будто боялась моргнуть и потерять.

Потом сорвалась с места.

— Кай!

Она бросилась к нему и обняла так крепко, что у него вспыхнула боль под лопаткой. Кай поморщился, но не отстранил её. Только осторожно положил руку ей на плечо.

— Тише. Я жив.

Даен резко отвернулась, будто ей срочно понадобилось посмотреть на костёр.

Фредерик кашлянул в кулак.

Салира подняла голову, увидела скелетов, потом Сангвина и замерла.

— А это кто?

Сангвин вежливо поклонился.

— Моргимор Сангвин. С недавних пор — слуга господина Кая.

На секунду она остолбенела, потом спохватилась, снова посмотрела на Кая и выпалила:

— У меня к тебе миллион вопросов.

Кай осторожно коснулся её плеч и бережно отстранил от себя. Не резко — просто так, чтобы видеть её лицо.

— Знаю, — тихо сказал он. — Позже. Хорошо?

Салира хотела возразить, но посмотрела на его бледное лицо, на повязку, на то, как он держится слишком прямо, будто иначе упадёт, и кивнула.

— Хорошо. Но ты не отвертись.

К вечеру охотники вернулись с кабаном.

Лагерь сразу ожил. Мясо разделали у ручья, жир зашипел на углях, дым потянулся между деревьями. Разбойники ругались, смеялись, спорили из-за лучших кусков, кто-то пытался играть на треснувшей дудке, пока ему не пригрозили засунуть её туда, где музыка станет глуше.

— Раньше у нас были ножи, карты и вши, — сказал худой парень с перебитым носом. — Теперь лекарка, девчонка, колдун, костяки и кровосос.

— Осталось медведя в повара взять.

— Медведь хоть жрёт честно.

Сангвин сидел чуть в стороне и делал вид, что разговор его не касается.

— А этот, гляди, даже мясо не ест, — заметил один из разбойников. — Ему бы кружку крови да салфеточку.

— С оттопыренным пальцем, — добавил другой.

Сангвин повернул голову.

— Я прекрасно слышу.

— Так мы для тебя и стараемся, господин бледность.

Несколько человек заржали.

Смех оборвался, когда поднялся Рыжий.

Огромный бородач с огненной гривой стоял у дальнего костра, держа кружку. Лицо у него было злое, но не пьяное. Это было хуже.

— Фред, — громко сказал он.

Фредерик медленно поднял глаза.

— Чего тебе?

— Скажи людям, что мы теперь такое.

— Мы теперь не банда. Мы теперь ярмарочный цирк. Баба шепнёт — ты киваешь. Колдун костяков выведет — ты киваешь. Кровосос приползёт — ты ему место у костра ищешь. По-слезавтра оркам задницы целовать, потому что ему мамку искать надо?

У костров стало тихо.

Кай не пошевелился. Салира напряглась рядом.

Фредерик встал.

— Ты слова выбирай, Рыжий.

— А что, правда укусила? — Рыжий усмехнулся. — Мы вольные люди. Или были. Пока ты не стал хвостом вилять перед лекаркой и её вшивым колдунишкой.

Даен побледнела от злости.

Фредерик шагнул к нему.

— Последний шанс заткнуться.

Рыжий бросил кружку в костёр.

— Я бросаю вызов. Бой без оружия.

Кто-то тихо выругался.

Фредерик снял перевязь с мечом и бросил на землю .

— Принимаю.

Тени метнулись на встречу друг другу.

Рыжий ударил первым. Быстро, тяжело, с плеча. Фредерик ушёл на полшага и врезал ему под рёбра. Рыжий охнул, но не отступил, а боднул головой в лицо. У Фредерика хрустнул нос, кровь пошла по бороде.

— Давай! — рявкнул кто-то из людей Рыжего.

Фредерик схватил Рыжего за ворот, дёрнул на себя и ударил коленом. Тот вывернулся, подсёк, оба рухнули в грязь у костра. Это не было красивой дракой. Ни чести, ни стойки, ни благородства. Кулаки, зубы, локти, грязь, кровь.

Рыжий оказался сверху и вдруг вытащил нож из рукава.

Толпа ахнула.

Фредерик перехватил руку в последний миг. Лезвие всё равно вошло ему в плечо. Он даже не вскрикнул. Просто ударил Рыжего лбом в лицо, потом ещё раз, потом кулаком в горло.

Рыжий захрипел.

Фредерик вырвал нож, перевернул его в руке и вогнал Рыжему под подбородок.

До рукояти.

Рыжий дёрнулся.

Глаза его удивлённо раскрылись, будто он до последнего не верил, что всё закончится именно так.

Фредерик отпустил его.

Тело рухнуло в траву.

Несколько мгновений слышно было только потрескивание костра.

Фредерик выдернул нож, вытер его о рубаху мёртвого и обвёл взглядом людей.

— Ещё кто хочет поговорить о том, кто ведёт эту ватагу?

Никто не ответил.

— Плохо слышу.

Молчание стало ещё глубже.

— Вот и славно.

Он повернулся к Каю.

— Сделай из него сторожа.

Даен резко шагнула вперёд.

— Фредерик!

— Он бросил вызов и проиграл, — сказал Фредерик. — Живым он мне больше не нужен.

Мёртвым хоть пользу принесёт.

Кай посмотрел на тело Рыжего.

Ещё недавно этот человек смеялся, ругался, держал кружку, считал себя вольным и живым. Теперь он лежал у костра с раскрытыми глазами и ножевой дырой под подбородком.

Салира тихо сказала:

— Кай...

— Не смотри, — ответил он.

Она не отвернулась.

Кай поднялся. Спина болела, но магия откликнулась послушно.

Он подошёл к телу и остановился рядом.

Даен смотрела на него тяжело.

Кай поднял руку.

Мёртвая плоть отозвалась.

— **Восстань.**

Тело Рыжего дёрнулось. Кто-то у костра выругался. Кто-то отступил. Мёртвый разбойник медленно повернул голову, потом поднялся на четвереньки, потом встал. Ноги слушались плохо, шея держалась криво, глаза были пустыми.

Больше ни злости.

Ни вызова.

Ни свободы.

Только приказ.

— Северный край лагеря, — сказал Кай. — Не пускать чужих. Своих не трогать.

Зомби развернулся и пошёл к деревьям.

Медленно, неровно, но послушно.

Когда он исчез в сумерках между стволами, у костров всё ещё молчали.

В этот вечер каждый в лагере понял одно.

Прежней жизни пришёл конец.

Глава 9. Осколки Гримфорда

*Владыки строят планы, полководцы чертят стрелы на картах,
жрецы объявляют волю небес. А потом какая-нибудь случайность
ставит ногу им на горло и вежливо спрашивает, кто здесь главный.
Из наставлений архимага Аврелия*

Вейргард. На следующий день после битвы у Гримфорда.

Вейргард встретил остатки армии открытыми воротами, мокрым камнем и молчанием.

По западной дороге тянулось войско, которое ещё вчера стояло у Гримфорда. Теперь оно шло без песен, без труб и почти без знамён. Впереди — те, кто мог держаться на ногах. За ними — повозки с ранеными. Потом снова люди с копьями, щитами и пустыми глазами.

Они проиграли битву.

Барон Крейн стоял у ворот и отдавал приказы так, будто у него за спиной была не разбитая армия, а свежий полк.

— Тяжёлых раненых — в южные казармы. Лекарей туда же. Лёгких не класть: перевязали — и к воде, к повозкам, к оружию. Кузнецов — на двор. Командиров сотен — ко мне после заката. Не раньше. Сначала люди, потом разговоры.

Броди стоял рядом и хрипел на проходящих:

— Не валиться у ворот! Внутрь вошёл — шагай дальше! Ты, с перевязанной башкой, глаза разуй, телега тебя раздавит! Копьё не бросать, мать твою, это копьё, а не палка для чесания задницы!

Несколько солдат даже попытались улыбнуться.

К вечеру в большом зале Вейргарда на длинном столе лежала карта Пограничья. Красные метки стояли у Гримфорда. Чёрные — на дорогах, занятых Империей. Синие — у крепостей, которые ещё держались. Серые — у мостов, болот, лесных проходов и старых трактов.

Крейн сидел во главе стола. Рядом — Броди, грязный, злой, с перевязанной рукой. Чуть дальше — Талион Мар, бледный до прозрачности. Орвин сидел на лавке, вытянув раненую ногу. Повязка на ней снова темнела от крови, но пиромант делал вид, что всё в порядке.

Ровен стоял у карты с восковой табличкой.

— До Гримфорда было около сорока двух тысяч, — сказал он. — До Вейргарда дошло чуть меньше тридцати. Ещё люди подходят малыми группами. Тяжело раненых — около двух тысяч. Лёгких — почти треть от тех, кто дошёл. Оружия не хватает. Лошадей не хватает. Стрел мало. Еда есть на несколько недель, если резать пайки.

— Маги? — спросил Крейн.

Талион усмехнулся одними губами.

— Живые или полезные?

— Начни с живых.

— Я жив. Орвин жив, хотя активно спорит с этим фактом.

Орвин поднял голову.

Броди резко перебил:

— Где Кай?

В зале стало тише.

Ровен ответил:

— Неизвестно.

— Известно, — сказал голос от дверей.

Все обернулись.

В зал вошёл Дуглас Макриман.

На нём висела порванная кольчуга, лицо пересекала свежая рана, щит был расколот. За ним вошли двое бойцов, такие же грязные и измотанные. Один держался за бок, второй едва стоял.

Броди выдохнул:

— Макриман.

— Сержант.

— Я думал, ты сдох.

— Не успел.

Крейн поднялся.

— Докладывай.

Дуглас дошёл до стола и опёрся на него ладонью.

— Мы увели магов с поля. Потом нас нагнал церковный отряд. Лысая мразь инквизитор...

С ним было около тридцати человек и свинцовый ларец, обмотанный цепями. Ларец глушил магию. Скелеты мальчишки рассыпались сразу.

Орвин перестал притворяться равнодушным.

Талион тихо выругался.

Броди спросил:

— Кай?

— Ушёл, — сказал Дуглас. — Я отдал ему свою лошадь и приказал ехать к Вейргарду.

— Но он не приехал, — сказал Крейн.

— Нет.

Броди закрыл глаза.

— Проклятый мальчишка.

Дуглас помолчал, потом добавил:

— Инквизиторы перебили мой отряд. Из тридцати пяти человек ушли только мы трое.

Еле ушли. Но время мы ему дали.

— Сколько? — спросил Крейн.

— Достаточно, чтобы оторваться. Если он не свалился с коня и не сунул голову в петлю по собственной дурости, скорее всего, жив.

— Ты уверен?

Дуглас криво усмехнулся.

— После того, что я видел? В этом мальчишке слишком много упрямства, чтобы сдохнуть просто потому, что за ним гонятся святоши.

— Или он умер в лесу, — сказал барон Вейр.

На него сразу посмотрели несколько человек.

Вейр сидел справа от Крейна: чистый плащ, аккуратная борода, лицо человека, который привык повелевать.

— Нам надо говорить не о мальчишке, — продолжил он. — А о Пограничье. Далмор мёртв. Гримфорд проигран. Некромант исчез. Может быть, пора отправить послов и говорить о почётных условиях.

Броди медленно повернул к нему голову.

— Почётных?

— Да, — сказал Вейр. — Признание власти Империи, заложники из домов, налог, гарнизоны в ключевых городах. Это плохо. Но это лучше, чем потерять всё.

Орвин хрипло усмехнулся.

— Хороший план. Сначала отдаём города, потом детей, потом честь. Зато аккуратно.

Вейр резко посмотрел на него:

— А твой план какой? Ещё раз поджечь полполя и потерять ногу?

Орвин хотел подняться, но Талион положил ему руку на плечо.

Крейн не повысил голоса.

— Послов отправим.

Вейр моргнул.

— Что?

— Отправим, — повторил Крейн. — С белой тряпкой, красивыми словами и просьбой о переговорах.

В зале снова стало тихо.

Крейн провёл пальцем по карте.

— А пока они будут думать, что мы ищем мира, — Мы подготовим Гнилой Лог. Что бы принять капитуляцию им придётся пройти через него...

— Гнилой Лог, — сказал Броди. — Дрянное место. Самое то.

Ровен сразу наклонился к карте.

— Да, — сказал Крейн. — Легион там не развернётся. Конница бесполезна. Обозы вытянутся в нитку. Если завалить выходы, ударить по середине и поджечь телеги, строй сломается.

Броди кивнул.

— Не битва. Резня.

— Если всё сделать правильно, — сказал Крейн.

Талион посмотрел на карту внимательнее.

— Там не нужна большая магия. Нужен страх. Ночные удары. Мёртвые животные на дороге. Слухи, что Кай рядом. Пусть каждый куст кажется им некромантом.

— Кай может быть мёртв, — напомнил Вейр.

— Слуху это не мешает, — сказал Талион.

Крейн повернулся к Дугласу.

— Ты отдохнёшь до утра. Потом возьмёшь десять всадников, двух следопытов и лекаря.

Найдёшь след Кая.

Дуглас устало усмехнулся.

— А если он не захочет возвращаться?

— Не тащить, — сказал Крейн. — Передать: Вейргард открыт. Пограничье держится.

Церковникам мы его не продавали.

Броди глухо сказал:

— Я пойду.

— Нет, — отрезал Крейн.

— Это не просьба.

— И мой отказ не совет. Ты нужен здесь. Люди Далмора тебя знают. После смерти Эйдана им нужен кто-то, кто будет орать на них знакомым голосом.

Броди зло посмотрел на карту, но спорить не стал.

Крейн обвёл взглядом зал.

— Решения такие. Вейр готовит послов. Ровен — ложные списки потерь и слухи о раздоре между баронами. Броди приводит далморцев и городскую стражу в порядок. Талион и Орвин живут, даже если им это неприятно. Дуглас утром идёт по следу Кая. Остальные готовят войска к выступлению в Гнилой Лог.

Он ткнул пальцем в карту.

— Гримфорд мы потеряли. Следующую битву дадим там, где Империя не сможет драться как Империя.

За окнами Вейргарда дождь стучал по камню.

В большом зале уже двигали метки, считали стрелы, спорили о мостах и отмечали дороги, которые придётся сжечь.

Пограничье отступило.

Но ложиться в могилу пока не собиралось.

Имперский лагерь у Гримфорда. Вечер того же дня.

Победители хоронили мёртвых уже второй день.

Имперские трубы молчали. Над лагерем не звучали песни, не гремели щиты, не смеялись солдаты у костров. Люди говорили вполголоса, будто боялись разбудить то, что осталось на поле после битвы.

Там, где прошёл трупоголем, земля почернела и вздулась пятнами. Кони шарахались от этой полосы, даже если их били плетью. Солдаты, отправленные собирать тела, возвращались бледными, с красными глазами и трясущимися руками. Некоторые кашляли кровью. Двое умерли уже после того, как их вынесли из мёртвой зоны, хотя на них не было ни одной раны.

Легионеры не боялись обычных трупов. Смерть была частью службы.

Но это была не обычная смерть.

В командирском шатре пахло воском, мокрой шерстью, кровью и плохими новостями.

Префект Скавр стоял над столом, на котором лежали восковые таблички с подсчётами. Перед ним молчали легаты, трибуны, писцы и несколько офицеров Торна. Сам Грейвен Торн стоял чуть в стороне, в тёмном плаще, с перевязанным плечом. Повязка уже почти не была нужна, но он пока оставил её — людям спокойнее видеть рану там, где она должна быть.

Скавр провёл пальцем по первой табличке.

— Подтверждённые потери — двенадцать тысяч убитыми.

Никто не произнёс ни слова.

— Пропавшие и оставшиеся в мёртвой зоне — около трёх тысяч.

Писец сглотнул.

— Тяжело раненые, которые вряд ли вернуться в строй в ближайшие месяцы, — ещё пять тысяч.

Скавр поднял глаза.

— В сумме мы потеряли около двадцати тысяч человек убитыми, пропавшими и выведенными из строя. Шесть легионов можно считать разбитыми до основания.

Один из легатов глухо сказал:

— Мы взяли поле.

— Поле, — повторил Скавр. — Поле, покрытое ядом, пеплом и нашими людьми.

Грейвен усмехнулся.

— Победа редко пахнет розами, префект.

Скавр повернулся к нему.

— Победа должна открывать дорогу. Эта победа её закрыла.

Торн чуть прищурился.

— Пограничье отступило.

— Строем.

— Они потеряли Далмора.

— И всё равно ушли строем.

— Их надо добить сейчас.

Скавр ударил ладонью по столу.

— Чем?

Тишина стала острее.

Префект взял одну из табличек и бросил её на карту.

— Обозы повреждены. Лекарей не хватает. Маг убит. Солдаты боятся подходить к мёртвым телам. У нас нет точных сведений, сколько пограничников дошло до Вейргарда. Нет сведений, где некромант. Нет сведений, сколько мостов они уже успели сжечь.

— Значит, надо идти быстрее, — сказал Торн.

— Значит, надо остановиться, закрепиться, восстановить порядок и отправить донесение Императору.

Грейвен сделал шаг к столу.

— Донесение?

— Да.

— И что вы напишете? Что четырнадцать легионов, люди Торна и наёмники взяли один город и потеряли треть армии?

Скавр не отвёл взгляда.

— Я напишу правду. Что противник применил могущественную магию. Что требуется подкрепление. Маги. Лекари. Инженеры. Чиновники для оккупации. Свежие части для продолжения кампании.

— Пока вы будете писать, они соберутся.

— Пусть собираются. Лучше столкнуться с собранным врагом через месяц, чем повести сломанные демарализованные легионы сейчас.

Торн тихо зарычал.

Писцы замерли. Один из трибунов невольно положил руку на рукоять меча, но тут же убрал.

Скавр заметил.

И Торн заметил тоже.

— Вы боитесь, — сказал Грейвен.

— Я считаю.

— Нет. Вы боитесь мальчишку с костями.

— Я уважаю оружие, которое убило столько наших.

Грейвен наклонился над столом.

— Это не оружие. Это сопляк. Его надо поймать, подвесить за ноги и сжечь на глазах у всех. Тогда ваши легионеры перестанут шептаться у костров.

— Некромант нужен Императору живым.

— Император далеко.

Скавр выпрямился.

— А я здесь говорю его голосом.

В шатре стало совсем тихо.

Грейвен смотрел на префекта несколько долгих мгновений. На лице его ещё держалась человеческая маска, но под ней уже двигалось что-то другое. Слишком старое. Слишком злое. Слишком голодное.

— Нет, — сказал Торн. — Ты говоришь голосом человека, который хочет оправдать собственную трусость.

Скавр побледнел, но не отступил.

— Барон Торн, вы забываетесь.

— Нет я всё помню!

Он ударил.

Не мечом.

Не кинжалом.

Рукой.

Пальцы Грейвена вошли в грудь префекта, пробили кирасу, кожу, рёбра и вышли из спины тёмными от крови.

Скавр даже не успел закричать.

Он только широко раскрыл глаза и схватил Торна за запястье, будто хотел оттолкнуть невозможное.

Писец уронил табличку.

Один из легатов выхватил меч.

Грейвен выдернул руку, и префект рухнул на карту, заливая кровью дороги, реки и значки легионов.

Несколько мгновений никто не двигался.

Потом легат с мечом сказал:

— Изменник.

Грейвен посмотрел на него.

И понял.

Не сразу. Не разумом. Зверь внутри ещё хотел рвать, ломать, добивать всех, кто смотрел на него с ужасом. Но где-то под яростью остался человек, и этот человек понял: он только что убил имперского префекта в присутствии легатов, трибунов и писцов.

Это уже нельзя было объяснить.

Нельзя было спрятать.

Нельзя было залить вином, золотом или чужой кровью.

Империя могла простить жестокость. Могла простить поражение. Могла простить даже чудовище, если чудовище было полезно.

Но не это.

Грейвен медленно отступил от стола.

— Барон Торн, — сказал другой легат, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Сдайте оружие.

Торн рассмеялся.

Смех быстро перешёл в рычание.

Плечи его вздулись. Плащ треснул по швам. Кости под кожей пошли волной, лицо вытянулось, зубы прорвали губы, пальцы скрючились и потемнели, превращаясь в когти.

Кто-то закричал:

— Оборотень!

Шатёр взорвался движением.

Мечи вышли из ножен. Стол перевернулся. Писцы бросились к выходу. Один трибун попытался ударить, но Грейвен уже был не человеком. Огромная серая тварь метнулась вперёд, сбила его с ног, распорола когтями лицо легату, пробила бок охраннику и рванулась наружу.

Снаружи закричали солдаты.

Лошади заржали.

Волк, слишком большой для волка и слишком разумный для зверя, пронёсся между кострами, разметал двоих часовых, перепрыгнул через низкую ограду и исчез в темноте за лагерем.

Вслед ему ударили несколько арбалетных болтов.

Ни один не остановил.

У шатра остались кровь, перевёрнутая карта и тело префекта, лежавшее лицом вниз на собственном донесении.

Самый старший из уцелевших легатов, Луций Варрон, медленно опустил меч.

Лицо у него было белым от ярости, но голос прозвучал твёрдо:

— Лагерь закрыть. Все ворота, все выезды, все тропы. Без моего приказа никого не выпускать.

Офицеры замерли.

Луций повернулся к трибуну:

— Людей Торна отделить от легионов. Оружие сложить. Офицеров Торна — под стражу. Кто сопротивляется — убить на месте.

— Всех, господин легат?

— Всех, — сказал Варрон. — Их барон только что убил префекта Империи и обратился зверем у нас на глазах. Пока я не знаю, кто из них знал, а кто нет, они все опасны.

Он шагнул к столу, сдёрнул с карты окровавленную табличку и бросил её писцу.

— Писцов сюда. Немедленно. Донесение Императору, копии — восточным гарнизонам и ближайшим наместникам. Префект Скавр убит. Барон Грейвен Торн оказался оборотнем, совершил измену и бежал. Командование временно принимаю я, легат Луций Варрон, до воли Императора.

Писец дрожащими руками поднял табличку.

— Что с людьми Торна, господин?

Варрон посмотрел на тёмный разрыв в пологе шатра, через который ушёл оборотень.

— Завтра в одиннадцать построить их отдельно от легионов. По сотням. Каждый принесёт присягу Империи. Лично. Перед знамёнами.

— А кто откажется?

— В расход.

Слова прозвучали сухо, почти буднично.

И от этого стали страшнее.

Один из легатов осторожно сказал:

— Среди них могут быть достойные люди, которые ничего не знали.

— Тогда им будет несложно присягнуть, — ответил Варрон. — А те, кому верность зверю дороже жизни, сэкономят нам хлеб.

Он повернулся к офицерам:

— До рассвета двойные караулы. К шатрам Торна — лучников и тяжёлую пехоту. Конницу держать осёдланной. Если зверь вернётся пусть встретит не сонный лагерь, а стену копий.

— Кампанию будем продолжать? — спросил кто-то.

Варрон медленно посмотрел на тело Скавра.

— Кампания приостанавливается до распоряжений Императора. Дальше не пойдём, пока не наведём порядок в собственном лагере.

Снаружи всё ещё кричали люди, ржали испуганные кони, лязгало оружие. По лагерю расползлся слух: Торн — оборотень, префект мёртв, людей барона разоружают.

Империя победила у Гримфорда.

Но к ночи даже самые глупые солдаты поняли: победа начала гнить быстрее, чем тела на поле.

Старый тракт к западу от Гримфорда. Ночь после бегства Кая.

Брат Дарий очнулся от холода.

Сначала он не понял, где находится. Над ним висели тёмные ветви, между ними тускло серело небо. В лицо пахло сырой землёй, мокрой листвой и собственной кровью. Где-то далеко, почти на пределе слуха, каркала ворона.

Дарий с трудом повернул голову и увидел склон, заросший кустарником. Ниже темнела узкая канава, полная прошлогодних листьев и дождевой воды. Его, видимо, вынесло туда после падения. Или он сам отполз, ничего не помня, пока тело ещё слушалось тупого звериного желания жить.

Память возвращалась кусками.

Мальчишка.

Болт, ушедший ему под лопатку.

Мёртвый конь, подломившийся под Дарием сразу всеми ногами.

Удар о землю.

Крик.

Потом — тварь с двумя серпами, вышедшая из воздуха так, будто сама смерть решила принять человеческий облик.

Дарий помнил, как откатился от дороги. Помнил грязь во рту. Помнил, как чья-то лошадь, обезумев, сорвалась с места и сбила его плечом в сторону. Помнил склон. Кусты. Боль. А потом ничего.

И именно это спасло ему жизнь.

Случай.

Он ненавидел это слово.

Дарий попытался подняться и едва не рухнул обратно. Боль ударила в бок, плечо и затылок. Он стиснул зубы, перевернулся на живот и встал на колени.

— Единый... — прохрипел он.

Рука сама легла на грудь, выводя знак.

— Даруй мне ярость. Смирение оставь мёртвым.

Он поднялся не сразу.

Сначала долго стоял на коленях, дышал сквозь зубы и смотрел в сторону тракта. Там, за деревьями, лежали его люди. Там должен был быть негатор. Там была дорога, по которой ушёл некромант.

И туда всё равно придётся вернуться.

До места резни Дарий добрался ближе к рассвету.

Он шёл медленно, держась за деревья. Несколько раз останавливался, прислушивался и заставлял себя не торопиться.

На дороге лежали его люди.

Лошади. Перерубленные тела. Головы, отлетевшие слишком чисто, будто их срезала бритва. Некоторые лежали с оружием в руках. Некоторые — на коленях, словно успели начать молитву и не успели закончить.

Дарий медленно обошёл место бойни.

Он искал живых.

Не из жалости.

Живые могли сказать, куда ушёл некромант.

Но живых не было.

Один клирик лежал возле придорожной канавы, всё ещё сжимая цепочки свинцового ларца. Пальцы вцепились так крепко, что Дарий сначала хотел просто отрубить кисть, но потом всё же разжал их один за другим.

Негатор выглядел почти целым. Алый кристалл внутри потемнел. Несколько цепочек лопнули, одна печать треснула, но внутри ещё теплилась тяжёлая, давящая сила. Дарий провёл ладонью над крышкой и почувствовал знакомое онемение в пальцах.

Работает.

Не остановил тварь.

Но работал.

Дарий усмехнулся разбитыми губами.

— Значит, ты не нежить.

Скелеты рассыпались от негатора. Обычная магия смерти глохла рядом с ним. Но призванная тварь не рассыпалась. Замедлилась — да. Пошла тяжелее, будто в воде. Но всё равно резала.

Значит, мальчишка не просто поднимал мёртвых.

Дарий сплюнул кровь.

— Вот ты какой, щенок.

Первое желание было простым: взять ларец, найти коня и продолжить погоню.

Он даже сделал несколько шагов по дороге.

Потом остановился.

Один.

Без отряда. Без свежей лошади. Против мальчишки, который уже дважды должен был умереть и оба раза оставлял после себя трупы.

Гордость требовала идти.

Разум требовал вернуться.

Дарий презирал трусость. Но разум трусостью не был. Разум был оружием, если держать его в кулаке, а не позволять ему скулить.

Он вернулся к телам.

С мёртвого клирика снял флягу. У другого нашёл сухари, завернутые в промасленную ткань. У третьего — запасные ремни. Из них Дарий быстро сделал перевязь для негатора. Ларец был тяжёлым, неудобным, давил на плечо, но оставить его он не мог.

Потом он обошёл дорогу ещё раз.

Не прощался.

Считал.

Двадцать два мёртвых. Трое пропали — вероятно, их утащили обезумевшие лошади или они успели отползти и умерли в кустах. Ни одного способного идти. Ни одного, кто мог бы подтвердить его слова. Ни одного свидетеля, кроме него самого.

Дарий остановился возле тела молодого клирика с разрубленной грудью. Тот лежал на спине, широко открыв глаза в сереющее небо. На лице застыло удивление, почти детское.

Он осенил себя знаком Единого, но не стал читать погребальную молитву.

Времени не было.

К полудню он добрался до маленького придорожного хутора.

Три дома, покосившийся сарай, колодец и пустой загон у дороги. Над крышами тянулся дым, у плетня копались куры, из-за угла осторожно выглядывала женщина с ребёнком на руках. Мужиков видно не было: либо ушли в лес, либо прятались, либо уже поняли, что к человеку в некогда белом плаще лучше не выходить без крайней нужды.

Дарий остановился у колодца.

Вернее, почти рухнул. Негатор тянул плечо, бок горел, во рту стоял вкус старой крови.

Из ближайшего дома вышел старик в грубой рубахе, с руками человека, всю жизнь державшего топор, вилы и прочий крестьянский инвентарь.

Он увидел плащ Дария, кровь на его лице и свинцовый ларец за спиной. Побледнел.

— Господин...

— Лошадь, — сказал Дарий.

Старик сглотнул.

— Нету у нас лошади. Только кобыла мельника, да и та...

Дарий посмотрел на него.

Старик замолчал.

— Лошадь, — повторил Дарий.

Через час он ехал дальше.

Сзади остался хутор, пустой загон, плачущая женщина и старик, который так и не решился проклясть его вслух.

Дарий не оглянулся.

Проклятия бедняков редко догоняли тех, кто ехал по делам Единого.

Через неделю Дарий выехал к имперскому тракту.

Там уже ползли новости.

Потери страшные.

Префект убит.

Грейвен Торн оказался оборотнем и бежал.

Слухи шли быстрее обозов, быстрее раненых, быстрее приказов. Солдаты шептались у костров, обозники матерились, а в каждом рассказе Кай становился всё страшнее.

В одном месте говорили, что он поднял всех павших у Гримфорда.

В другом — что он превратил целый легион в гнилой дым.

В третьем — что за его спиной ходила сама смерть.

Дарий слушал и молчал.

Один обозник, не узнав его под грязью и засохшей кровью, сказал товарищу:

— А белые плащи, слышал, за ним гнались? Все полегли. До одного.

Дарий поехал дальше.

К вечеру он остановился на холме над трактом. Внизу горели костры. Двигались повозки. Кричали погонщики.

А Кай где-то там, в лесах, был жив.

Дарий больше не сомневался.

В прошлый раз он пришёл как охотник на ведьму.

Этого оказалось мало.

Инквизитор снял с плеча негатор и поставил перед собой. Свинцовый ларец казался мёртвым куском металла, но внутри всё ещё давила тяжёлая сила. Слабее, чем прежде, но оружие не умерло.

Один негатор замедлил Жнеца.

Два могли удержать.

Три — возможно, закрыть дверь.

Но одних ларцов всё равно было мало.

Нужны паладины.

Не рядовые клирики, умеющие пугать деревенских баб кострами. Не охотники, привыкшие вязать ведьм и жечь травников. Нужны люди, которые ходили против настоящей скверны и возвращались не потому, что им повезло, а потому что их вера была твёрже стали.

Нужны реликвии.

Освящённые цепи.

Клинки из особого металла.

Он поднял взгляд на восток.

Там, за многими днями пути, лежал Эвендор. Храмы. Склады реликвий. Паладинские дома. Люди, которые слишком долго считали Дария полезным псом на цепи и морщились, когда он кусал слишком глубоко.

Теперь им придётся выпустить цепь.

Дарий снова осенил себя знаком Единого.

Он сел в седло и направил лошадь к столице.

Эвендор. Императорский дворец. Три недели после битвы у Гримфорда.

Когда Марий Первый дочитал донесение о Гнилом Логе, в кабинете стало так тихо, что Агриппа услышал, как за окном ударила о камень одинокая капля дождя.

Император не сразу поднял голову.

Перед ним лежали четыре листа.

Первый сообщал о победе у Гримфорда — победе, за которую Империя заплатила шесть легионами, тысячами раненых и мёртвым префектом.

Второй — о том, что Грейвен Торн оказался оборотнем, убил Скавра на глазах у легатов и бежал.

Третий — о Гнилом Логе.

Четвёртый — о Кае.

Но сейчас Марий смотрел только на третий.

Бароны Пограничья запросили мир и почётную капитуляцию. Легат Луций Варрон пове-
рил — или решил, что после Гримфорда им больше нечем драться. Он повёл корпус через
Гнилой Лог к Хартвику, чтобы принять сдачу города, поставить гарнизон и закрепить импер-
скую власть.

И вошёл в ад.

Тракт завалили. Обозы подожгли. Лес вспыхнул с двух сторон. Болота приняли тех, кто
пытался уйти с дороги. Лучники били сверху, ловушки рвали строй, резня не прекращалась
ни днём, ни ночью. Варрон погиб. Из всего корпуса боеспособными вышли только остатки
примерно двух легионов.

Остальные были убиты, рассеяны или взяты в плен.

Часть пленных, если верить Агриппе, уже гнали на запад не как заложников.

Как товар.

Марий медленно положил донесение на стол.

— Четырнадцать легионов, — сказал он тихо.

Агриппа молчал.

— Четырнадцать легионов вошли в Пограничье. После Гримфорда и Гнилого Лога бое-
способными осталась жалкая горстка.

— Около двух легионов, доминус.

Марий поднял на него взгляд.

— Сейчас не тот миг, когда точность утешает.

— Я и не пытался утешить.

Марий поднял на него взгляд.

— Да какая разница!

Император встал.

Он подошёл к карте Пограничья и несколько мгновений смотрел на красные отметки у
Гримфорда, Гнилого Лога и Хартвика.

Марий ударил кулаком по столу так, что нетронутый кубок подпрыгнул и опрокинулся.
Вино расплзлось по карте тёмным пятном.

— Вот теперь я их вижу.

Агриппа чуть повернул голову.

— Кого?

— Пограничье.

Марий смотрел на карту уже не как на набор крепостей, дорог и баронских владений.
Он смотрел на врага.

— Не дикарей. Не пьяных баронов. Не мелких гордецов, которые держатся за старую
клятву, потому что больше держаться не за что. Врага.

Он провёл пальцем по линии старого тракта.

— У Гримфорда они потеряли поле и не сломались. У Гнилого Лога попросили мира и
вырезали того, кто пришёл его принимать. Это не слабость. Это война.

— Да.

— И теперь она будет настоящей.

Агриппа не стал отвечать сразу. Он знал Мария достаточно давно, чтобы понимать: сей-
час императору не нужны утешения, возражения или красивые слова.

Марий несколько секунд смотрел на карту, потом резко спросил:

— Скавр мёртв. Варрон мёртв. Торн бежал. Кто сейчас держит Гримфорд?

— Легат Марк Флавиан, доминус. Самый старший из оставшихся. Человек осторожный,
исполнительный, без лишнего воображения.

— После Гнилого Лога отсутствие воображения звучит почти как достоинство.

— В нынешних условиях — да.

— Приказ ему: Гримфорд удерживать. Земли Торна удерживать. Дороги, склады, мосты, броды — под контроль. Вглубь Пограничья не лезть без моего прямого приказа.

— Будет исполнено.

— Люди Торна?

— Большая часть принесла присягу Империи. Отказников казнили. Офицеров рассредоточили, чтобы они не держались прежними связками.

— Хорошо.

Марий взял со стола второй лист, тот, где говорилось о Грейвене Торне. Прочёл несколько строк ещё раз, хотя уже знал их почти наизусть.

— Оборотень, — сказал он тихо. — Много лет сидел на границе Империи, принимал наших послов, торговал, клялся, просил помощи, и никто не заметил.

— Некоторые подозревали.

Марий поднял взгляд.

— Кто?

— Местные. Соседи. Возможно, часть людей Далмора. Но слухи о бароне-оборотне в Пограничье звучат примерно так же, как слухи о ведьме в деревне. Их слишком много, чтобы каждому верить.

— А теперь мы имеем убитого префекта и зверя, который бежит по лесам.

— Да.

— Найти Торна.

— Живым?

Марий усмехнулся.

— Агриппа, не оскорбляй меня.

— Мёртвым, значит.

— Если возможно — голову. Если невозможно — шкуру. Если и это невозможно — хотя бы убедительное доказательство, что он больше не дышит.

— Будет сделано.

Марий отложил лист и посмотрел на четвёртый.

О Кае.

Он не взял его сразу. Только коснулся пальцами края.

— Теперь мальчишка.

Агриппа чуть заметно изменился в лице. Не испугался — Агриппа вообще редко позволял себе такую роскошь. Но стал внимательнее.

— Официально о нём известно немного, — сказал он. — Некромант. Служил у Эйдана Далмора. Применил магию смерти у Гримфорда. После отхода магов исчез. Церковный отряд, отправленный по его следу, не вернулся.

— А неофициально?

Агриппа положил рядом тонкий лист без печати.

— Неофициально всё хуже. Пантифик Таурин с самого начала действовал не так, как было приказано. Формально церковь должна была собрать сведения и, если возможно, доставить некроманта живым. Фактически Таурин дал своим людям понять: мальчишка должен умереть.

Марий молчал.

Агриппа продолжил:

— Озёрная сожжена после ухода Кая. Люди Торна и белые плащи действовали вместе. Потом инквизиторы продолжили охоту. Не один раз. Сначала хотели устранить его тайно, потом загнали через людей Торна, потом попытались перехватить после Гримфорда. Для мальчика это уже не отдельные случайности. Это цепь.

— Барон, церковь, Империя, — тихо сказал Марий.

— Да. В его глазах это почти наверняка одно и то же.

— Он знает, что я хотел говорить с ним?

— Сомневаюсь.

— Зато он знает, что белые плащи приходили за ним снова и снова.

— Да.

— Что деревня сгорела после его ухода.

— Да.

— Что после Гримфорда его не пытались найти для разговора, а снова гнали, как зверя.

— Да, доминус.

Марий медленно провёл ладонью по лицу.

В этом жесте не было усталости простого человека. Скорее раздражение мастера, которому испортили редкий инструмент прямо на верстаке.

— Я хотел получить его живым, Агриппа.

— Знаю.

— Не потому, что меня внезапно тронула судьба деревенского некроманта. Он мог быть полезен. Очень полезен. После Гримфорда это ясно даже слепому. Но теперь он видел от нас только факелы, белые плащи, погоню и мёртвых людей за своей спиной.

— И вряд ли станет разбираться, где кончалась воля церкви и начиналась воля Империи.

— Именно.

Марий наконец взял лист о Кае, пробежал глазами строки и положил обратно.

— Есть шанс договориться?

Агриппа помолчал чуть дольше обычного.

— Был.

Марий посмотрел на него.

— Теперь?

— Теперь — почти нет. После Озёрной, охоты инквизиторов, он будет ждать не разговора, а ловушки. Если он умён — не поверит. Если зол — не станет слушать. А если он и умён, и зол...

— Он станет врагом.

— Да, доминус.

Марий отвернулся к карте.

Дождь за окном усилился. Капли стучали по камню ровно, настойчиво, будто кто-то отсчитывал время до следующей войны.

— Жаль, — сказал Марий.

В этом слове не было жалости к Каю.

Только досада.

Досада человека, который видел перед собой редкую возможность и понимал, что чужой фанатизм превратил её в угрозу.

— Приказ по Каю изменить, — сказал он. — Найти и уничтожить. Без костров. Без проповедей. Без публичной казни. Тихо и наверняка.

Агриппа склонил голову.

— Через церковь?

Марий повернулся к нему так резко, что вопрос сразу стал лишним.

— Нет.

— Я понял.

— Церковь уже показала, как умеет исполнять мои желания. Больше она к этому мальчишке не подходит. Ни с факелом, ни с молитвой, ни с ножом.

— Тогда через моих людей.

— Через твоих. Через наёмников. Через тех, кто умеет убивать, а не произносить речи о чистоте. Если вдруг возникнет возможность взять его живым без риска — взять. Но рисковать ради этого больше не будем.

— Будет исполнено.

— Что до Таурина...

Агриппа ждал.

— Пантифик стар, — сказал Марий. — Сердце у стариков ненадёжно.

— Особенно после тяжёлого ужина.

— Проследи, чтобы ужин был вовремя.

— Сегодня?

— Сегодня.

Агриппа кивнул.

— Новый глава церкви?

— Не самый святой. Не самый громкий. Не самый любимый толпой.

— Самый разумный?

— Самый управляемый, — сказал Марий. — Разумный — если повезёт.

— У меня есть несколько имён.

— К утру оставь одно.

Агриппа снова поклонился.

Марий вернулся к карте.

Теперь он смотрел уже не только на Гримфорд, Хартвик и Гнилой Лог. Его взгляд ушёл дальше: к Вейргарду, западным лесам, старым перевалам и белым пятнам, где имперские картографы писали осторожное: “земли нелюдей”.

Пограничье всегда было занозой.

Когда-то Империя сама отпустила эти земли.

После Великой войны, в год, от которого до сих пор считали время в западных провинциях, один из императоров поклялся не ковать цепей для тех, кто удержал рубежи людей. Тогда Пограничное королевство заплатило за свободу кровью: городами, князьями, дружинами, сыновьями, которых хоронили не сотнями — тысячами. Они стояли против нелюдей, пока имперские армии собирались, пока столица спорила, пока жрецы искали в древних книгах, какие молитвы читают перед концом света.

Империя пришла поздно.

Но пришла.

И после победы император той эпохи сделал то, что тогда казалось благородным: признал свободу Пограничья, его законы, его короля и право самим держать западный меч.

Марий помнил эту историю.

И всё же, глядя на карту, Марий чувствовал не благодарность.

А раздражение.

Пограничное королевство давно умерло. Королевский род угас, старые знамёна сгнили, единая власть рассыпалась на баронства, а клятва мёртвого императора превратилась в удобную ширму для своеволия, контрабанды, частных войн и вечного “мы союзники, а не подданные”.

На миг ему стало не по себе.

Не от страха.

От самой мысли: Империя когда-то дала этим землям свободу, а теперь он готовился забрать её назад.

Но миг прошёл.

То было тогда.

Тогда свобода Пограничья была платой за спасение людей. Тогда нужно было благодарить тех, кто удержал запад. Тогда старый император покупал мир после войны, в которой едва не сгорел весь человеческий мир.

Сейчас эта свобода стала трещиной в стене.

А Марий строил не стену на один век. Он строил дорогу в будущий золотой век людей.

Пограничье было ключом. За ним лежали земли нелюдей: горные богатства гномов, древние леса эльфов, перевалы, рудники, секреты ремёсел, магия, которую старые расы берегли так ревниво.

Марий не был глупцом. Он понимал: завтра туда не войдёшь. И через год — тоже. Возможно, даже он сам не поведёт легионы дальше западных лесов.

Но через двадцать лет?

Через тридцать?

Гай будет ещё силён. Или внук Мария.

Империи не обязательно съесть мир за один день. Достаточно каждый год придвигать нож чуть ближе к горлу.

— Конклав, — сказал Марий, не оборачиваясь. — Сколько боевых магов они готовы выделить?

Агриппа едва заметно усмехнулся.

— Готовы? Или сколько можно вытащить за шкуру из башен?

— Не играй словами.

— По официальному ответу — одиннадцать магов средней силы, трое старших консультантов, два алхимических отряда и группа учеников для обеспечения обозов.

Марий обернулся.

— У Империи война, Агриппа.

— Конклав об этом знает. Именно поэтому ответ так щедр.

— Щедр?

— Обычно они прислали бы трёх стариков, которые умеют рассуждать о природе огня, но ни разу не стояли под стрелами.

Марий тихо выругался.

Агриппа продолжил:

— Маги не любят полевые войны. Башни, гранты, привилегии, освобождение от налогов, право судить своих — всё это они принимают охотно. Но когда надо идти по грязи, спать в сыром шатре и рисковать получить арбалетный болт в живот, у Конклава внезапно найдутся древние обязательства, хрупкие исследования, незаменимые кафедры и болезни, которые появляются ровно к началу похода.

— Привилегии помнят все, — сказал Марий. — Обязанности — только солдаты.

— Надавить?

— Надави. Но не ломай. Пока. Мне нужны маги, а не ещё один внутренний пожар.

Он снова посмотрел на карту.

Гнилой Лог был маленькой отметкой на пергаменте. Узкая дорога, лес, болото, несколько линий, сделанных рукой картографа, который никогда не слышал криков людей, горевших в обозах.

Марий слышал их теперь почти ясно.

Не ушами.

Воображением.

И этого было достаточно.

— Хватит малых ударов, — сказал он. Готовьте полноценное вторжение.

— Масштаб?

— Сорок легионов.

— Маги?

— Сколько вытащим из башен. Если кто-то из архимагов вдруг вспомнит о большой спине, пришли ему список налоговых льгот его башни. Иногда память лечится быстрее, чем спина.

Агриппа почти улыбнулся.

— Чиновники для управления занятыми землями?

— Обязательно. Мы не будем брать крепости, чтобы потом оставлять в них голодных капитанов и три писца. За легионами пойдут сборщики налогов, судьи, инженеры дорог, землемеры, строители складов.

— Срок?

— Столько, сколько нужно, чтобы не повторить Гнилой Лог. И столько, чтобы бароны успели поверить, будто выиграли себе передышку.

Марий провёл пальцем от Гримфорда к Вейргарду, потом дальше — к западным лесам.

Он помолчал.

— Но сначала Таурин.

Агриппа поклонился и вышел.

Марий остался один.

На столе лежали донесения: дорогая победа у Гримфорда, смерть Скавра, бегство оборотня, Гнилой Лог, гибель Варрона, исчезновение некроманта, грязные следы церкви.

На следующий день вся Империя скорбела.

Колокола били от Эвандора до самых дальних провинциальных храмов. В столице закрыли рынки, у храмовых ворот раздавали траурные ленты, жрецы читали молитвы о смирении, верности и вечной награде для тех, кто всю жизнь служил Единому.

Пантифик Юлий Таурин скончался ночью.

Сердце, объявили лекари. Возраст, сказали придворные. Тяжесть последних испытаний, шептали в храмах.

К полудню официальные глашатаи уже повторяли одну и ту же фразу:

Единый забрал верного слугу в свои сады.

Марий Первый выслушал траурную молитву стоя, с непроницаемым лицом.

Агриппа стоял на три шага позади него и тоже молчал.

Никто в храме не знал, что список преемников пантифика был готов ещё до того, как тело Таурина успело остыть.

Лесной престол Эльдарiona. В те же дни.

Война людей пришла к эльфам не в образе имперских легионов.

Сначала она пришла ценами.

Тонкие листы светлой коры лежали на длинном столе между чашей с родниковой водой и тремя картами западных дорог. На одной были отмечены человеческие города. На другой — старые тропы Пограничья, которыми пользовались купцы, проводники, беглецы и те, кто не хотел встречаться со стражей на больших трактах. На третьей — границы западных лесов, где человеческим топорам дозволялось звучать только по договору и только там, где дерево уже умерло само.

Владыка Эллар Тир"Эллан Сианвей слушал молча.

Он сидел не на троне, а в кресле из живого дерева. Тонкие ветви мягко обнимали спинку и подлокотники, листья над плечом едва шевелились от движения воздуха. Зал вокруг тоже был живым: стены переходили в стволы, стволы — в своды, между листвой лежал зелёный свет, а где-то выше, за переплетением ветвей, шумел ветер. Здесь не пахло камнем, копотью и железом, как в человеческих крепостях. Здесь пахло влажной корой, водой и терпкой смолой.

Перед Элларом стояла Лиара Тир'Саэль, хранительница западных пределов. Её обязанностью было знать, что происходит за пределами лесов, раньше, чем чужая беда доберётся до эльфийских границ.

У карты стоял Каэль Вейлис, глава стражи. На нём была дорожная кожа, тёмная от дождей, и короткий меч без украшений. Каэль редко выбирал слова ради красоты, зато его стражи редко пропускали то, что потом приходилось объяснять на совете.

— Зерно из Хартвика задержано, — сказала Лиара. — Соль с южного тракта подорожала почти вдвое. Железные заготовки идут через гномов, но и они начали придерживать караваны. Воск, кожа, льняное полотно — всё дорожает. Купцы говорят, что дороги пустеют.

Каэль хмыкнул.

— Купцы всегда говорят, что дороги пустеют, когда хотят поднять цену.

— В этот раз они не только говорят. Три каравана развернулись у восточной переправы. Два исчезли. Один пришёл без половины охраны и без желания объяснять, почему.

— Значит, люди снова нашли повод резать людей, — сказал Каэль.

Несколько советников переглянулись. Кто-то сдержал улыбку.

Эллар не улыбнулся.

— Где?

Лиара коснулась карты.

— Пограничье. Империя вошла туда войском через земли Торна — с его людьми, припасами и правом прохода. Сначала был большой бой у Гримфорда.

Эллар чуть приподнял бровь.

— Гримфорд?

— Укреплённое место на старом тракте, ближе к землям Торна. Для нас раньше значения не имело. Теперь имеет, потому что там имперцы столкнулись с баронами Пограничья.

— Кто удержал поле?

— Имперцы, — сказала Лиара. — Но заплатили так дорого, что после боя даже обозники перестали называть это победой. Точных чисел нет. Слухи расходятся. Говорят об огне, отравленном дыме, тысячах мёртвых и земле, куда не хотят ступить лошади.

Каэль посмотрел на красную метку внимательнее.

— Значит, крови там было много.

— Много. Но Пограничье не сломалось. Бароны ушли, перегруппировались, а потом сделали вид, что готовы говорить о мире.

Она передвинула палец западнее.

— Гнилой Лог. Старый тракт к Хартвику. Лес, болото, узкая дорога. Бароны запросили переговоры, почётную капитуляцию, сдачу города и размещение имперского гарнизона. Легат Варрон повёл туда корпус, чтобы принять условия.

Каэль коротко усмехнулся.

— На узкой дороге, через болото и лес.

— Да.

— И он всё равно пошёл?

— Пошёл, — сказала Лиара. — Возможно, решил, что после Гримфорда баронам больше нечем драться. Возможно, слишком хотел первым поставить имперское знамя в Хартвике. Теперь это уже не важно.

— Что случилось?

— Тракт завалили. Обозы подожгли. Лес вспыхнул с двух сторон. Кто пытался уйти с дороги, попадал в топь. Лучники били с высоты. Связь между частями потеряли почти сразу. Варрон погиб. Из всего корпуса выбрались только остатки. Остальных перебили, рассеяли или взяли в плен.

В зале стало тише.

Эльфы слишком долго жили рядом с людьми, чтобы удивляться человеческой жестокости. Но теперь речь шла не просто о ещё одной резне на чужой земле. Старый буфер между Империей и западными лесами уже не был таким прочным.

— Пленных продают, — добавила Лиара. — Не всех. Но часть уже продали в рабство.

Каэль негромко присвистнул.

— Империя это запомнит.

— Империя любит помнить чужие оскорбления, — сказал Эллар. — Свои ошибки она обычно называет необходимостью.

Седой эльф из старшего дома, до этого молчавший, осторожно сложил пальцы.

— Значит, Пограничье выиграло?

— Пограничье выиграло время, — ответила Лиара. — Это не одно и то же.

— Но нам это полезно, — сказал Каэль. — Пока люди заняты друг другом, они не смотрят на наши леса.

— Пока, — сказал Эллар.

Он опустил взгляд на карту. Красные метки человеческих битв были маленькими на фоне зелёных границ Эльдариона. Но Эллар давно знал цену маленьким меткам. Из одной сожжённой деревни выростала война. Из одного убитого наследника — месть на три поколения.

— Империя не проглотит это молча, — сказал он. — Не после Гнилого Лога. Не после пленных, которых продают как скот.

— Вернётся большим войском, — сказал Каэль.

— Да. Но не завтра. Значит, время ещё есть.

Лиара кивнула.

— Нам нужно закупить соль, зерно, железо, воск, масло, кожу, грубую древесину для мастерских. Если человеческие дороги закроются окончательно, всё это придётся вести через гномов или дальними тропами. Дороже и дольше.

Седой старший дома нахмурился.

Каэль ткнул пальцем в Пограничье.

— А им что нужно?

Лиара посмотрела на Эллара, но ответила сразу:

— Всё, что режет, лечит и не портится под дождём. Стрелы. Сухие пайки. Лекарские составы. Тёплая ткань. Возможно, луки. Не лучшие наши. Достаточно хорошие, чтобы имперцу стало неприятно.

Седой старший дома повернулся к Эллару.

— Мы будем помогать Пограничью?

— Мы будем продавать, — сказал Эллар.

Каэль усмехнулся.

Эллар провёл пальцами по краю карты.

— Наши клейм на стрелах быть не должно. Ни на луках. Ни на лекарских ящиках. Ни на тканях. Если Империя захочет обвинить нас, пусть принесёт доказательства, а не обиду.

— Доказательств не будет, — сказала Лиара. — Есть купцы, которые покупают у купцов, которые торгуют с людьми, не знающими наших имён.

Эллар кивнул.

— Беженцы? — спросила Лиара.

Эллар помолчал.

— Наши земли не станут проходным двором.

— Закрывать границу?

— Нет. Закрывать дверь привлекает тех, кто ищет, где её выбить. Усилить дозоры. Старые тропы проверить. Малые группы разворачивать к человеческим селениям, если им есть куда идти. Детей, лекарей, мастеров — проверять отдельно. Если пропускать, то малыми группами

и без права ставить лагеря у границы. Без оружия. Без священников Единого. Без людей с имперскими знаками.

Каэль хмыкнул.

— А если придут с голодными глазами и скажут, что им некуда?

— Тогда твои стражи вспомнят, что у них есть не только луки, но и головы. Пусть решают на месте. Только без героизма. Я не хочу, чтобы из-за одной телеги беженцев у нас появился человеческий лагерь на тысячу ртов.

— Понял.

Казалось, на этом доклад можно было закончить. Война людей оставалась войной людей: неприятной, шумной, дорогой, но пока ещё далёкой. Советники уже начали переглядываться спокойнее. Кто-то потянул к себе листы с расчётами. Каэль снова склонился над картой, прикидывая, где удобнее поставить дополнительные дозоры.

Лиара не убрала руку с карты.

— Это ещё не всё.

Тишина вернулась сразу.

Эллар посмотрел на неё внимательнее.

— Говори.

— Многие источники говорят, что у Гримфорда был некромант.

Слово прозвучало тихо, но зал будто стал холоднее.

Каэль больше не улыбался.

Седой старший дома медленно выпрямился.

— Пастырь мёртвых?

— Да.

— Ты уверена?

— Я уверена, что это не одна пьяная байка из солдатского костра, — сказала Лиара. — Сведения пришли от купцов, от пограничных посредников, от двух обозников, которые видели поле после боя, и от нашего человека на восточной дороге. Они не знают друг друга и врут по-разному. Но в основном сходятся.

Эллар молчал.

Лиара продолжила:

— Молодой маг. Имя — Кай. Служил барону Далмору. У Гримфорда использовал мёртвых на поле боя. После битвы исчез. Белые плащи пытались его взять или убить. По слухам, один церковный отряд не вернулся.

— Молодой, — тихо сказал седой старший дома.

Эллар поднялся.

Не резко. Просто встал, и живое кресло тихо расправило ветви за его спиной.

Он подошёл к открытому окну.

За ним уходили вниз террасы Лесного престола: мосты между стволами, висячие сады, узкие водопады, дома, вплетённые в живые деревья так бережно, что ветви продолжали расти сквозь стены. Внизу, под листьями, двигались эльфы — не торопясь, не толкаясь.

Эльфы не умирали от старости.

Смерть приходила к ним иначе: с железом, ядом, огнём, чужой стрелой в сердце, клинком у горла, проклятием, от которого чернели тела. Павшего можно было оплакать. Убитого — помнить. Сломанный ствол — вырастить заново рядом с пнём.

Но магия, которая заставляла смерть вставать и идти, была другой.

Не печальной.

Не естественной.

Неправильной.

И Эллар помнил времена, когда пастыри мёртвых уже пытались доказать миру обратное.

Не все эти воспоминания принадлежали ему лично. Часть жила в песнях домов, часть — в живых корнях Лесного престола, часть — в старых ранах тех, кто ещё мог рассказать, как после Великой войны некоторые человеческие маги решили, что павшие армии слишком полезны, чтобы оставаться в земле.

Тогда тоже всё начиналось с необходимости.

— Он связан с Империей? Беглец? — спросил Эллар.

— Судя по сведениям — нет. Скорее наоборот. Империя и церковь за ним охотятся.

— С Пограничьем?

— Временно. Он служил Далмору, но после Гримфорда исчез. Сейчас никто не знает, где он.

— Что он хочет?

— Этого не знает никто.

Эллар медленно кивнул.

Это было хуже всего.

Сильный маг смерти, которого никто не держит, не понимает и не может предсказать, был опаснее армии. Армия хотя бы нуждалась в дорогах, еде и обозах.

— Некромант нам не друг, — сказал седой старший.

— Пока он вообще никто нам, — ответил Эллар, не оборачиваясь. — И именно это плохо.

Каэль наконец заговорил:

— Если белые плащи его не взяли, значит, он либо удачлив, либо силён.

— Или и то и другое, — сказала Лиара.

— Самый неприятный вид людей, — сказал Каэль.

Эллар вернулся к столу.

Лицо его оставалось спокойным, но теперь это было не равнодушие. Скорее осторожность того, кто заметил в траве след змеи и не собирался ставить туда босую ногу.

— По некроманту собрать всё, что можно, — сказал он. — Не слухи для кухни. Факты. Где родился, кто учил, кому служил, кого убил, куда мог пойти.

Лиара склонила голову.

— Если он появится у наших границ?

— Узнать раньше, чем он увидит первую сосну.

— А если войдёт в лес?

Эллар посмотрел на неё.

— Тогда придёшь ко мне. Пока он не в лесу — не трогать. Пусть люди сами разбираются с тем, что вырастили.

Каэль кивнул.

— Послать весть всем, кроме орков.

Седой старший дома чуть заметно поморщился.

— Даже зверолодам?

— Даже им. Гномам — отдельно и быстро. У них свои дороги, свои рудники и хороший нюх на большую войну. Болотным кланам — через старые знаки. Зверолодам — через охотничьи тропы. К малым народам — через тех, кто ещё помнит договоры после Великой войны. Оркам — ничего.

— Они всё равно узнают, — сказал Каэль.

— Конечно. Но я не стану помогать им узнать раньше.

Лиара уже мысленно раскладывала поручения.

— О чём именно звать совет?

— О том, что Империя может двинуться дальше, если проглотит Пограничье. О том, что дороги меняются. О том, что в человеческой войне появился пастырь мёртвых. Этого достаточно, чтобы разумные соседи пришли хотя бы послушать.

Каэль усмехнулся.

— Разумные соседи. Значит, орков точно не зовём.

— Именно.

На этот раз несколько советников улыбнулись, но недолго.

Эллар снова посмотрел на карту.

Гримфорд. Гнилой Лог. Хартвик. Вейргард. Человеческие названия — короткие, грубые, почти все с запахом камня, дыма или грязной воды.

Ещё месяц назад они почти ничего для него не значили.

Теперь от них зависело, сколько времени останется у леса.

— Люди опять начали войну, — сказал Эллар. — Это не новость. Новость в том, что на этот раз за ними может прийти что-то большее, чем очередной победитель с короной.

Он положил ладонь на край карты.

— Закупки начать сегодня. Дозоры усилить без шума. Пограничью продать всё, что поможет ему продержаться, но так, чтобы оно не смогло назвать нас союзниками.

Лиара и Каэль одновременно склонили головы.

Снаружи ветер прошёл по верхушкам деревьев. Лесной престол ответил тихим шелестом, и Эллар невольно прислушался.

Когда рядом слишком часто произносили слово «смерть», даже древний лес будто начал дышать осторожнее.

Каменные Чертоги. В те же дни.

В нижнем зале Каменных Чертогов было жарко, шумно и тесно от дел. По медным трубам вдоль стен шёл горячий пар. Под потолком гудели подъёмные цепи. За толстыми стеклянными окнами медленно ползли вагонетки с рудой, а у дальней стены двое писцов спорили с мастером плавилен так громко, будто от их голосов зависела прочность стали.

На длинном каменном столе лежали не пергаменты с гербами, а счётные дощечки, слитки-пробы, карты перевалов, списки караванов и образцы наконечников. Рядом стояла кружка тёмного пива, к которой никто не притрагивался: в зале собрались не пить, а считать.

Король Доргар Среброрук слушал доклад, постукивая серебряными пальцами по краю стола.

На первый взгляд рука казалась литой: тяжёлой, гладкой, цельной, без шестерёнок, пластин и ремней. Но когда Доргар шевелил пальцами, металл двигался не как мёртвое серебро. Он мягко перетекал в суставах, уплотнялся на костяшках, тонкими волнами собирался у запястья и снова становился твёрдым. По его поверхности проходили бледные руны — то вспыхивая, то исчезая в глубине металла, будто их писали не на руке, а внутри неё.

Эту руку Доргар получил ещё ребёнком, после лавины на северном склоне. Камень тогда забрал у него настоящую руку, младшего брата и половину каравана. Старый рунный мастер Хальвек сделал не механизм, не украшение и не простую замену плоти. Он выковал среброжив — редкое рунное серебро, способное держать форму и менять её, если правильно вложить силу в металл.

Сначала рука была маленькой, детской. Потом Доргар рос, а серебро росло вместе с ним: не быстро, не само по себе, а через новые руны, боль, кровь и работу мастера. Гномья магия редко творила чудеса на виду. Она предпочитала камень, металл и терпение.

С тех пор Доргар не любил, когда кто-то говорил, что гора спит.

Гора не спала.

Гора ждала, когда дурак забудет смотреть наверх.

— Повторяй, — сказал Доргар.

Перед столом стоял Брамм, королевский казначей. Он был низок даже по гномьим меркам, зато шириной плеч напоминал дверной проём. В руках он держал связку дощечек с выжженными числами.

— За последние семь дней люди запросили вдвое больше железных полос, втрое больше гвоздей, в четыре раза больше подков и почти все свободные партии арбалетных болтов. Котлы, цепи, скобы, наконечники, походные печи — берут всё.

— Платят?

— Кто как. Купцы из Хартвика — серебром. Пограничные бароны — серебром, залогами и обещаниями. Имперские закупщики — расписками.

В зале кто-то хохотнул.

Доргар поднял глаза.

— Расписку в плавильню не кинешь.

— Я им так и сказал, ваше величество.

— Обиделись?

— Очень.

— Какие нежные. Серебра у них нет, зато гордости — на три обоза. Пусть везут обратно.

За гордость железо не отпускаем.

Начальник ворот, Грумм Камнелоб, опёрся кулаками о стол.

— Караваны с верхнего тракта задерживаются. Один ушёл назад. Второй требует двойную охрану. Третий просит открыть старый тоннель у Сорочьего Зуба.

— Не открывать, — сказал Доргар.

— Там дорога короче.

— Там дорога мимо старой выработки. Если люди полезут туда со своими телегами, через неделю у нас будет обвал, три дохлых мула и двадцать свидетелей, которые поклянутся, что это мы виноваты.

Грумм кивнул.

— Значит, длинным путём.

— Значит, дорогим путём, — поправил Доргар.

Брамм перевернул дощечку.

— Цены?

— Пограничью — обычная цена плюс треть за риск, — сказал Доргар. — Имперцам — в десять раз дороже.

Казначей поднял брови.

— В десять?

— Они же несут цивилизацию. Пусть несут её на золотых подносах.

По залу прошёл низкий смешок.

Мастер плавлен, Борик Чёрный Ноготь, почесал бороду закопчёнными пальцами.

— В десять раз они не купят.

— Купят, — сказал Доргар. — Не сейчас, так через месяц. Когда половина войска станут босыми, даже имперский гордец вспомнит, что железо не падает с неба.

Он повернулся к карте.

— Теперь говорите, из-за чего они так зашевелились.

Брамм откашлялся.

— В Пограничье война. Империя вошла через земли Торна. Первый большой бой был у Гримфорда.

Доргар помолчал.

— Где это?

Грумм ткнул толстым пальцем в карту.

— Здесь.

— Кто победил?

— Имперцы удержали поле, — сказал Брамм. — Но потерь много. Очень много.

Борик хмыкнул.

— После Гримфорда бароны запросили мир, — продолжил Брамм. — Почётную капитуляцию, сдачу Хартвика, размещение гарнизона, заложников. С виду — обычная попытка выторговать себе жизнь.

Доргар перестал стучать серебряными пальцами по столу.

— И имперцы купились?

— Купились.

В зале кто-то тихо крякнул.

Грумм покачал головой.

— После боя. От тех же людей, с которыми дрались вчера.

— Не просто купились, — сказал Брамм. — Повели корпус к Хартвику через Гнилой Лог.

Борик поднял глаза от дощечки.

— Серьёзно?

— С обозом и знамёнами.

На этот раз крякнули уже несколько гномов.

Доргар посмотрел на карту.

— Люди иногда так уверены в своей победе, что перестают видеть дорогу под ногами.

— Имперцы особенно, — буркнул Грумм.

— Место плохое, — сказал Брамм. — Узкий тракт, лес, топь. Когда корпус растянулся, дорогу завалили, обоз подожгли, передние части отрезали от задних. Они оказались между молотом и наковальней: впереди завалы и стрелы, позади огонь, по бокам болото. Легат погиб. Командование рассыпалось. Из корпуса вышли только остатки двух легионов. Остальные убиты, рассеяны или взяты живыми.

— Пленные, — сказал Брамм. — Часть уже продают как рабов.

Грумм нахмурился.

— Имперских легионеров?

— Да.

В зале снова зашумели. Кто-то выругался. Кто-то рассмеялся. Один из торговых старшин пробормотал, что имперцы в кандалах наверняка идут строем даже к нужнику.

Доргар поднял серебряную руку, и шум стих.

— Купить.

Брамм моргнул.

— Кого?

— Легионеров.

Купить тех, кто был при Гнилой Логге. Не всех подряд. Центурионов, писарей, инженеров, обозных мастеров. Тех, кто видел, как легионы идут, где у них склады, кто командует, как они ставят лагерь, как быстро чинят мосты.

Грумм усмехнулся.

— А потом?

— Потом решим. Кого выкупят обратно — продадим обратно. Втрое дороже. Кого не выкупят, тот поработает. Только в глубокие шахты не пускать. Я не хочу имперских ушей рядом с нижними воротами.

Брамм уже делал пометки.

Доргар посмотрел на карту.

— Империя это поражение не проглотит.

— Вернётся? — спросил Грумм.

— Конечно. После такого у них честь проснётся, даже если до этого спала пьяная под столом.

— Значит, большой поход, — сказал Брамм.

Он положил серебряную ладонь на карту перевалов. Рунные пальцы легли точно между тремя дорогами, ведущими от Пограничья к гномьим землям.

— Пока Пограничье стоит, Империя занята наверху. Если она его проглотит, следующим делом начнёт считать наши перевалы, наши мосты и наши пошлины. Мне это не нравится.

— Помогать баронам? — спросил Грумм.

— Продавать баронам, — поправил Доргар. — Помогают родственникам и нищим.

Бароны нам не родственники.

— И серебра накопили изрядно.

В зале снова коротко засмеялись.

Брамм поднял новую дощечку.

— Беженцы?

Доргар поморщился.

— Беженцев не пускать.

— Совсем?

— Совсем.

— Хватит. Дальше.

У дальней стены кашлянул Оррик Твердоступ, второй начальник стражи.

— Есть ещё одна весть, ваше величество.

Доргар повернул к нему голову.

— Пиво закончилось?

— Хуже. У Гримфорда видели некроманта.

Король нахмурился.

— Некро... чего?

В зале зашевелились. Кто-то переглянулся, кто-то пожал плечами.

Старый Хальвек Рунный, сидевший ближе к печи, поднял голову. Борода у него была белая, пальцы — чёрные от вьёвшейся сажи, а левый глаз заменяла маленькая линза в серебряной оправе. Именно он много лет назад сделал Доргару руку, когда будущий король был ещё мальчишкой и орал в кузне так, что ученики прятались за мехами.

— Колдун смерти, — сказал Хальвек. — У людей таких зовут некромантами. Работают не с огнём, не с камнем, не с железом. С мёртвой плотью, костями, душами, гнилью. Поднимают то, что должно лежать.

Борик Чёрный Ноготь поморщился.

— Люди и живых тысячами гонят под стрелы. Им-то какая разница, живой солдат или уже нет?

— Для людей, может, и небольшая, — сказал Хальвек. — Для нас — большая.

Доргар медленно опустил взгляд на свою серебряную руку.

Гномьих магов было мало. Они не бросали молнии с башен, не пели деревьям и не вызывали огонь из пустого воздуха ради красоты. Их магия жила в рунах, камне, металле и артефактах.

Под горами лежали старые короли, шахтёры, воины, дети, которых вынесли из обвалов слишком поздно. Целые смены, замурованные в штольнях. Целые отряды, погибшие у нижних ворот. Гномы жили на костях своих предков не в песенном смысле, а в самом прямом: копали рядом с ними, строили над ними, клялись их именами и оставляли им первые капли пива в дни памяти.

Доргар поднял глаза.

— Что известно?

Оррик сразу выпрямился.

— Молодой маг. Был при бароне Далморе. У Гримфорда, по нескольким источникам, поднял мёртвых на поле боя. Говорят о костяных лучниках, мёртвых солдатах и большой твари, собранной из трупов. После боя исчез. Белые плащи пытались взять его или убить. Судя по слухам, он перебил и их.

Грумм Камнелобый недоверчиво скривился.

— Байки?

— Часть наверняка, — сказал Оррик. — Но слух пришёл не из одного горла.

Хальвек постучал костяшками пальцев по подлокотнику.

— Сильный пастырь мёртвых возле наших старых штолен — это не байка. Это беда, которую потом не засыплешь щебнем.

— Если этот колдун бьёт Империю, пусть бьёт, — сказал Доргар. — Но если он подойдёт к нашим могильным штольням, я сам проломлю ему башку.

Борик удовлетворённо крякнул.

— Вот это уже понятный закон.

— Грумм, малые ворота проверить. Старые проходы тоже. Особенно те, где рядом склепы, заваленные выработки и братские штольни.

Грумм кивнул.

Доргар посмотрел на Хальвека.

— Рунные печати?

Старик поморщился.

— Руноведов мало.

— Я спросил не сколько их, а что с печатями.

— Проверять надо. Некоторые не трогали лет сорок.

— Начнёшь с тех мест, где мёртвые лежат ближе к дверям.

Хальвек хотел возразить, но только вздохнул.

— Начну сегодня.

В этот момент у бокового входа появился молодой стражник. Он остановился у порога, поклонился и протянул тонкую пластину светлой коры, запечатанную зелёным воском.

— Весть от эльфов, ваше величество.

По залу прошёл недовольный гул.

Грумм пробормотал:

— Сейчас попросят кружку пива, место у печи и чтобы мы ещё их сапоги почистили.

Доргар протянул серебряную руку.

— Давай сюда.

Стражник передал пластину. Доргар сломал печать большим пальцем и прочитал. Лицо его с каждой строкой становилось всё тяжелее.

— Остроухие зовут совет рас, — сказал он.

Борик фыркнул.

— Значит, им тоже запахло жареным.

— Им всегда пахнет жареным, когда жарят не они, — буркнул Грумм.

Доргар бросил пластину на стол.

— Ответить, что Каменные Чертоги будут.

Брамм поднял взгляд от дощечек.

— Кого послать?

— Меня.

В зале сразу стало тише.

— Ваше величество, — осторожно начал Брамм, — может, сначала отправить посла?

— Нет.

— Дорога неблизкая.

— Я ещё не развалился.

Это было правдой. Доргару недавно исполнилось сто пятьдесят. Для человека он был бы глубоким стариком, для гнома — крепким мужчиной в годах, примерно таким, у кого уже болят старые переломы, но рука всё ещё уверенно держит молот. До эльфийской вечности, впрочем, гномам было далеко. И Доргар собирался хоть немного это исправить.

Он подумал об эльфийской омолаживающей воде — не той сказочной, о которой ввали человеческие менестрели, будто один глоток возвращает юность, а настоящей: редкой, дорогой, капризной, способной на несколько лет приглушить старость в костях и очистить тело и разум от усталости. Эльфы берегли её лучше золота и продавали только тогда, когда могли получить взамен что-то ещё более редкое.

— Если эльфы зовут совет, то это не из-за цен на соль.

— Если Империя собирается к нашим перевалам, а между ними ходит молодой колдун смерти, я хочу видеть их лица, когда они будут рассказывать, что всё под контролем.

Грумм одобрительно кивнул.

— И чтобы остроухие не решили, будто Каменные Чертоги испугались.

— Охрана?

— Две сотни. Не парадных.

Доргар обвёл взглядом зал.

— Аудиенция окончена.

Утро лагерь банды Фредерика.

К утру лагерь Фредерика уже не был прежним.

Ещё вчера это была шайка, которая жила от добычи до добычи, спорила из-за мяса, грызлась из-за сапог и слушалась вожака ровно до той границы, за которой страх перед ним становился меньше жадности. После ночи у костра, после смерти Рыжего и после того, как Кай поднял его обратно, люди стали тише.

Фредерик стоял у повозки, на которой лежали связки оружия, мешки с крупой и три аккуратно сложенные кольчуги. Рядом двое его людей привязывали к седлам бурдюки с водой. Даен проверяла свой травяной мешок, то и дело бросая взгляд на Кая.

— Значит, так, — сказал Фредерик. — Мы идём к тому владению, о котором говорили. Замок, деревня, несколько хуторов и старый мост через ущелье. Только сразу в ворота я лбом биться не собираюсь.

— Людей у меня мало.

Кай поправил ремень на седле.

— Значит, будете ждать.

— Не просто ждать. Посмотрим дороги, стражу, смены у ворот, кто из местных ненавидит хозяина сильнее, чем боится его, где хранят зерно, где колодец. Если повезёт, к твоему приходу я буду знать, как взять этот замок без красивого самоубийства.

Фредерик покосился на молчаливого Рыжего, стоявшего у края лагеря с топором в руках.

— А когда ты придёшь со своими костяными друзьями, разговор с хозяином пойдёт веселее.

— Ты рассчитываешь на моих мёртвых.

— Разумеется. Я же не идиот. Замки для того и строят, чтобы живым было трудно туда лезть. А мёртвым, как я заметил, на многие неудобства плевать.

Даен недовольно посмотрела на Фредерика.

Кай не сразу ответил.

— Через сколько?

— Через три недели. Если удержишься — подождём ещё одну. Не больше. Дольше сидеть рядом с чужим замком опасно: люди начинают скучать, пить и делать глупости.

— Где именно?

— Старый охотничий дом к северу от моста. На карте я тебе отметил. Если нас там не будет — ищи три зарубки на сухой сосне у ручья. Если зарубок нет — не геройствуй.

— А если замок к тому времени усилят?

Фредерик усмехнулся.

— Тогда ты приведёшь больше мёртвых.

Кай поправил ремень на седле.

— Доброе напутствие.

— Я старался.

Фредерик посмотрел на Сангвина, который стоял чуть в стороне, закутанный в тёмный плащ. Утренний свет уже пробирался между деревьями, и вампир явно предпочёл бы, чтобы день занимался где-нибудь в другом месте.

— А этот точно не сожрёт тебя по дороге?

— Нет, — сказал Кай.

Сангвин слегка склонил голову.

— Я связан клятвой.

— Вот именно это меня и тревожит, — сказал Фредерик.

Даен подошла ближе и сунула ему в руку небольшой свёрток.

— Перевязки. Мазь от воспаления. Сухие травы для снятия жара. Вот это пить, если начнёт ломить кости. Вот это — если снова начнёшь кашлять кровью.

— Я не собираюсь кашлять кровью. Чувствую себя хорошо.

Фредерик хмыкнул.

— Слушай женщину, колдун. Она плохого не посоветует так, что потом ещё и спасибо скажешь.

Даен даже не посмотрела на него.

— До гробницы доберёшься — не лезь сразу внутрь.

— Даен...

— Я серьёзно. Сначала посмотри. Поспи. Поешь. Подумай.

Кай сжал свёрток.

— Спасибо.

Даен долго смотрела на него. Потом всё-таки обняла. Осторожно, чтобы не задеть рану, но крепко.

— Вернись, — сказала она тихо. — Не героем. Не великим магом. Просто вернись.

У Кая на миг пересохло в горле.

— Вернусь.

Она отпустила его не сразу.

Кай оглянулся по лагерю, сам не зная, кого ищет, пока не понял: Салиру. Её не было ни у костра, ни возле повозки, ни рядом с матерью. Он хотел попрощаться с ней отдельно, но решил, что девочка спит после тяжёлой ночи или ушла собирать травы, как часто делала вместе с Даен. Будить её ради прощания показалось глупым. Ему и так не нравились прощания. Они слишком часто становились последними.

Фредерик протянул руку.

— Давай без долгих речей. Я их не люблю.

Кай пожал её.

— Береги их.

Фредерик на мгновение перестал усмехаться.

— Своих берегу. Теперь они мои.

— А Рыжий?

Фредерик покосился на молчаливую фигуру бывшего бунтовщика, которая стояла у края лагеря с топором в руках и пустыми глазами смотрела в лес.

— Рыжий пусть тоже бережёт. Наконец-то будет делать что-то полезное молча.

Кай невольно улыбнулся.

Через несколько минут они с Сангвином выехали из лагеря.

Дорога к гробнице Арвена Сомра шла сначала через редкий лес, потом уходила к низким каменным холмам. Кай ехал впереди, сверяясь с картой. Сангвин держался позади и левее. Его конь терпел хозяина плохо: фыркал, косил глазом, вздрагивал, когда вампир касался поводьев. Сангвин обращался с ним без злости и почти без усилия, но животное всё равно чувствовало, что на его спине сидит не совсем живой всадник.

Кай думал, что будет рад тишине.

Он ошибся.

После лагеря, где кто-то всё время ругался, кашлял, точил нож, спорил о еде или шептался у костра, лесная дорога казалась слишком пустой. Даже присутствие Сангвина не нарушало этого до конца. Вампир умел молчать так, будто молчание было не отсутствием слов, а частью его природы.

Новый слуга.

Кай мысленно задержался на этом слове и поморщился.

Слуга.

Он сам заставил Сангвина произнести клятву. Сам сжал его душу, как цепь, и показал, что может развоплотить. Сам объяснил правила: не вредить ему, не вредить тем, кого он назовёт своими, не действовать через чужие руки, не прятать угрозу за молчанием.

Всё было правильно.

И всё равно внутри что-то неприятно скребло.

Кай слишком хорошо помнил, каково это — когда сильные решают за слабых, что правильно, что необходимо, что можно оправдать. Он ненавидел такие оправдания. А потом сам сказал вампиру: клянись или умри.

“Он бы убил нас, если бы мог”, — напомнил себе Кай.

Это было правдой.

“Он опасен”.

И это было правдой.

“Без клятвы он стал бы угрозой для Даен, Салиры, Фредерика и всех остальных”.

И это тоже было правдой.

Но правда не всегда делала поступок легче.

Сангвин неожиданно сказал:

— Вы слишком громко думаете, владыка.

Кай обернулся.

— Ты читаешь мысли?

— Нет. К счастью. Но вы уже полчаса смотрите на дорогу так, будто собираетесь её казнить.

— Привыкай.

Кай некоторое время молчал.

— Ты боишься моей силы?

Сангвин ответил не сразу.

— Да.

Кай не ожидал такой прямоты.

Ему не нравился Сангвин. Точнее, он не хотел, чтобы тот ему нравился. Вампир был хищником, убийцей, существом, которое веками питалось людьми и называло это порядком

вещей. Но рядом с ним было не так пусто. Сангвин знал старые дороги, старые страхи, старые имена.

Он просто ехал рядом.

К полудню они остановились у ручья. Сангвин выбрал место под густыми ветвями, где солнце падало на землю пятнами. Кай напоил коня, съел кусок сухаря с вяленным мясом и долго смотрел на воду, прежде чем спросил:

— Что ты знаешь об орках?

Сангвин сидел на поваленном стволе, вытянув руки так, чтобы ладони оставались в тени.

— Меньше, чем хотелось бы для уверенного ответа. Больше, чем знает большинство людей, которые называют их зверьём и на этом успокаиваются.

— Орки делятся на кланы. Каждый клан держится за своих предков, свои земли, свои обиды и своего вождя. Вождь правит, пока силён, умен или хотя бы достаточно страшен, чтобы другие не захотели проверить обратное.

— А верховный вождь?

— Его выбирают кланы. Не крестьяне, разумеется. Вожди, старшие роды, шаманы. Формально — на всю жизнь. На деле жизнь верховного вождя может стать короткой, если он слишком часто забывает, что остальные вожди тоже не мальчики с деревянными мечами.

Кай кивнул.

— Он как король?

— Нет. Ближе к первому среди равных. Он может вести всех на войну, говорить от имени орков, требовать воинов. Но он не император. Если сильный клан решит, что верховный вождь ведёт их к позору или голоду, начнутся споры. У орков споры часто заканчиваются поединками чести.

— Шаманы?

Сангвин чуть наклонил голову.

— Вот их они уважают по-настоящему. Шаман хранит связь с духами, предками, землёй, кровью клана. Верховный шаман может быть не менее влиятельным, чем верховный вождь. Иногда больше.

Кай провёл пальцами по краю карты, хотя карта сейчас была не нужна.

— Клан, который напал на Озёрную.

Сангвин стал серьёзнее.

— Если сведения верны и это был Кровавый Топор, то клан дурной.

— Дурной?

— Не глупый. Воинственный. Жёсткий. Старые обиды с людьми у них передаются лучше, чем земля сыновьям. Они не просто воюют с человеческими селениями. Они считают это правильным делом.

Кай сжал карту так, что край смялся.

— Моя мать могла выжить?

Сангвин посмотрел на него внимательно. Без жалости. Кай был благодарен хотя бы за это.

— Могла.

— Не говори так, если просто хочешь меня успокоить.

— Я не хочу вас успокаивать. Вы спросили — я отвечаю. При набегах убивают многих. Иногда почти всех. Но не всегда. Людей берут в плен, если они полезны, красивы, знатны, умеют лечить, читать, считать или просто попались тому, кто решил, что живой пленник дороже мёртвого врага.

— У орков бывают люди-слуги?

— У знатных орчанок — да. У жён вождей, у шаманок, у богатых родов. Служанки из людей встречаются. Рабыни тоже. У самых богатых в старые времена держали даже эльфиек, хотя за такую добычу потом могли получить войну на три поколения.

Кай почувствовал, как внутри поднялось что-то горячее и тошное.

— Если она жива, — сказал Кай, — я её найду.

— Вероятно.

— Почему вероятно?

— Я могу сказать “непременно”, если вам нужна красивая ложь.

Кай медленно выдохнул.

— Не нужна.

— Тогда вероятно. Вы упрямы, сильны и всё ещё живы там, где многие умерли бы несколько раз.

Они снова выехали ближе к вечеру. Дорога стала хуже. Холмы поднимались вокруг серыми спинами, деревья редели, земля каменела. Солнце сползло к западу, и тени становились длиннее. Сангвин заметно оживился, когда свет начал слабеть. Его лицо перестало казаться восковой маской, движения стали мягче, увереннее.

К закату они увидели гробницу.

Она не выглядела величественно.

Кай почему-то ожидал башен, чёрных ворот, статуй с пустыми глазами. Вместо этого впереди лежал склон, заросший жёсткой травой и низким кустарником. В склоне темнел каменный вход, наполовину засыпанный землёй. Две плиты по бокам были покрыты стёртыми знаками. Над притолокой сохранился барельеф: круг, рассечённый вертикальной линией, и под ним ладонь с длинными пальцами.

Арвен Сомр.

Кай остановил коня.

Воздух здесь был неподвижным. Не мёртвым, нет. Просто слишком спокойным. Даже птицы в кустах молчали.

Сангвин спешил и некоторое время смотрел не на вход, а левее, туда, где росла густая полоса орешника.

— Владыка.

— Что?

— Почему эта юная госпожа прячется в кустах?

Кай медленно повернул голову.

Кусты молчали.

Сангвин вежливо уточнил:

— Плохо прячется.

Из орешника донеслось тихое, очень злое шипение:

— Я не прячусь.

Кай закрыл глаза.

На миг ему захотелось оказаться внутри гробницы, снаружи гробницы, под гробницей — где угодно, лишь бы не здесь.

— Салира.

Кусты зашевелились. Девочка выбралась наружу, злая, бледная от усталости, с листьями в волосах и пылью на платье. В руках она держала поводья низкорослой лошадки, которая выглядела так, будто всю ночь жалела о своей судьбе. На седле был привязан маленький мешок, слишком аккуратно собранный для бегства и слишком плохо — для настоящего похода.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Кай.

— Ну....

Кай вспомнил утро. Он искал её взглядом у костра, у повозок, возле Даен. Не увидел. Решил, что она спит или ушла с травяным мешком. Не стал спрашивать, чтобы не будить, не задерживаться, не делать прощание тяжелее.

А она уже была впереди.

— Как ты узнала дорогу?

— Посмотрела карту.

— Какую карту?

— Твою.

— Когда?

— Когда ты спал.

Кай несколько секунд молчал.

— Ты украла коня, посмотрела мою карту и скакала всю ночь к гробнице мага, который, возможно, стал личем.

— Я знала, что ты так скажешь.

— Хорошо. Тогда знаешь и следующее: ты возвращаешься.

— Нет.

— Да.

— Нет.

Сангвин посмотрел на вход в гробницу, потом на небо, потом снова на них.

— Я правильно понимаю, что это и есть человеческое воспитание?

— Молчи, — одновременно сказали Кай и Салира.

Вампир сделал вид, что глубоко оскорблён, и отошёл.

Кай спешился.

— Салира, это не игра.

— Я знаю.

Лич — это не страшная сказка. Это маг, который умер, но не ушёл. Или ушёл не полностью. Или сделал с собой что-то настолько мерзкое, что даже мёртвые рядом с ним могут показаться нормальными.

— Ты тоже делаешь мерзкое.

Кай замолчал.

Салира сразу поняла, что попала больно, но не отступила.

— Прости. Но это правда. Ты поднимаешь мёртвых.

— Я могла умереть в Озёрной, когда вы все решили за меня, где мне сидеть и чего ждать.

Я сидела внизу, пока наверху горел дом. Я слышала, как люди кричали.

Кай сжал кулаки.

— Твоя мать меня убьёт.

— Не убьёт.

— Убьёт.

— Я хочу учиться.

Кай устало провёл рукой по лицу.

Её голос дрожал, но не от страха. От злости и усталости. Под глазами у неё лежали тени, пальцы слишком крепко сжимали поводья, плечи дрожали после ночной скачки. Она едва держалась на ногах и всё равно стояла так, будто скорее упадёт лицом в траву, чем сделает шаг назад.

Он должен был отправить её обратно.

Правильно было отправить.

Разумно было отправить.

Кай посмотрел на Сангвина.

— Скажи что-нибудь полезное.

Вампир задумался.

— Если мы отправим её одну, она может заблудиться, упасть с лошади, попасть к разбойникам, волкам или к тем, кто хуже волков. Если повезём обратно, потеряем время, а она,

вероятно, снова сбежит, но уже лучше подготовится. Если возьмём с собой, она хотя бы будет на виду.

Салира торжествующе подняла подбородок.

— Не радуйся, — сказал Кай. — Он только что назвал тебя проблемой, которую удобнее не выпускать из рук.

— Мне всё равно.

— Заметно.

Кай посмотрел на вход в гробницу.

Потом на Салиру.

Потом снова на вход.

Он поймал себя на мысли, что, помимо страха и раздражения, чувствует облегчение. Ему было стыдно за это. Он должен был думать только о том, как опасно брать её с собой. Но часть его радовалась, что она здесь. Радовалась её упрямому лицу, её голосу.

Он сказал себе, что дело в одиночестве.

В том, что одиночество давно стало привычным, но никогда не становилось приятным.

В том, что даже вампир рядом казался лучше пустой дороги.

А Салира была не пустотой. Она была вопросами, злостью, теплом, шумом, жизнью.

— Хорошо, — сказал Кай.

Салира моргнула, будто не сразу поверила.

— Хорошо?

— Хорошо. Но слушай внимательно, потому что повторять я не буду. Первое: делаешь то, что я говорю. Сразу. Не споришь, не уточняешь, не доказываешь.

— Я не...

— Уже споришь.

Она сжала губы.

— Второе: в гробнице ничего не трогаешь. Ни камни, ни кости, ни украшения, ни красивые штуки, которые будто специально лежат на виду. Особенно красивые штуки, которые будто специально лежат на виду.

Сангвин одобрительно кивнул.

— Третье: если я говорю “беги”, ты бежишь. Не ко мне. Не за мной. Не спасать меня. Наружу.

Салира хотела что-то сказать, но удержалась.

Она кивнула.

Серьёзно. Уже без торжества.

— Я буду слушаться.

— Посмотрим.

Кай подошёл к её лошадке, проверил подпругу, мешок, бурдюк. Всё было собрано плохо, но не безнадежно.

— Ты хоть ела?

Салира замялась.

Кай достал из сумки сухарь и протянул ей.

— Ешь.

— Сейчас?

— Сейчас. Лич подождёт. Он мёртвый, у него времени больше, чем у нас.

Солнце почти село. Тени у входа в гробницу сгустились, и выбитые на камне знаки стали похожи на старые шрамы.

Кай взял поводья своего коня и повёл его ближе к склону. Салира шла рядом, жуя сухарь и старательно делая вид, что не устала. Сангвин двигался чуть позади, бесшумно, как тень, которой надоело лежать на земле.

У самого входа Кай остановился.

Изнутри тянуло холодом, сухой пылью и чем-то ещё — не запахом даже, а ощущением
давнего, терпеливого ожидания.

Гробница Арвена Сомра ждала их.